

THE NEW PALGRAVE

**«НЕВИДИМАЯ РУКА»
РЫНКА**

THE NEW PALGRAVE

**THE INVISIBLE
HAND**

Edited by John Eatwell, Murray Milgate,
Peter Newman

THE NEW PALGRAVE

«НЕВИДИМАЯ РУКА» РЫНКА

Под редакцией Дж. Итуэлла,
М. Милгейта, П. Ньюмена

Перевод с английского

Научный редактор
д-р. экон. наук, проф. *Н.А. Макашева*

Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ (ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕРИИ)	VII
ПРЕДИСЛОВИЕ	X
ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ	XII
<i>Эндрю С. Скиннер.</i> Адам Смит	1
<i>Джордж Вудкок.</i> Анархизм	58
<i>Р.Ф. Эбер.</i> Клод Фредерик Бастиа	67
<i>Росс Харрисон.</i> Иеремия Бентам	71
<i>Мансур Олсон.</i> Коллективное действие	82
<i>П.С. Атия.</i> Общее право	94
<i>Джеймс М. Бьюкенен.</i> Конституциональная экономическая теория	105
<i>Алан Пикок.</i> Экономическая свобода	119
<i>Израэль М. Кицнер.</i> Экономическая гармония	127
<i>Стефано Замани.</i> Экономические законы	133
<i>Мюррэй Милгейт.</i> Равновесие: развитие концепции	142
<i>Николас Филлипсон.</i> Адам Фергюсон	154
<i>Питер Маршалл.</i> Уильям Годвин	156
<i>Роджер У. Гарисон и Израэль М. Кицнер.</i> Фридрих Август Хайек	160
<i>К.Б. Макферсон.</i> Томас Гоббс	177
<i>Э. Ротвейн.</i> Давид Юм	181
<i>Эндрю С. Скиннер.</i> Фрэнсис Хатчесон	193
<i>К.Б. Макферсон.</i> Индивидуализм	201
<i>Альберт О. Хиришман.</i> Интересы	210
<i>Карен И. Вон.</i> «Невидимая рука»	226
<i>Дэвид Фридмен.</i> Право и экономическая теория	233
<i>Ральф Дарендорф.</i> Либерализм	248

<i>Алан Райан. Свобода</i>	256
<i>Карен И. Вон. Джон Локк</i>	262
<i>Н. Розенберг. Бернард Мандевилль</i>	267
<i>Алан Райан. Джон Стюарт Милль</i>	271
<i>Николас Филлипсон. Джон Миллар</i>	289
<i>Р.С. Дауни. Моральная философия</i>	291
<i>Н.Э. Симмондс. Естественное право</i>	306
<i>Алан Райан. Собственность</i>	312
<i>Армен Алчиан. Права собственности</i>	319
<i>Джон Робертсон. Шотландское Просвещение</i>	331
<i>Д.Г. Монро. Собственный интерес</i>	339
<i>Я. де В. Граафф. Общественные издержки</i>	348
<i>Ч. Уэлч. Утилитаризм</i>	357
<i>Грегори Клэйс. Утопии</i>	376
ОБ АВТОРАХ	387

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ (ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕРИИ)

Книги этой серии обязаны своим появлением изданию, известному как «Новый Палгрейв: Словарь по экономике». Опубликованный в конце 1980-х годов, «Словарь» быстро стал популярным справочником по экономике. Однако его четыре объемных тома, содержащих более 4 млн слов из всех областей экономической мысли, не очень удобны для ежедневного использования. Для многих студентов и преподавателей они слишком громоздки, обширны и слишком дороги, чтобы стать настольной книгой.

Создавая настоящую серию компактных томов, содержащих перепечатки из исходного издания, мы надеялись, что интеллектуальное богатство «Нового Палгрейва» станет доступным более широкому кругу читателей. Каждый из томов посвящен отдельной области экономики — это эконометрика, общее равновесие или деньги — в объеме, в целом соответствующем университетскому курсу в данной области. За исключением исправленных опечаток и т.п., содержание представленных статей идентично оригиналу. Несколько новых статей было специально написано для этой серии с тем, чтобы либо заполнить очевидные пробелы либо охватить темы, которые стали значимыми со времени подготовки исходного издания.

Поскольку «Новый Палгрейв» — единственный прародитель настоящей серии, видимо, бесполезно пояснить, что он является наследником блестящего «Словаря политической экономии» под редакцией Р.Г. Инглиса, опубликованного в 1894, 1896 и 1899 гг. Второе, несколько измененное издание под редакцией Г. Хиггса появилось во второй половине 1920-х годов. Эти два издания содержали почти 4000 статей, однако многие из них представляли собой лишь краткие определения, а другие были посвящены второстепенным вопросам, например, иностранной монете, морской торговле или шотландскому праву. Для того, чтобы отразить развитие экономической науки за последние 60 лет и при этом оставаться в пределах разумного объема, «Новый Палгрейв» сосредоточился на экономической теории и ее создателях и тесно связанных с нею областях знания. Все его 2000 статей являются самодостаточными, иногда краткими, но никогда не сводятся к простым определениям.

За исключением биографических статей, «Новый Палгрейв» ориентирован прежде всего на теорию, а не на факты, на доктрины, а не на данные; при этом не до конца понятно, каким образом теория или доктрина в отличие от факта или данных должна быть представлена в энциклопедии. Одна из возможностей — рассматривать все с некоторой определенной точки зрения. Вообще говоря, это был путь, реализованный классической «Энциклопедией» Дидро (1751–1772)¹, а также «Новым словарем политической экономики» Леона Сэя (1891–1892). Иногда, как, например, в случае со статьями Кенэ и Тюрго в «Энциклопедии», этот подход приводил к появлению совершенно блестящих работ. Однако слишком часто как круг предметов, которые представлены в издании, так и качество материалов очень заметно уменьшались в силу того, что принятая перспектива рассмотрения сама по себе задает определенные рамки. Так, в статье «Метод» в первом издании «Словаря» Сэя утверждалось, что использование математики в экономике «всегда будет уделом лишь немногих», и в «Словаре» это требование было подтверждено тем, что там не оказалось статьи о Курно.

Другой подход состоит в том, чтобы в каждой статье стремиться отразить многие точки зрения. Это, возможно, поможет студенту, готовящемуся к экзамену. Но когда речь идет о таком предмете, как экономика, олимпийская беспристрастность, которую предполагает этот подход, часто оказывается тяжким бременем для автора, поскольку предполагает скрупулезное изложение учений, которые он в лучшем случае считает не совсем верными. Даже когда исключительно способный автор предлагает вполне разумную обзорную статью, было бы излишним касаться вопроса о том, с одинаковым ли энтузиазмом автор пишет как о теориях, которые он считает ошибочными, так и о тех, которые он считает правильными. Но если автор теорий, которым он не благоволит, излагает без воодушевления, это может привести к тому, что им будет уделено меньше внимания, чем они того заслуживают.

«Новый Палгрейв» не требовал от авторов придерживаться определенной точки зрения, за одним исключением, о котором речь пойдет ниже. Этот словарь также не призывал писать обзоры. Напротив, каждого автора просили ясно выразить собственную позицию в отношении того предмета, который он рассматривает, по возможности быть объективным и точным, но не стремиться быть

¹ Полное название этой работы в русском переводе звучит как «Энциклопедия наук, искусств и ремесел» (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers). Указанные в оригинале даты ее издания расходятся с общепринятыми (1751–1780). — *Прим. науч. ред.*

совершенно отстраненным. Целью, идеалом всегда был сбалансированный подход для каждой статьи. Но его следует искать не «внутри», в рамках каждой статьи, а «вне», между статьями, и, скорее, читателю, нежели автору, предстоит найти свой собственный баланс между различными точками зрения.

Что касается дискуссионных вопросов, то несколько более или менее синонимических ключевых слов, используемых различными авторами, позволяют отразить разнообразие мнений и помочь читателю сформировать свое собственное представление. И подобное разнообразие, действительно, характерно для большинства томов данной серии.

Но этот подход не свободен от недостатков. Так, неопределенность, всегда присутствующая, когда заказываются статьи, иногда проявлялась в том, что результат, который мы получили, отражал многообразие позиций в меньшей степени, чем мы рассчитывали. «Я духов вызывать из тьмы умею», — говорил Оуэн Глендаур. «И я, как, впрочем, всякий человек./ Все дело в том лишь, явятся ли духи», — отвечал Готспер¹. По нашему опыту, — не так часто, как хотелось бы.

Мы настаивали только на том, чтобы каждый автор «Палгрейва» писал в исторической перспективе. Мы просили, чтобы, излагая предмет, авторы рассматривали не только текущие проблемы, но и то, как шло обсуждение того или иного вопроса в прошлом и каковы перспективы его решения в будущем. Это требование основывалось на убеждении, что знание истории развития любой теории обогащает наше нынешнее ее понимание, и таким образом помогает создавать лучшие теории в будущем. Отклик авторов на это требование в целом был настолько позитивным, что, как читатель любого из томов может заметить, окончательные результаты полностью подтвердили обоснованность нашего убеждения.

*Джон Итуэлл
Мюррей Милгейт
Питер Ньюмен*

¹ Шекспир В. Король Генрих IV. Акт 3. Сцена 1. Пер. с англ. Б. Пастернака // Вильям Шекспир. Комедии, хроники, трагедии: В 2-х т. Т. 1. — Пер. с англ. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. С. 602. — *Прим. науч. ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя Адам Смит использовал ее только дважды, он ввел в язык экономистов метафору, влиятельную, как никакая другая ни до нее или после, — метафору «невидимой руки». В целом смысл, который Смит вкладывал в эту фразу, остается практически тем же и сегодня. Каждого человека, действующего исключительно ради собственного блага, «невидимая рука ведет к результатам, которые не входили в его намерения» (Богатство народов. Кн. IV. Гл. 2), и такими результатами являются «интересы общества».

Идея, которая лежит в основе метафоры «невидимой руки», хотя и не метафора как таковая, принадлежит Бернарду де Мандевиллю и содержится в его «Басне о пчелах» (1714)¹. В политической экономии эта идея и доктрина *laissez-faire* всегда были тесно связаны и переплетены различным образом, пока не получили свое современное выражение — интеллектуально мощное, но идеологически малоинтересное — как взаимосвязь между эффективностью по Парето и конкурентным равновесием. Метафора облекается в одну хорошо запоминающуюся фразу, выражающую уверенность в том, что, как бы индивиды ни воспринимали свое положение, некоторые систематически действующие силы — главным образом силы конкуренции — всегда действуют в экономике, постоянно проявляют себя в самых разных обстоятельствах.

Представители шотландской моральной философии обращались к «невидимой руке», чтобы придать моральную благопристойность капиталистическому конкурентному поведению. Однако значение этой идеи в моральной философии не идет ни в какое сравнение с ее ролью в экономической науке. Нетрудно понять почему. Так как метафора заставляла задуматься о непреднамеренных последствиях действий индивидов, вопрос о нравственных характеристиках последних в мире, где результаты неизбежно отличаются от того, что было запланировано, вряд ли имеет большое значение. Шотландская моральная философия перестала существовать. «Лучшие головы, соединенные с лучшими сердцами» — если обратиться к характеристике благоразумного поведения у Смита, к которой обращались шотландские философы, уступили место «расчетчикам»-

утилитаристам или нравственным агентам Канта. Но шотландская экономическая наука, напротив, процветала.

Идея непреднамеренных последствий не была исключительно шотландским изобретением. Она была характерна и для французских физиократов, которые говорили о социальных и экономических результатах как о подчиненных силам, «независимым от воли человека». Отсюда возникло то, что может на первый взгляд показаться парадоксальным, а именно что в экономическом анализе «невидимая рука» действовала так, что важное место заняли как организации, так и структуры. И на самом деле, можно сказать, что структуралисты всех мастей задачу своей дисциплины видят в том, чтобы сделать видимой эту «невидимую руку».

Статьи в этом томе посвящены некоторым темам и вопросам в экономической теории, на которых лежит печать «невидимой руки». Статьи не дают исчерпывающего анализа всего того, на что она повлияла, однако им удалось отразить разнообразие и глубину этого влияния.

Редакторы

¹ Анонимно изданный в 1705 г. в Лондоне памфлет «Ропщущий улей, или Плуты становятся добродетельными», в 1714 г. был переиздан под названием «Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды». — *Прим. науч. ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

В экономической науке трудно найти фразу, столь же популярную, как знаменитая метафора Адама Смита, метафора, за которой скрывается или в которой выражается целая экономическая (или просто) философия, имеющая сторонников и сегодня. Вполне закономерен выбор для русского издания тома с подобным названием из серии сборников статей, выпущенных на базе авторитетной экономической энциклопедии *Palgrave*. Если и можно задать вопрос в связи с решением издать этот сборник на русском языке, то только, почему это не было сделано раньше.

В данном издании представлено все из опубликованного в этой энциклопедии, что может быть в той или иной степени связано со знаменитой метафорой Смита. В него вошли и статьи, посвященные отдельным авторам, которые занимались вопросами, так или иначе соприкасавшимися с областью интересов Адама Смита. Поскольку метафора связана с представлениями, не вписывающимися в область, которую сегодня принято относить к экономике, закономерно, что биографические статьи посвящены философам, политическим и общественным деятелям. И даже в тех случаях, тогда мы видим имя экономиста, этот экономист непременно еще и философ. Аналогичная ситуация и с предметными статьями. Индивидуализм, собственность, утопия или естественный закон — понятия отнюдь не экономические. Все это свидетельствует как о многогранности самой метафоры, так и о ее значении в более чем двухвековой интеллектуальной истории. Не случайно среди авторов статей мы встречаем фамилии ученых, чей вклад в ту или иную область получил мировое признание. Достаточно назвать Мансура Олсона, Израэля Кирцнера или Джеймса Бьюкенена.

Замысел перевода «Невидимой руки» возник так давно, что уже невозможно восстановить его истоки и путь претворения в жизнь. Во всяком случае, к этому были причастны: издательство ИНФРА-М, Издательский дом ГУ ВШЭ, энтузиасты из ГУ ВШЭ. Притом что большая часть текста была переведена Ю.В. Автономовым, первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 2002 г. группой студентов (их фамилии приведены в списке переводчиков) в рамках семинара по курсу истории экономических учений на экономическом факультете ГУ ВШЭ. Этот опыт оказал-

ся весьма необычным и, хочется надеяться, полезным. Студентам пришлось работать с современными текстами по истории экономической мысли и порой ради уточнения терминов, лучшего понимания контекста, а также просто из любознательности, обращаться к оригинальным работам и таким образом касаться богатейшего пласта знания, сегодня не очень востребованного экономистами.

В русском издании сохранена последовательность статей, которая в оригинале соответствует алфавитному порядку по их названиям. При переводе мы старались использовать термины в уже имеющемся на русском языке варианте. Это же относится к именам, фамилиям, географическим названиям и т.д. В библиографии наряду с источниками, указанными авторами, даны имеющиеся русские переводы, причем приоритет в основном отдавался последним по времени. Цитаты также даны по русским изданиям.

Том открывается самой большой статьей данного издания, которая, естественно, посвящена Адаму Смигу. И сразу же необходимо отметить следующее прежде всего о переводе термина «*value*». В современных российских изданиях уже наметилась тенденция переводить его как «ценность», что в большей степени соответствует смыслу. Именно так переведен этот термин в большинстве статей. Однако поскольку в существующем русском переводе «Богатства народов» и ряде других классических произведений он переведен как «стоимость», в тех статьях, где в тексте много цитат, чтобы избежать недоразумений этот термин переведен как «стоимость».

Что касается оформления ссылок на произведения А. Смита, то в оригинале посвященной ему статьи при цитировании указываются: сокращенно название работы, том (книга), раздел (часть), глава, отдел, параграф и абзац. Но так как в имеющихся русских переводах нумерация абзацев не всегда соответствует оригиналу, вместо номера абзаца приводится страница соответствующего русского издания. Этот способ отсылки применяется и в других статьях и сохраняется при цитировании некоторых других классиков, например, А. Маршалла, Дж.С. Милля.

Н.А. Макашева

АДАМ СМИТ

Эндрю С. Скиннер

Adam Smith

Andrew S. Skinner

Адам Смит (1723–1790) родился в Кирколди, на восточном побережье Шотландии, и был крещен 5 июня 1723 г. Он был сыном Адама Смита, секретаря военного трибунала и инспектора городской таможни (который умер до рождения сына) и Маргарет Дуглас из Стрэтхендри.

Смит посещал среднюю школу в Кирколди, а затем поступил в университет г. Глазго, куда был зачислен в возрасте 14 лет, что в те времена не было редкостью. В то время университет, а точнее колледж, был невелик. В нем работали только 12 профессоров, которые к 1727 г. фактически вытеснили менее специализированных регентов. Из профессоров наибольшее влияние на Смита оказал «незабвенный» Фрэнсис Хатчесон (Correspondence, letter 274 dated 16 November 1787). Хатчесон сменил на кафедре моральной философии Гершома Кармайкла, знаменитого редактора *De Officio Hominis et Civis* Пуфендорфа¹.

Смит оставил Глазго в 1740 г., получив стипендию Снелла² на шесть лет в Баллиол колледже в Оксфорде. В то время атмосфера в колледже была якобитской и «антишотландской». Смит жаловался: «В Оксфордском университете большая часть профессоров в течение уже многих лет совсем отказались даже от видимости преподавания» (БН. Кн. V. Гл. 1. Отд. 3. С. 706). Но были и преимущества, в частности легкий доступ к прекрасным библиотекам, позволивший Смицу приобрести обширные познания в английской и французской литературе, которые впоследствии оказались бесценными.

Покинув Оксфорд в 1746 г., Смит вернулся в Кирколди, не имея определенных планов. Но в 1748 г. его пригласили прочесть серию

¹ В русском переводе: «О должности человека и гражданина» (СПб., 1726).

² Виллерброд С. Снелл (1580–1626), физик и естествоиспытатель. — *Прим. науч. ред.*

публичных лекций в Эдинбурге. В этом ему оказали поддержку три человека — генеральный прокурор по делам Шотландии Генри Хоум, лорд Кеймс и друг детства — Джеймс Освальд из Данникира.

Лекции, которые, как думают, были связаны прежде всего с риторикой и литературой, приносили Смиту 100 фунтов стерлингов в год (Correspondence, letter 25 dated 8 June 1758). Представляется, что они также охватывали широкий круг вопросов.

Репутация Смита как лектора принесла свои плоды. В 1751 г. он был избран профессором логики в университете Глазго, вновь при поддержке лорда Кеймса. Согласно Джону Миллару, наиболее выдающемуся ученику Смита, последний посвящал большую часть своего времени разработке системы риторики и художественной литературы, что основывалось на его убеждении, что

«наиболее полезная часть метафизики, объясняющая и демонстрирующая возможности человеческого разума, проистекает из исследования различных способов передачи наших мыслей речью, и обращения к структуре литературных сочинений, которые способны убеждать или развлекать» (Stewart, I. 16)¹.

Смит продолжал читать большую часть своих лекций по логике и после того, как в 1752 г. он был переведен на кафедру моральной философии. Заметки к лекциям, которые Дж. М. Лотиан обнаружил в 1958 г., относятся к 1762/1763 учебному году. Они вполне соответствуют тому описанию курса, которое дал Миллар десятью годами ранее; в них говорится о проблемах развития языка, стиля и организации дискурса, включая его риторическую, повествовательную и дидактическую составляющие. Сми́та прежде всего интересовали человеческая природа, средства и формы коммуникации. Он, несомненно, продолжал читать студентам, изучающим моральную философию, лекции на эти темы, поскольку считал их важными (см. Howell, 1975).

Смитовы лекции о языке были опубликованы в расширенном виде как *Соображения о первичном возникновении языков* в «Философском альманахе» за 1761 г. Они были перепечатаны в третьем издании *Теории нравственных чувств* в 1767 г.

Курс Смита в качестве профессора моральной философии распался на четыре части, которые стали основой для его будущих печатных работ. Опять же от Джона Миллара известно, что Смит читал лекции по естественной теологии, этике, юриспруденции и «целесообразности», или экономике, именно в такой последовательности. Его лекции по естественной теологии (которая в то

¹ Пояснения к ссылкам даны в конце статьи. — *Прим. науч. ред.*

время была важным предметом) до сих пор не найдены. Но Миллар определенно утверждает, что лекции по этике составляют основу *Теории нравственных чувств* и что темы, освещавшиеся в последней части курса, впоследствии получили свое развитие в *Богатстве народов* (Stewart, I. 20). Что касается третьей части курса, юриспруденции, Миллар замечает, что

«излагая этот предмет, он следовал плану, который, как кажется, был предложен Монтеスキе; стремясь проследить постепенное развитие права, как публичного, так и частного, от самых темных до наиболее просвещенных времен, и указать влияние гуманитарных наук, которые способствовали улучшению существования и накоплению собственности, вызывал улучшения или изменения в законах и форме правления» (Stewart, I. 19).

Проиллюстрировать и подтвердить это утверждение оказалось невозможно вплоть до 1896 г., когда Эдвин Кэннан опубликовал *Лекции по юриспруденции*. Заметки, отредактированные Кэннаном, датированы 1766 г., хотя они были сделаны в 1763/1764 году. Это был последний год преподавания Смита в Глазго, так что эти лекции, в которых «публичное» (в общих чертах, конституционное) право предшествует «частной» юриспруденции (касающейся прав человека как гражданина), *возможно*, отражали предпочтения самого автора. Другой набор заметок, на этот раз относящихся к предыдущему учебному году, был найден Дж. М. Лотианом в 1958 г., мы будем обозначать его LJ (A).

Для академической карьеры Смита важнейшим событием была публикация в 1759 г. *Теории нравственных чувств* (ТНЧ). Книга была хорошо принята как широкой публикой, так и друзьями автора. В своем любезном письме Юм напомнил Сми́ту об эфемерности славы и людской похвалы, и, побуждая его быть философом как по профессии, так и на практике, продолжал:

«Следовательно, полагая, что этими размышлениями вы уже подготовили себя к худшему; я хочу сообщить вам печальную новость, что ваша книга оказалась крайне неудачной, ибо публика в высшей степени расположена рукоплескать ей» (Correspondence, letter 31, dated 12 April 1759).

Эта книга укрепила репутацию Смита. Ее второе, исправленное издание вышло в 1761 г., а последующие — в 1767, 1774, 1781 и 1790 гг.

Чарлз Тауншенд был одним из тех, кому Юм послал копию трактата Смита. В 1755 г. Тауншенд женился на вдовствующей графине Далкейт и, будучи весьма впечатлен работой Смита, устроил ему

приглашение на должность наставника ее сына, молодого герцога Баклю. Должность обеспечивала Смицу финансовое благополучие (300 фунтов стерлингов в год пожизненно), он принял ее в начале 1764 г. и покинул кафедру.

Смит и его воспитанник практически немедленно отправились во Францию, где пробыли около двух лет. Начало поездки было не очень удачным, по поводу чего Смит с юмором писал Юму: «Я начал писать книгу, чтобы как-нибудь скоротать время. Можете поверить, что обязанностей у меня очень мало» (Correspondence, letter 82, dated 5 July 1764, Toulouse).

Но ситуация улучшилась, когда Смит освоился с языком и предпринял несколько успешных коротких поездок. В 1765 г. Смит, герцог и младший брат герцога Хью Скотт приехали в Женеву, что дало Смицу возможность встретиться с Вольтером, которым он искренне восхищался, называя «возможно, наиболее универсальным гением из когда-либо рожденных Францией» (Letter 17). В середине февраля 1766 г. путешественники прибыли в Париж, где усилия Давида Юма и слава Смита открыли последнему двери самых известных салонов, где он был, в свою очередь, представлен таким философам, как д'Аламбер, Гольбах и Гельвеций.

В этот период Смит встретился с Франсуа Кенэ, основавшим совместно с маркизом де Мирабо школу физиократов в политической экономии (Meek, 1962). К тому времени как Смит встретил Кенэ, принадлежащая последнему модель экономической системы, представленная в *Экономической таблице*¹ ([1757], перевод см. в Meek, 1962), уже несколько раз публиковалась. Кенэ тогда работал над своим *Анализом* (перевод см. в Meek, 1962), известно также, что А.Р.Ж. Тюрго писал свои *Размышления о создании и распределении богатства* (перевод см. в Meek, 1973).

Смит, который уже приобрел интерес к политической экономии, прибыл в Париж как раз в то время, когда французская школа достигла своего расцвета. Содержание библиотеки Смита свидетельствует о его интересе к этой области (Mizuta, 1967).

Пребывание Смита в Париже было приятным как со светской, так и с академической точек зрения. Но оно было омрачено разгорающейся ссорой между Юмом и Руссо и было прервано в связи с печальным событием — смертью Хью Скотта. Смит вернулся в Лондон 1 ноября 1766 г.

¹ См.: Тюрго А. Избранные экономические произведения. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1961. С. 44–158. — *Прим. науч. ред.*

Он провел зиму в Лондоне, где, консультируясь с Тауншендом, приступил к подготовке третьего издания *Теории нравственных чувств*. К весне 1767 г. (года, когда сэр Джеймс Стюарт опубликовал свои *Принципы политической экономии*) Смит вернулся в Кирколди и начал исследование, продлившееся около шести лет. Именно в этот период он трудился над *Богатством народов* (БН). Содержание его переписки в то время свидетельствует о том напряжении, с которым велась эта работа. Но к 1773 г. Смит был готов вернуться в Лондон, создав впечатление у своих друзей и, в частности, Давида Юма, что работа близится к завершению. Как оказалось, Смицу потребовалось еще почти три года, чтобы закончить книгу; задержка отчасти могла быть обусловлена его возрастающей озабоченностью войной Америки за независимость и более общей проблемой взаимоотношений колоний с «материнской державой» (БН. Кн. IV. Гл. 7)¹.

Исследование о природе и причинах богатства народов было напечатано Стрэйханом и Кэдделлом 9 марта 1776 г. и вновь Юм тепло откликнулся на работу Смита:

«Дорогой мистер Смит, я очень доволен вашей работой, и ее внимательное прочтение избавило меня от состояния большой озабоченности. Этот труд был связан со столь большими ожиданиями с вашей стороны, со стороны ваших друзей и широкой публики, что я с трепетом ждал его появления; но теперь я чувствую большое облегчение. И только потому, что чтение его требует очень большого внимания, а публика готова уделить лишь очень малое, я продолжу некоторое время сомневаться в том, что он сразу же обретет большую популярность» (Correspondence, letter 150, dated 1 April 1776).

Книга действительно продавалась хорошо и была переиздана в 1778, 1784, 1786 и 1789 гг.

1776 г. для Смита был омрачен смертью после долгой болезни Давида Юма и озабоченностью по поводу будущего *Диалогов о естественной религии* последнего. Эта работа вместе с автобиографией Юма *Моя жизнь* была передана в распоряжение Уильяма Стрэйхана, в письме к которому Смит выражал надежду, что *Диалоги* останутся неопубликованными, хотя сам Юм решил иначе.

Но Смит предложил «добавить к описанию его жизни весьма показательное свидетельство огромного мужества Юма во время его последней болезни» (Correspondence, letter 172, dated 5 Sept.

¹ Здесь и далее ссылки на русское издание «Богатства народов» даются по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. — *Прим. науч. ред.*

1776). Письмо было опубликовано в 1777 г., и, как Смит позже писал Андреасу Хольту, «навлекло на меня в десять раз больше поношений, чем моя яростная атака на всю систему торговли и промышленности в Великобритании» (Correspondence, letter 208, dated October 1780).

В 1778 г. Смит, отчасти благодаря усилиям герцога Баклю, был назначен таможенным инспектором. Эта должность принесла еще 600 фунтов стерлингов в год в дополнение к пенсии в 300 фунтов, прекращать выплату которой герцог отказался (Correspondence, letter 208). Смит обосновался в Эдинбурге, где к нему присоединились мать и двоюродная сестра Дженет Дуглас.

На протяжении 1778 г. Александр Уэддерберн спрашивал Смита о будущем положении дел в Америке. «Соображения о состоянии противоборства с Америкой» были написаны Смитом после битвы при Саратоге. Меморандум был впервые напечатан Дж. Г. Гаттриджем в *American Historical Review* (vol. 38, 1932/1933).

В этом документе Смит повторил ряд аргументов, уже сформулированных в *БН* (Кн. IV. Гл. 7). Он выступал за распространение британских налогов на Ирландию и Америку при условии, что представители обеих стран будут допущены в парламент в Вестминстере в соответствии с принятой конституционной практикой. Смит отмечал, что «без объединения с Великобританией жители Ирландии еще в течение многих веков вряд ли смогут считать себя единым народом» (*БН*. Кн. V. Гл. 3. С. 873). Что касается Америки, то он замечал, что ее прогресс был настолько быстрым, что «за срок немногим больше, чем через 100 лет, пожалуй, налоговые поступления Америки могут превзойти налоги Великобритании, и центр империи тогда, естественно, передвинется в ту ее часть, которая дает больше всего для общей защиты и содержания органов государства» (*БН*. Кн. IV. Гл. 7. С. 593).

Но Смит также повторил мысль, уже высказанную в *БН*, а именно, что возможность для создания союза была упущена, и перешел к рассмотрению безрадостных вариантов действий, которые были реально доступны для Британского правительства и которые очень хорошо знакомы нам сейчас. Военная победа становилась все менее вероятной, а военная администрация, даже в случае победы, неработоспособна (Correspondence, letter 383). Добровольный выход из конфликта был рациональной, но политически нереальной стратегией, учитывая его вероятное влияние на общественное мнение внутри страны и в мире (*Ibid.*). Наиболее вероятным исходом, по мнению Смита, были потеря тринадцати объединенных колоний и успешное сохранение Канады. Этот исход был одновременно и

наихудшим, поскольку он был самым дорогим с точки зрения расходов на оборону (Correspondence, letter 385).

Смит много работал в качестве инспектора, что, по его признанию, сказалось на литературных занятиях (Correspondence, letter 208). Но в этот период он подготовил третье издание *БН* (1784), включавшее важные дополнения, опубликованные отдельно как «Дополнения и исправления». Третье издание также содержало алфавитный указатель и длинную завершающую главу к книге IV, имеющую название «Заключение о меркантилистической системе».

После 1784 г. Смит больше всего внимания уделял переработке *ТНЧ*. Шестое издание, вышедшее в 1790 г., включало совершенно новую VI главу, которая содержала дальнейшие рассуждения о роли совести и наиболее полное изложение сложной *социальной* психологии, лежащей в основе широко понимаемых экономических устремлений человека.

В дополнение к статье «Изобразительные искусства», упоминающейся в письме к Андреасу Хольту (Correspondence, letter 208), Смит в письме, адресованном герцогу де Ларошфуко, замечал, что «на моей наковальне также лежат две другие великие работы; одна из них — нечто вроде философской истории всех различных ветвей литературы, философии, поэзии и ораторского искусства; другая — теории и истории права и государственного управления» (Correspondence, letter 248, dated 1 Nov. 1785).

Литературные амбиции Смита отражены также в анонсе к изданию *ТНЧ* 1790 г., в котором он привлекал внимание к заключительным предложениям ее первого издания, вышедшего в 1759 г. В этих пассажах Смит объясняет, что *ТНЧ* и *БН* — это части единого плана, который он надеялся завершить публикацией анализа «общих принципов права и государственного управления, и радикальных изменений, которые они претерпели в разные периоды жизни общества». «Текущие занятия» и «преклонный возраст» Смита помешали ему завершить этот великий труд, хотя о подходе к нему можно судить по двум первым частям *Лекций по юриспруденции*, а также по тем отрывкам из *БН*, которые, как можно понять теперь, на них обосновываются (особенно *БН*. Кн. III и V).

Смит умер 17 июля 1790 г., перед тем попросив своих душеприказчиков — Джозефа Блэка и Джеймса Хаттона сжечь его бумаги, за исключением тех, которые были опубликованы в *Очерках на философские темы* (1795).

Далее в этой статье мы дадим детальное изложение системы Смита в том порядке, в котором он сам излагал ее в своих лекциях,

а именно: этика, юриспруденция, экономика. Каждую из этих отдельных областей можно представить как самостоятельную высокоорганизованную систему; при этом все они взаимозависимы, составляют части единого и грандиозного целого.

ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ

Теория нравственных чувств обнаруживает явные следы модели и способы аргументации, разработанные отчасти для того, чтобы объяснить, каким образом столь эгоистичному существу, как человек, удастся выстроить барьеры на пути своих собственных страстей.

В части VII *ТНЧ* Смит дает обзор различных подходов к решению вопросов, стоящих перед философом в этой области, — фактически для того, чтобы выделить свой собственный вклад.

По мнению Смита, было необходимо дать ответы на два основных вопроса: первый «состоит в том, чтобы узнать, что такое добродетель»; второй — в том, «каким образом и какими путями случается, что душа отдает предпочтение тому или другому поведению» (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2)¹. Решая первый вопрос, Смит описал все классические и современные теории добродетели и уделял внимание прежде всего таким чувствам, как приличие, благоразумие и благожелательность. Рассматривая каждую из теорий, Смит признавал, что конкретное чувство охарактеризовано верно, однако отвергал подход, делающий упор на одном из них. Он критиковал тех, кто находил добродетель в приличии, на том основании, что этот подход подчеркивал важность самоконтроля в ущерб другим, более «мягким» добродетелям, таким как способность сопереживать. Точку зрения, что добродетель состоит в благоразумии, Смит отвергал в силу того, что в этом случае чрезмерный акцент делается на полезных качествах (сходные соображения содержатся в его критике Давида Юма в *ТНЧ*. Ч. IV). Аналогично, восторгаясь доброжелательностью, Смит критиковал сторонников этого подхода (в частности, Фрэнсиса Хатчесона) за то, что они оставили без внимания такую добродетель, как благоразумие.

Критика Смитом учения Хатчесона примечательна тем вниманием, которое Смит уделяет эгоизму, и отрицанием тезиса Хатчесона о том, что «себялюбие не может быть добродетелью, в какой бы степени оно ни проявилось и какое бы направление ни придавало оно нашим поступкам» (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 3. С. 292–293).

¹ Здесь и далее ссылки на русское издание «Теории нравственных чувств» даются по: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.

Смит также отвергал точку зрения Мандевилля, который считал заблуждением утверждение последнего, что все страсти порочны, каковы бы ни были их сила и направление (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 4. С. 302). Смит утверждал, что «положение человека было бы слишком грустным, если бы чувствования, которые по природе своей должны руководить его поступками, ни в каком случае не могли бы быть добродетельными и достойными уважения» (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 3. С. 294).

Следующий примечательный элемент применяемого Смитом подхода проявляется в его трактовке второго вопроса (каким образом человек решает, как ему поступать). Он соглашался с тезисом Хатчесона о том, что восприятие правильного и неправильного основывается не на разуме, а на «непосредственном чувстве» (*ТНЧ*. Ч. VII. Гл. 3. С. 309). Но Смит не согласен с утверждением Хатчесона о существовании особого нравственного чувства, аналогичного «внешним» чувствам, таким как зрение или осязание. Поступая таким образом, он, по существу, присоединился к мнению своего учителя, представлявшего моральные суждения бескорыстными и основанными на симпатии или чувстве товарищества. Смит также детализировал роль *наблюдателя*, присутствовавшего в работах Хатчесона и Юма.

Смит утверждал, что наблюдатель может формировать суждения о поступках другого человека, мысленно представляя, как он повел бы себя или какие чувства испытывал бы в похожих обстоятельствах. Именно эта способность к воображаемой симпатии позволяет наблюдателю судить о пристойности или непристойности наблюдаемых поступков и о «согласии или несогласии между нашими стремлениями и вызывающей их причиной (или предметом)» (*ТНЧ*. Ч. I. Отд. 1. Гл. 3. С. 40).

Поскольку мы можем «войти в положение» другого человека только в ограниченной степени, Смит связал «дружественную» добродетель восприимчивости со способностью к воображению, а самоконтроль — с умением контролировать чувства или их проявления так, чтобы позволить наблюдателю понять их, и, таким образом, относиться к ним с «симпатией».

Развивая эту мысль в отношении поступков, имеющих последствия для других людей, Смит предположил, что в этом случае наблюдатель может попытаться сформировать суждение о правомерности как *поступка*, так и *реакции* на него. Чувство одобрения «представляется сложным чувством, состоящим из двух отдельных ощущений, а именно прямой симпатии к чувствам человека, делающего благодеяние, и косвенной симпатии к благодарности че-

ловека, которому делается благодеяние» (ТНЧ. С. 90). И наоборот, наше неодобрение рождается вследствие «антипатии к чувствам, побуждениям человека» и «косвенной симпатии к негодованию того, на ком отражаются эти поступки» (ТНЧ. Ч. II. Отд. 1. Гл. 5. С. 91).

Далее, Смит утверждал, что «природа, создавая человека для жизни в обществе, одарила его желанием нравиться ближним и опасением обидеть их» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 2. С. 127).

Но этой общей предрасположенности человека самой по себе недостаточно для адекватного контроля за своим поведением. Первой проблемой, с которой столкнулся Смит, была проблема *информированности*, возникающая в силу того, что реальному наблюдателю поступка другого человека вряд ли будут известны *мотивы* (побуждения) последнего.

Смит разрешил эту проблему, постулировав, что мы обычно судим о собственном поведении, пытаясь представить реакцию воображаемого, или «идеального», наблюдателя, полностью информированного о наших мотивах. В последующих изданиях «Теории нравственных чувств» Смит уделял все больше и больше внимания роли идеального наблюдателя как важного источника нравственного контроля — голосу разума, принципа, совести великого судьи и арбитра наших поступков (ТНЧ. Ч. III. Гл. 3. С. 142). С этой точки зрения, аргументация основывается на желании человека не просто снискать похвалу, но и быть достойным похвалы (ТНЧ. Ч. III. Гл. 2. С. 137).

Вторая проблема возникает из того, что Смит, вслед за Юмом, представляет человека активным, эгоистичным существом, чьи законные устремления и амбиции, в частности, стремление к богатству, могут в некоторых случаях иметь пагубные последствия для других. Связанное с этим затруднение состоит в *пристрастности* оценки, которая присутствует даже тогда, когда мы обладаем всей необходимой информацией для вынесения точных суждений. Когда мы готовимся действовать, «то сила страсти редко позволит нам оценить предстоящий поступок с беспристрастностью постороннего человека», а после того как поступок совершен, мы зачастую «отводим свои глаза от обстоятельств, которые дали нам повод составить о себе неприятное мнение» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 4. С. 160). Решение этой конкретной проблемы Смит находит в человеческой способности делать обобщения на основе конкретного опыта:

«Вот таким образом установились общие правила нравственности. В основание их легло то, что постоянно одобрялось или порицалось

в целом ряде частных случаев способностями нашего рассудка, «нашим естественным чувством добра и зла...» Общие правила... устанавливаются на основании опыта о том, что известного рода поступки, обусловленные известными обстоятельствами, вообще встречают одобрение или порицание» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 4. С. 161).

Именно эти правила определяют некий эталон, обращаясь к которому человек судит о своих поступках во всех возможных обстоятельствах; правила, которые соблюдаются людьми благодаря желанию быть достойными похвалы и дополнительно поддерживаются страхом перед Богом.

Таким образом, Смит предложил объяснение того, каким образом люди приспособлены к жизни в обществе. Он утверждал фактически, что они обычно воздвигают ряд барьеров на пути проявления их собственных (эгоистических) страстей, и это выражается, в конце концов, в появлении общепринятых правил поведения.

Характер этих правил различен. Те из них, что касаются справедливости, «можно было бы уподобить правилам грамматики; требования прочих добродетелей — правилам, установленным критиками для оценки изящества и совершенства сочинения. Первые точны, полны, необходимы, вторые смутны, неопределенны и неизвестны» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 6. С. 177).

Но Смит не сомневался, что правила справедливости не допускают исключений. Справедливость представляет собой «главную основу общественного устройства» (ТНЧ. Ч. II. Отд. 2. Гл. 3. С. 101). Смит добавлял, что последней предпосылкой общественного порядка являлась система положительного права, в которой воплотились существующие представления о правилах справедливости и которая применяется судебной системой:

«Так как люди ни в коем случае не согласятся переносить друг от друга несправедливость, то общественные суды вынуждены прибегать к власти, переданной им правительством, чтобы поддерживать справедливость. В противном случае общество было бы ареной убийств и беспорядков, и каждый человек прибежал бы к личной мести за нанесенные ему, по его мнению, обиды» (ТНЧ. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 4. С. 328).

Этические аргументы Смита являются составной частью его толкования юриспруденции именно потому, что показывают, как возникают те или иные правила поведения. В *Лекциях по юриспруденции* предмет рассмотрения уже, чем в *ТНЧ*, но независимо от того, обсуждает ли Смит принятые законы или принципы наказания, главную роль играет внешний наблюдатель. Помимо него,

внимание также уделялось мировому судье (Bagolini, 1975) и законодателю (Naakonssen, 1981).

Интересна расстановка акцентов, которые Смит делает в *ТНЧ*. Он решил сконцентрироваться на тех средствах, с помощью которых разум формирует суждения о том, что является правильным и подобающим, а чего следует избегать, но воздерживается от попытки сформулировать конкретные правила поведения. Смит осознал, что в то время как *процессы* формирования суждений могут быть универсальными, *конкретные* суждения должны быть связаны с опытом.

Никто из живших во времена Монтескье не мог не знать, что в одно и то же время в различных обществах существуют различные общепринятые нормы поведения, так же как и в одних и тех же обществах в разные моменты времени. Представляется, что суть проблемы верно обозначил Эдмунд Бёрк в письме к Смицу: «Теория, подобная вашей, основанная на Природе человека, всегда неизменна, в то время как то, на чем основано его мнение, постоянно изменяется, будет и должно быть забыто» (Correspondence, letter 38, dated 10 Sept. 1759).

Но Смит не отрицал того, что общее может быть найдено на основе опыта. Хотя он не закончил запланированное обсуждение общих принципов (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 4), он высказал соображения, позволяющие связать частное и публичное право с четырьмя типами социоэкономической *среды* — стадиями охоты, скотоводства (пастушество), земледелия и торговли. Это было важно, поскольку речь шла в определенной степени об объяснении происхождения государства, т.е. о решении проблемы, которая была лишь намечена в *ТНЧ*. Одновременно был пролит свет на причины изменений в общепринятых правилах поведения. В частности, Смит предложил интересную трактовку возникновения стадии торговли, которая прежде всего интересовала его, как экономиста.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Первый этап развития общества, в трактовке Смита, был «самым низменным и грубым», подобным тому, «что мы видим у туземных племен Северной Америки» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 651). На этом этапе жизнь общества поддерживается сбором плодов земли, охотой и рыболовством. В результате, как предполагал Смит, такие сообщества должны были быть небольшими и отличаться высокой степенью личной свободы. Он также полагал, что споры между

членами сообщества в отсутствие частной собственности были нечастыми и незначительными и что в такой ситуации редко существует специально учрежденный судья или какое-либо регулярное отправление правосудия.

Второй — скотоводческий этап — представлялся как «более развитое состояние общества, как, например, у татар и арабов» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 651). Доминирующим видом экономической активности здесь является скотоводство, и это указывает на то, что соответствующие сообщества будут более многочисленными и будут иметь кочевую природу. Но основной чертой этого этапа развития он считал появление собственности, которая могла накапливаться и передаваться от поколения к поколению. Именно собственность «с необходимостью требует установления гражданского правительства» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 666). В другом отрывке он замечал, что «гражданское управление, поскольку оно учреждено для защиты собственности, на самом деле учреждено для защиты богатых от бедных» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 669). Еще в одном месте, где Смит связывал возникновение государства со скотоводческой стадией общественного развития, он обращал внимание на то, что «законы и правительство могут в этом, да и в любом, случае трактоваться как объединение богатых для притеснения бедных» (LJ(A). P. 22–23).

В то же время Смит отмечал, что преобладающая на этом этапе развития общества форма экономической организации должна вести к высокой степени зависимости одних членов общества от других, поскольку люди, которым не принадлежат средства к существованию, не имеют возможности приобрести таковые иначе как посредством личного услужения:

«Второй — пастушеский — период развития общества допускает очень большое неравенство состояний, и нет другого периода, в котором богатство давало бы большую власть тому, кто владеет им. Поэтому нет периода, в котором власть и подчинение были бы так полно установлены, как в этом» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 668).

Фактически Смит использовал сведения о жизни *современных* арабов, татар и североамериканских индейцев, чтобы проиллюстрировать этапы социально-экономического развития, через которые, возможно, проходили нации, населившие территорию Западной Римской империи. В этом, и только в этом, смысле термин «гипотетическая история» верно отражает (Stewart, II.48) цель его исследования.

Германцы и скифы уже достигли того, что на самом деле является более развитой формой второго этапа общественного развития,

они имели некоторое представление о сельском хозяйстве и праве собственности на *землю*. Смит утверждал, что в новой ситуации эти нации естественным образом использовали бы свои существующие институты, и первым, что они предприняли бы, стал бы раздел завоеванных территорий (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 385). Таким образом, Смит наметил переход от второй стадии общественного развития к третьей, сельскохозяйственной. На этой стадии право собственности на землю является источником власти и отличия, хотя общий характер субординации остается неизменным.

Но наибольшее внимание Смит сосредоточивал на такой особенности новой стадии развития, как *политическая* нестабильность: «В те смутные времена каждый крупный землевладелец был своего рода небольшим государем. Держатели его земли были вместе с тем и его подданными. Он был их судьей, и в некоторых отношениях был для них законодателем в мирное время, и вождем — во время войны» (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 386). Первым историческим ответом на эту ситуацию было возникновение феодальной системы, которая, согласно Смицу, содержит целый набор соглашений о взаимных услугах и защите. Но даже здесь власть все еще «оставалась слишком слабой наверху и слишком сильной внизу, чрезмерная сила низших членов явилась причиной слабости головы» (БН. Кн. III. Гл. 5. С. 409).

Второй и наиболее важный ответ выражается той поддержкой, которую монархи оказывали городам, — отчасти для того, чтобы позволить их жителям защитить себя, но в основном для того, чтобы сформировать новый тактический альянс, который мог бы противостоять силе аристократии. Города возникли как «разновидность независимых республик» с важными полномочиями самоуправления, которые принесли «с собой свободу и безопасность индивидов» (БН. Кн. III. Гл. 3).

Учреждение самоуправяемого города должно было создать важное условие для экономического роста (как это произошло в Древней Греции), особенно когда ему сопутствовал легкий доступ к морю. Экономический рост основывался на внешней торговле, и Смит пытался выявить общую картину, опираясь на конкретные примеры Венеции, Генуи и Пизы. Эта картина предполагала вначале импорт иностранных товаров в обмен на небольшие излишки производимого сырья и, наконец, развитие отечественной мануфактуры на базе импортированного сырья, а затем — процесс усовершенствования «сырых и грубых» отечественных продуктов. Подобное развитие, по Смицу, позволяло городу «становиться богатым и могущественным, в то время как не только окружающая

его местность, но и страны, с которыми он вел торговлю, оставались бедными и разоренными» (БН. Кн. III. Гл. 3. С. 402).

Но в следующей части своего анализа Смит обозначил, каким образом инициированный городом экономический рост сказался на аграрном секторе. Он писал, что «экономика, основанная на мануфактуре и торговле, неизбежно предоставляла крупным землевладельцам возможность истратить имеющиеся излишки, тем самым подхлестывая к максимизации последних. Это привело к постепенному отказу от слуг и запустило процесс изменения механизма аренды; процесс, в ходе которого люди отошли от использования рабского труда в пользу издольщины, и появились собственно фермеры, возделывавшие землю с помощью собственного капитала, уплачивая определенную ренту землевладельцу» (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 392).

В результате этих двух тенденций крупные землевладельцы постепенно утрачивали свою власть, пока не сложилась ситуация, когда «они стали столь же незначительны, как любой зажиточный горожанин или городской торговец» (БН. Кн. III. Гл. 4. С. 412). Смит смог сделать следующий вывод:

торговля и мануфактура «постепенно приводили к установлению порядка и нормального государственного управления, а вместе с ними к обеспечению личной свободы и безопасности личности в сельских местностях, жители которых долгое время жили почти в постоянном состоянии войны со своими соседями и в рабской зависимости от выше их стоящих. И хотя это меньше всего замечалось, все же было важнейшим из всех последствий развития торговли и промышленности. Юм, насколько мне известно, является единственным автором, который до сих пор обратил внимание на это обстоятельство» (БН. Кн. III. Гл. 4. С. 406).

В целом это рассуждение представляет собой один из наиболее ярких примеров смитовой доктрины непреднамеренных социальных последствий индивидуальных поступков (БН. Кн. III. Гл. 4). *Исторический* анализ, содержащийся в третьей книге *БН*, является таким изощренным отчасти потому, что Смит видел, что его можно представить в качестве образца, а отчасти потому, что соответствующие доводы были отточены им за многие годы. Но лекции Смита добавляют к сказанному еще одно измерение. Его толкование «публичной юриспруденции» было призвано предоставить философское или научное рассмотрение тех процессов развития, которые начались в Афинах и заканчивались в Западной Европе. Но на фоне этой масштабной картины все больше и больше вни-

мания уделяется тому, что на самом деле представлял «Исторический подход к системе английского государственного управления» — так звучало заглавие работы Джона Миллера, впервые опубликованной в 1786 г.

Внимание в этой работе было сосредоточено на природе английской Конституции и правах на вольность (сжатое изложение соответствующих рассуждений можно найти в соответствующей части *Лекций по юриспруденции* (LJ(A)). Смит опирался на этот анализ в *БН*, когда писал о «замечательной» структуре судов в Англии и о важности разделения властей:

«Для того чтобы каждый отдельный человек чувствовал полную безопасность во владении всеми принадлежащими ему правами, не только необходимо отделение судебной власти от исполнительной, но необходимо судебную власть сделать, насколько возможно, независимой от власти исполнительной» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 675).

Таким же образом Смит обращал внимание на необходимость и одновременно опасности, связанные с существованием регулярной армии, замечая при этом, что в Англии было найдено решение, близкое к идеалу, когда «военная сила находится под командой тех, кто более всех заинтересован в поддержании гражданской власти» (БН. Кн. V. Гл. 1. Разд. 1).

Не менее важно было постепенное изменение соотношения сил, в результате чего палата общин стала наиболее влиятельной в качестве собрания представителей народа, которые обладают исключительным правом устанавливать налоги (БН. Кн. IV. Гл. 7. Разд. 2). Эта система, «усовершенствованная революцией», может быть полностью понята, только если обратиться к экономическим тенденциям, обусловившим ее возникновение. Все же Смит настаивал, что только Англия избежала абсолютизма (LJ (A). Part IV. P. 168) — обстоятельство, которое он приписывал тому, что было успешно найдено решение шотландской проблемы, а также естественному плодородию почв и географическому положению Британии как острова. К этому списку Смит добавлял личные особенности английских монархов, например, Елизаветы I, которая, будучи бездетной, продала земли короны и тем самым ослабила позиции своих наследников (LJ (A). Part IV. P. 171). Он также обращал внимание на характеристики королей из династии Стюартов, семьи, которая «была отвергнута по веским причинам» во время революции (LJ (B). P. 82).

Впрочем, Смит знал, что Англия не является в этом смысле уникальной страной и что ее институты — в более республиканской

форме — намеренно экспортировались в американские колонии, что ускоряло исторический процесс и способствовало повышению темпов экономического развития на Западе (БН. Кн. IV. Гл. 7. Разд. 2).

Целесообразность (экономическая теория). К тому времени, когда Смит перешел бы к последнему разделу своего курса, его студенты были бы уже хорошо осведомлены об актуальности предложенного материала. Его описание торговой стадии общественного развития ясно показывает, что обычные характерные признаки зависимости и субординации могут быть обнаружены в этой, как и во всех других типах, общественной организации. Но на этой стадии богатство вызывает только уважение и почтение (ТНЧ. Ч. I. Отд. 3. Гл. 2), в то время как зависимость имела отношение, скорее, к действию рыночных сил, нежели индивидов. В этом контексте «каждый торговец или ремесленник получает свои средства к существованию от заказов не одного, но сотни или тысячи разных потребителей. Поэтому он в некоторой степени обязан им, но не находится в абсолютной зависимости от каждого из них в отдельности» (БН. Кн. III. С. 411). На стадии торговли товары и услуги имеют свою цену, и высшей формой торговли каждого цивилизованного общества является торговля, протекающая между городскими и сельскими жителями (БН. Кн. III. Гл. 1).

Студенты Смита также должны были бы знать, что многие из тех психологических суждений, которые он представил в *ТНЧ*, имеют непосредственное отношение к ситуации, когда институциональные препятствия для экономического роста в основном устранены. Именно в этом контексте он обращался к иллюзии, связанной со стремлением к богатству; иллюзии, которая «возбуждает творческую деятельность человека и постоянно поддерживает ее» (ТНЧ. Ч. IV. Гл. 1. С. 184). В другом примечательном пассаже, используя аналогию с «невидимой рукой», Смит подчеркивал тот факт, что «богатые», расходуя излишки своих ресурсов, способствуют тем самым «созданию почти такого же распределения предметов первой необходимости, которое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми» (ТНЧ. Ч. IV. Гл. 1. С. 185).

Но, возможно, самыми поразительными из пассажей Смита являются те, где он напоминает читателю, что эгоистические поступки, в том числе экономические, имеют «социальные» последствия. Откуда, спрашивал Смит, «из чего проистекает зависть, волнующая все сословия общества? В чем состоит зародыш стра-

ти, общей всему человечеству и состоящей в вечном стремлении к улучшению положения, в котором находишься?». И отвечал: «В том, чтобы отличиться, обратить на себя внимание, вызвать одобрение, похвалу, сочувствие...» (ТНЧ. Ч. I. Отд. 3. Гл. 2. С. 69–70). Смит пошел еще дальше, утверждая, что «низким выглядит» тот человек, который не ищет «более необычных и значительных предметов для удовлетворения своего эгоизма», противопоставляя человека, действующего по заведенному правилу, человеку инициативному (ТНЧ. Ч. III. Гл. 6).

Далее Смит отмечал, что люди склонны одобрять те *средства*, которые позволяют достичь *цели*. Отсюда «чувство особенного уважения, с каким относятся к неизменно бережливым и трудолюбивым людям, хотя эта настойчивость обычно преследует приобретение богатства» (ТНЧ. Кн. IV. Гл. 2. С. 190). В следующем отрывке Смигу пришлось констатировать, что «только внутреннее желание заслужить это восхищение и эту похвалу может дать силы для такой упрямой настойчивости», поскольку обычно «удовольствие, которым мы будем наслаждаться через десять лет, мало интересует по сравнению с удовольствием, которое мы можем испытывать сегодня» (Там же).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

То, что Смит писал об экономике (за исключением двух фрагментов о разделении труда, обозначенных *FA* и *FB* в издании, вышедшем в Глазго), содержится в конспектах его *Лекций по юриспруденции* 1762–1763 и 1763–1764 гг., а также в документе, впервые найденном У.Р. Скоттом и описанном им как «*ранний черновик*» *БН* (Scott, 1937). Первый набор конспектов менее полон, чем второй, и не содержит обсуждения истории с банком Джона Ло, процента, обмена и причин замедленного накопления богатства. Вместе с тем те темы, которые обсуждались и соответствуют разделам 1–12 второй части *LJ(B)*, изданных Кэннаном, как правило, изложены гораздо подробнее. *LJ(B)* являются не только более полными, по крайней мере в смысле охвата, но и более законченными.

В каждой из ранних версий Смит демонстрирует интерес к основным темам, которые рассматриваются в порядке, во многом заимствованном у Хатчесона (Scott, 1900, ch. 11), особенно это относится к обсуждению разделения труда и его последствий, а также цен и распределения ресурсов. Развивая третью тему, а именно критику «заблуждения» меркантилистов, Смит разошелся с Хатчесоном, но продемонстрировал влияние Юма (Stewart, IV.24).

Однако в более поздней работе предложено более ровное и последовательное изложение по сравнению с *Лекциями по юриспруденции*. В *БН* анализ разделения труда принимает свою наиболее завершенную форму, а в теории цены там впервые предлагается четко различать факторы производства (земля, труд и капитал) и доходы, от них получаемые (рента, заработная плата, прибыль). Эти различия придали новый смысл уже достигнутому ранее пониманию общей взаимозависимости экономических явлений и позволили перейти к описанию макроэкономической модели, во многом основанной на учении Кенэ. Хотя некоторые комментаторы утверждают, что в *БН* (Кн. IV. Гл. IX) Смит излагал учение физиократов без почтения. Фактом остается то, что его анализ этой школы исходит из ее целей и содержит детали более сложной модели, которая ассоциируется с именами таких «ревизионистов», как Тюрго (Meek, 1962). Нет причин сомневаться в правдивости утверждения Дугалда Стюарта, что «близость, в которой он находился с некоторыми из лидеров этой секты, безусловно, не могла не способствовать упорядочению и систематизации его собственных рассуждений» (Stewart, III. 5). Стюарт также отмечал, что «если бы не смерть Кенэ, мистер Смит (как рассказал мне он сам), подарил бы ему свое *Богатство народов* с автографом» (Stewart, III.12). Стюарт отмечал также, что идея разграничить ренту, заработную плату и прибыль могла быть изначально высказана Смигу его старым другом Джеймсом Освальдом.

Разделение труда. Хотя модель Смита в своей постфизиократической форме характеризуется несколькими важными элементами, особое значение он придавал именно *разделению труда*. В терминах модели, о которой говорилось в предыдущем разделе, разделение труда, безусловно, подразумевается при наличии различных *секторов* или типов производственной деятельности. Но Смит подчеркивал также факт существования специализации по роду занятий, и даже внутри одного и того же рода занятий. Для иллюстрации своей основной мысли Смит выбрал знаменитый пример с булавками, столь «пустяковыми изделиями», производство которых тем не менее предполагало около 18 процессов.

Смит очень старался показать, что разделение труда (по процессам) помогает объяснить относительно высокую современную производительность труда — явление, которое он приписывал росту «сноровки», являющемуся неизбежным следствием выделения одной, относительно простой операции в качестве «единственного занятия работника»; экономии времени, которое в ином случае

было бы потрачено «на переход от одного вида работ к другому»; и сопутствующему использованию машин, которые упрощают и сокращают труд и позволяют одному человеку выполнять работу многих (БН. Кн. I. Гл. 1). Хотя Смиту пришлось позднее заявить, что сельское хозяйство является самой продуктивной областью для инвестиций, он указал, что возможности для разделения труда в сельском хозяйстве более ограничены, чем в промышленности (БН. Кн. I. Гл. 4).

Далее следовали четыре важных момента. Во-первых, Смит связывал разделение труда с процессом *изобретения* (техническими изменениями):

«Большая часть машин, используемых в тех мануфактурах, где процесс труда наиболее разделен, была первоначально изобретена простыми рабочими, каждый из которых, будучи занят какой-то очень простой операцией, естественным образом обратил свои мысли к поиску более простых и доступных способов выполнять ее» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 73).

Он также обращал внимание на вклад «изготовителей машин», и деятельность тех,

«кого называют учеными или теоретиками, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего, и которые в силу этого в состоянии комбинировать силы наиболее удаленных друг от друга и несхожих предметов. С прогрессом общества умозрение становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 74).

Во-вторых, Смит утверждал, что разделение труда ограничено только масштабами рынка, обращая в этой связи внимание на важность коммуникаций, таких, как хорошие дороги, и доступ как к морю, так и к судоходным рекам. Последняя мысль имеет прямое отношение к историческому анализу Смита; последний проявляется при обсуждении общественных работ (см. ниже, с. 42–44). Те же соображения присутствуют и когда Смит призывает к либерализации торговли (см. ниже, с. 40–41), и когда напоминает о том, что разделение труда одновременно и способствовало бы процессу экономического роста, и поддерживалось бы им (это анализируется в кн. II *БН*).

В-третьих, Смит утверждал, что институт разделения труда помогает объяснить не только огромный наблюдаемый рост производительности труда, но также и такое повышение уровня материального благосостояния, что жилище «бережливого крестьянина»

теперь превосходит таковое «многих африканских царьков, абсолютных владык жизней и свободы десятков тысяч нагих дикарей» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 75). Смит также замечает, что потребитель, покупающий один товар, приобретает на самом деле продукты «великого множества различных видов труда» (БН. Кн. I. Гл. 1). «Шерстяная куртка, например, которую носит поденный работник, как бы груба и проста она ни была, представляет собой продукт соединенного труда большого количества рабочих» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 74).

Однако самым непосредственно относящимся к обсуждаемой теме было объяснение необходимости *обмена*. Смит замечал, что, как только возникает разделение труда, наш собственный труд может удовлетворить лишь очень малую долю наших потребностей. Как следствие, указывал он, даже в бартерной экономике индивид может наилучшим образом удовлетворить весь спектр своих потребностей путем обмена излишков продукции своего производства на продукты других людей. Там, где разделение труда установлено *повсеместно*, следует ожидать, что каждый индивид будет в каком-то смысле зависим от своих собратьев, и, таким образом, «каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем» (БН. Кн. I. Гл. 4. С. 82).

Действительно, Смит утверждал, что

«точно так же, как посредством договора обмена и покупки мы приобретаем друг у друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта склонность к обмену породила первоначально разделение труда» (БН. Кн. I. Гл. 2. С. 77).

Стоимость. Эти замечания привели Смита непосредственно к проблеме *стоимости*, и примечательно, что, для того чтобы упростить анализ, он рассматривал механизм бартерной экономики *аналитически* (в противоположность *историческому* подходу).

Исследуя *пропорции* обмена, Смит утверждал, что «соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, было бы, по-видимому, основанием, которое могло служить руководством для обмена» (БН. Кн. I. Гл. 6. С. 103). Таким образом, он предположил, что если для того, чтобы убить бобра, требуется вдвое больше труда, чем для того, чтобы убить оленя, то «один бобр будет, естественно, обмениваться на двух оленей или будет иметь стоимость двух оленей» (Там же). Это один из способов рассматривать проблему меновой стоимости, но, вероятно, Смит видел в ней не конечную цель, а способ выявить те факторы, которые управляют стоимостью *всего запаса товаров*,

который создает индивид и который предлагается использовать в обмене.

Рассматривая проблему *таким образом*, Смит продолжал:

«стоимость всякого товара... для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его лично или потребить, а обменять на другие предметы, равняется количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение, таким образом, труд представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров» (БН. Кн. I. Гл. 5. С. 88).

То, что Смит имеет в виду, становится понятным после его замечания, что меновая стоимость *запаса* товаров должна всегда быть в соответствии с

«количеством труда других людей, или, что то же самое, с количеством продукта труда других людей, которое он /человек/ благодаря своему богатству может купить или получить в свое распоряжение. Меновая стоимость всякого предмета в точности равна размеру той власти, которую данный предмет дает своему обладателю» (БН. Кн. I. Гл. 5. С. 89; курсив наш).

Другими словами, Смит здесь доказывает, что реальная стоимость товаров, с которыми рабочему приходится расстаться (фактически его доход), должна измеряться количеством товаров, которое он получит по завершении всей совокупности (отдельных) обменов.

Теперь, если, как предлагал Смит, относительные цены товаров всегда равны отношению количества *воплощенного* в них труда, отсюда следует, что количество труда, воплощенного в запасе товаров, используемых для обмена, должно быть равно количеству труда, воплощенного в полученных в результате такого обмена товарах. В этом рассуждении присутствуют два важных момента. Первый: Смит предположил, что в бартерной экономике затрачиваемый индивидом и воплощенный в созданных *им* товарах труд должен обмениваться на или получать в свое распоряжение равное количество труда. Короче, воплощенный труд равен труду располагаемому. Но так же очевидно, что в современной экономике труд более не является единственным фактором производства и что «при таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда» (БН. Кн. I. Гл. 6. С. 105). Равенство между воплощенным и располагаемым трудом выполняется только для бартерной экономики, и ни для какой другой.

Очевидное различие между бартерной и современными экономикami нужно искать в том факте, что в то время как в первой

товары обмениваются на товары, в последних товары обмениваются на некоторые суммы денег, которые затем могут быть потрачены на приобретение других товаров. При таких обстоятельствах индивид, как заметил Смит, склонен оценивать стоимость своих денежных поступлений (полученных взамен понесенных «тягот» труда), скорее, в терминах денег, чем количества товаров, которые он может приобрести, потратив эти деньги. Но Смит все же настаивал на том, что реальной мерой нашей способности удовлетворять наши желания является, скорее, «стоимость денег», чем сами деньги, где первая определяется количеством продуктов («располагаемого» труда), которое могут индивиды или группы индивидов купить. Далее, Смит различал номинальную и действительную стоимость дохода, указывая на то, что если сегодня три исходных источника дохода — это заработная плата, рента и прибыль, то действительная *стоимость* всех различных составных частей цены определяется «количеством труда, которое может купить или получить в свое распоряжение каждая из них» (БН. Кн. I. Гл. 6. С. 105).

Факторы, определяющие цену. Внимание, которое Смит уделял обмену, распространялось и на проблему спроса, которая уже была рассмотрена в *ТНЧ* и прежде всего в части IV («О влиянии полезности на чувство одобрения»). В *LJ* Смит противопоставлял спрос на товары непосредственного использования такие, как те, что связаны с пропитанием и жильем, жажде изящного, проистекающей из «утонченности» тела и «гораздо большей утонченности» разума (*LJ* (B), 208; cf. *LJ* (A), iv, 1–30). В этой связи он обращает внимание на человеческое «чувство прекрасного, которое связано преимущественно с тремя характеристиками: необходимое разнообразие, легко устанавливаемая связь и простой порядок», а потом замечает, что «эти качества, являющиеся основой для предпочтения, и служат поводом удовольствия и боли, являются причиной многих незначительных потребностей, в удовлетворении которых мы никоим образом не нуждаемся» (*LJ* (B), 209).

Смит продолжает рассуждение и обращается к знаменитому парадоксу; а именно, что «предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или даже совсем ее не имеют: напротив, предметы, имеющие очень большую меновую стоимость, часто имеют совсем небольшую потребительную или совсем ее не имеют. Нет ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить, по-

что ничего нельзя получить в обмен на нее. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров» (БН. Кн. I. Гл. 4. С. 87).

Позиция Смита по поводу первой части утверждения основана на его представлении о том, что оба товара «полезные». В первом случае (вода) ценность придается товару потому, что он может быть использован практически, в то время как в последнем случае (алмазы) товар вызывает к нашим «чувствам» — зов, который, как замечал Смит, определяет, что товар оказывается «предпочтительным», «достойным». Он заключал, что «спрос на драгоценные камни возникает исключительно из их красоты, и они не имеют применения иначе как для украшения» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 213).

В то же время Смит признавал, что это достоинство (ценность) является функцией редкости: «достоинство предмета, в какой-либо мере полезного или красивого, значительно увеличивается благодаря его редкости» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 213). Даже более определенно: «Дешевизна, в действительности, то же самое, что изобилие. Только по причине изобилия вода столь дешева, что ее просто черпают из колодцев, и по причине редкости алмазов (ибо их реальное применение еще предстояло обнаружить) они столь дороги» (LJ (B), 205–206). Подобные рассуждения могут быть обращены и к проблеме определения цены конкретного товара, причем таким образом, что они приведут к идее убывающей кривой спроса, которая фактически используется Смитом в формальном анализе факторов, определяющих цену.

Со стороны предложения Смит предполагает существование заданных «обычных», или «средних», уровней заработной платы, прибыли и ренты; уровней, которые можно назвать преобладающими в любых отдельно взятых обществе или области на протяжении заданного периода времени (БН. Кн. I. Гл. 7). Эта предпосылка важна по трем причинам: во-первых, она указывает, что в подходе к проблеме цены Смит обращается к статике как инструменту анализа. Во-вторых, стоит заметить, что эти уровни определяют цену предложения товаров и фактически задают *положение* (горизонтальное) кривой предложения. В-третьих, рассуждения Смита предполагают, что цена товаров может устанавливаться «сложением» ее составных частей — заработной платы, прибыли и ренты.

Опираясь на эти три ключевые предпосылки, Смит перешел к исследованию проблемы цены, и, как можно увидеть, затронул две различные, но взаимосвязанные проблемы. Во-первых, он намеревался выяснить факторы, определяющие цены конкретных то-

варов (Blaug, 1962, гл. 2). Во-вторых, он, как кажется, опирался на этот анализ, чтобы пролить свет на феномен *общей взаимозависимости*, на который уже намекал в *Лекциях* (Hollander, 1973).

Рассматривая первую проблему, Смит исследовал случай товара, производимого некоторым числом продавцов. Он начал анализ с подтверждения различия между «естественной» и «рыночной ценой», уже установленного в *LJ. Естественная цена* теперь определялась как такой объем средств, который «необходим для оплаты в соответствии с их естественными нормами ренты, заработной платы и прибыли на капитал...» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 109). Там, где превалирует естественная цена, продавец способен в точности покрыть свои издержки и получить маржу, равную «обычной, или средней» прибыли. Напротив, *рыночная цена товара* определяется как такая цена, которая устанавливается в любой заданный момент времени и регулируется «отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов заплатить его естественную цену» («действительных покупателей») (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 110). Две «цены» находятся во взаимосвязи, суть которой состоит в том, что в то время как в краткосрочном периоде рыночная и естественная цены могут различаться, в долгосрочном периоде они имеют тенденцию к совпадению. Естественная цена, таким образом, выступает как *равновесная* цена, устанавливающаяся, когда рассматриваемый товар продается по его себестоимости. Последнюю мысль можно проиллюстрировать, рассмотрев последствия расхождения между двумя ценами. Например, если количество, предложенное к продаже продавцом, было меньше того, что покупатели были готовы приобрести по конкретной (естественной) цене, то будет иметь место конкуренция между покупателями, стремящимися получить часть относительно ограниченного запаса товара. При таких обстоятельствах, доказывал Смит, «рынок» поднимется выше «естественной» цены, причем степень расхождения будет определяться «величиной недостатка» и варьироваться «в зависимости от большей или меньшей важности приобретения этого товара» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 111). Поясняя последнюю мысль, Смит упомянул, что если относительная нехватка касается товаров, являющихся «предметами первой необходимости», степень расхождения между двумя ценами (фактически ценами спроса и предложения) была бы больше, чем в других случаях (например, в случае с товарами роскоши).

При таких обстоятельствах цена, получаемая продавцом, должна превышать естественную цену (издержки производства), и, следовательно, доход факторов производства этого товара (особенно

ЕСТЕСТВЕННЫЕ УРОВНИ ФАКТОРНОГО ДОХОДА

Смитова теория цен была построена на предположении о заданных уровнях факторного дохода. Его следующей задачей было выяснить, что определяет («обычный, или естественный») уровень факторного дохода в любой заданный момент или в течение длительного времени. Он использовал простую модель «спроса и предложения», рассмотренную только что, стараясь при этом проводить различия между различными видами факторных платежей.

Заработная плата является платой за использование фактора труда. Она выплачивается теми классами, которым необходим этот фактор (предприниматели, фермеры), и передается тем, кто действительно продал свою рабочую силу. Процесс определения заработной платы можно в таком случае рассматривать как разновидность сделки, или заключения контракта (БН. Кн. I. Гл. 7), где баланс обычно «скошен» в сторону «хозяев» по той причине, что современное Смиуту законодательство разрешало «объединения» последних, но запрещало объединения рабочих. Но Смит также указывал, что независимо от законодательных привилегий на переговорную силу двух сторон должны влиять отношения спроса и предложения (БН. Кн. I. Гл. 7).

Заработная плата может быть относительно высокой или низкой в зависимости от количества доступной рабочей силы и размера фондов (или запаса капитала), имеющегося для ее приобретения. Смит фактически не намеревался определить верхний предел уровня заработной платы, но предполагал, что в долгосрочном периоде его нижний предел должен определяться потребностью в средствах к *существованию* (БН. Кн. I. Гл. 8). Важность «минимальной заработной платы» связана с тем, что она представляет собой долгосрочную цену предложения труда, а это, в свою очередь, объясняется тем, что на протяжении длительного времени рабочая сила может воспроизводиться с постоянными издержками. Отсюда минимальную заработную плату можно рассматривать как разновидность «естественного», или равновесного, уровня. Чтобы пояснить свою мысль, Смит рассматривал три случая, аналогичных тому, как он это делал в своем предыдущем анализе равновесной цены.

В ситуации долгосрочного равновесия спрос и предложение труда должны быть такими, чтобы рабочие получали минимальную заработную плату. В этом случае устанавливается положение равновесия, т.е. не возникает тенденции к росту или сокращению населения — условие, которое будет соблюдаться до тех пор, пока не произойдет изменения в размере фонда заработной платы. Этот

заработная плата и прибыль) также будет подниматься выше своего «обычного» уровня. Следствием такого расхождения между доходом факторов при производстве конкретного товара и преобладающими «естественными» доходами факторов должен стать приток ресурсов в эту относительно прибыльную область, что вызовет расширение предложения данного товара и возврат к тому положению, когда он продавался по естественной цене. При относительном недостатке товара на рынке, заключал Смит, «количество товара, доставленного на рынок, окажется достаточным для удовлетворения действительного¹ спроса. Все составные цены товара скоро упадут до своей естественной нормы, а цена в целом — до естественной цены товара» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 112). Короче, «естественная цена» устанавливается в качестве равновесной, или «основной», цены, «к которой постоянно тяготеют цены всех товаров» (Там же).

В первой части рассуждений устанавливается, что в случае любого отдельно взятого товара равновесие будет достигнуто тогда, когда товар продается по своей естественной цене, и каждый из (релевантных) факторов производства получает свой естественный уровень дохода. Очевидно, что если этот процесс и результат существуют для каждого товара по отдельности, они также должны иметь силу и в отношении ко всем товарам, «рассмотренным в совокупности», по крайней мере, там, где действует конкуренция. *Во всей экономике в целом* положение равновесия было бы достигнуто тогда, когда каждый вид товара продавался бы по своей естественной цене, и каждый фактор производства при любом его использовании получал бы свой естественный уровень дохода. Тогда можно было бы сказать, что экономика «сбалансирована», поскольку, если указанные выше условия соблюдены, не может существовать тенденции к перемещению ресурсов в пределах одной или между разными областями их применения. Там, где баланс нарушается (например, в результате изменения вкусов), естественно, возникает стремление к его восстановлению в результате (одновременной) адаптации рынков факторов и товаров. Отклонение и восстановление положения равновесия зависят, по существу, от эгоистических действий и реакций покупателей и производителей. Таким образом, данная Смитом трактовка цены и распределения ресурсов является одним из лучших примеров, демонстрирующих «взаимозависимость» экономики и действие «невидимой руки».

¹ Сегодня мы предпочли бы использовать термин «эффективный». — *Прим. науч. ред.*

пример стационарного состояния Смит иллюстрирует ссылкой на Китай (БН. Кн. I. Гл. 8). Вместе с тем Смит рассматривал случай, когда в течение одного года или нескольких последовательных лет наблюдается падение спроса на труд. В этой ситуации фактическая ставка заработной платы должна упасть ниже минимального уровня, что вызовет сокращение населения до такого уровня, который позволит выплачивать минимальную заработную плату. Этот пример отражает «сокращающуюся» стадию. В качестве примеров Смит приводит Бенгалию и некоторые английские поселения в Ост-Индии; области, где сокращение фонда заработной платы приводило к нужде, «голоду и смертности» до тех пор, пока «число обитателей не сократилось до того количества, которое легко может существовать на доход и капитал, оставшиеся в стране» (БН. Кн. I. Гл. 8. С. 125).

На «расширяющейся стадии» возрастание, или серия последовательных (ежегодных) увеличений, размера фонда заработной платы приводит к тому, что заработная плата, превышающая минимальный уровень, выплачивается настолько долго, сколько времени требуется для того, чтобы увеличить численность населения; рост, который будет неизбежно вытекать из более высокого уровня жизни. Смит также указал, что признаком «расширяющейся стадии» является постоянное увеличение спроса на труд, позволяющее выплачивать высокие ставки заработной платы в течение нескольких лет, по крайней мере, настолько долго, пока темп роста спроса на труд превышает темп роста его предложения. Хорошим примером этой тенденции Смит считал ситуацию в Северной Америке, причем он отмечал, что многие европейские страны, включая Великобританию, демонстрировали ту же тенденцию, хотя и в меньшей степени. Все три случая иллюстрируют одну и ту же базовую закономерность; а именно, что спрос на людей, подобно спросу на любой другой товар, с необходимостью регулирует производство людей (БН. Кн. I. Гл. 8).

Прибыль не рассматривалась Смитом как вознаграждение за выполнение функции «инспекции и управления», скорее, он видел в ней компенсацию за беспокойство и риски, связанные с комбинированием факторов производства (БН. Кн. I. Гл. 6). Размеры прибыли, выпадающей на долю индивидуальных производителей, обусловлены ценой продажи соответствующего товара и издержками его производства. Прибыль, таким образом, особенно чувствительна к изменениям спроса, а также к «удачам или неудачам» конкурентов и покупателей; имея в виду эти обстоятельства, трудно говорить об «обычной, или средней» норме прибыли. Однако

Смит предположил, что ставка *процента* представляет достаточно точный показатель уровня прибыли в каждый момент времени и на протяжении долгих периодов на том основании, что процент, уплачиваемый на взятые займы фонды, отражает прибыль от их использования: «Можно признать за правило, что процент на деньги будет выше в тех случаях, когда возможно получить большую прибыль от вложения денег в какое-нибудь дело, и, наоборот, за них дадут меньше, если употребление их обещает меньшую выгоду» (БН. Кн. I. Гл. 9. С. 138).

По крайней мере, как некое обобщение Смит считал возможным утверждать, что норма прибыли, достающаяся предпринимателю в каждый заданный момент (при прочих равных и заданных ставках заработной платы), определяется доступным запасом капитала наряду с объемом деловых операций, которые можно осуществить с его помощью, или возможностями для прибыльных инвестиций. Отсюда следует, что в течение длительного времени норма прибыли будет иметь тенденцию к снижению, отчасти в связи с постепенным ростом запаса капитала, а отчасти в связи с возрастающими затруднениями в поисках «прибыльного способа вложения любого нового капитала». «Сокращение прибыли есть естественное последствие... процветания», хотя, как указал Смит, в развивающихся странах тенденция к падению прибыли может быть изменена на противоположную или остановлена в связи с появлением новых возможностей для инвестиций или новых территорий (БН. Кн. I. Гл. 9).

Основные тезисы ясны: в долгосрочном периоде прибыль (подобно заработной плате) имеет тенденцию к снижению. В каждый заданный момент времени (например, год) установившаяся «обычная, или средняя» норма прибыли должна быть функцией запаса капитала и пропорций, в каких он может вкладываться в различные производства. Смит сделал важное уточнение последнего замечания, указав, что даже если запас капитала остается неизменным, норма прибыли будет связана с преобладающей ставкой заработной платы. Если рабочая сила относительно доступна по сравнению с заданным запасом капитала (т. е. в отношении к фонду заработной платы), норма прибыли будет выше, а заработной платы — ниже, чем была бы, если бы рабочая сила была относительно более редкой.

В следующей главе Смит добавил еще одно важное направление в исследовании заработной платы и прибыли. Оно связано с признанием (вслед за Хатчесоном) того, что разные способы использования труда различаются качественно. Как писал Смит, «это

различие зависит частью от некоторых условий, которые присущи самим этим отраслям и которые в действительности или только в воображении людей компенсируют малую денежную выгоду в одних и уравнивают большую выгоду в других...» (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 147). Он отметил, например, что различие ставок заработной платы между различными занятиями должно отражать различия в трудности освоения соответствующих профессий, стабильности занятости и степени ответственности, с которой связана эта работа. Также он замечал, что как заработная плата, так и прибыль должны варьировать в соответствии с различиями в приятности работы и вероятностью преуспеть в различных областях. Смит заключал, что в конкурентной среде совокупность преимуществ и недостатков различных областей применения труда и капитала должна в одном и том же районе или полностью выравниваться, или постоянно стремиться к этому (БН. Кн. I. Гл. 10).

Рента определяется как «плата за пользование землей» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 187), уплачиваемая по той причине, что земля, сама по себе способная приносить плоды, является чьей-либо собственностью и (предположительно) редка. Смит утверждал, что рента составляет чистый излишек; собственники земли предстают единственным из трех слоев общества, чей доход не связан ни с трудом, ни с заботой, но приходит к ним как будто бы сам по себе (БН. Кн. I. Гл. 11). Более того, Смит полагал, что рентные платежи несколько сродни «монопольной цене», по крайней мере, в том широком смысле, что их размер обычно равен максимуму, который возможно получить, учитывая «фактические обстоятельства, связанные с землей». Смит сознавал, что рентные платежи могут меняться в соответствии как с плодородием земель, так и с их расположением.

Смит в целом придерживался того взгляда, что земля, используемая для производства продуктов питания, всегда должна приносить ренту, величину которой он оценивал примерно как $\frac{1}{3}$ общего объема производства. Более того, он предполагал, что в долгосрочном периоде рентные платежи должны иметь тенденцию к возрастанию, по крайней мере, в абсолютном выражении, в связи с возрастающим использованием доступного запаса (земли), неизбежно связанным с ростом населения. Улучшения и усовершенствования напрямую увеличивают ренту. Доля продукта, отходящая землевладельцу, с необходимостью возрастает с ростом производства продукта. Он добавлял, что реальная стоимость доходов землевладельца со временем также должна возрастать, поскольку все те улучшения в производительных силах труда, которые непосред-

ственно сокращают реальную цену промышленных товаров, косвенно увеличивают реальную ренту, связанную с использованием земли (БН. Кн. I. Гл. 11).

Особую важность в данном случае имеют два момента. Во-первых, из анализа Смита следует, что в любой момент времени или в течение данного периода рентные платежи будут функцией степени использования (фиксированного запаса земли), где последняя, в свою очередь, будет функцией численности населения. Во-вторых, рассуждения Смита указывают, что на протяжении любого заданного периода размер рентных платежей будет связан не только с плодородием почвы, но также с преобладающими ставками заработной платы и прибыли (БН. Кн. I. Гл. 11).

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Очевидно, что в трактовке Смитом распределения ресурсов присутствует элемент статики, связывающий ее с теорией цены. Но присутствует и динамический элемент в том смысле, что Смит был в некоторой степени озабочен долгосрочными тенденциями изменения факторных доходов, трактуя факторы производства скорее как поток, нежели запас.

Статический подход, выдержанный в духе физиократов, проявляется при анализе кругооборота, а динамический — обращен к проблематике экономического роста.

Анализ кругооборота. Смитов анализ «кругообращения» можно рассматривать как прямое развитие результатов, уже сформулированных им в ходе анализа проблемы цены. Издержки производства несут производители товаров, тем самым снабжая индивидов средствами для обмена. Следовательно, если цена каждого товара (в положении равновесия) включает рентные платежи, заработную плату и прибыль в соответствии с их естественными уровнями, то «это должно относиться и ко всей совокупности товаров, составляющих годовой продукт земли и труда каждой страны» (БН. Кн. II. С. 298). Смит заключал: «Общая цена, или меновая стоимость, этого годового продукта должна раскладываться на такие же три части и распределяться между различными жителями страны» (Там же). Смит, таким образом, установил, что должна существовать взаимосвязь между агрегированным выпуском и агрегированным доходом: «Валовой доход всех жителей обширной страны состоит из годового продукта их земли и труда» (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 298).

Три главные социоэкономические группы выполняют особые и специфические функции. Землевладельцы обычно ассоциируются с расточительством и показным потреблением, в то время как наемная рабочая сила как группа сталкивается с проблемой удовлетворения более насущных нужд. «Предприниматели» обычно ассоциируются с «побуждением к сбережению», а также с готовностью инвестировать как в основной, так и в оборотный капитал; эти категории напоминают об учении физиократов.

Основной капитал определяется как та часть сбережений, которая используется для приобретения «полезных машин» или улучшения, например, производительных сил земли. Его характерной чертой является то, что товары и, в конечном счете, прибыль создаются за счет использования и *сохранения* в распоряжении владельца соответствующих инвестиционных благ. *Оборотный капитал* — это та часть сбережений, которая используется для приобретения отличных от «постоянных» инвестиционных благ, таких как рабочая сила или сырье. Характерной чертой является то, что товары производятся посредством временного «расставания» с используемыми таким образом фондами. Смит также отмечал, что в различных производствах используются разные пропорции основного и оборотного капитала, и что никакой основной капитал не «может приносить какой-либо доход иначе как при помощи оборотного капитала» (БН. Кн. II. Гл. 1. С. 295).

Система, которую описал Смит, включала производство и использование как инвестиционных, так и потребительских благ, в ней также присутствовал спрос на *услуги*, которые не вносят *непосредственного* (в физическом выражении) вклада в (годовой) выпуск товаров и, следовательно, не вносят вклада в связанный с ним доход. Смит формально охарактеризовал такой труд как «непроизводительный», но не отрицал, что подобные услуги полезны. Он указывал, что услуги «актеров, шутов, оперных певцов и музыкантов» имеют определенную *ценность*, поскольку они являются источниками удовольствия для тех, кто за них платит. Он также замечал, что услуги, предоставляемые государством, такие, как правосудие и оборона, которые оплачиваются из налогов, имеют ценность по той причине, что без них общество не могло бы существовать. Однако все такие услуги по определению непроизводительны:

«Государь, со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников. Они являются слугами общества, содержатся на часть годового продукта труда остального населения» (БН. Кн. II. Гл. 3).

Затем Смит перешел к построению модели «кругооборота», которая во многом опиралась на анализ физиократов, однако имела свою специфику, поскольку Смит разделил запасы *общества* на несколько компонентов. Это была, во-первых, та часть общих запасов, которая зарезервирована для непосредственного потребления и которой владеют *все* потребители (предприниматели, рабочие и землевладельцы). Особенностью этой части общих запасов является то, что они не приносят своим обладателям никакого дохода, поскольку представляют собой «запасы пищи, одежды, мебели и т.д., предметов домашнего обихода, которые были приобретены их непосредственными потребителями, но еще полностью не потреблены» (БН. Кн. II. Гл. 1. С. 293).

Во-вторых, существует часть общего запаса, которую можно описать как «основной капитал» и которая также будет распределена между различными группами общества. Эта часть, полагал Смит, состоит из «полезных машин», приобретенных в предшествующие периоды и принадлежащих предпринимателям, занимающимся промышленным производством, а также из количества полезных зданий и «улучшенной земли» в собственности «капиталистических» фермеров и землевладельцев вместе с «приобретенными и полезными способностями» всех обитателей, т.е. человеческим капиталом.

В-третьих, та часть общего запаса, которая может быть описана как «оборотный капитал» и которая также состоит из нескольких компонентов. Она включает количество денег, необходимых для обеспечения процесса обращения; запас продовольствия и других сельскохозяйственных продуктов, доступных для продажи в текущий период, но все еще находящихся в руках фермеров или торговцев; запас сырья и незаконченных изделий у торговцев, предпринимателей или тех капиталистов (например, предпринимателей), которые заняты в земледелии (включая добычу полезных ископаемых и т.д.). Наконец, сюда входит запас изготовленных товаров (потребительских и инвестиционных), созданных в предыдущем периоде, но остающихся в распоряжении предпринимателей и торговцев в начале рассматриваемого периода (БН. Кн. II. Гл. 1).

Логику этого процесса лучше всего показать, рассматривая по отдельности его составляющие. Предположим, что в начале рассматриваемого периода основным группам капиталистов принадлежат совокупные чистые доходы от продажи товаров в предыдущем периоде, и что предприниматели, занятые в сельском хозяйстве, ведут свой бизнес, уплачивая ренту собственникам земли за

использование этого фактора. Получаемый таким образом доход позволяет последним приобретать необходимые потребительские товары в текущем периоде, тем самым уменьшая их запас для продажи. Предприниматели (капиталисты), работающие в обоих секторах, вместе с группами торговцев, передают рабочим содержимое фонда заработной платы, тем самым обеспечивая этот социэкономический класс доходом, который может быть использован в текущем периоде. Предприниматели (или дельцы), занятые в сельском хозяйстве и промышленности, приобретают потребительские и инвестиционные товары друг у друга (при посредничестве розничных и оптовых торговцев), тем самым создавая цепочку расходов, *соединяющую* эти два сектора. Процесс круговорота завершается покупками, которые предприниматели совершают *внутри* собственных секторов. Эти покупки включают потребительские и инвестиционные товары и, таким образом, способствуют дальнейшему сокращению запаса товаров, формировавшего часть оборотного капитала общества в начале периода (т.е. года).

Принимая во внимание сказанное, функционирование системы можно представить в терминах *потоков*, в которых деньги (поступающие в форме ренты, заработной платы и прибыли) обмениваются на товары. Потребительские товары, изымаемые из существующего запаса, могут быть полностью израсходованы на протяжении текущего периода, использованы для *увеличения* запаса, «зарезервированного для непосредственного потребления», или заменить товары длительного пользования, у которых закончился срок службы в том же периоде. Аналогичным образом предприниматели могут *пополнить* свой запас сырья и основного капитала или заменить машины, полностью износившиеся в текущем периоде, а также израсходованное сырье. С этой точки зрения, «круговорот» можно рассматривать как содержащий покупки, *изымающие* товары из оборотного капитала *общества* — процесс, которому соответствует одновременный процесс его *пополнения* за счет текущего производства сырья и других товаров.

Прежде чем пойти дальше, необходимо упомянуть о двух обстоятельствах. Обсуждая функционирование «потока», Смит фактически рассмотрел «различное приложение капитала». Как он сам отмечал, напоминая о *Размышлениях* Тюрго (раздел LXXXIII), капиталы могут использоваться в сельском хозяйстве, промышленности или оптовой и розничной торговле: «Каждый из этих четырех видов приложения капитала необходим как для существования или расширения трех других, так и для общего благополучия всего общества» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 364).

Он также замечал, что нормы прибыли в каждой области следует рассматривать как взаимосвязанные, с должной поправкой на преимущества и недостатки, присущие различным способам приложения капитала. Смит также указывал, что нормы прибыли в различных областях приложения капитала будут стремиться к выравниванию в результате перемещения ресурсов между этими областями. В отрывке, напоминающем его описание процесса аллокации ресурсов, Смит отмечал, что «помыслы о своей собственной частной прибыли являются единственным мотивом, побуждающим владельца всякого капитала вкладывать его в земледелие, в мануфактуру или в какую-либо особую отрасль оптовой или розничной торговли» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 377).

Динамика. Решив изучать функционирование экономики на протяжении такого временного периода, как год, Смит придал своей модели в целом краткосрочный характер, хотя она и *включала* фактор времени. Но он не стремился сформулировать условия *равновесия* модели, как это сделал Кенэ в своем *Анализе*, — по крайней мере, в том смысле, что не пытался строить рассуждения, используя конкретные количественные предпосылки. Отсутствие у Смита интереса к «макростатическому» равновесию в какой-то степени подтверждает тот факт, что он принимал во внимание проблему, возникающую в связи с тем, что скорость использования различных товаров может быть различна.

Смит также не предполагал, что уровень выпуска, достигнутый на протяжении любого заданного периода, будет в точности достаточен для возмещения товаров, израсходованных в течение этого периода. Напротив, он утверждал, что уровни выпуска, достигнутые в любой заданный период, вполне могут *превышать* свои предыдущие значения. Основным предметом, заботившим Смита, был экономический рост:

«Годовой продукт земли и труда какой-либо нации может быть увеличен в своей стоимости только посредством увеличения числа ее производительных работников или производительной силы прежде занятых рабочих» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 350).

Оба источника увеличения выпуска требовали «дополнительного капитала», направляемого либо на прирост фонда заработной платы, либо на покупку «машин и орудий, облегчающих и сокращающих труд» (Там же). Ключевым фактором в этом процессе являются *чистые сбережения*:

«Бережливость, увеличивая фонд, предназначенный на содержание производительных работников, ведет к увеличению числа тех работников, труд которых увеличивает стоимость предметов, к которым он прилагается. Она ведет поэтому к увеличению меновой стоимости годового продукта земли и труда данной страны. Она приводит в движение добавочное количество труда (*industry*), которое придает добавочную стоимость годовому продукту» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 345).

Чистые сбережения, используемые для «производительных» целей, с большой вероятностью будут способствовать увеличению объема выпуска и дохода в последующие периоды. При существовании возможностей для инвестирования процесс накопления капитала и экономического роста можно рассматривать как самоподдерживающийся; это указывает на то, что смитову версию «потока» необходимо рассматривать не как «круг», но как постоянно расширяющуюся спираль. Именно в этой связи Смит высказывал предположение, которое должно было стать важным при формулировке классической системы, позднее ассоциируемой с именами Ж.-Б. Сэя и Джеймса Милля; а именно — «то, что сберегается в течение года, потребляется столь же регулярно, как и то, что ежегодно расходуется, и притом в продолжение почти того же времени, но потребляется совсем другими людьми» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 345). Это перекликается с более ранним замечанием: «Человек должен быть лишен всякого здравого смысла, если в стране, где существует достаточно устойчивый порядок, он не употребляет весь имеющийся в его распоряжении запас капитала...» (БН. Кн. II. Гл. 1. С. 297).

Смитова трактовка экономического роста была дополнена указанием, сделанным при обсуждении разделения труда, что технические перемены эндогенны и непрерывны (см. выше — *Разделение труда*). Смит утверждал, что экономический процесс с большой вероятностью сопровождается возрастающей отдачей от масштаба, но при этом маловероятно, что он полностью осознавал темп технических изменений, происходивших в его время. Однако он также проявлял интерес к другим факторам, способным повлиять на темп роста, каждый из которых имеет отношение к сказанному.

Смит отмечал значение количества ресурсов, необходимого для поддержания основного капитала, и обращал внимание на последствия коммерческого провала, который всегда ведет к «уменьшению фонда, предназначенного на содержание производительного труда» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 348). Размер государственного сектора он также считал важным фактором, поскольку «весь, или почти

весь, государственный доход в большинстве стран расходуется на содержание непроизводительных элементов» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 349).

Он также обращал внимание на значение «огромных долгов, которые в настоящее время гнетут и, в конечном счете, вероятно, разорят все великие нации Европы» (БН. Кн. V. Гл. 3. С. 843). Смит отмечал, что объем долга в Британии к 1775 г. достиг 130 млн фунтов стерлингов, и около 124 млн из общей суммы было размещено в государственных ценных бумагах (БН. Кн. V. Гл. 3. С. 853). Отвлекаясь от проблемы налогов, Смит высказывал озабоченность тем, что практика секьюритизации фактически означала, что определенная часть годового продукта отвлекалась от функционирования в качестве капитала, чтобы служить в качестве дохода (БН. Кн. V. Гл. 3). Это утверждение представляло собой вариант основного тезиса Смита о том, что темп роста должен определяться той степенью, в которой ресурсы используются для поддержки производительного труда в противовес непроизводительному (БН. Кн. II. Гл. 3).

Смит шел дальше и утверждал, что на темп роста будет влиять на то, куда будут направлены инвестиции, возникшие в результате инъекций капитала. Он показывал, что инвестиции в основные области, упомянутые при описании «потока», будут прямо или косвенно поддерживать то или иное количество производительного труда. *Розничный торговец* возвращает капитал оптового торговца, у которого он закупает товары, и этим поддерживает определенное количество работников, даже если он сам является единственным производительным работником, непосредственно занятым в бизнесе. *Оптовый торговец* возвращает вместе с прибылью капиталы фермеров и производителей, с которыми он ведет дела и у «которых он покупает сырые продукты и готовые изделия, составляющие предмет его торговли» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 366). И прямо, и косвенно оптовый торговец поддерживает большее количество производительных работников, чем розничный. Если оптовая торговля предпочиталась розничной, то *промышленность* оказывалась еще более важной, поскольку инвестиции в эту область косвенно поддерживали бы относительно большое количество производительного труда, возвращая капитал тех, кто поставяет машины и сырье, и в то же время непосредственно обеспечивая занятость относительно большого числа людей. Но, несомненно, Смит предпочитал всему сельское хозяйство, как это было уже зафиксировано в *LJ*: «Никакой равный по объему капитал не приводит в движение большего количества производительного труда, чем капитал фермера». Отсюда он делал вывод, что «это самый

выгодный для общества из всех существующих способов приложения капитала» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 367).

Смит выдвинул два дополнительных предположения, которые, *по-видимому*, вытекают из только что сформулированного тезиса. Во-первых, он заявлял, что там, где доступного запаса капитала не хватает для сельского хозяйства, промышленности и торговли, максимальный темп роста будет достигнут путем концентрации инвестиций на первом из перечисленных направлений. Он полагал, что темп экономического роста в Европе был ниже, чем мог бы быть, и что «сельское хозяйство... почти везде способно поглотить гораздо больший капитал, чем какой-либо прилагался в нем» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 377–378). Во-вторых, он утверждал, что существует естественная *последовательность* инвестиций: «При естественном ходе вещей большая часть капитала всякого развивающегося общества направляется прежде всего в земледелие, затем в мануфактуру и в последнюю очередь — во внешнюю торговлю» (БН. Кн. III. Гл. 1. С. 384).

Теория накопления капитала Смита является главной темой второй книги *БН* и завершает логику его более ранних частей, проливая свет на источник долгосрочных изменений факторных платежей. Внимание Смита к долгосрочному периоду также объясняет основной выбор темы гл. 5 кн. I *БН*, где он обсуждал вопрос о мере стоимости в контексте проблемы экономического роста. Он стремился обосновать утверждение, что реальная стоимость дохода может быть измерена только в единицах количества товаров или количества труда (*воплощенного труда*), которое этот доход позволяет индивиду приобрести или которым позволяет распоряжаться (БН. Кн. I. Гл. 5. С. 88). Смит также стремился найти способ измерить степень улучшения (или ухудшения) положения индивида на протяжении длительных периодов времени, соотнося улучшение в благосостоянии со снижением «усилий в расчете на единицу дохода» (Блауг, 1994. С. 46).

И все же, насколько бы «завершенной» ни была работа Смита, в ней есть несколько недостаточно прописанных моментов, о трех из которых здесь можно упомянуть. Выдвинув тезис о «естественном росте изобилия», Смит развил его, утверждая, что «этот естественный порядок вещей» во всех современных европейских государствах оказался во многих отношениях вывернутым на голову.

«Внешняя торговля в некоторых городах вызвала устройство тонких мануфактур, мануфактуры и внешняя торговля, вместе взятые, породили главные улучшения в земледелии» (БН. Кн. III. Гл. 1. С. 385).

Эти отрывки предваряют кн. III, в которой прослеживается становление стадии торговли, и удивительным образом представляются исторические *факты*, упоминавшиеся в *LJ*, как в некотором смысле *неестественные*.

Сходные трудности возникают в кн. II, где устанавливается иерархия сфер инвестирования, иерархия, к которой Смит обращается при анализе отношений с Америкой, желая «показать», что темп роста последней должен отличаться от темпа роста метрополии. Природа отношений с Америкой, утверждал Смит, принудила колонистов к развитию производства сырых продуктов (БН. Кн. IV. Гл. 7), в то время как колониальная торговля Великобритании привлекала капитал с более ближних рынков (Европы) и перенаправляла его на удаленный рынок, вытесняя некоторую часть капитала из прямой в косвенную международную торговлю — и все это имело свои последствия для нормы прибыли, использования производительного труда и, следовательно, темпа экономического роста.

Губернатор Поунолл был первым, кто заметил, что Смит не привел *эмпирических* свидетельств в поддержку своих рассуждений (Correspondence, letter 369, 1776). Видя, как Смит опирается на различия в производительности инвестиций, Поунолл также заметил, что «предположения», сделанные в кн. II, были использованы «во второй части вашей работы [кн. IV] как данные; когда вы стремитесь доказать, что монополия на колониальную торговлю является коммерческим институтом, неблагоприятным для страны» (Correspondence, letter 354). Смит признавал проницательность Поунолла (Correspondence, letter 182, dated London, 1777) и позднее писал Андреасу Хольту (Correspondence, letter 208, dated Oct. 1780), что учел возражения губернатора во втором издании *БН*. На самом деле он был далек от того, чтобы действительно сделать это. Смит добавил в третье издание, появившееся в 1783 г., в год заключения мира с Америкой, отрывок, в котором предполагается, что «нет необходимости в настоящее время останавливаться дальше на этом, чтобы показать все будущее системы, истинный смысл которой выявил печальный опыт» (БН. Кн. IV. Гл. 8. С. 611–612).

Третья область критики раскрывается в *Принципах политической экономии и налогообложения* (1817) Давида Рикардо. Он стремился обобщить теорию стоимости, в основе которой лежало понятие *воплощенного труда* и которая была обращена к примитивному состоянию общества, когда единственным фактором производства является труд, соединив ее с четко сформулированной теорией дифференциальной ренты, которая фактически устранила двусмысленность

ленности в данном вопросе у Смита. Теперь хорошо известно, что Рикардо также соединил анализ этих проблем со смитовым подходом к росту народонаселения, предложив формальное описание перехода от «расширяющегося развития» к «стационарному», о котором упоминал и Смит.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Аналитический инструментарий Смита, примененный к анализу вероятных закономерностей функционирования экономики, привел его к тому, чтобы выступить с требованием экономической свободы; требованием, которое уже присутствовало в *LJ* и появление которого можно датировать периодом его пребывания в Эдинбурге (Stewart, IV. 25). Это требование повторяется в *БН*, когда Смит призывает монарха освободиться от обязанности,

«при выполнении которой он всегда будет подвергаться бесчисленным обманам и подменам, выполнение которой недоступно никакой человеческой мудрости или знанию об обязанности руководить частным лицом и направлять его к занятиям, более соответствующим интересам общества» (БН. Кн. IV. Гл. 9. С. 647).

В этом хорошо знакомом отрывке скрыта очень важная мысль; а именно, что хотя институты экономики обмена согласуются с институтом личной свободы (например, в рамках закона), они сами по себе недостаточны для того, чтобы установить то, что Смит описывал как «систему естественной свободы» (Там же). Фактически одной из наиболее важных функций государства является *поиск и устранение* препятствий для эффективного функционирования экономики. Смит обращал внимание, например, на неблагоприятные последствия закона об ученичестве и цеховых привилегиях. Подобные правила критиковались им на том основании, что они являлись одновременно и неразумными, и несправедливыми: несправедливыми в том смысле, что контроль над степенью квалификации, необходимой для вступления в профессию, был нарушением священнейшего права собственности — права на свой труд (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 167), и неразумны, поскольку подобные правила сами по себе недостаточны для того, чтобы гарантировать умение. При этом Смит подчеркивал, что рассматриваемые правила сказались бы неблагоприятно на работе всего рыночного механизма. «Уставы об ученичестве препятствуют свободному переходу труда от одного занятия к другому, даже в пределах одной и той же местности. Исключительные привилегии цеховых корпораций не допускают такого же перехода из одной местности в дру-

гую, даже в пределах одной и той же профессии» (БН. Кн. I. Гл. 19. С. 179). Он также отмечал проблемы, созданные Законами о бедных и Законами об оседлости, которые еще сильнее ограничивали свободное перемещение труда из одной местности в другую (БН. Кн. IV. Гл. 2. С. 436).

Кроме того, Смит возражал против привилегий, таких, как монопольная власть, которые он считал порождением гражданского права. Этот институт вновь был представлен как неразумный и несправедливый: несправедливый, поскольку монопольное положение является привилегированным и выгодным, и следовательно, «противоречит справедливости и равенству, которое монарх должен проявлять ко всем классам своих подданных»; неразумный, поскольку цена, по которой продаются монополично контролируемые товары, «во всех случаях является высшей ценой, какая только может быть получена» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 115). Он также отмечал, что монополия является страшным врагом хорошего управления и что у этого института есть еще один недостаток, связанный с ограничением притока капитала в монополизированные отрасли в результате существовавших законодательных барьеров для входа.

Полезно отличать общий протест Смита против монополии от его же критики одной конкретной ее формы; а именно, меркантилистской системы государственного регулирования экономики, которую он называл «современной системой» экономической политики, лучше всего понимаемой «в нашей стране в наше время». Смит утверждал, что меркантилистская политика, нацеленная на обеспечение положительного торгового баланса с помощью контроля над экспортом и импортом, политика, логика которой лучше всего была выражена Законами о торговле и мореплавании, которые определяли характер торговли между Великобританией и ее колониями, и были разработаны, чтобы создать фактически самодостаточное Атлантическое экономическое сообщество.

Смит возражал против текущей политики описанного типа на том основании, что она искусственно ограничивала рынок и таким образом разрушала возможности для экономического роста. Смит был убежден, что подобная политика уязвима для критики, которая может быть выдвинута против всех вообще мероприятий меркантилистской системы, а именно что «они насильственно направляют некоторую часть труда страны в русло, менее выгодное, чем то, по какому он направлялся бы, будучи предоставлен самому себе» (БН. Кн. IV. Гл. 5. С. 495). В *БН* Смит делал акцент на вмешательстве в механизм аллокации в отличие от *LJ*, где больше внимания уделялось несостоятельности стремления к положительному тор-

говому балансу — аргумент, в значительной степени опиравшийся на анализ кругооборота денег, предложенный Юмом.

Хотя трудно судить, в какой степени призыв к экономической свободе объяснял реакцию современников на *БН*, в Англии он мог быть решающим фактором (Шумпетер. 2001. Т. 1. С. 185), не может быть сомнений в том, что следующие поколения находили аргументацию (и риторику) Смита привлекательной. Празднества, которыми отмечался 50-летний юбилей выхода книги, продемонстрировали широкую и продолжающуюся поддержку доктрины свободной торговли. В 1876 г., на обеде в Клубе политической экономии в честь столетия *БН*, один оратор назвал свободную торговлю наиболее важным последствием работы, проделанной «этим простым профессором из Глазго», и предсказывал, что

«грядет то, что можно назвать отрицательным развитием политической экономии, способным оказать серьезное благотворное воздействие; а именно это такое развитие политической экономии, которое будет вводить функции государства во все более узкие рамки» (Black, 1976, р. 51).

Сейчас это мнение все еще пользуется поддержкой многих.

Трудно спорить с Джейкобом Винером, что «Смит в целом верил, что существует, по меньшей мере, сильное недоверие к деятельности государства» (Viner, 1928, р.140). Но тот же Винер напомнил своим слушателям во время Чикагской конференции в честь 150-летнего юбилея публикации *БН*: «Адам Смит не был доктринером в поддержке *laissez-faire*. Он видел широкие, гибкие рамки деятельности государства» (р. 153–154). Ряд примеров, все из которых были указаны Винером в его классической статье, можно кратко привести здесь.

Во-первых, Смит был готов оправдать конкретные меры государственной политики, призванные решить специфические задачи по мере их возникновения; это принцип вмешательства *ad hoc*. Он защищал использование клейм на серебряных изделиях и полотно как наиболее действенную гарантию их качества (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 168), принудительное регулирование залоговых операций (БН. Кн. V. Гл. 2. С. 797), законодательную защиту контрактов (БН. Кн. I. Гл. 9. С. 144) и государственный контроль за чеканкой монеты. Вдобавок он поддерживал предоставление временной монополии торговым объединениям, изобретателям новых машин и, что не удивительно, авторам новых книг (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 701). Он также советовал правительствам, в случае если они сталкивались с пошлинами, установленными конкурирующим государством,

отвечать той же монетой, особенно если такие ответные меры могут привести к отмене высоких пошлин или ограничений. Приобретение вновь обширного иностранного рынка возместит с избытком временную невыгоду, заключающуюся в необходимости платить дороже за некоторые товары в течение непродолжительного времени (БН. Кн. IV. Гл. 2. С. 454).

Во-вторых, Смит высказывался в пользу налогообложения, но не как способа получения дохода, а как источника социальных реформ и способа компенсации того, что сейчас назвали бы ограниченной способностью предвидения. Во имя *общественного* интереса Смит поддерживал налоги на розничную продажу алкоголя, чтобы сдерживать распространение пивных и дифференцированные ставки налога на эль и крепкие напитки, чтобы сократить продажи последних (БН. Кн. V. С.18). Он защищал налогообложение тех земельных собственников, которые требовали уплаты ренты натурой, и тех, которые предписывали определенные методы возделывания земли. Смит также утверждал, что практику продажи будущего дохода ради настоящего необходимо сдерживать на том основании, что она сокращает функционирующий капитал арендатора и одновременно передает часть капитала тем, кто использует его, скорее, на цели текущего потребления, чем на инвестиции, которые непосредственно поддерживали бы производительный труд (БН. Кн. V. Гл. 2).

Смиту, в-третьих, было прекрасно известно, что в современных условиях «кругооборот» зависел от бумажных денег и кредита; фактически это система «двойного кругооборота», включавшая комплекс трансакций, объединявших производителей и торговцев, а также торговцев и покупателей (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 33). Именно в этом контексте он защищал контроль над ставкой процента, которая должна быть установлена на таком уровне, чтобы «повсюду предпочитались в качестве должников здравомыслящие люди, а не расточители и спекулянты» (БН. Кн. II. Гл. 4. С. 362). Он также проявлял готовность регулировать выпуск мелких банкнот в интересах стабильности банковской системы. Тем, кто возражал против этого предложения, Смит отвечал, что этого требуют интересы общества, и заключал: «Обязательство возводить брандмауэры между домами, чтобы предотвратить распространение пожаров, представляет собой нарушение естественной свободы такого же характера, как и регулирование банковских операций, предложенное здесь» (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 333). Хотя монетарный анализ не считается сильной стороной Смита, следует помнить, что, будучи свидетелем краха Банка Эйр, он был вполне осведомлен о проблемах,

создаваемых изощренной структурой кредита, и именно в этом контексте предложил чрезвычайно общий принцип; а именно, что «такие проявления естественной свободы немногих отдельных людей, которые могут подвергать опасности благополучие всего общества, ограничиваются и должны ограничиваться законами всех правительств, как самых свободных, так и наиболее деспотичных» (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 333).

В-четвертых, необходимо обратить внимание на утверждение Смита, что основной обязанностью государства должно быть «основание и содержание таких общественных сооружений и таких общественных работ, которые, будучи, может быть, в самой высокой степени полезными для общества в целом, не могут, однако, своей прибылью возместить расходы отдельного человека или небольшой группы людей, поэтому нельзя ожидать, чтобы частное лицо или небольшая группа частных лиц основывали и содержали их» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 675–676). Приведенные Смитом примеры таких общественных сооружений включали дороги, мосты, каналы и гавани — в полном соответствии с условиями того времени и вниманием Смита к вкладу транспорта в эффективное функционирование рынка и экономический рост. Но хотя по современным стандартам этот список слишком короток, обсуждение этой проблемы все же представляет интерес по двум основным причинам. Во-первых, Смит утверждал, что общественные сооружения или работы должны предоставляться государством только там, где рынок не может сделать этого; во-вторых, он настаивал на том, чтобы учитывались требования эффективности и справедливости.

Как указал в известной статье Натан Розенберг (1960), Смит не утверждал, что правительства должны *непосредственно* предоставлять соответствующие услуги; скорее, они должны задавать институциональные условия, позволяющие задействовать мотивы и интересы тех агентов, которых это затрагивает. Смит без устали подчеркивал, что в любой профессии «старательность большинства тех, кто занимается ею, соответствует необходимости для них проявлять ее» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 705); это равным образом справедливо для учителей, судей, профессоров, государственных служащих и администраторов.

Что касается справедливости, Смит утверждал, что общественные сооружения, такие как дороги, мосты и каналы, должны оплачиваться теми, кто их использует, пропорционально порождаемому износу, — выражение того общего принципа, что платить должен тот, кто получает выгоду. По соображениям эффективности он также отстаивал форму прямых платежей, поскольку только так

можно обеспечить предоставление необходимых услуг там, где в них существует ощутимая потребность (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 667).

И все же Смит сознавал, что не всегда окажется возможно финансировать или поддерживать общественные сооружения, не обращаясь к всеобщему налогообложению. В этом случае, как утверждал он, «местные или провинциальные расходы, выгода от которых получает область или провинция» не должны финансироваться за счет всеобщего налогообложения: «Несправедливо, чтобы общество в целом доставляло средства на оплату расходов, производимых в пользу одной лишь части общества» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 753). Однако он соглашался, что всеобщее участие целесообразно в тех случаях, когда общественные сооружения приносят выгоду всему обществу и не могут поддерживаться вложениями «тех именно членов общества, которые наиболее непосредственно пользуются ими» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 753).

Но и здесь основные черты системы свободы проявляются в том, каким образом должно осуществляться налогообложение. Руководствуясь соображениями общественного благосостояния, Смит указывал, что налоги нужно взимать в соответствии с принципами справедливости, определенности, удобства и экономии (БН. Кн. V. Гл. 2), и настаивал на том, что налоги нельзя взимать способами, ущемляющими свободу субъекта, — например, посредством отвратительных визитов и инспекций сборщика налогов. Подобным же образом он утверждал, что налоги не должны изменять механизма аллокации (как это делают, например, налоги на предметы первой необходимости или занятие определенным видом деятельности) или существенно подавлять индивидуальные усилия, от которых зависит эффективное функционирование всей системы (например, налоги на прибыль или продукцию сельского хозяйства).

ЭТИКА И ИСТОРИЯ

Рассмотренные выше взгляды Смита в области экономической политики тесно связаны с его экономическим анализом. Другие его представления можно адекватно воспринять только в контексте его работ в области этики и юриспруденции.

Напомним, что для Смита в основе нравственного суждения лежит способность мысленно симпатизировать другим людям и что симпатия возникает в отношении определенной социальной группы (ТНЧ. Ч. III. Гл. 1. С. 123). Однако Смит также отмечал, что механизм беспристрастного наблюдателя может разрушиться

в условиях современной экономики отчасти из-за размера производственных коллективов и городов, в которых они существуют.

Смит писал, что в фактических условиях современного общества бедный человек мог оказаться в ситуации, когда «зеркало», показывающее, какими для человека являются другие люди, перестает выполнять свои функции (ТНЧ. Ч. III. Гл. 1. С. 123).

«В силу своего положения человек знатный и состоятельный является заметным и выдающимся членом большого общества, которое следит за каждым его шагом и таким образом вынуждает его самого следить за собственным поведением... Человек низших классов, напротив, отнюдь не является заметным членом какого-либо большого общества. Пока он живет в деревне, за его поведением могут следить, и он сам, может быть, вынужден следить за собственным поведением... Но стоит ему поселиться в большом городе, и он погружается в неизвестность и мрак. Никто уже не наблюдает за его поведением, поэтому весьма вероятно, что он перестанет сам следить за ним и предастся всем видам низменной распущенности и порока» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 734).

В современном контексте предположение Смита можно истолковать в том смысле, что индивид, оказавшийся в такой ситуации, естественно, стал бы искать некоей компенсации, зачастую находя ее не просто в религии, а в религиозных *сектах*; т. е. небольших социальных группах, став членом одной из которых «он фактически выходит из своей неизвестности, а его поведение делается предметом большого внимания общества почтенных людей» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 734). Смит, замечая, что нравы таких сект зачастую были «строги и антиобщественны», рекомендовал две меры для противодействия им.

Первая из этих мер — образование, поскольку наука является «великим противоядием против отравы суеверия и фанатизма». Смит предположил, что государству следует учредить некую разновидность «экзамена даже по высшим и более сложным наукам, которому должно подвергаться всякое лицо для получения разрешения заниматься какой-либо свободной профессией или для назначения на какую-нибудь почтенную должность, ответственную или доходную» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 735). Второй мерой служит поощрение тех, кто мог бы продемонстрировать заблуждения сектантства, способствуя повышению интереса к живописи, музыке, танцу, драме — и сатире (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 735).

Если осознание проблемы одиночества и изоляции, порожденных ростом городов, определяют одну из сторон озабоченности Смита, то вторая сторона связана с пониманием изменений в ха-

рактере разделения труда, происходящих в этих условиях. В более ранних частях своего исследования Смит подчеркивал выгоду для общества в целом от роста производительности, связанного с разделением труда. Но позднее он замечал, что этот важный источник может быть сопряжен с социальными издержками:

«С развитием разделения труда занятия подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводятся к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранить трудности, которые никогда ему не встречаются» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 722).

Продолжая, Смит указывал, что, несмотря на впечатляющий рост *реального дохода*, современный рабочий может находиться в относительно худшем положении, чем бедный дикарь, поскольку в примитивных обществах разнообразие занятий всех их членов — экономических, политических, военных — предохраняет их разум от той сонливости, которая «в цивилизованном обществе притупляет умственные способности почти всех членов низших классов народа» (Там же). Именно то, что «работающие бедняки, т. е. большинство людей» могут впасть в описанное состояние, делает необходимым вмешательство государства.

Оправданием такого вмешательства, по мнению Смита, является, как и раньше, провал рынка, заключающийся в том, что работающие бедняки в отличие от людей, обладающих положением и состоянием, не имеют времени, средств или (в силу рода своих занятий) склонности давать образование своим детям (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 724). На фоне этой масштабной проблемы предлагаемая Смитом программа представляется довольно ограниченной. Она основана на предпосылке, что «люди из простонародья не могут в цивилизованном обществе получить такое хорошее образование, как люди знатные и состоятельные» (Там же). Однако он утверждал, что всем им можно дать наиболее базовые части образования, научить читать, писать и считать, познакомить с «элементарными отделами геометрии и физики» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 725). Смит добавлял:

«Государство может сделать *необходимым* почти для всего населения приобретение этих наиболее существенных знаний, сделав обязатель-

ным экзамен или испытание в них для каждого, желающего сделать-ся членом какой-либо корпорации или намеревающегося заняться каким-либо промыслом в деревне или городе» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 725; курсив наш).

Отдельно, хотя и в связи с приведенным выше, Смит высказывал озабоченность падением воинственного духа, что является следствием природы четвертой — торговой — стадии общественного развития. Он заключал:

«Если бы даже военный дух народа был бесполезен для защиты государства, все же в интересах предотвращения распространения в массе народа того рода моральной искалеченности, обезображенности и несчастья, к каким неизбежно ведет трусость, он заслуживает самого серьезного внимания правительства...» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 726–727).

Смит продолжал и уподобил контроль над трусостью предотвращению «проказы или любой другой ненавистной и отвратительной болезни», чем побудил Джейкоба Винера добавить общественное здравоохранение к уже и без того длинному списку функций, которые Смит присваивал государству (Viner, 1928, p.150). Эта озабоченность Смита побудила Винча (1978) отыскать в работах Смита *свидетельства* более древнего, классического интереса к вопросу о гражданстве. Другие (см., например, Hont and Ignatieff, 1983) отнесли Смита к традиции гражданского гуманизма¹.

Историческая составляющая трудов Смита влияет также на его подход к вопросам политики. Смит замечал, что в каждом обществе, находящемся в переходном состоянии, «законы часто продолжают сохранять свою силу долгое время после того, как исчезли обстоятельства, которые породили их и которые одни только могут придать им смысл» (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 386). В таких случаях Смит советовал отказываться от тех мер, которые когда-то были целесообразными, но больше не являются таковыми. Он привел в качестве примера законы о наследовании; целесообразные в феодальный период, во времена Смита они ограничивали продажу и улучшение земли. Постоянная проверка *актуальности* конкретных законов является важной функцией «законодателя» (Naakopsen, 1981).

Аналогично, обсуждая такие важные функции государства, как правосудие и оборона, Смит опирался на анализ стадий обществен-

ного развития, в ходе которого была высказана важная мысль о том, что постепенное изменение экономической и социальной структуры породило необходимость содержания регулярной армии (БН. Кн. V. Гл. 1).

Но, возможно, наиболее удивительным и интересным является то, что четвертую стадию развития экономики Смит мог соотносить с конкретной формой социальной и политической структуры, определяющей основные *очертания государства* и рамки, в которых оно должно функционировать. В этой связи можно вспомнить, что Смит связывал четвертую стадию развития экономики с устранением отношений прямой зависимости, которая была характерна для аграрного периода феодализма. Политически важным изменением, связанным с четвертой стадией, он считал рассредоточение власти, обусловленное появлением новых форм богатства, которые, *по крайней мере, в тех своеобразных обстоятельствах, в которых находилась Англия*, нашли отражение в возросшем влиянии палаты общин.

Смит сознавал, что в этих условиях государство представляет собой сложный инструмент и что несение государственной службы само по себе является предметом амбициозных устремлений — состязательной игрой, целью которой является «вытянуть один из больших выигрышей, выбрасываемых иногда колесом большой государственной лотереи британской политической жизни» (БН. Кн. IV. Гл. 7. С. 591).

И все же для Смита наиболее важным было то, что те же самые экономические силы, которые вызвали усиление палаты общин, также сделали ее важной точкой пересечения частных интересов — изменение, которое могло существенно повлиять на принимаемые законы и сказаться тем самым на том широком представлении об общественном благе, которому в идеале должна была бы быть подчинена работа Парламента.

В *Богатстве народов* признается, что группы, распоряжающиеся землей, деньгами, промышленностью и торговлей, обладают специальными интересами, которые могли бы вмешиваться в работу правительства. Смит часто упоминал их «крикливые приставания» и даже пошел настолько далеко, что предположил, что власть, принадлежащая работодателям, способна серьезно ущемлять интересы других слоев общества (БН. Кн. I. Гл. 8, 10).

Смит настаивал на том, что к предложению об издании какого-либо нового закона, исходящему от этого класса:

«надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмот-

¹ Термин, введенный американским историком Г. Бароном в 1950-е годы для описания флорентийского гуманизма — направления XIV–XV вв., в котором проблемы этики тесно переплетались с социально-политическими. — *Прим. науч. ред.*

рения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит из того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение, угнетать его, и который действительно во многих случаях вводил его в заблуждение и обманывал» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 282).

Он также осознавал опасность манипуляций, связанных с введением гражданского листа¹ (LJ (A), iv. 175–176).

Не менее интересно заметить, насколько часто Смит писал об ограничениях, вызываемых «устоявшимися привычками и предрассудками» людей, и о необходимости адаптировать законодательство к тому, что позволяют «интересы, предрассудки и нравы соответствующего периода» (БН. Кн. IV. Гл. 5; Кн. V; ТНЧ. Ч. VI. Гл. 2). Подобные высказывания свидетельствуют о том, что Смит придавал большое значение образованию. Он утверждал, что образованный народ скорее сможет распознать корыстные жалобы и претензии различных группировок. Он предупреждал:

«в свободных странах, где устойчивость правительства очень сильно зависит от благоприятной оценки образа действий народом, чрезвычайно важно, чтобы последний не был склонен судить о правительстве слишком быстро и опрометчиво» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 727).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В отличие от современного читателя, студенты, слушавшие курс Смита в Глазго, были более подготовлены к тому, чтобы понять, как то, что его различные составные части важны сами по себе, так и то, что они взаимосвязаны. Рассуждения об этике ясно показывают, каким образом возникают общие правила поведения, в том числе правила *справедливости*, и показывают необходимость в некоторой системе судебной власти или государственного управления. Обсуждая право, Смит демонстрирует, как возникло и развивалось государство, и одновременно касается сути правил поведения, возникших в различных обществах.

Студентам Смита также было очевидно, что его подход к экономике основывался на психологических суждениях (таких, как жажда статуса), которые можно объяснить только в рамках этики, а также что в этой части рассуждений Смит принимает как данность

¹ В Великобритании — денежная сумма на содержание лиц королевской семьи, введена в 1660 г. при восстановлении монархии. Современная система гражданского листа была создана при вступлении на престол Георга III в 1760 г. — *Прим. науч. ред.*

конкретную социоэкономическую структуру, соответствующую четвертой, торговой стадии экономического развития. Понять замысел Смита можно только изучая логику развития его идей в том виде, как они были представлены в его лекциях по этике, юриспруденции и экономике, причем в том порядке, в котором, как мы знаем сегодня, он их читал. Равным образом анализ государственной политики в *БН* приобретает особый смысл, когда мы рассматриваем его не только как развитие предшествующих экономических рассуждений, но также в свете соответствующих идей в области этики и юриспруденции.

Но стоит также напомнить, что каждый отдельный компонент системы представляет собой научную работу в стиле Ньютона, и в том же стиле было задумано и объединяющее их целое. Научные устремления Смита были столь же реальны, как его понимание методологических трудностей, которые могут возникнуть в ходе такой работы. Подобные факты позволяют завершить эту статью обращением к тому, что Смит знал и писал о научной литературе.

Интерес Смита к математике проявился еще когда он был студентом в Глазго (Stewart, I.7). Он, похоже, также сохранял общий интерес к естественным и биологическим наукам — факты, которые подтверждаются книгами, которые он покупал для университетской (Scott, 1937, p.182) и собственной библиотек (Mizuta, 1967). Смитово «Письмо к авторам *Эдинбургского обозрения*» (1756), в котором он предупреждал против необоснованной ограниченности шотландской литературой, позволяет заключить, что Смит был широко начитан в области естественных наук. Письмо также содержит ссылки на статьи из французской *Энциклопедии*, на труды Бюффона, Добантона и Реомюра. Д.Д. Рафаэль утверждал, что в *Письме* он во многом опирался на работы Юма (EPS, 248, n.13).

Эссе об астрономии, датированное тем же периодом (известно, что оно было написано до 1758 г.), показывает, что Смит был знаком как с классическими, так и с более современными представлениями таких авторов, как Галилей, Кеплер и Тихо Браге, — полезное напоминание о том, что философ XVIII в. мог работать на передовых рубежах современного ему знания сразу в нескольких областях науки.

Но Смита также интересовала наука как форма общения — в *Лекциях по риторике и литературе* он утверждал, что способ организации этого типа дискурса должен отражать как его цель, так и представления о психологических характеристиках аудитории.

В своей лекции, прочтенной 24 января 1763 г., Смит отмечал, что дидактические или научные произведения могут преследовать одну из двух целей: либо «высказать тезис и доказать его с помощью

различных аргументов, ведущих к этому выводу», либо развивать систему в какой-либо науке. Что касается последнего, то Смит высказывался в пользу того, что он называл ньютоновским методом, в рамках которого мы «закладываем определенные принципы, известные или доказанные изначально, опираясь на которые, мы описываем несколько явлений, связанных между собой» (LRBL. Ch. 2. P. 133). Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, Смит ясно дает понять, что именно Декарт, а не Ньютон был первым, кто использовал этот метод *доказательства*, хотя первый воспринимался как автор «одного из наиболее занимательных из когда-либо написанных романов» (LRBL, 134; Letter 5). Во-вторых, его упоминание об удовольствии, которое можно извлечь из метода Ньютона (LRBL. Ch. 2. P. 134), привлекает внимание к проблеме научной *мотивации*, теме, которая впоследствии была развита в *Астрономии*, где Смит обратился к тем принципам, «которые ведут и направляют научный поиск».

В *Астрономии* как данность принимались некоторые результаты, которые были получены в лекциях Смита о языке и *Consideration*; а именно, что люди обладают способностью к актам «упорядочения или классификации, сравнения и абстракции» (LRBL. Ch. 2. P. 207; Correspondence, letter 69, dated 7 Feb. 1763).

Но в эссе об астрономии заложен несколько иной подход к этому вопросу — Смит утверждает, что обладающий описанными выше способностями ум извлекает некое удовольствие из созерцания связи, сходства или упорядоченности — или, как сказал бы Юм, из определенной ассоциации идей. Смит коснулся весьма тонкого момента, утверждая, что, когда разум сталкивается с новым явлением, которое не укладывается в уже установившуюся классификацию, или когда мы встречаемся с неожиданной ассоциацией идей, мы испытываем удивление, а затем — интерес (Astronomy. Ch. II. P. 9). За этим обычно следует попытка объяснить увиденное, рассчитанная на то, чтобы вернуть нашему «воображению» покой (Astronomy. Ch. II. P. 6).

Рассмотренная под таким углом задача объяснить становится осознанной потребностью, которую можно удовлетворить лишь тогда, когда представленное объяснение логически последовательно и выражено в терминах, пригодных для описания рассматриваемого явления на языке «знакомых» принципов. Смит был убежден, что реакция философа или ученого бывала аналогична реакции обычного наблюдателя и что природа как целое «похоже, изобилует событиями, которые представляются исключительными и нелогичными», тем самым нарушая «свободное движение вооб-

ражения» (Astronomy. Ch. II. P. 12). Но он также отмечал, что философы занимаются научными изысканиями «ради них самих, как удовольствия или блага самого по себе» (Astronomy. Ch. III. P. 3).

Большая часть эссе об астрономии посвящена иллюстрации степени, в которой четыре выделенные Смитом великие системы мысли — системы концентрических и эксцентрических сфер, а также теории Коперника и Ньютона — были фактически способны «успокоить воображение». Но Смит придал этому рассуждению новое измерение, стремясь раскрыть динамику процесса. Он утверждал, что каждая из указанных систем научного мышления подвергалась изменениям по мере того, как осуществлялись новые наблюдения. Смит предположил, что каждая из систем подвергалась изменениям, и это сделало ее неприемлемо сложной и тем самым открывало дорогу для альтернативного объяснения тех же явлений. Будучи более простым, это объяснение лучше отвечает потребностям воображения (Astronomy. Ch. IV. P. 18, 28). В глазах Смита работа сэра Исаака Ньютона явилась кульминацией длительного исторического процесса (Astronomy. Ch. IV. P. 76).

В целом это рассуждение Смита также содержит некоторые принципиальные выводы. В его анализе нет ничего, что предполагало бы, что ньютонова (или смитова) система содержит некую окончательную истину. В то же время Смит, по-видимому, обратил внимание на то, что теперь известно как проблема «субъективности» в науке. Он утверждал, что научная мысль часто представляет собой реакцию на распознанную психологическую потребность. Он также уподобил удовольствие от великих произведений научной мысли удовольствию, которое мы испытываем, слушая «хорошо написанный концерт инструментальной музыки» (Imitative Arts, II.30). В другом отрывке он ссылаясь на естественную для каждого человека склонность «выводить все существующие явления из возможно меньшего количества положений» (ТНЧ. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 2. С. 289) и затем писал о той легкости, с которой «образованные люди отвергают свидетельства своих чувств, чтобы сохранить логику своих идей» (Astronomy. Ch. IV. P. 35). Обсуждая проблему восприятия новых идей, Смит подчеркивал роль предвзятых представлений и образования (Astronomy. Ch. IV. P. 35).

Он обращал внимание на важность аналогий, полагая, что философы часто пытаются объяснить необычное, обращаясь к знанию, приобретенному в других, не связанных с данной областях. Он отмечал, что в некоторых случаях принятая аналогия способна не просто указать на удивительное сходство, но и «стать поворотным моментом» (Astronomy. Ch. II. P. 12).

Смит интенсивно использовал механистические аналогии, почерпнутые из работ Ньютона: он воспринимал Вселенную как «великую машину», в которой всякая вещь «устроена самым удивительным образом для достижения предназначенной ей цели» (ТНЧ. Ч. II. Отд. 2. Гл. 3. С. 102). Он также отмечал, что человеческое общество, когда мы рассматриваем его в определенном абстрактном и философском свете, представляется огромной, необъятной машиной (ТНЧ. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 1. С. 2). Это предположение, естественным образом приводящее к различию между производящими причинами и причинами конечными (ТНЧ. Ч. II. Отд. 2. Гл. 3. С. 102), не противоречит той форме теизма, которую связывали с самим Ньютоном. Поражает также, что Смит распространил механистическую аналогию на системы представлений:

«Системы во многих отношениях напоминают машины. Машина — это маленькая система, созданная, чтобы совершать, а также соединять в реальности те различные движения и воздействия, которые ее создатель имел в виду. Система — это воображаемая машина, изобретенная для того, чтобы соединять в воображении те разные движения и воздействия, которые происходят в жизни» (Astronomy. Ch. IV. P. 19).

Каждая часть того, что сделано Смитом, является на самом деле «воображаемой» машиной, которая вполне соответствует сформулированным им самим правилам организации научного дискурса, которые раскрывают существовавшее у Смита видение красоты «систематического расположения различных наблюдений, объединенных немногими общими принципами» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 712). Все это в целом позволяет многое понять о внутренних мотивах Смита как мыслителя и высвечивает его (субъективное) пристрастие к систематичности, логике и порядку (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 712).

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

Издания и сокращения. Прекрасное издание *Лекций по юриспруденции* было выпущено Эдвином Кэннаном в 1896 г. Кэннан также подготовил хорошее издание *Богатства народов* в 1904 г. Дж. М. Лоттиан отредактировал *Лекции по риторике* в 1963 г.

Последующие ссылки делаются на вышедшее в Глазго издание *Трудов и переписки Адама Смита (Works and Correspondence of Adam Smith)*. Oxford: Clarendon Press, 1976–1983). Это издание содержит следующие работы:

I. *Теория нравственных чувств* (ТНЧ), под ред. Д.Д.Рафаэля и А.Л.Макфи (1976) [Русск. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.]

II. *Исследование о природе и причинах богатства народов* (БН), под ред. Р.Г. Кэмпбелла, Э.С. Скиннера и У.Б. Тодда (1976). [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]

III. *Очерки на философские темы* (ОФТ), под ред. Д.Д. Рафаэля и Э.С. Скиннера (1980).

В этот том входят:

- (i) «История древней логики и метафизики» (Древняя логика).
- (ii) «История древней физики» (Древняя физика).
- (iii) «История астрономии» (Астрономия).
- (iv) «О сходстве между некоторыми английскими и итальянскими стихами» (Английские и итальянские стихи).
- (v) «О внешних чувствах» (Внешние чувства).
- (vi) «О природе подражания, имеющего место в так называемых изобразительных искусствах» (Изобразительные искусства).
- (vii) «О сходстве между музыкой, танцем и поэзией».

Перечисленные выше пункты (i)–(vii) были подготовлены У.П.Д. Уайтмэном.

(viii) «О сходстве между некоторыми английскими и итальянскими стихами».

(ix) Статьи в *Эдинбургском обозрении* (1755–1756).

(a) Рецензия на Словарь Джонсона.

(b) Письмо авторам *Эдинбургского обозрения* (Письмо).

(x) Предисловие к *Стихам, написанным по разным случаям* Уильяма Гамильтона. Пункты с (viii) по (x) выше были подготовлены Дж.К. Брайсом.

(xi) Дугалд Стюарт, «Описание жизни и трудов Адама Смита LL.D.» (Stewart)

Под редакцией И.С. Росса.

IV. *Лекции по риторике и литературе* (LRBL), под ред. Дж. К. Брайса, общая редакция Э.С.Скиннера (1983).

В этот том входят:

«Соображения о первичном возникновении языков» (Consideration).

V. *Лекции по юриспруденции* (LJ) / Под ред. Р.Л. Мика, П. Дж. Стайна и Д.Д. Рафаэля (1978). В этот том входят:

(i) Студенческие конспекты лекций 1762–1763 гг. (LJ(A)).

(ii) Студенческие конспекты лекций 1763–1764 гг., датированные 1766 г. (LJ(B)).

(iii) «Ранний черновик» *Богатства народов* (ED).

(iv) Два фрагмента о разделении труда (ФА) и (ФВ).

VI. *Переписка Адама Смита* (Correspondence), под ред. Э.К. Мосснера и И.С. Росса (1977). В этот том входят:

(i) «Письмо от губернатора Поунолла Адаму Смиу (1776)».

(ii) «Соображения Смита о состоянии противоборства с Америкой, февраль, 1778 г.», под ред. Д.Стивенса.

(iii) «Письма» И. Бентама Адаму Смиу (1787, 1790).

Сопутствующий том

Эссе об Адаме Смите (EAS), под редакцией Э.С. Скиннера и Т. Уилсона (1975).

Ссылки на Переписку содержат номер и дату письма. Ссылки на LJ и LRBL содержат номер тома и страницы из ТНЧ. Все остальные ссылки содержат номер раздела, главы и абзаца, чтобы облегчить работу с различными изданиями. Например: Astronomy, II. 4 означает «Историю астрономии», раздел II, абзац 4; Stewart, I.12 — Дугалд Стюарт, «Описание», раздел I, абзац 12; ТНЧ, I.i.5.5 — ТНЧ, часть I, раздел i, глава 5, абзац 5; БН, V.i.f.26 — БН, том V, глава i, раздел 6, абзац 26.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bagolini, L. 1975. The topicality of Adam Smith's notion of sympathy and judicial evaluation. In *Essays on Adam Smith*, ed. T. Wilson and A.S. Skinner, Oxford: Clarendon Press, 100–13.
- Black, R.D.C. 1976. Smith's contribution in historical perspective. In *Essays on Adam Smith*, ed. T. Wilson and A.S. Skinner, Oxford: Clarendon Press, 42–63.
- Blaug, M. 1962. *Economic Theory in Retrospect*. London: Heinemann; Homewood, Ill.: R.D. Irwin [Русск. пер.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.]
- Campbell, R.H. and Skinner, A.S. 1982. *Adam Smith*. London: Croom Helm; New York: St. Martin's Press.
- Campbell, T.D. 1971. *Adam Smith's Science of Morals*. London: Allen & Unwin.
- Haakonssen, K. 1981. *The Science of a Legislator: The Natural Jurisprudence of David Hume and Adam Smith*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hollander, S. 1973. *The Economics of Adam Smith*. Toronto: University of Toronto Press.
- Hont, I. and Ignatieff, M. 1983. *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Howell, W.S. 1975. Adam Smith's lectures on rhetoric: an historical assessment. *EAS*, 11–43.
- Koebner, R. 1961. *Empire*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Grosset and Dunlap, 1965.
- Lindgren, J.R. 1973. *The Social Philosophy of Adam Smith*. The Hague: Martinus Nijhoff
- Macfie, A.L. 1967. *The Individual in Society: Papers on Adam Smith*. London: Allen & Unwin.
- Meek, R.L. 1962. *The Economics of Physiocracy: Essays and Translations*. London: Allen & Unwin.
- Meek, R.L. 1973. *Turgot on Progress, Sociology and Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meek, R.L. 1976. *Social Science and the Ignoble Savage*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.
- Mizuta, H. 1967. *Adam Smith's Library*. Cambridge: Cambridge University Press.
- O'Brien, D.P. 1975. *The Classical Economists*. Oxford: Oxford University Press.
- Rae, J. 1895. *Life of Adam Smith*. London: Macmillan; New York: A.M. Kelley, 1965.
- Raphael, D.D. 1985. *Adam Smith*. Oxford: Oxford University Press.
- Rosenberg, N. 1960. Some institutional aspects of the *Wealth of Nations*. *Journal of Political Economy* 68, 557–70.
- Schumpeter, J.A. 1954. *History of Economic Analysis*. London: Allen & Unwin. [Русск. пер.: Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001.]
- Scott, W.R. 1900. *Francis Hutcheson*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Scott, W.R. 1937. *Adam Smith as Student and Professor*. Glasgow: Jackson.
- Skinner, A.S. 1279. *A System of Social Science: Papers Relating to Adam Smith*. Oxford: Oxford University Press; New York: Oxford University Press.
- Taylor, W.L. 1965. *Francis Hutcheson and David Hume as Predecessors of Adam Smith*. Durham, North Carolina: Duke University Press.
- Viner, J. 1928. Adam Smith and laissez faire. In *Adam Smith, 1776–1926*. Chicago: Chicago University Press.
- Winch, D. 1978. *Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.
- Wood, J.C. 1984. *Adam Smith: Critical Assessments*. 4 vols, London: Croom Helm.

АНАРХИЗМ

Джордж Вудкок

Anarchism

George Woodcock

Название доктрины, отражающее ее суть, происходит от греческого «*αναρχία*», что означает «*безвластие*». Слово «*анархист*», похоже, было в первый раз использовано как ругательство во время Гражданской войны в Англии и было адресовано левеллерам, которых один из их врагов называл «воинствующими анархистами». Во время Французской революции к нему прибегали представители большинства партий, желая высмеять тех, кто занимал левый фланг. В положительном смысле термин первый раз был использован французским автором Пьером Жозефом Прудоном в 1840 г. В эссе *Что такое собственность?*, противоречивой работе об экономических основах общества, он, вероятно, чтобы шокировать читателя, обозначил свою позицию, заявив: «Я анархист». Позже Прудон объяснял, что реальные законы, по которым живет общество, не должны иметь ничего общего с властью, но должны проистекать из природы самого общества. Прудон предполагал дальнейший распад властных структур и высвобождение естественного социального порядка, который ими подавляется. Он продолжал свою мысль в несколько парадоксальной манере: «Как человек ищет справедливости в равенстве, так и общество ищет справедливости в анархии. Анархия — отсутствие правителя — форма правления, к которой мы с каждым днем приближаемся».

Взгляды Прудона были типичны для анархистов всех времен. Анархисты утверждали, что человек является естественной социальной единицей, которая во взаимодействии с другими создает добровольные общественные институты, и они эффективно функционируют безо всякой потребности в управлении, их сдерживающем и разрушающем. Важные изменения в структуре общества, по мнению анархистов, не могут состоять в политических преобразованиях в виде смены правителей или изменений

в конституции, поскольку сама политическая организация как таковая должна быть устранена и заменена экономической организацией использования ресурсов обществом без правительства. Таким образом, несмотря на то, что анархисты отличаются от социалистов и коммунистов тем, что отрицают любую форму правления или государственного контроля, они солидарны с ними в оппозиции капитализму, в стремлении положить конец тому, что один из их ранних философов Уильям Годвин называл «накопленной собственностью», и заменить ее неким подобием общего владения средствами производства. Лишь несколько закоренелых индивидуалистов не разделяли эту позицию, и в их числе Макс Штирнер.

Основные идеи анархизма возникли до того, как стал использоваться этот термин. Некоторые историки обнаруживали их в ранних, существовавших вне общества религиозных движениях, представители которых отказывались подчиняться его законам и пытались осуществлять совместное владение благами, как, например, это делали анабаптисты, духоборы или ессеи. Но в этих случаях наблюдалось, скорее, стремление к духовному спасению через уход от мира материальных ценностей, и это имело мало общего с анархизмом как светской идеей, направленной на социальные преобразования.

Однако есть по крайней мере два философа до Прудона, которых можно отнести к анархистам, поскольку они: а) критиковали существовавшую систему управления обществом; б) представляли альтернативный либертарианский подход к обществу, основанный, скорее, на идее сотрудничества, чем подавления; в) предложили способы перехода от одного типа общества к другому.

Первым был Джерард Уинстенли, лидер диггеров, небольшой общины, возникшей в Англии во времена Содружества. В своем памфлете *Истина, поднимающая голову над скандалами* (1649) Уинстенли совершенно отступил от религиозных канонов и, приравняв Разум к Богу, заложил то, что впоследствии стало основой для всех анархистов. Итак, власть развращает, собственность и свобода несовместимы, основой всех преступлений являются власть и собственность, только в обществе без правителя, где труд и его продукт разделяются между всеми, люди свободны и счастливы, поскольку их поведение определяется их идеями, а не законами, установленными сверху. От теории Уинстенли перешел к прямым действиям и объявил, что только своими действиями люди могут добиться лучшей участи. Он повел своих последователей занимать общинные пустующие земли, дабы устроить там аграрное сообщество, в ко-

тором все блага делились бы поровну. Но очень скоро, несмотря на их слабое сопротивление, их прогнали с этих земель, а имя Уинстенли кануло в Лету.

Его идеи нашли поддержку в неортодоксальных сектах XVIII в. и были подхвачены Ульямом Годвином. В 1793 г. он опубликовал большой трактат о природе общества — *Исследования о политической справедливости*, который часто характеризуется как самое полное изложение теории анархизма, несмотря на то, что Годвин никогда не называл себя анархистом. Эта работа представляет собой, по сути, классические анархистские тезисы о том, что власть противоестественна и что социальное зло существует по причине того, что человек не свободен в своем поведении; что «накопленная собственность» должна быть отвергнута как источник власти над людьми.

Годвин предвосхитил идею анархистов о децентрализации, описав социальную организацию, в которой маленькое автономное сообщество, или приход, является основной единицей. Он представлял себе свободную экономическую систему, сформулировал прообраз лозунга Маркса «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Он предполагал, что люди, уничтожив «накопленную собственность», будут свободно предоставлять друг другу блага в соответствии с нуждами каждого и что все будут участвовать в производстве. И хотя создается впечатление, что он довольно точно представлял себе трудосберегающие свойства машин и предсказывал значительное сокращение рабочего дня, он, похоже, не принимал в расчет более сложные отношения, которые порождали промышленная революция и фабричное производство. В части политической организации он опередил поздних анархистов, отказавшись от такой стандартной демократической процедуры, как голосование, поскольку считал, что правило большинства — это форма тирании. Он не только описал общество, основанное на консенсусе после освобождения от правительства, но также надеялся на то, что такое освобождение будет достигнуто мирным путем. Его анархизм опирался, скорее, на идеи, чем на революцию.

С тех пор различие между эволюцией и революцией стало важным. Кроме различий в предложениях по экономической организации общества, основные различия среди анархистов, появившихся вместе с Прудоном, заключались в представлениях о стратегии достижения цели, к которой они все стремились, — отмены государства и всех форм правления и замещения их добровольными и кооперативными формами управления.

Одни, как Лев Толстой, Генри Дэвид Торо и голландский лидер анархистов Домела Ньювенчейс, были пацифистами и предлагали изменить общество, прибегая к практике гражданского неповиновения. Мохандас К. Ганди, который не раз называл себя анархистом и который предлагал модель децентрализованного сообщества деревенских общин, был, пожалуй, самым значительным из них.

В вопросе о тактике социальных перемен Прудон был ближе к этим пацифистам, чем к поздним лидерам организованного европейского анархизма. Хотя он часто говорил о революции, он надеялся, что благодаря созданию экономических организаций рабочих произойдут мирные перемены. Доктрина взаимопомощи Прудона, как он сам ее называл, была смесью крестьянского индивидуализма и кооперативизма и имела целью реорганизацию общества на уравнительном принципе. Он хотел шокировать читателей, заявляя, что «собственность — это кража», но понимал под этим всего лишь возможность эксплуатировать чей-то труд. «Обладание» — право рабочего или группы рабочих контролировать землю и машины, необходимые для производства — он считал необходимым условием свободы. В книге, которую можно считать его шедевром, *Основная идея революции 19-го столетия*, написанной в тюрьме, куда он попал за критику Наполеона III, Прудон представил набросок общества независимых крестьян и ремесленников с их маленькими фермами и мастерскими, общества, в котором заводы и сооружения (такие как, например, железная дорога) управляются сообществами рабочих. Все это должно было соединяться системой взаимного кредитования, основанной на производительности и управляемой народными банками, такими как тот, что Прудон хотел организовать во время революции 1848 г. Вместо централизованного государства он предлагал федеральную систему автономных местных общин и промышленных ассоциаций, связанных не законами, а контрактами и взаимной выгодой, где мировой суд заменен третейским, бюрократия заменена управлением рабочих, а академическое образование — комплексным. Из этого, по мнению Прудона, должно было возникнуть естественное социальное целое, которое он приравнивал к анархии и в сравнении с которым современное общество представлялось «не чем иным, как хаосом, служащим основой для неограниченной тирании».

Прудон был истинным основателем организованного анархистского движения. Он поставил свои теоретические идеи в континентальный европейский контекст. Годвин был малоизвестен в континентальной Европе. Так что Михаил Бакунин, возможно, самый известный и самый влиятельный из всех анархистов, од-

нажды признал: «Прудон — наш общий учитель». Последователи Прудона, называвшие себя мютюалистами, активно участвовали в создании Международного товарищества рабочих, так называемого Первого Интернационала, который стал первым полем битвы между авторитарным социализмом марксистов и либертарианским социализмом анархистов.

На заре Интернационала борьба шла между Марксом и его последователями и учениками Прудона, который умер как раз в 1864 г., в год создания Интернационала. Позднее борьба приняла другую форму, когда в спорах с Марксом сторонников Прудона заменили последователи Бакунина, а русский аристократ вдруг стал конспиратором, и борьба между ними фактически разрушила организацию. В основе лежал конфликт между идеей Маркса об уничтожении рабочими контроля государства с целью совершения революции и идеей Бакунина о революции рабочих для разрушения государства и всех прочих проявлений политической власти.

Бакунин принимал федерализм Прудона и соглашался с его доводом в пользу прямых действий рабочего класса, который Прудон позже развил в своей посмертно опубликованной работе, *De la capacité politique des classes ouvrières (Политический потенциал рабочего класса)*¹. Но Бакунин утверждал, что модифицированные права собственности (права «обладания»), которые Прудон предполагал для крестьян и ремесленников, мало реалистичны, и вместо них он предлагал коллективное владение средствами производства (с тех пор его последователи назывались «коллективистами»). Но, как и Прудон, Бакунин придерживался точки зрения, что каждый человек должен вознаграждаться по фактическим результатам своего труда. Другими словами, система заработной платы, хотя и в измененной форме, все равно сохранилась.

Следующее важное различие заключалось в отношении к революции. Прудон верил, что в рамках существующего общества можно создать ассоциации взаимопомощи, которые это общество и заменят, и потому он отвергал революционные действия, направленные на радикальные преобразования. Бакунин же не верил, что такой мирный путь может быть успешным. Будучи революционером-романтиком, он заявлял, что «страсть к разрушению является также и созидательной страстью». Он писал, что восстание есть необходимая прелюдия к созданию свободного и мирного общества.

¹ Русск. пер.: Прудон П.Ж. Французская демократия. СПб., 1867. — Прим. науч.ред.

Индивидуализм и идея ненасильственных методов Прудона нашли отклик у представителей некоторых побочных течений анархизма. Толстой, знавший Прудона, интегрировал эти идеи в свое учение о радикальном христианском анархизме. Но бакунинская ставка на насилие и коллективистскую экономическую систему доминировала среди анархистов большинства стран вплоть до уничтожения анархизма как массового движения в конце Гражданской войны в Испании в 1939 г.

Тактика насильственных действий была различной, хотя она и обуславливалась доктриной пропаганды действий, которая появилась в 70-х годах XIX в. среди итальянских анархистов и особенно пропагандировалась Эррико Малатестой. Политические убийства, оправдываемые этой доктриной, были очень распространены на рубеже столетий. Жертвами стали президенты Франции и Америки. Анархисты инспирировали народные восстания в Испании и Италии. Во время Гражданской войны в России лидер анархистов Нестор Махно на несколько лет устанавливал соответствующие институты на обширной территории Украины и защищал их силами повстанческой армии.

Разновидности концепции коллективизма, которые отстаивали анархисты, нашли свое воплощение в доктринах анархического коммунизма и анархо-синдикализма.

Анархический коммунизм развивал в основном Петр Кропоткин, русский князь и выдающийся географ, который отказался от своих привилегий по революционным соображениям, хотя идея анархического коммунизма, возможно, была впервые высказана французским географом Элизе Реклю. Кропоткин написал несколько основополагающих статей, посвященных анархизму, среди них была *Взаимная помощь как фактор эволюции*¹, в которой он проследил развитие кооперации между животными и между людьми. Другой примечательной работой является *Поля, фабрики и мастерские*², где он ратовал за децентрализацию промышленности, считая это неперенным шагом на пути к созданию общества без правительства.

Работой, в которой Кропоткин наиболее полно отразил идею анархического коммунизма, была *La Conquête du pain (Завоевание хлеба)* — научная утопия, набросок революционного общества, ор-

¹ Опубликована на русском языке под названием «Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса» (П.-М., 1922). — Прим. науч. ред.

² Опубликована на русском языке под этим названием в 1918 г. — Прим. науч. ред.

ганизованного как федерация свободных коммунистических групп. Кропоткин пошел дальше бакунинского коллективизма, утверждавшего идею общего владения средствами производства, и пришел к полноценному коммунизму в части распределения, полагая, что потребности являются гораздо более весомой причиной для получения средств к жизни, чем заслуги. Кропоткин утверждал, что любая оплата в соответствии с результатом труда является вариантом системы заработной платы, а подобная система обрекает человека на экономическое рабство, определяет модель его поведения. Подобно тому как анархизм Кропоткина был основан на идее, что человек социален по природе (об этом говорится во *Взаимной помощи...*), так и его идея о свободном коммунизме была основана на предположении, что человек по природе ответственен и что в свободном обществе он не будет уклоняться от работы и брать с общественного склада больше, чем ему нужно.

Анархо-синдикализм возник, когда анархисты влились в ряды французских профсоюзов, возродившихся в 80-е годы XIX в. после запрещения организаций рабочего класса, последовавшего за Парижской коммуной 1870 г. Политическая активность в промышленности открывала широкий простор для прямых действий, которые уже были оправданы анархистами. Анархо-синдикалисты стремились противопоставить градуалистским настроениям традиционных профсоюзов, которые хотели заключить лучшие из возможных соглашений с существующим обществом и намеревались изменить это общество, перейдя непосредственно к установлению контроля рабочих над промышленностью. Таким образом, их профсоюзы, не отказываясь от борьбы за лучшие условия, были революционными в самих своих намерениях, и в их среде зародилась теория непрерывной борьбы. Это понятие было использовано такими авторами, как Жорж Сорель, который в своей книге *Размышления о насилии* заявил, что важными составляющими революционного синдикализма являются миф о борьбе и культ насилия, которые, как он считал, оказывают разрушающее воздействие на общество. Однако такие представители анархо-синдикалистов из рабочего класса, как Фернан Пелутьер, Эмиль Пуге и Поль Делесаль, отвергали теории Сореля; они утверждали, что упорная борьба рабочего класса как насильственными, так и мирными методами, достигающая кульминации во всеобщих забастовках, может вообще уничтожить как капиталистическую систему, так и государство. Когда это случится, синдикаты будут преобразованы из органов борьбы в органы управления нового общества и возьмут под свой контроль производство, транспорт и распреде-

ление. Таким образом были преобразованы представления Прудона об организациях взаимопомощи, развивающихся в рамках общества, которое они в конечном счете призваны заменить. Странники строгого анархизма, особенно Эррико Малатеста, стали сомневаться в анархо-синдикалистах, опасаясь, что профсоюзное движение, контролирующее всю промышленность, может подвергнуться эрозии власти.

За много лет до Первой мировой войны анархо-синдикалисты контролировали ведущую французскую профсоюзную организацию — ВКТ (Всеобщая конфедерация труда). После войны контроль захватили коммунисты, престиж которых среди рабочих возрос после успеха революции в России.

Анархо-синдикализм, однако, распространился от Франции к Испании, где превратился в могущественное классовое движение. Анархическая федерация профсоюзов (Национальная конфедерация труда) была самой большой организацией трудящихся в Испании, временами достигая численности 2 млн человек. Это была модель анархической децентрализации; за деньги в ней работал только один секретарь в федеральном офисе. Организационные задачи решались в свободное время рабочими, избранными своими же товарищами. НКТ была влиятельной и среди крестьян Андалусии, и среди рабочих Каталонии. Пик популярности испанского анархизма пришелся на Гражданскую войну 1936–1939 гг., после чего начался быстрый спад. Богатый опыт уличных сражений позволял рабочим-анархистам в восточных городах Испании побеждать генералов в первые дни становления режима Франко. Позднее они посылали свои отряды милиции на разные фронты, одновременно стремились вернуть свое влияние в тылу, экспроприруя заводы и большие усадьбы. Известно, что многие заводы прекрасно управлялись рабочими, а крестьяне с гордостью и рвением работали на общей земле. Но этих примеров недостаточно для убедительных выводов, поскольку ненависть анархистов к власти делала их настолько же неэффективными при создании армии, насколько они казались эффективными в организации коллективной работы, к тому же с победой режима Франко их экспериментальные коммуны стали подвергаться притеснению.

Исход испанской Гражданской войны привел к полному закату анархизма в период с 1940 по 1960 г. Однако в бурной атмосфере 60-х анархизм возродился: группы анархистов появились снова в Европе и Северной Америке, история движения была написана учеными, а работы великих теоретиков анархизма снова появились в печати. Анархизм не стал настолько массовым движением, каким

он был когда-то в Испании и несколько в меньшей степени во Франции и Италии, не говоря уже об Украине. Но это все равно заметное движение. Анархические идеи о децентрализации широко распространились и нашли понимание в некоторых движениях в защиту окружающей среды. Сейчас анархизм существует, скорее, как интеллектуальное течение, выражающее критический взгляд на институты и власть, чем своего рода апокалиптическое движение, представляющее конец власти, как возможную и вполне реальную цель.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Joll, J. 1964. *The Anarchists*. London: Eyre & Spottiswoode; New York: Grosset and Dunlap, 1966.
- Marshall, P.H. 1984. *William Godwin*. New Heaven: Yale University Press.
- Masters, A. 1974. *Bakunin, The Father of Anarchism*. New York: Saturday Review Press.
- Read, H. 1964. *Anarchy and order: Essays in Politics*. London: Faber & Faber.
- Rocker, R. 1938. *Anarcho-Syndicalism*. London: Secker & Warburg.
- Woodcock, G. 1956. *Pierre-Joseph Proudhon: A Biography*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Woodcock, G. 1962. *Anarchism: A History of Libertarian Ideas and Movements*. Cleveland: Meridian Books.
- Woodcock, G. and Avakumovic, I. 1950. *The Anarchist Prince: A biographical study of Peter Kropotkin*. London: T.V. Boardman & Co.

КЛОД ФРЕДЕРИК БАСТИА

Р.Ф. Эбер

Claude Frédéric Bastiat

R.F. Hébert

Французский экономист и публицист Бастиа родился в Байонне 30 июня 1801 г. в семье купца, занятого торговлей с Испанией, и умер в Риме 24 декабря 1850 г. Осиротев в 9 лет, он тем не менее успел получить энциклопедическое образование до того, как в 1818 г. начал работу в компании, принадлежавшей его дяде. Уже к 1824 г. Бастиа выражал недовольство этим занятием. Унаследовав в 1825 г. имение своего деда, он оставил бизнес и занялся фермерством в Мюгроне, но оказался способным к сельскому хозяйству не более, чем к торговле. Тогда он стал провинциальным ученым, основал в своей деревне дискуссионный клуб и погрузился в чтение. Его поздние сочинения демонстрируют знакомство с трудами французских, британских, американских и итальянских авторов, среди которых — Сэй, Смит, Кенэ, Тюрго, Рикардо, Милль, Бентам, Сениор, Франклин, Г.К. Кэри, Кустоди, Донато и Шалоя.

Бастиа покинул Францию в 1840 г. и продолжил образование в Испании и Португалии, где он безуспешно пытался основать страховую компанию. Вернувшись в Мюгрон, он узнал (занимаясь поисками материалов для своего дискуссионного клуба) об основанной Кобденом Лиге против законов о торговле зерном и стал жарким сторонником свободы торговли («французским Кобденом»). Будучи совершенно несведущ в экономической теории, в 1844 г. он отправил вдохновенную статью в *Journal des économistes*, в которой писал о влиянии протекционизма на положение Франции и Англии. Она сразу же произвела сенсацию и вызвала предложение редакторов писать еще. Такой прием вдохновил Бастиа на создание *Экономических софизмов*, книги, быстро разошедшейся после своего выхода в свет в 1845 г. и вскоре переведенной на английский и итальянский языки. В 1846 г. Бастиа переехал в Париж, где основал Ассоциацию за свободу торговли и активно за-

нялся литературным творчеством, тем самым подорвав свое хрупкое здоровье. Из-под его талантливого пера хлынул поток статей, памфлетов и книг, что было возможно благодаря интенсивным размышлениям предыдущих 20 лет. Некоторые исследователи говорят, что это неистовство, скорее, грело, чем светило, и все же в целом огромные усилия Бастиа обогатили экономическую теорию.

Бастиа был одним из нескольких авторов (к которым можно отнести также Кенэ, Смита, Сэя и Кэри), заложивших основы концепции гармонии — оптимистической идеи о том, что классовые интересы естественно и неизбежно совпадают, обеспечивая экономическое развитие. Основная критика этой точки зрения исходила от Рикардо и Мальтуса, чьи теории бросали зловещую тень на перспективы экономического прогресса. В противовес системе Рикардо Бастиа выстроил теорию ценности, основанную на идее услуги. Он различал полезность и услугу и считал, что только полезность не может определять ценность, поскольку полезностью обладают и некоторые свободные блага (солнечный свет, воздух, вода). Бастиа рассматривал все торговые сделки как обмен услугами, ценность которых измеряется теми усилиями, которые экономит покупатель, совершая покупку.

Дж.Э. Кернс считал, что это лишь вносит путаницу в то, в чем пытался разобраться Рикардо, а именно когда он пытался разграничить случаи, в которых ценности пропорциональны усилиям и жертвам, и те, когда это не так. Более фундаментальная критика состояла в том, что теория Бастиа, несмотря на попытки отрицать это, является все той же трудовой теорией ценности, хотя и в другом обличье. Примечательно, однако, что идея Бастиа напоминает понятие «общественная полезность», которое так успешно использовал Дюпюи при оценке выгоды от улучшения транспорта. В этом случае в центре внимания оказывалось сокращение издержек, к которому привели услуги более высокого качества. И все же любую связь между этими авторами, как бы слаба она ни была, следует рассматривать как идущую от Дюпюи к Бастиа, а не наоборот. Дюпюи опубликовал свою знаменитую статью об общественных работах и предельной полезности до того, как Бастиа перешел от споров к более «конструктивным» теоретическим разработкам. Теория ренты Бастиа, также явно направленная против Рикардо, отрицала понятие незаработанного дохода, вновь подтверждала точку зрения, что ценность земли (в отсутствие государственного вмешательства) определяется исключительно услугами, которые она оказывает.

Общим мнением о Бастиа было то, что он не внес сколько-нибудь оригинального вклада в экономический анализ. Кернс, Сиджвик и Бём-Баверк полностью отвергли то, что Бастиа писал в области собственно экономической теории. Маршалл говорил, что он понимал экономическую теорию едва ли лучше социалистов, против которых выступал. А Шумпетер заявлял, что Бастиа не был *плохим* теоретиком — он попросту им не был.

Шумпетер также характеризовал Бастиа как «самого блестящего из когда-либо живших экономических журналистов», а такой серьезный ученый, как Эджуорт, высоко ценил талант Бастиа как популяризатора (в лучшем смысле этого слова) экономических открытий его предшественников. Почти все комментаторы соглашались с тем, что Бастиа не имел равных в разоблачении экономических заблуждений, где бы он их ни находил — а он находил их всюду. Он был просто гением остроумия и сатиры, и его часто называли смесью Вольтера и Франклина. Бастиа имел привычку выражать даже самые сложные экономические принципы в форме удивительных аллегорий, которые восхищали и одновременно разъяряли. Его сочинения сохраняют актуальность даже сейчас. Хайек напоминал в предисловии к *Избранным сочинениям* Бастиа, что по-прежнему привлекает внимание его основная идея: если мы судим об экономической политике только на основании ее непосредственных и поверхностных последствий, мы не только не достигнем желаемых результатов, но будем неизбежно подрывать свободу и тем самым препятствовать тому, на что можно было бы надеяться при более осознанном подходе. Эту идею чрезвычайно трудно развить во всей ее полноте, но именно она будоражила умы таких современных экономистов, как Хайек и Фридмен.

В истории влияние Бастиа то возрастало, то уменьшалось. В свое время он пользовался поддержкой Дюпюи, Бланки, Шевалье и Гарнье. Фрэнсис Э. Уокер принес его доктрины в Америку примерно во время Гражданской войны. До Первой мировой войны такие французские либералы, как Леруа-Больё, Молинари и Гюйо, опирались на его авторитет. Затем идеи Бастиа на долгое время оказались забытыми и возродились только в конце XX в. у экономистов-либертарианцев, не удовлетворенных ни ортодоксальным кейнсианством, ни марксистскими альтернативами. По иронии судьбы, оригинальность Бастиа сильнее всего проявилась в его работах в области политической теории, до сих пор привлекавших к себе, как ни странно, очень мало внимания.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1844. De l'influence des tarifs français et anglais sur l'avenir des deux peuples. *Journal des économistes* 9, 244–71.
1964. *Economic Sophisms*. Trans. A. Goddard, Princeton: D. Van Nostrand.
1964. *Selected Essays on Political Economy*. Trans. S. Caine, Princeton: D. Van Nostrand.
1964. *Economic Harmonies*. Trans. W.H. Boyers, Princeton: D. Van Nostrand.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baudin, L. 1962. *Frédéric Bastiat*. Paris: Dalloz.
- Hayek, F.A. 1964. Introduction to F. Bastiat. In *Selected Essays on Political Economy*. Princeton: D. Van Nostrand.
- Russell, D. 1963. *Frédéric Bastiat: Ideas and Influence*. Irvington-on-Hudson, New York: Foundation for Economic Education.

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ

Росс Харрисон

Jeremy Bentham

Ross Harisson

Бентам родился в Лондоне 15 февраля 1748 г., его отец и дед были юристами; он умер в Лондоне 6 июня 1832 г. По желанию отца Бентам должен был стать юристом, и на самом деле право стало главным в его долгой жизни. Однако уже в раннем возрасте он отказался от идеи зарабатывать юридической практикой и сосредоточился на изучении того, каким должно быть право. Бентам провел большую часть жизни, интенсивно работая, он написал огромное количество работ по теории права и в связанных с ней областях. Вначале Бентам сам доводил рукописи до публикации, но затем редактирование своих работ стал поручать ученикам. Поэтому существенная часть его прижизненно опубликованных работ вышла на французском языке под редакцией его ученика из Женевы Этьена Дюмона, а остальные важные материалы увидели свет только в XX в. Помимо общетеоретических работ, Бентам написал массу сочинений, призванных убедить правительство осуществить то или иное новшество, например, касающееся устройства тюрем и приютов для бедных, системы налогообложения, или ввести деньги, приносящие процентный доход. Его экономическое наследие заключено в этих бессистемных сочинениях, по большей части не опубликованных прижизненно, а также представлено в раннем трактате *В защиту ростовщичества* (1787), весьма успешном в свое время, и еще в нескольких теоретических работах, пребывавших в виде рукописей до 1952–1954 гг., когда их отредактировал Вернер Старк. Трехтомное издание работ Бентама под редакцией Старка содержит все упомянутые выше материалы.

Большую часть своей жизни Бентам провел в Англии, в сущности, в Лондоне, занимаясь литературным творчеством, практическими проблемами, участвуя во многих дискуссиях. Однако в дни молодости он добрался даже до России, проведя пару лет в новых

поместьях князя Потемкина. Его трактат *В защиту ростовщичества*, как и его знаменитые предложения по усовершенствованию тюрем, *Паноптикон* (1791), были первоначально написаны в виде серии писем из «Кричева, что в Белой России»¹. Бентам забрасывал своими предложениями революционеров во Франции и был избран почетным гражданином новой Французской Республики. Он вел активную дискуссию с проводниками реформ и нового законодательства по всему миру и за изобретение слова «международный» вполне заслуженно стал фигурой международного масштаба.

Труды Бентама в области экономической теории, как и в большинстве других интересовавших его областей, лучше всего видятся как дополнение к его общему, центральному проекту — созданию полного кодекса рациональных законов. Задавшись в ранние годы вопросом о том, в какой области он мог бы принести больше всего пользы человечеству, Бентам в типичной для XVIII в. манере решил, что это законотворчество, целью которого должно быть счастье; при хороших законах люди изменились бы к лучшему, т.е. стали бы стремиться к собственному счастью и счастью других. В самом начале первой из опубликованных Бентамом работ, *Отрывок о государственстве*, появляется знаменитая формула, утверждающая, что «фундаментальная аксиома» состоит в том, что «именно наибольшее счастье для наибольшего числа людей является мерой добра и зла» ([1776] 1977, р. 393)². Этот принцип, который он называл то «принципом наибольшего счастья», то «принципом полезности», не был да и никогда не объявлялся Бентамом как оригинальный. Он принял его в качестве очевидной цели и при том, что не только дух, но и формулировка этого принципа присутствовали в работах таких его предшественников, как Гельвеций и Беккариа (знаменитую формулу можно найти, например, на второй странице вышедшего в 1767 г. английского перевода Беккариа). Идея достижения этой цели с помощью законодательства также была естественным образом заимствована у тех же предшественников.

Основная мысль работ Бентама сводилась к необходимости создания таких законов, которые склонили бы людей действовать так, чтобы принести наибольшее счастье. Люди, поступающие естественно, были бы помещены в такую систему правил и санкций, что, продолжая вести себя естественным образом, они не только

¹ Город Кричев — районный центр Могилевской области (Республика Беларусь), где находится дворец Потемкина, построенный в 1778–1787 гг. — *Прим. науч. ред.*

² Без указания автора даются ссылки на работы Бентама, приведенные в библиографии к этой статье. — *Прим. науч. ред.*

удовлетворяли бы свои собственные желания, но также приносили бы наибольшее счастье. Законодателю следовало бы руководствоваться в своей работе двумя принципами: один касался того, что должно происходить, и тем самым задавал его цель, другой описывал бы, что происходит с людьми, поступающими естественным образом при различных условиях, и таким образом сообщал бы о природе того сырого материала, с которым законодатель имеет дело. Первый выражается в требовании наибольшего счастья. Второй — в идее психологического гедонизма (также присутствующей у Беккариа и Гельвеция), согласно которому люди поступают так, чтобы в наибольшей степени следовать своим интересам. Законодатель может в этой связи запланировать поощрения и наказания так, чтобы заставить этих эгоистичных индивидов поступать как должно. Действия, противоречащие общему счастью, будут считаться преступными и должны будут поставлены под контролем, поскольку их результат не получает одобрения: неотвратимость и суровость наказания сделают их невыгодными. Экономическая теория Бентама, как и его психология, сосредоточивается, следовательно, на естественном принципе собственного интереса: она показывает, какими могут быть последствия различных законодательных актов, и тем самым снабжает законодателя полезной информацией.

Стоит подчеркнуть, что в работах Бентама действуют два принципа (или, выражаясь более современным языком, он работает в области как нормативной, так и позитивной экономики благосостояния), хотя иногда считают, что действует только один принцип или что нормативный принцип должен каким-то простым образом напрямую вытекать из позитивного (люди, совершающие эту ошибку, вероятно, имеют в виду не Бентама, а работу Дж.С. Милля *Утилитаризм* [1861] и ее последующую критику). И все же продолжением знаменитого торжественного начала главной теоретической работы Бентама, *Введения в принципы морали и законодательства*, где объявляется, что «природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, *страдания и удовольствия*» ([1789] 1998. С. 9), может служить утверждение, что эти «господа» (являющиеся для Бентама составляющими счастья) задают как стандарты добра и зла, так и «цепь причин и следствий» (т.е. и то, что должно происходить, и то, что происходит на самом деле). Аналогично, если обратиться к великому труду, написанному Бентамом в конце жизни, *Конституционному кодексу*, то можно заметить, что Бентам начинает с двух «первых принципов»: «принципа наибольшего счастья и принципа себялюбия» (1830b, vol. IX, р. 8).

Но было бы ошибкой думать, что Бентам поддерживает идею естественной гармонии интересов, согласно которой все люди, действующие из эгоистических соображений, некоторой «невидимой рукой» будут удерживаться на пути к всеобщему счастью. Напротив, Бентам ясно дает понять, что вмешательство закона, т.е. угрозы наказания, необходимо, когда совершение изначально нежелательного поступка оказывается в чьих-то интересах. Аналогично в отличие от того, что утверждал Элие Халеви, не существует противоречия между бентамовской экономической теорией, которая предполагает, что интересы естественным образом проявляют себя, и законодательным проектом, который требует их искусственного ограничения (Halévy, 1928, p. 17, 33). Экономическая теория просто сообщает факты о поведении людей, которые законодатель использует в своих проектах; располагая этими фактами, он знает, когда вмешиваться, а когда — нет; однако нельзя *a priori* предположить, что всеобщее счастье наступит, даже если он не будет вмешиваться. Как пишет об этом Бентам в *Учебнике политической экономии*, «великая цель... состоит в том, чтобы знать, что должно, а что не должно делаться государством. С этой, и только с этой, точки зрения, знание того, что делается и происходит без вмешательства государства, может иметь какую-либо практическую пользу» ([1787], 1952, vol. I, p. 224).

Бентам провел существенную часть жизни, конструируя планы различных институтов — от больших, таких как национальные государства, до гораздо меньших, таких как тюрьмы, работные дома или банковские системы. В соответствии с двумя его главными принципами основная идея любого подобного проекта могла быть задана целью, которая была определена еще одним принципом, имеющим собственное название — «объединение *Долга и Интересов*». Его суть состоит в том, чтобы «сделать каждого человека *заинтересованным* всегда вести себя должным образом» (1798, vol. VIII, p. 380). По отношению к тюрьмам и работным домам это означало предложение организовать управление на основе контрактов; по отношению к государственным должностям — продавать их тому, кто заплатит больше всех; в целом же отражало недоверие Бентама к институту чиновничества. Здесь очевидно проявилось влияние Смита, который отмечал, что в университете, где профессор получает жалованье, «интересы преподавателя поставлены в самую непосредственную и прямую противоположность его обязанностям» (Смит, БН. Кн. V. Гл. 1. С. 706); Бентам также говорит о профессорских жалованьях в своем *Обосновании награды* (1825, p. 154). Его озабоченность управлением институтами и любовь к детальным

планам определили усилия, которые он затратил на разработку систем отчетности для использования в этих институтах (что описано в работе Goldberg, 1957).

Может показаться, что общий ценностный принцип, из которого вытекает рекомендация — стремиться к наибольшему счастью наибольшего числа людей, предполагает максимизацию в двух разных направлениях, и, следовательно, задача не имеет решения. Однако Бентам достаточно ясно давал понять, что слова «наибольшего числа» в этой формуле являются лишь необязательной дополнительной характеристикой; а важно то, что формула призывает к наибольшему счастью, независимо от того, как оно будет распределено. Под счастьем имеются в виду наличие удовольствия и отсутствие боли — предполагается, что эти два элемента напрямую сравнимы между собой, и что все прочие элементы ценности и антиценности могут быть сведены к ним. Полезность — источник ценности для Бентама, определяется как «то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье (все это в данном случае сводится к одному), предупреждать вред, страдание, зло или несчастье» ([1789] 1998. С. 10).

Такое счастье, или такое количество удовольствия и боли, Бентам предполагает исчислимым, или измеряемым, и считает, что эмпирические наблюдения обнаруживают влияние на него нескольких факторов. В главе 4 *Введения*, озаглавленной «Как можно измерить ценность известного количества удовольствия или страдания» ([1789] 1998. С. 41), Бентам перечисляет семь таких факторов: интенсивность, продолжительность, вероятность, близость, изобилие, чистота и масштабность. Ранние рукописи содержат грубую попытку свести эти факторы к численным шкалам, и в этой главе он как об общеизвестном факте пишет, что ценность предмета меняется в зависимости от вероятности владения им и «близости или отдаленности времени, когда человек вступит во владение» (Там же. С. 45). То есть Бентам принимает как эмпирический факт то, что люди демонстрируют межвременные предпочтения. Он связывает с этим обстоятельством возможность измерить степень удовольствия или боли, которую люди ассоциируют с различными вещами, следовательно, определить ценность последних. Под «изобилием» и «чистотой» Бентам имеет в виду удовольствие или боль, к которым в дальнейшем ведет конкретное удовольствие. Учитывая, что он все равно суммировал все удовольствия, Бентам на самом деле не нуждался в том, чтобы указывать их в качестве отдельных факторов. Аналогично под «объемом» удовольствия он

подразумевал число людей, испытывающих его; и опять, поскольку он может сосчитать все удовольствия отдельно, ему не было необходимости учитывать этот фактор как дополнительный какому-либо другому фактору.

Основываясь на представлении, что полезность является единственным источником ценности, Бентам критиковал Смита за разграничение потребительной и меновой стоимости. Он объясняет парадокс воды и алмаза (состоящий в том, что бесполезные алмазы ценятся больше полезной воды), который, как думал Смит, заставляет разграничить эти две величины, определяя ценность изобильного блага, такого, как вода, по ценности его предельной единицы. «Если нам доступно все необходимое количество блага, — как пишет Бентам, — его излишек не обладает никакой ценностью»; т.е. не имеет никакой ценности кроме как в случаях недостатка рассматриваемого блага. Тогда вода «обладает большей меновой стоимостью, чем вино» (1954, vol. III, p. 87, 88). Стоимость алмазов для Бентама — это также потребительная ценность; доставляя удовольствие, они обладают полезностью.

Попытки Бентама измерить удовольствие были так же схематичны, как непоколебимо было его убеждение, что измерение возможно. В ранних рукописях он говорит о деньгах как о «средстве измерения количества боли или удовольствия» и рассматривает пример, в котором некоему человеку безразлично, получить ли конкретное удовольствие или определенную сумму денег. Однако в опубликованной работе деньги, несомненно, не фигурируют в роли меры, поскольку Бентам определенно считал, что равные доли прироста чего-то, обладающего полезностью, не дают равного прироста полезности. Это следует из того, что Бентам действительно предложил и разработал несколько психологических принципов («аксиом патологии разума», как он их называл), которые описывают, как меняется счастье при изменении вызывающей его причины. Ключевая предпосылка, или аксиома, здесь заключается в том, что, хотя ввиду различий в состоятельности «человек, обладающий наибольшим богатством, обладает и наибольшим счастьем», превосходство богатого в счастье будет не столь велико, как его превосходство в богатстве ([1802] 1806. Т. 2. С. 27). Иными словами, деньги (или любой другой носитель полезности) обладают убывающей предельной полезностью, и Бентам четко показывает, что из этого следует, в частности, для равенства. Он часто перечисляет четыре промежуточные цели, которые являются средствами для достижения основной цели всеобщего счастья: продовольствие, изобилие, равенство и безопасность (Там же. С. 8). Из

этих аксиом патологии разума следует, что пока другие промежуточные цели не затрагиваются, большее равенство способствует большему счастью.

Обращение к промежуточным целям свидетельствует, что Бентам допускал государственное вмешательство. И безопасность, и продовольствие требуют действий на государственном уровне; и государство также должно делать то, что в его силах, для содействия изобилию и равенству. Бентам действительно думал, что безопасность и индивидуальные права, составляющие ее, такие как право на жизнь и право собственности, обеспечиваются государством и не существуют до его возникновения. Отсюда любые предложения по изменению налогов или меры по перераспределению доходов, призванные помочь бедным или предоставить продовольствие, не могут вызывать возражений на том основании, что они противоречат естественным человеческим свободам или естественным правам собственности. Для Бентама подобные вещи — это химеры, полнейшие фикции и чепуха. Так что в своем позднем памфлете *Защита максимума* он мог выступать в пользу государственного регулирования цен на хлеб и при этом заметить, что оставляет «Адаму Смицу и защитникам прав человека... рассуждать о вторжении в естественную свободу» (1954, vol. III, p. 258; предположительно, имеется в виду работа Смита [1776] — БН. Кн. II. Гл. 2. С. 333). По его мнению, здесь вмешиваться не во что. Так что к обороне, правосудию и общественным сооружениям, где Смит допускал вмешательство государства, Бентам добавлял институты распространения знания, здравоохранение, страхование и, возможно, некоторые коммуникации. Он, в частности, отмечал, что выгоды от канала распространяются «в совершенно неустановленных порциях среди круга людей, еще менее четко очерченного» (1954, vol. III, p. 338). Иными словами, речь шла об общественном благе. Бентам также сделал ряд детализированных предложений, касающихся государственного контроля за банковской деятельностью и эмиссией бумажных денег.

Бентам, таким образом, не отрицал идею активного государства и составил несколько перечней, т.е. областей, где его активность уместна. Однако, несмотря на некоторые критические замечания, он по-прежнему поддерживал основные положения экономической теории Смита, причем настолько, что утверждал: в целом большее счастье достигается, если государство не пытается устанавливать контроль. «Общее правило» по отношению к «государству и его активности» звучит так: «*Быть незаметным...* девиз, или пароль, государства» (1954, vol. III, p. 333). Обдумывая любое государствен-

ное вмешательство, необходимо показать, что благо, которое оно может принести, перевешивает ущерб от самого обременительного из существующих налогов. Предполагается, что, в общем, если безопасность и пропитание уже обеспечены, большая ценность (т.е. большее удовольствие) будет достигнута, если людям, которые предположительно знают свои интересы лучше любого другого, позволить свободно стремиться к получению удовольствий. Ранний памфлет Бентама *В защиту ростовщичества* фактически был попыткой переиграть Смита на его собственном поле. Бентам утверждал, что процентная ставка по займам должна оставаться вне государственного контроля; а его последнее письмо представляет собой защиту «разработчиков планов» от того же Смита. Действительно, Бентам не только защищал их, но и сам был «проектировщиком» в той степени, в которой надеялся заработать на своем собственном проекте круглой тюрьмы. Он намеревался стать ее первым управляющим, работающим по контракту, который контролирует английских преступников, заставляет их работать и приносить прибыль.

Оставляя в стороне его воззрения на законодательство, можно сказать, что политическая экономия и проблема роли государства обязательно оказывались в центре внимания при любом анализе его работ. Однако, обладая теоретическим складом ума, Бентам, как правило, увлекался проблемами ради них самих, даже если изначально рассматривал их только как средство достижения некоей цели. Именно так его предложения о введении новой валюты, приносящей процентный доход, привели к занявшему целый год исследованию (отчасти эмпирическому и отчасти теоретическому) последствий введения бумажных денег и инфляции. В получившейся в результате работе *Обращающиеся аннуитеты* (1801) можно не только найти такие типично бентамовские черты, например, гравюру с изображением предлагаемой валюты, но и обнаружить анализ последствий введения новых бумажных денег; такой анализ также присутствует в более позднем памфлете *Истинная тревога*.

В своей ранней работе Бентам высказывал идею, что причина ограниченности пределов государственного вмешательства состоит в том, что торговля всегда ограничена размерами имеющегося капитала; государство же, не будучи способным увеличить капитал, не могло существенно помочь торговле. Такова главная тема его раннего *Учебника политической экономии*. Однако, вернувшись к ней позже, Бентам понял, что в период безработицы изменения монетарной политики могут иметь реальные последствия, вовлекая новых людей в работу. Следовательно, «если существует незадей-

ствованная рабочая сила, деньги способны увеличить реальное богатство (в соответствии с объемом вновь применяемого труда), а не цены товаров» (1952, vol. II, p. 310–311). Открытие того, что монетарные изменения могут вести к «увеличению реального богатства» (p. 313), приводит Бентама к критике отдельных положений Смита: он говорит, что «деньги, казалось бы, есть причина, и причина *sine qua non*, труда и общего благосостояния» (p. 324). Это означает, что он отходит от позиции своих учителей: положительно оценивает расходы на предметы роскоши и говорит о вынужденных сбережениях. Но он считает, что новые деньги способны перераспределить богатства от непродуцированных классов к производительным.

Хотя подобные замечания составляют только незначительную часть его несистематической работы, призванной склонить правительство к конкретному проекту, здесь, как и везде, Бентам разбрасывает мысли и делает намеки, которые получили развитие позже и у других авторов. Общая тональность его памфлета *Истинная тревога*, и особенно описание монетарных эффектов, свидетельствует о том, что он был далек от распространенного среди его последователей мнения, что эту работу не стоило ни редактировать, ни печатать: Дюмон советовался с Джеймсом Миллем и Рикардо, и они высказались против (критический комментарий Рикардо можно найти в: Ricardo, 1951). Однако подобные соображения встречаются у Бентама лишь время от времени. Более последовательно он работал над вопросом, насколько глубоко государство должно вмешиваться в функционирование экономики. Это, в свою очередь, является лишь частью общего проекта разработки полного свода законов для государства, стремящегося содействовать всеобщему счастью.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1776. *A Fragment on Government*. London: T. Payne. Revised and edited by J.H. Burns and H.L.A. Hart, London: Athlone Press, 1977.
1787. *Defence of Usury*. London: T. Payne & Son. In Bentham (1952), vol. I.
1789. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: T. Payne & Son. Reissued, ed. J.H. Burns and H.L.A. Hart, London: Athlone Press, 1970. [Русск. пер.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.]
1791. *Panopticon*. Dublin: Thomas Byrne. In Bentham (1843), vol. IV.
1793. *Escheat vice Taxation*. In Bentham (1952), vol. I.

1798. *Pauper Management Improved*. In Bentham (1843), vol. VIII.
1801. *Circulating Annuities*. London. In Bentham (1952), vol. II.
1802. *Traité de législation civile et pénale*. Ed. E. Dumont, 3 vols, Paris. [Русск. пер.: Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении. В 3 т. СПб., 1805, 1806, 1811.]
1808. *Scotch Reform*. London: J. Ridgway. In Bentham (1843), vol. V.
1811. *Théorie des peines et des récompenses*. Ed. E. Dumont. London.
1815. *A Table of the Springs of Action*. London: R. & A. Taylor. In Bentham (1843), vol. I.
1824. *The Book of Fallacies*. Ed. J.S. Mill, F. Place and P. Bingham, London: J. & H.L. Hunt.
1825. *The Rationale of Reward*. Trans. and ed. R. Smith, London: J.&H.L. Hunt.
1827. *Rationale of Judicial Evidence*. Ed. J.S. Mill, London: Hunt and Clarke.
- 1830a. *The Rationale of Punishment*. Trans. and ed. R. Smith, London: Robert Heward.
- 1830b. *Constitutional Code*. In Bentham (1843), vol. IX.
1843. *The Works of Jeremy Bentham*. 11 vols. Ed. J. Bowring, Edinburgh: William Tait, 1838–43.
1864. *The Theory of Legislation*. Trans. Richard Hildreth from Bentham (1802), ed. C.K. Ogden, London: Kegan Paul & Co., 1931.
- 1952–4. *Jeremy Bentham's Economic Writings*. 3 vols, ed. W. Stark, London: George Allen & Unwin. Vol. I includes Bentham (1787), (1793) and the *Manual of Political Economy*; vol. II contains *Circulating Annuities*; vol. III contains *Defence of a Maximum*, *The True Alarm* and the *Institute of Political Economy*.
1970. *Of Laws in General*. Ed. H.L.A. Hart, London: Athlone Press.
1977. *A Comment on the Commentaries*. Ed. J.H. Burns and H.L.A. Hart, London: Athlone Press.
1983. *Deontology*. Ed. John Bowring, 2 vols, London: Longman & Co.; Edinburgh: William Tait, 1834; reissued, edited by Amnon Goldworth, Oxford: Clarendon Press.
- Hume, L.J. 1981. *Bentham and Bureaucracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hutchison, T.W. 1956. Bentham as an economist. *Economic Journal* 66, June, 288–306.
- Mack, P. 1962. *Jeremy Bentham: An Odyssey of Ideas*. London: Heinemann.
- Mill, J.S. 1832. Bentham. *London and Westminster Review*. In *Collected Works of John Stuart Mill*, ed. J.M. Robson, London and Toronto: Routledge & Kegan Paul and University of Toronto Press, 1969, vol. X.
- Mill, J.S. 1861. *Utilitarianism*. In *Collected Works of John Stuart Mill*, ed. J.M. Robson, London and Toronto: Routledge & Kegan Paul and University of Toronto Press, 1969, vol. X. [Русск. пер.: Милль Дж. Ст. Утилитаризм. О свободе. СПб.: Изд-во И.П.Перевозникова, 1900.]
- Petrella, F. 1977. Benthamism and the demise of classical economic Ordnungspolitik. *History of Political Economy* 92, Summer, 215–36.
- Ricardo, D. 1951–73. *The Works and Correspondence of David Ricardo*. Ed. P. Sraffa, Cambridge: Cambridge University Press, Vol. III; New York: Cambridge University Press, 1973.
- Robbins, L. 1952. *The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*. London: Macmillan.
- Robbins, L. 1970. *The Evolution of Modern Economic Theory*. London: Macmillan.
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Ed. Edwin Cannan, Chicago: University of Chicago Press, 1976. [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Stark, W. 1941. Liberty and equality, or Jeremy Bentham as an economist: I. Bentham's doctrine. *Economic Journal* 51, April, 56–79.
- Stark, W. 1946. Liberty and equality, or Jeremy Bentham as an economist: II. Bentham's influence. *Economic Journal* 56, December, 583–608.
- Taylor, W.L. 1955. Bentham as economist: a review article. *South African Journal of Economics* 23, March, 66–74.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Goldberg, L. 1957. Jeremy Bentham: critic of accounting method. *Accounting Research*, July, 218–45.
- Halévy, E. 1928. *The Growth of Philosophic Radicalism*. Trans. Mary Morris, London: Faber.
- Harrison, R. 1983. *Bentham*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Hart, H.L.A. 1982. *Essays on Bentham*. Oxford: Oxford University Press.

КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мансур Олсон

Collective action

Mansur Olson

Долгое время экономисты, подобно специалистам в других областях, принимали как само собой разумеющееся то, что группы людей с общими интересами склонны преследовать эти общие интересы во многом так же, как отдельные люди преследуют собственные. Если бы группа рациональных и эгоистичных индивидов поняла, что они могли выиграть от неких политических действий, можно было бы ожидать, что они окажутся вовлечены в эти действия; если бы группа рабочих могла выиграть от коллективных переговоров с нанимателем, можно было бы ожидать, что эти рабочие организуют профсоюз; если группа фирм в отрасли могла бы выиграть от сговора с целью установить монопольную цену, эти фирмы стремились бы именно к этому; если средний или какой бы то ни было класс граждан в какой-то стране имеет власть над другими, он будет пытаться контролировать правительство и управлять страной в своих собственных интересах. Идея, что группы людей склонны преследовать свои общие интересы, часто считалась не нуждающейся в доказательстве, в то же время в некоторых случаях она играла центральную, концептуальную роль, например в некоторых ранних американских теориях профсоюзов, в предложенной «плюралистами» в политологии «теории групп», в концепции «компенсирующей силы» Дж.К. Гэлбрейта и марксовской теории классово-борьбы.

Относительно недавно анализ логики индивидуальной оптимизации применительно к группам с общими интересами привел к совершенно иному взгляду на коллективное действие. Если члены некоторой группы действительно имеют общий интерес, его реализация автоматически принесет выгоду каждому члену группы независимо от того, несет ли он какую-либо часть издержек, связанных с соответствующим коллективным действием. Таким обра-

зом, существование общего интереса совсем не обязательно создает стимулы для индивидуального действия в интересах группы. Если фермеры, вырастившие урожай, заинтересованы в установлении тарифа, ограничивающего импорт и повышающего цену на соответствующий товар, отсюда еще не следует, что, с точки зрения индивидуального фермера, разумно делать взносы в сельскохозяйственную организацию, добивающуюся установления такого тарифа. Фермер получил бы выгоду от установления этого тарифа независимо от того, платил он взносы или нет, а его собственные взносы, отдельно взятые, очень мало могут повлиять на то, будет или нет установлен такой тариф. Более высокая цена или ставка оплаты труда, вытекающая из коллективного действия, направленного на ограничение рыночного предложения, также оказывается доступна для любой фирмы или работника на соответствующем рынке независимо от того, участвовала ли фирма или работник в ограничении выпуска или несла ли она издержки, необходимые для повышения цены товара или оплаты труда. Аналогично любые выгоды, полученные классом капиталистов или рабочим классом от правительства, управляющего страной в интересах данного класса, будут распространяться на отдельного представителя указанного класса, нес ли он издержки, связанные с коллективным действием или нет. Отсюда, а также из того факта, что вероятность того, что действия любого индивида определяют победу или поражение его группы или класса, чрезвычайно мала, вытекает, что типичный индивид, если он рационален и эгоистичен, не будет участвовать в коллективном действии в интересах большой группы или класса.

Говоря научным языком, выгоды от коллективного действия в интересах группы, члены которой имеют общую цель, являются общественным, или коллективным, благом для этой группы; подобно таким общественным благам, как закон и порядок, оборона и снижение загрязнения окружающей среды, причем спонтанные рыночные механизмы, основанные на добровольных действиях, не обеспечивают ими общество. Фундаментальная истина, объединяющая теорию общественных благ с более общей логикой коллективного действия, состоит в том, что и в одном, и в другом случае цели невозможно достичь с помощью обычного рыночного или добровольного действия. Это невозможно, поскольку коллективные или общественные блага, предоставляемые государствами или негосударственными организациями, являются неисключаемыми в потреблении: если их получает один член группы, ими автоматически пользуются и другие (Олсон, 1995).

Поскольку многие группы, имеющие общие интересы, очевидно, не обладают властью устанавливать налоги или каким-то другим подобным средством воздействия, из приведенного выше рассуждения следует, что многие группы, которые могли бы выиграть от коллективного действия, не будут организованы, чтобы действовать в своих общих интересах. Справедливость этого утверждения нетрудно подтвердить. Общим интересом потребителей является противостоять принятию законов, дающих различным группам производителей возможность устанавливать цены выше конкурентных. Иногда потребители заинтересованы объединяться в коалиции, которые могли бы противостоять монополии производителей, но не существует большой страны, где большинство потребителей были бы членами какой-то организации, действующей преимущественно в интересах всех потребителей. Аналогично безработные тоже имеют общие интересы, но они нигде не организованы для коллективного действия. Также ни большинство налогоплательщиков, ни большинство бедных людей не принадлежат к организациям, действующим в их общих интересах (Austen-Smith, 1981; Brock and Magee, 1978; Chubb, 1983; Hardin, 1982; Мое, 1980; Олсон, 1995).

Хотя некоторым группам никогда не удастся действовать коллективно, преследуя свои общие интересы, другие группы при искусном руководстве могут преодолеть трудности организации коллективного действия, хотя обычно на это требуется много времени. Существуют два условия, любое из которых является достаточным, чтобы коллективное действие стало возможным. Одно заключается в том, что число индивидов или фирм, которым нужно действовать коллективно для реализации своего общего интереса, не должно быть очень большим; второе состоит в том, что эти группы должны иметь доступ к «избирательным стимулам».

Способ, которым немногочисленные группы способны иногда реализовать коллективное действие, станет наиболее очевиден, если предположить, что все члены группы, имеющие общий интерес, одинаковы. Предположим, что в отрасли есть только две большие фирмы, и каждая из них получила бы равную выгоду от любой государственной субсидии или «дырки» в налоговом законодательстве, или установления цены, превышающей конкурентную, на товар. Ясно, что каждая фирма будет в среднем получать половину выгоды от любого лоббирования, предприняемого ею от имени отрасли, и это может служить стимулом для односторонних действий в пользу отрасли. Поскольку действия каждой фирмы, очевидно, будут влиять на прибыль другой, у них будет стимул к стра-

тегическому взаимодействию и переговорам. Стимул продолжать это стратегическое взаимодействие и переговоры будет сохраняться до тех пор, пока не будет достигнут совместный максимум, или результат, «оптимальный для группы». Та же логика, очевидно, применима к коллективному действию в форме сговора с целью установить цену выше конкурентной. Таким образом, мы получаем хорошо известный стимул к олигополистическому сговору в отраслях с высокой степенью концентрации при наличии существенных барьеров или издержек входа на рынок. Однако с ростом размера группы стимул действовать коллективно уменьшается; если группа состоит из десяти членов, объединенных общим интересом, каждый получает лишь десятую часть выгоды от одностороннего действия в пользу общего интереса группы, а если членов миллион — одну миллионную. В последнем случае, даже если бы какой-то стимул вступать в пользу общего интереса и существовал, он прекратил бы действовать задолго до того, как был бы достигнут оптимальный для группы объем коллективного действия. Стратегическое взаимодействие или добровольные переговоры не состоятся, так как ни одна возможная пара индивидов не имеет стимула ввязываться в стратегическое взаимодействие или переговоры друг с другом. Это происходит потому, что отказ одного индивида поддержать коллективное действие не окажет никакого заметного действия на чей-либо еще стимул поддержать его, так что побуждения к стратегическому взаимодействию или рациональным переговорам отсутствуют. Итак, мы приходим к выводу, что со временем достаточно мелкие группы могут действовать коллективно, но этот стимул к коллективному действию монотонно убывает с ростом размера группы и пропадает полностью в достаточно больших, или «латентных», группах.

Когда стороны, которые выиграли бы от коллективного действия, имеют сильно различающиеся кривые спроса, у стороны с наибольшей абсолютной величиной спроса на коллективное действие будет стимул до некоторой степени участвовать в нем, даже если никто больше в этом не заинтересован. Это приводит к парадоксальной «эксплуатации больших малыми». Это справедливо в большей степени, и в большей степени заметно, если мы игнорируем эффекты дохода, как это сделано при построении кривых спроса на коллективное благо на рис. 1.

Когда сторона с более высокой кривой спроса на коллективное благо D_h получила объем коллективного блага Q_1 , который она заинтересована предоставлять самостоятельно, все остальные стороны с более низкими кривыми спроса, такими как D_s , автомати-

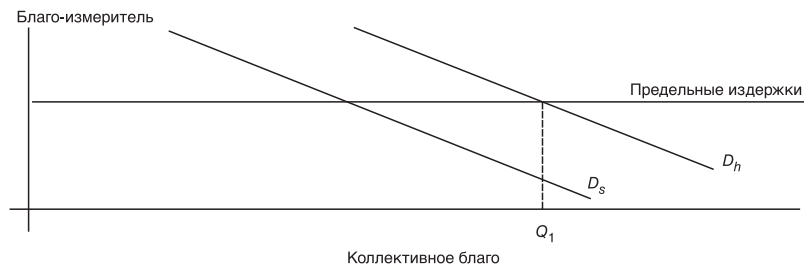

Рис. 1

чески получают тот же объем коллективного блага и, таким образом, не будут заинтересованы вкладываться в него вообще! (Олсон, 1995). Когда мы принимаем во внимание эффекты дохода и некоторые характеристики отдельных коллективных благ, присущие частным благам, результаты будут не столь определенными, но непропорциональное распределение бремени для сторон, у которых абсолютная величина спроса большая, сохранится. Эта диспропорция оказывалась очевидной, например, в различных военных альянсах и международных организациях, в картелях и городах, в которых общегородские коллективные блага предоставляются сильно различающимися по размеру независимыми муниципалитетами (Olson and Zeckhauser, 1966; Sandler, 1980).

Другое условие, кроме небольшого размера групп, которое может сделать коллективное действие осуществимым, — это «избирательные стимулы». В тех больших группах, в которых на сколь-нибудь существенный период времени было организовано коллективное действие, как правило, можно обнаружить специально разработанные механизмы, или избирательные стимулы, функционально эквивалентные налогам, позволяющим государству производить общественные блага (Олсон, 1965; Hardin, 1982). Эти избирательные стимулы либо наказывают, либо поощряют индивидов в зависимости от того, несли ли они свою долю издержек коллективного действия, и тем самым создают для них такой мотив участвовать в коллективном действии, который не могло породить ни одно уже существующее или возможное в будущем общедоступное благо. Наиболее очевидными примерами такого рода механизмов являются профсоюзные соглашения, позволяющие принимать на работу только членов профсоюза, и организуемые профсоюзами заслоны пикетчиков, которые зачастую делают членство в профсоюзе необходимым условием занятости и контролируют предложение труда во время забастовок (см., например, работы McDonald, 1969; Gamson, 1975). При ближайшем рассмотрении выясняется,

что профсоюзы в этом отношении не отличаются от других созданных для коллективного действия больших организаций, в которых регулярно обнаруживаются избирательные стимулы, служащие, хотя и не столь явно, тем же целям.

Фермерские организации в некоторых странах, прежде всего в США, привлекают большую часть своих членов, вычитая размер членских взносов из «патронажных дивидендов» или скидок фермерских кооперативов и страховых компаний, аффилированных с данной организацией. Для профессиональных ассоциаций, представляющих такие группы, как врачи или адвокаты, характерны либо относительно скрытые формы принуждения (как, например, «закрытые коллегии») или специфические поощрения членов ассоциаций, такие, как доступ к профессиональным публикациям, сертификации, сотрудничеству и страхованию. В маленьких группах и иногда в больших «федеральных» группах, состоящих из множества мелких, общественное давление и общественное поощрение также является важным источником избирательных стимулов.

Избирательные стимулы, необходимые для организации коллективного действия в больших группах, реже обращены на потенциальных кандидатов в члены этих групп или на людей, стоящих на более низкой ступени социальной лестницы, чем на членов устоявшихся, благополучных групп. У безработных, например, очевидным образом нет возможности сделать членство в организации, действующей в их интересах, условием занятости; и в отличие от занятых они также не могут скапливаться на рабочих местах, образуя пикеты. Те, кто мог выиграть от входа в картелизованную отрасль или профессию, также почти никогда не имеют избирательных стимулов. Опыт различных стран подтверждает, что более образованные и умелые люди пользуются лучшим доступом к избирательным стимулам, чем более бедные работники; такие квалифицированные профессионалы, как доктора и адвокаты, обычно оказываются хорошо организованы еще до появления профсоюзов, а профсоюзы квалифицированных работников обычно появляются раньше профсоюзов работников неквалифицированных. Корреляция между доходом, статусом и доступом к избирательным стимулам имеет ту же природу, что и упоминавшаяся выше относительная простота коллективного действия для маленьких групп крупных фирм в отраслях с высокой степенью концентрации. За счет этих двух факторов коллективное действие в среднем, хотя и не во всех случаях, усиливает неравенство и поддерживает существующий истеблишмент (Olson, 1984).

Начало изучения коллективного действия восходит к истокам самой экономической науки, однако затем на протяжении большей части ее истории эта тема была странным образом забыта. Хотя это признают не все, изучение коллективного действия, пусть лишь предварительное и интуитивное, было важнейшей частью анализа Адамом Смитом неэффективности и неравенства в экономиках, которые он рассматривал (Smith, 1776). Смит даже замечал, что основными бенефициариями коллективного действия в его время были люди далеко не бедные и не среднего достатка. Он также подчеркивал, что горожане часто выигрывают от коллективного действия в ущерб жителям сельской местности, поскольку географическая распыленность последних затрудняет их объединение с целью оказывать политическое влияние или установить цены; этот отмеченный Смитом факт предположительно в какой-то мере объяснялся скверным состоянием транспортных путей и коммуникаций в его времена, что тогда мешало организации сельских жителей сильнее, чем сейчас, в развитых странах.

Меркантилизм был тем ярлыком, который Адам Смит навесил на весь набор политических мер, монополистических образований и идей, на которые он напал, поскольку самым важным источником зла было коллективное действие купцов, или купцов и «мастеров», особенно тех, которые были организованы в гильдии или «корпорации». Обсуждая «Неравенства, порожденные политикой Европы» и «Земельную ренту» (БН. Кн. I. Гл. 10, 11), Смит подчеркивал: «Во всех случаях, когда законодательство пытается улаживать несогласия между хозяйствами и рабочими, его советниками всегда являются хозяева» (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 186). Аналогично

«повсюду богатому купцу гораздо легче приобрести право на торговлю в городе с цеховым устройством, чем бедняку-ремесленнику получить право работать в нем...» (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 180). И далее: «Хотя интересы рабочего тесно связаны с интересами общества... его голос слабо слышен, на него обращают мало внимания...» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 281).

Интересы жителей сельской местности, согласно Смицу, также ущемляются, особенно в сравнении с интересами «торговли и промышленности»:

«Жители, будучи собраны в одном месте, легко могут сговориться между собой и вступить в соглашения. Ввиду этого даже самые незначительные городские ремесла объединились почти везде в цехи; и даже там, где объединения не было... часто добровольными организациями и соглашениями они предупреждают ту свободную конкуренцию,

которую они не могут воспретить изданием соответствующих постановлений. Ремесла, в которых занято очень немного людей, наиболее легко достигают соглашений» (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 171). И далее: «Представители одного и того же вида торговли или ремесла редко собираются даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не закончился заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен» (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 174).

Наоборот, «сельские жители, рассеянные на больших пространствах друг от друга, нелегко могут сговориться между собой» (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 172).

Эти отрывки, хотя они процитированы не в том порядке, в каком фигурировали у Смита, тем не менее верно передают его подозрительность по отношению к коллективному действию. Хотя гандикап, с которым сталкиваются сельские жители в организации коллективного действия сегодня в развитых странах, гораздо меньше, чем во времена Смита, даже эта часть его рассуждений все еще в целом сохраняет свою актуальность для развивающихся стран, где транспорт и коммуникации в сельской местности плохи, интересы крестьян в основном не представлены, а сельскохозяйственная продукция недооценена (Anderson and Hayami, 1986; Schultz, 1978; Olson, 1985).

Соображения Адама Смита о коллективном действии и его последствиях игнорировались вплоть до недавнего времени. Одной из причин этого предположительно является то, что большинство экономистов XIX и начала XX в. в основном интересовались логикой конкурентных рынков. Логика коллективного действия же, наоборот, является на самом деле обобщенной формулировкой логики провалов рынка; она включает центральную идею теорий общественных благ и экстерналий, а именно, что рынки и добровольные соглашения рыночной природы в общем случае не работают там, где бенефициарии любого коллективного блага или выгоды не могут быть исключены из пользования им за неуплату положенной цены или взноса (Baumol, 1952). До публикации в 1896 г. на немецком языке *Нового принципа справедливого налогообложения* Кнута Викселля (Musgrave and Peacock, 1967) ни один экономист не демонстрировал ясного понимания природы общественных благ, и только с выходом в 1950-х годах статей Самуэльсона (Samuelson, 1955) эта идея получила широкое признание в англоговорящем мире.

Вторым препятствием развитию логики коллективного действия было то, что коллективное действие, осуществляемое правительствами, обычно принималось как данность. Несмотря на трудности

коллективного действия, анархия относительно редка, поскольку правитель, который в какой-то степени обеспечивает закон и порядок, быстро захватывает власть. Это происходит также в результате действий завоевателей и той выгоды в виде возросших налоговых поступлений, которую они получают от установления какой-либо системы закона и порядка, а также прав собственности. В отсутствие этих наиболее базовых коллективных благ завоевателю особенно нечем поживиться, так что в мотиве завоевателей установить закон и порядок ясно просматривается исторически первое появление «невидимой руки». Те, кто наследует завоевателям, очевидно, также должны поддерживать систему закона и порядка, если хотят по-прежнему собирать значительные налоги. Поскольку правители, предоставляющие базовые коллективные блага, существовали повсеместно, классики, писавшие об общественных благах, такие как Вискелль и Самуэльсон, даже и не задавались вопросом о том, как первоначально возникли коллективные блага. Вместо этого они концентрировали внимание на том, как определить правильное распределение налогового бремени и как преодолеть трудности при определении Парето-оптимального уровня производства общественных благ. Это, в свою очередь, привело к рекомендации Вискелля разрешать только те общественные расходы, которые при правильном распределении налогового бремени могли бы вызвать одобрение, близкое к единодушию, и к озабоченности Самуэльсона и Масгрейва (1959) тем, что предпочтения относительно общественных благ не выявлены. Трудности коллективного действия и производства общественных благ на добровольной основе, таким образом, не привлекали внимания теоретиков.

Черед более общей концепции наступает, когда, как это имеет место в новой политической экономии или теории общественного выбора, внимание сосредоточивается и на усилиях неправительственных групп, направленных на получение каких-либо выгод путем лоббирования, картелизации и сговора, а также на частных действиях с целью получить коллективные выгоды иного рода (Barry and Hardin, 1982; Olson, 1965; Taylor, 1976). Становится ясно, что вероятность добровольного коллективного действия самым существенным образом зависит от размера группы, которая может от него выиграть. Когда группа достаточно мала, и есть время для необходимых переговоров, желаемые коллективные блага обычно бывают предоставлены в результате добровольного сотрудничества (Frohlich, Oppenheimer and Young, 1971). Если существуют значительные различия в спросе на данное коллек-

тивное благо, будет присутствовать вышеупомянутая парадоксальная «эксплуатация больших малыми». Когда число бенефициариев коллективного действия очень велико, вопрос о добровольном и прямом коллективном действии даже не стоит, и налоги или иные избирательные стимулы становятся незаменимыми. Избирательные стимулы доступны только подмножеству тех неправительственных групп, которые могут выиграть от коллективного действия. Даже те группы, у которых есть потенциал к организации действий с помощью избирательных стимулов, обычно столкнутся с серьезными трудностями при разработке соответствующих (зачастую изощренных) инструментов. Как правило, они могут преодолеть трудности коллективного действия только, если ими руководят достаточно искусные люди и они действуют в благоприятных обстоятельствах.

Отсюда следует, что много неправительственных организаций, занятых коллективным действием, будет существовать только в обществах, длительно находящихся в состоянии стабильности. В обществах, где еще недавно тоталитарные репрессии, революционные потрясения или поражения уничтожили организации, занимавшиеся коллективным действием, лишь немногие группы смогут за обозримое время преодолеть связанные с этим колоссальные трудности. Было показано (Mueller, 1983; Olson, 1982), что (если они не являются «всеобъемлющими») организации, движимые крайне антиобщественными стимулами и осуществляющие коллективные действия, скорее, ввязываются в борьбу за перераспределение ресурсов, чем участвуют в производстве, даже если бремя этой борьбы очень велико. Они также склонны принимать решения медленно и тем самым замедлять технологический прогресс и адаптацию к макроэкономическим и монетарным шокам. Отсюда следует, что от таких стран, как Германия, Япония и Италия, переживших катастрофы и уничтоживших организации, созданные для коллективного действия, можно ожидать «экономического чуда». Осознание коллективного действия также позволяет понять, каким образом Великобритания, страна, которая вместе с промышленной революцией дала старт современному экономическому росту и почти век демонстрировала самый высокий в мире его темп, могла в настоящее время пасть жертвой «британской болезни». Логика коллективного действия в сочетании с другими теориями также позволяет понять многие из других наиболее примечательных примеров экономического роста и стагнации со времен Средневековья, а также некоторые факты из опыта макроэкономического развития, которые противоречат как кейнсианским,

так и монетаристским и неоклассическим макроэкономическим теориям (Balassa and Giersch, 1986).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anderson, K. and Hayami, Y. 1986. *The Political Economy of Protection*. Sydney: George Allen & Unwin.
- Austen-Smith, D. 1981. Voluntary pressure groups. *Economica* 48, May, 143–53.
- Balassa, B. and Giersch, H. (eds) 1986. *Economic Incentives* Proceedings of the International Economic Association, London: Macmillan.
- Barry, B. and Hardin, R. (eds) 1982. *Rational Man and Irrational Society*. Beverly Hills: Sage.
- Baumol, W.J. 1952. *Welfare Economics and the Theory of the State*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Brock, W. and Magee, S. 1978. The economics of special interest groups: the case of the tariff. *American Economic Review* 68(2), May, 246–50.
- Chubb, J. 1983. *Interest Groups and Bureaucracy*. Stanford: Stanford University Press.
- Frohlich, N., Oppenheimer, J. and Young, O. 1971. *Political Leadership and Collective Boards*. Princeton: Princeton University Press.
- Gamson, W.A. 1975. *The Strategy of Social Protest*. Homewood, Ill.: Dorsey.
- Hardin, R. 1982. *Collective Action*. Baltimore: Johns Hopkins University Press for Resources for the Future.
- McDonald, D.J. 1969. *Union Man*. New York: Dutton.
- Moe, T.M. 1980. *The Organization of Interests*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mueller, D.C. (ed.) 1983. *The Political Economy of Growth*. New Haven: Yale University Press.
- Musgrave, R.A. 1959. *The Theory of Public Finance*. New York: McGraw-Hill.
- Musgrave, R.A. and Peacock, A.T. (eds) 1967. *Classics in the Theory of Public Finance*. 2nd edn, New York: McGraw-Hill.
- Olson, M.L. 1965. *The Logic of Collective Action*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. [Русск. пер.: Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М.: Изд-во ФЭИ, 1995.]
- Olson, M.L. 1982. *The Rise and Decline of Nations*. New Haven: Yale University Press. [Русск. пер.: Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.]

- Olson, M.L. 1984. Ideology and growth. In *The Legacy of Reaganomics*, ed. C.R. Hulten and I.V. Sawhill, Washington: Urban Institute Press, DC.
- Olson, M.L. 1985. Space, organization, and agriculture. *American Journal of Agricultural Economics* 67, December, 928–37.
- Olson, M.L. and Zeckhauser, R. 1966. An economic theory of alliances. *Review of Economics and Statistics* 48, August, 266–79.
- Samuelson, P. A. 1955. Diagrammatic exposition of a theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics* 37, November, 350–56.
- Sandler, T.(ed.) 1980. *The Theory and Structure of International Political Economy*. Boulder, Colorado: Westview.
- Schultz, T.W. 1978. *Distortion of Agricultural Incentives*. Bloomington: Indiana University Press.
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: J.M. Dent, 1910; New York: Modern Library, 1937. [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Taylor, M. 1976. *Anarchy and Cooperation*. London: John Wiley; New York: John Wiley & Sons Inc.
- Wicksell, K. 1896. A new principle of just taxation. Trans. from the German by J.A. Buchanan, in Musgrave and Peacock (1967).

ОБЩЕЕ ПРАВО

П.С. Атия

Common Law

P.S. Atiyah

Общее право — это система права и юридических процедур, которая зародилась в Англии вскоре после норманнского завоевания, а после нескольких столетий непрерывного развития была экспортирована в английские колонии и, таким образом, легла в основу законодательства большей части Соединенных Штатов, Австралии, Новой Зеландии, большей части Канады, а также (в меньшей степени) Индии, Пакистана, Бангладеш и многих регионов Африки. Главная характеристика общего права всегда состояла в том, что его развитие находилось в основном в руках судей, оно росло и менялось пошагово, от дела к делу, в ходе фактического судопроизводства.

В наше время термин «общее право» применяется в ряде смыслов. В самом широком значении он продолжает использоваться для обозначения целостной системы права, зародившейся в Англии, которая теперь формирует основу правовой системы в большей части бывшей Британской империи, часто называемой в настоящее время «миром общего права». В этом значении общее право часто противопоставляется гражданскому праву, которое происходит от правовой системы Древнего Рима и сегодня действует в большей части Западной Европы, а также во многих других странах (таких, как, например, Япония и Египет), которые позаимствовали свою правовую систему от европейских стран. Одна из главных характеристик современного гражданского права заключается в том, что оно опирается на один или несколько основных кодексов. Главным различием между странами общего права и гражданского права остается то, что первые обычно не сводят свои правовые нормы в виде кодексов. И даже в тех областях юрисдикции общего права (таких, как, например, Калифорния), где сегодня существует своего рода Кодекс общего права, он по сути отлича-

ется коренным образом от Кодексов гражданского права; в частности, система прецедентов и полномочия судей по интерпретации и развитию таких Кодексов общего права совершенно отличны от тех, которые признаны в странах гражданского права.

Термин «общее право» также часто используется в различных более узких смыслах. В наиболее важном из них общее право противопоставляется законодательству, так что юрист в стране общего права по-прежнему считает законодательство типом права, отличным от общего права, которое является в основном правом, созданным судьями. Термин «общее право» иногда используется еще и в третьем значении, в котором он отличается от так называемого права справедливости («*Equity*»), которое было первоначально дополнением к общему праву и разрабатывалось отдельным канцлерским судом («*Court of Chancery*»). Сегодня общее право (в этом узком значении) и право справедливости почти везде объединяются и осуществляются одними и теми же судами.

Общее право (в первых двух смыслах, названных выше) по традиции связывалось с экономикой свободного рынка по крайней мере двумя разными способами. Во-первых, существует направление мысли, представленное, в частности, Хайеком (Hayek, 1973), которое, очевидно, считает, что система права, подобная общему праву, в основном создаваемая судьями, наиболее благоприятствует индивидуальным и особенно экономическим свободам и защищает их. Но это — неверное и даже эксцентричное утверждение, в котором, видимо, перепутаны первые два смысла термина «общее право», указанные выше. Поскольку большинство видов перераспределения осуществляется в современных демократических странах посредством законодательных мер, можно легко допустить, что правовая система, в которой законодательство занимает не слишком важное место, скорее, будет признавать и защищать свободу рынка. Однако объем перераспределения, которое происходит в правовой системе, не обязательно зависит от того, является ли данное общество частью «мира общего права». Нет априорных причин полагать, что судьи, предоставленные самим себе, будут обязательно действовать на пользу рыночной экономике. Как показывают последние исследования, проводимая судьями политика зависит от их собственных предпочтений, культуры и традиций.

Существует, однако, и второй способ, с помощью которого общее право по традиции связывают со свободным рынком, и эта связь основана на исторических фактах последних трех столетий. Принцип верховенства права (*Rule of Law*), который был признан и стал защищаться в Англии после революции 1688 г., по мнению

многих, способствовал развитию экономики свободного рынка в Англии до начала и в течение первых лет промышленной революции. Из-за этого исторического факта долгое время среди английских авторов тесная связь между общим правом и свободой рынка была почти предметом веры. Этот взгляд сегодня менее распространен в Англии, поскольку англичане, хотя еще по-прежнему верят в верховенство права (несмотря на глубокие сомнения некоторых кругов в том, что это понятие имеет серьезный смысл), уже не верят в свободный рынок, как когда-то прежде. В Америке, где Конституция 1788 г. в значительной степени воплотила английские традиции в том, что касается принципа верховенства, а также была пронизана идеологией свободного рынка, связь между этими двумя понятиями по-прежнему осталась сильной.

Причины традиционной веры в тесную связь между общим правом и свободным рынком нужно, следовательно, искать в истории, и в частности в английской истории, в течение периода приблизительно от 1770 до 1870 г., когда экономика свободного рынка находилась в процессе становления. Из всех частей общего права с этой точки зрения нам наиболее важно договорное право, поскольку оно наиболее тесно связано с экономической системой. Действительно, история английского права между 1770 и 1870 гг. была в большой степени историей того, как договорное право преобразовывалось в право свободного рынка и как идеология свободы контрактов стала одним из великих интеллектуальных течений в истории (Atiyah, 1979).

Первые три четверти XVIII в. были в Англии переходным периодом, в течение которого многие более старые идеи о контрактах и рынке были замещены более новыми идеями, которые постепенно стали доминирующими к концу столетия. Среди этих старых идей по крайней мере три могут считаться особенно враждебными возникающей экономике свободного рынка. Во-первых, в праве и экономике присутствовали регулирующие элементы, восходящие к временам Тюдоров. Речь идет, например, о предусмотренном законом контроле над заработной платой и ценами многих товаров, а также о законах об ученичестве, которые регулировали доступ ко многим профессиям и содержали устаревшие и в основном ненужные ограничения. Во-вторых, в договорном праве того времени присутствовал значительный патерналистский элемент, когда суды желали облегчить для различных групп последствия заключенных ими неудачных сделок. Это отеческое попечение особенно присутствовало в различных доктринах права справедливости (*Equity*), таких, как, например, правила, облегчающие положение должни-

ков по закладным, правила против принуждения к выплате договорных штрафов и конфискации, правила защиты моряков и «ожидающих наследников» и т.д. Таким образом, если говорить о третьем значении термина «общее право», охарактеризованном выше, можно утверждать, что общее право было всегда более рыночно-ориентированным, чем право справедливости. В-третьих, в договорном праве XVIII в. был традиционный моралистский элемент, который принимал различные формы, как, например, общая враждебность к ростовщичеству (об этом см.: Simpson, 1975, p. 510–518) и попытки регулировать продажи основных продуктов питания и напитков, запрещая нарушать традиционные способы маркетинга. «Моральные» корни старого права были также связаны с представлениями о «справедливой цене», которые, хотя и редко открыто признавались в общем праве, видимо, имели влияние, по крайней мере, в некоторых делах, рассмотренных в канцлерском суде, где судьи явно испытывали некоторое неудобство, если их просили обеспечить осуществление контрактов по ценам, которые казались им очень несправедливыми, или на условиях, которые были (на языке права) «недобросовестными».

В дополнение к этим специфическим случаям, в которых ограничивалась обязательность исполнения частных контрактов, были и важные причины, по которым само понятие общего договорного права оставалось в то время сравнительно неразработанным. Так, в то время как закон признавал и гарантировал некоторые специфические типы контрактов, например, контракты о продаже земли, контракты страхования и т.д., не было общего законодательства о контрактах, которое бы распространялось на все виды сделок. Далее, остается неясным, в какой степени договорное право того периода действительно признавало и обеспечивало контракты с исполнением в будущем, т.е. покрытие ущерба при нарушении контракта до начала его исполнения или потери доверия одной из сторон. И наконец, ясно, что с сегодняшних позиций договорное право в XVIII в. еще не освободилось от зависимости от права собственности. Конечно, в некотором смысле договорное право не может быть свободным от права собственности, поскольку договорное право является механизмом, который обеспечивает обмен правами собственности; есть, однако, явные признаки того, что в XVIII в. договорное право все еще тесно связывалось с правом собственности в другом смысле, например договорные аспекты многих сделок все еще считались более важными, чем аспекты, связанные с обязательствами. Так, например, право должника по закладной выкупать заложенную собственность защищалось суда-

ми, даже когда по условиям документов закладной он утрачивал это право вследствие задержки в возвращении займа. Считалось, что если залогодержатель получил назад свои деньги с процентом и возмещением издержек, то он адекватно защищался законом, даже если сам контракт давал ему более широкие права.

В течение столетия начиная примерно с 1770 г. эти устаревшие идеи и традиции постепенно уступили идеологии свободы контрактов, но было бы неправильно думать, что эта идеология не имела глубоких корней и предыстории в более ранних периодах. Даже в XVI и XVII вв. наблюдалось много признаков зарождающегося экономического либерализма среди таких юристов, как, например, Коук, который привил общему праву ненависть к монополиям, а также любовь к индивидуальным свободам (Wagner, 1935). Томас Гоббс в известном пассаже *Левиафана* отменил все средневековые теории о «справедливой цене» и объявил, что «цена вещей, являющихся объектом договора, измеряется желанием договаривающихся сторон, и справедливой ценой поэтому является та, которую они согласны дать» (Гоббс, 1991. С. 104). Итак, идеология свободы контрактов, несомненно, берет начало намного раньше XVIII в. Тем не менее кажется (хотя вопрос остается спорным), что основные изменения в законодательстве начались и набирали темп в течение этого столетия.

Несомненно, многое изменилось в характере договорного права с последней четверти XVIII в. до середины XIX в., и есть немало подтверждений тому, что многие из этих изменений в праве происходили под глубоким влиянием классической экономической теории и, возможно, даже под большим — популярных версий последней. Во-первых, реликты регулируемой экономики эпохи Тюдоров постепенно исчезли. Регулирование заработной платы считалось все более устаревшим в практике XVIII в., и главный вызов устаревшим законам под лозунгом свободы контрактов был брошен в знаменитом деле глостерширских ткачей (1756—1757) (Atiyah, 1979, p. 73—74). К началу XIX в. большинство законов, дающих право фиксировать заработную плату, были аннулированы. То же самое произошло с Уставом об ученичестве после многих лет, в течение которых его функционирование постепенно было сведено на нет судьями. Во-вторых, признаки патернализма, которые все еще обнаруживаются в праве справедливости XVIII в., кажется, постепенно исчезли по мере того, как судьи делали более твердыми свои сердца и более закаленными — свои умы. Например, попытки введения при продаже товаров гарантий для защиты покупателей, которые случались в XVIII в., в основном прекратились, и принцип *caveat*

emptor («пусть покупатель будет осмотрительным») был подтвержден с полной силой. Доктрины «справедливости», позволяющие судам облегчать участь пострадавших от невыгодных сделок, постепенно сводились к минимуму, хотя не исчезли совсем. В-третьих, моралистские элементы в законодательстве также постепенно сокращались. Контрактное право постепенно превратилось в механизм осуществления нейтральных соглашений, которые предполагались выгодными для обеих сторон. Единственный моральный компонент, сохранявшийся в договорном праве в течение XIX в., происходил, по-видимому, из обязывающей природы обещаний.

Субъективная теория цены также, по-видимому, была взята на вооружение судьями даже до того, как она была полностью принята экономистами. Хотя в общем праве всегда действовал принцип, что обещание, для того чтобы принудить к его исполнению, должно иметь некоторые «основания» (и по крайней мере в этом отношении содержать элемент патернализма), возрастающее признание субъективной теории ценности в течение XIX в. изменило положение. Так, например, в деле «Хейг против Брукса» (Haigh v. Brooks, 1840, 113 English Reports 124) судьи заставили одну из сторон выполнить обещание и заплатить 9000 фунтов стерлингов за отказ от гарантии, прежде данной обещавшим, хотя оказалось, что гарантия не имела искиковой силы и являлась юридически ничтожной. Обещавший оценил свою гарантию в 9000 фунтов стерлингов, заявили судьи; ничтожность документа их не заботила. По аналогичным причинам постепенно преодолевалось предубеждение против ростовщичества, и законы о ростовщичестве были полностью аннулированы в Англии в 1854 г.

Таким образом, к середине XIX в. принцип, согласно которому контракты являются обязательными и их выполнение должно быть обеспечено, существенно усилился и исключения были сведены на нет. Кроме того, в договорном праве произошли и другие изменения, которые способствовали его превращению в право свободного рынка. Во-первых, именно в течение этого периода там, где действовало общее право, впервые появилось общее контрактное (договорное) право. Процесс обобщения правовых норм во многих отношениях был важен для идеологии права. В частности, обобщение идей контрактного права означало, что право должно стать более абстрактным, основанным на более универсальных принципах. Должны быть разработаны принципы, которые могут быть одинаково применены для, скажем, коммерческих контрактов о продаже пшеницы, трудовых контрактов и личных контрактов, таких, как, например, брачные. Подобная универсализация по-

могла праву стать более нейтральным, менее подверженным перераспределительным тенденциям, которые могли бы существовать, если бы для контрактов в области занятости, аренды жилья или ссудных операций имелись бы отдельные юридические доктрины.

Еще одним важным направлением развития в течение этого периода был постепенный сдвиг от такого подхода к договорному праву, когда контракты рассматривались как текущие, частично осуществленные обмены, к трактовке их как заранее предусмотренных мер, позволяющих распределить риски. Договор с исполнением в будущем стал, несомненно, признаваться законом, так что стало возможным предъявить судебный иск о возмещении убытков от нарушения обещания, даже если не было предпринято никаких действий и не было обмануто чье-либо доверие. Необходимость возмещения ущерба при таких обстоятельствах никогда явно не провозглашалась, и в действительности это редко оказывалось необходимым. Всегда считалось, что общий принцип свободы контракта требует не только свободы осуществления сторонами обмена, но и законного права одной из сторон претендовать на компенсацию ущерба, если другая сторона не выполнила обязательств. Джон Стюарт Милль был первым экономистом, отметившим, что принцип *laissez-faire* не может использоваться для оправдания принуждения к исполнению контрактов, заключенных на будущий срок (Милль, 2007. С. 966–967), но и некоторые современные экономисты обычно высказывают ту же точку зрения. Противоположного мнения придерживаются либертарианцы.

Наконец, договорное право XIX в. все более освобождалось от своей зависимости от права собственности. Хотя очевидно, что права собственности по-прежнему составляют содержание всех контрактов, договорное право стало значительно меньше заниматься специфическими имущественными объектами и больше — богатством как родовым понятием собственности. Причина заключалась главным образом в том, что договорное право XIX в. определялось в основном потребностями купцов и торговцев, для которых вся собственность в принципе могла быть представлена в форме денег. Можно предположить, что для купца безразлично, обладать объектом собственности или стоимостью этого объекта. Аналогично, по мере того как контракты все более рассматривались как способ распределения риска, отдельные связанные с риском права собственности стали менее важными.

К последней четверти XIX в. процесс развития общего договорного права в Англии был в основном завершен. Аналогичный процесс происходил в Америке (Horwitz, 1977), но есть основания по-

лагать, что там он не был завершен в течение еще примерно 50 лет. Свобода контрактов, очевидно, достигла в этот период своей высшей точки. Это, однако, касалось взглядов юристов и судей, но не среди экономистов, политиков и населения в целом. В конце XIX в. экономисты-неоклассики уже начали скептически высказываться о разрушительных эффектах свободы контрактов, защита которой приписывалась ими экономистам классической школы, отмечая многие возможные причины несостоятельности рынка (например, информационные трудности, внешние эффекты и монополия). И хотя большая часть старого регулирующего законодательства была аннулирована в первой половине XIX в., английский парламент в то же самое время постепенно принял совершенно новую совокупность регулирующих актов, касающихся новых явлений индустриального общества и относящихся к заводам, каменноугольным шахтам, безопасности в море моряков и пассажиров-эмигрантов, здравоохранению, подделке пищевых продуктов и напитков, регулированию мер и весов в торговле и т.д. Значительная часть этого нового законодательства была прагматическим ответом на замеченные пороки рыночной экономики, и хотя кое-что из этого могло быть экономически оправдано с помощью аргументов о недостаточной информации или внешних эффектах, большинство этих актов трудно было бы оправдать чем-либо, кроме патерналистских или перераспределительных мотивов. Некоторые из этих мер, возможно, были плодами нетерпения, нежелания дать рынку время поработать или убеждения, что краткосрочные издержки несостоятельности рынка были столь серьезными, что возникла необходимость корректировки законодательства, несмотря на те долгосрочные искажения, которые при этом возникали.

Ясно одно: к тому времени, когда английское общее право и работающие в его рамках юристы приняли учение (как они считали) экономистов-классиков о свободе контрактов, это учение было уже отчасти устаревшим. В результате развитое общее договорное право имело целый ряд недостатков. Прежде всего следует назвать почти полное игнорирование проблем внешних эффектов. Договаривающиеся стороны имели право преследовать свои собственные интересы независимо от влияния их контракта на третьи стороны или население. Только в наиболее экстремальных случаях, когда незаконность контракта была очевидна, суды отказывались признать контракт. Во-вторых (хотя это, несомненно, нельзя поставить в вину классической экономической теории), в течение XIX в. имело место серьезное пренебрежение со стороны юристов проблемами монополии. Это объяснялось во-

многим тем, что в течение большей части этого периода британская экономика была очень конкурентной и опасность со стороны монополий была невелика. Оптимистическая предпосылка о том, что картели неустойчивы и всегда уязвимы для внутренней или внешней конкуренции, была в Англии (но не в Америке) перенесена юристами и судами в новые условия конца XIX в., а также в значительной мере и в XX столетие, когда она совершенно устарела. Вторым результатом этого отставания общего права от экономической теории и политической действительности было возрастание разрыва между общим правом и законодательством. Широкое законодательное вмешательство в свободу контрактов снова вошло в привычку, и значительная его часть была, в сущности, перераспределительной.

В течение XX в. этот процесс продолжался возрастающим темпом примерно до 1980 г., после чего наметился перелом. Разочарование в свободном рынке, особенно в Англии, усиливалось в период Великой депрессии в 1930-е годы вплоть до конца Второй мировой войны, когда на выборах с огромным преимуществом победили лейбористы, получившие мандат на то, чтобы заложить основы социалистического государства и социалистической экономической системы. С тех пор Англия училась жить со «смешанной экономикой», в значительной части которой традиционное договорное право представляется неприменимым, поскольку государственный сектор чаще управляется государственным законодательством, а не договорным правом. Но даже в тех областях, где продолжает действовать частное право, общее договорное право попало под сильное законодательное воздействие. Фактически все типы потребительских сделок, включая потребительские кредитные контракты, трудовые контракты, аренду жилья и страховые контракты, сегодня контролируются или до некоторой степени испытывают воздействие со стороны законодательства. Недобросовестные или нечестные контракты все больше подлежат судебному контролю. Многие области права, которые прежде регулировались в основном контрактами, как, например, семейное право, теперь подлежат широкому судебному дискреционному контролю. Даже деловые и коммерческие контракты являются объектом многочисленных законодательных и регулирующих актов, некоторые из них, например современные антимонопольные или антитрестовские законы, разработаны для защиты конкурентного рынка, но другие, напротив, ограничивают конкуренцию или функционирование свободного рынка.

Америка не прошла пока еще по этому пути столь далеко, как Британия и другие страны общего права, — в течение долгого вре-

мени в конце XIX и начале XX в. конституционные решения Верховного суда Соединенных Штатов в защиту свободы контрактов предотвращали подобные тенденции. Большая часть законодательного вмешательства в свободу контрактов была в течение этого периода объявлена неконституционной, часто вопреки мнению судьи Холмса. Однако к концу 1930-х годов большинство в Верховном суде в основном приняло точку зрения Холмса, и с тех пор законодательное вмешательство в свободу контрактов не считается само по себе неконституционным. Изменение позиции суда открыло дверь для регулирования и вмешательства типа того, что уже имело место в Великобритании. И хотя в Америке в отличие от Великобритании нет значительного государственного сектора, который находится частично вне контроля договорного права, большинство британских законодательных актов, несомненно, имеют свои аналоги в Америке. Конечно, некоторые виды контрактов сильнее регулируются в Великобритании, но есть и много таких примеров законодательного вмешательства в свободу контрактов в Америке, которые нельзя обнаружить в Великобритании.

Эти обширные изменения в функционировании общего права сопровождались изменениями в идеологии (а может быть, и породили их). Патернализм и перераспределение были, по крайней мере примерно до 1980 г., чрезвычайно популярны среди многих юристов и преподавателей договорного права, а также у больших групп избирателей.

Даже судьи стали гораздо больше прислушиваться к аргументам, базировавшимся на понятиях, подобных недобросовестности и неравенству возможностей торга. В Америке категории недобросовестности была придана легитимность Единым коммерческим кодексом, позволяющим отменять нечестные контракты, она также все больше использовалась судьями и как элемент общего права. Многие отношения договорного характера (например, между врачом и пациентом) и фактически договорного характера (например, между производителями продуктов и их конечными покупателями и потребителями) в Америке и Великобритании все более регулируются законами о гражданских правонарушениях, а не договорным правом, по крайней мере в особо серьезных случаях, когда необходимы юридические действия для возмещения ущерба вследствие небрежности или дефектов товаров. Для случаев небрежного лечения или ответственности за качество продуктов соответствующие стандарты лечения или качества товаров устанавливаются судьями и присяжными, а не договаривающимися сторонами, и освобождающие от вины статьи договоров часто не имеют юридической силы.

Примерно начиная с 1980 г. стало появляться все больше признаков того, что направление развития права в Великобритании и Америке вновь поменялось. Правительства Великобритании и Соединенных Штатов с этого времени очевидно и явно попытались вновь утвердить достоинства свободного рынка и отодвинуть границы регулирования, в чем их энергично поддерживают некоторые юристы и преподаватели права в Америке (но не в Великобритании). Еще не ясно, какое влияние это окажет на будущее развитие общего договорного права. Один из возможных сценариев состоит в том, что, как и в конце XIX в., суды будут отставать от жизни и в данном случае займут негативную позицию по отношению к восстановлению веры в свободный рынок и продолжат защищать патерналистское и перераспределительное вмешательство в свободу контрактов, особенно если одна из сторон контракта — потребитель или «маленький человек», позиции которого в сделке считаются слабыми. Другой возможный сценарий состоит в том, что новый энтузиазм по поводу свободы рынка окажется недолговечным отклонением от долгосрочной тенденции к патернализму и перераспределительной политике. И в том и в другом случае кажется маловероятным, что в течение многих предстоящих лет британские или американские суды будут принуждать к выполнению контрактов по всей строгости общего права.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Atiyah, P.S. 1979. *The Rise and Fall of Freedom of Contract*. Oxford: Oxford University Press.
- Hayek, F.A. 1973. *Law, Legislation and Liberty*, Vol. I, *Rules and Orders*. London: Routledge & Kegan Paul; 3 vols. Chicago: University of Chicago, 1979. [Русск. пер.: Хайек Ф. фон. Права, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.]
- Hobbes, T. 1651. *Leviathan*. Ed. C.V. Macpherson, Harmondsworth: Penguin Books, 1968. [Русск. пер.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001.]
- Horwitz, M.J. 1977. *The Transformation of American Law 1780–1860*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.
- Mill, J.S. 1848. *Principles of Political Economy*. From the 5th London edn. New York: D. Appleton & Co., 1908 [Русск. пер.: Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Эксмо, 2007.]
- Simpson, A.W.B. 1975. *A History of the Common Law of Contract*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
- Wagner, D.O. 1935. Coke and the rise of economic liberalism. *Economic History Review* 6(1), October, 30.

КОНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Джеймс М. Бьюкенен

Constitutional Economics

James M. Buchanan

Термин «конституциональная экономическая теория» («конституциональная политическая экономия») был введен для обозначения и классификации специфического направления исследований и связанных с ними политических дискуссий, протекавших в 1970-е годы и позже. Предмет исследования этой теории не является новым и доселе неизвестным; можно даже утверждать, что «конституциональная экономическая теория» имеет более тесные связи с работами Адама Смита и экономистов-классиков, чем современная «неконституциональная» теория. Обе области исследования опираются на позитивный анализ, в конечном счете направленный на содействие обсуждению политических вопросов. Различие между ними состоит в уровне анализа или его контексте (*setting*), что, в свою очередь, подразумевает обращение к различным аудиториям.

Задача традиционного экономического анализа, маршаллианского или вальрасианского, состоит в объяснении выбора, который делают экономические субъекты, их взаимодействия, а также результатов этого взаимодействия в рамках существующей правовой, институциональной и конституциональной структуры политической общности. Нормативная аргументация строится при этом на основе критериев экономической теории благосостояния, в соответствии с которыми осуществляется оценка политических альтернатив. Исследователь экономической политики в явном или неявном виде представляет результаты проделанного анализа субъектам принятия политических решений, которые затем делают окончательный выбор из имеющихся альтернатив. Указанная роль исследователя экономической политики непосредственно (а роль теоретика — косвенно) заключается в том, чтобы давать рекомендации

субъектам принятия государственных политических решений, кем бы они ни были.

Напротив, конституциональный экономический анализ направлен на объяснение особенностей функционирования альтернативных наборов правовых, институциональных и конституционных правил, которые накладывают ограничения на осуществление выбора и деятельность экономических и политических субъектов, правил, определяющих структуру, в рамках которой экономические и политические субъекты обычно решают проблему выбора. В этом смысле конституциональная экономическая теория предусматривает более «высокий» уровень исследования, чем традиционная экономическая теория; она должна опираться на результаты, полученные как традиционной экономической теорией, так и другими субдисциплинами менее абстрактного характера. Нормативные моменты привносятся в анализ не с помощью искусственно-прямолинейных критериев эффективности, а более сложным способом. Альтернативные наборы правил должны оцениваться в некотором смысле аналогично ранжированию политических альтернатив в рамках заданной институциональной структуры, но при этом эпистемологическое содержание критериев «эффективности» становится более проясненным.

Специалист в области конституциональной экономической теории именно потому, что предметом его анализа являются альтернативные наборы правил, не может дать никаких рекомендаций политическим субъектам, функционирующим в рамках установленных правил. В этом отношении он не может с полным правом считаться представителем «политической науки». На другом уровне рассмотрения, однако, смысл его деятельности направлен на создание ориентиров для тех, кто участвует в обсуждении проектов конституционных изменений. Другими словами, специалист в области конституциональной экономической теории способен предоставлять нормативные рекомендации членам постоянно действующего конституционного совещания, в то время как специалисты в области традиционной экономической теории способны предоставлять рекомендации практикующим политикам. Фактически конституциональная экономическая теория изучает *выбор ограничений в отличие от выбора в рамках ограничений*. Сфера внимания профессиональных экономистов до сих пор почти исключительно ограничивалась второй из указанных проблем.

Предварительной иллюстрацией данного различия может служить пример с изучением денежно-кредитной политики. Специалист в области конституциональной экономической теории

непосредственно не рассматривает вопрос о том, какая стратегия необходима для стабилизации в данных конкретных условиях — стратегия увеличения денежной массы или сдерживания ее роста. Он непосредственно занят оценкой особенностей альтернативных денежно-кредитных систем (например, систем фиксированных или произвольно определяемых темпов роста денежной массы, систем неразменных или товарных денег). Главной целью такого анализа является выбор институтов, в рамках которых функционируют политические субъекты. При этом при анализе альтернативных наборов ограничений принимается во внимание ожидаемое поведение этих субъектов.

I. КОНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ. Конституциональная экономическая теория имеет «родственные связи» с классической политической экономией и может рассматриваться как важный аспект общего возрождения классического подхода, особенно в том его ракурсе, который представлен в работах Адама Смита. (Другие аспекты указанного возрождения, тесно связанные с конституциональной экономической теорией и дополняющие ее, кратко освещаются в разделе III.) Одна из очевидных целей экономистов-классиков состояла в том, чтобы объяснить и понять функционирование рынков в отсутствие детального политического регулирования. В этом отношении ортодоксальная неоклассическая экономическая теория в точности следует классической традиции. Однако базовый классический анализ проблемы функционирования рынков был лишь необходимым шагом к более глобальной цели — продемонстрировать, что именно в связи со способностью рынков функционировать с достаточной степенью эффективности при отсутствии политического вмешательства существуют мощные нормативные доводы в пользу установления конституционной структуры. Адам Смит непосредственно занимался сравнением альтернативных институциональных структур, альтернативных наборов ограничений, в рамках которых экономические субъекты осуществляют выбор. При проведении этого сравнительного анализа он пришел к необходимости моделировать особенности функционирования неполитизированной экономики (которой в реальности не существовало), а также особенности функционирования в высшей степени политизированной меркантилистской экономики, которую он мог непосредственно наблюдать.

Здесь нет необходимости ввязываться в спор по поводу того, действительно ли «идеи изменяют мир». Мы знаем, что экономика Великобритании была успешно «деполитизирована» в конце XVIII — начале XIX в., а на основе проделанного Смитом и его сподвижниками, экономистами-классиками, анализа возникли как позитивное понимание экономического процесса, так и философские доводы в пользу конкретного экономического режима. Нормативные доводы в пользу режима *laissez-faire* тесно переплелись (возможно, это было неизбежным) с позитивным анализом взаимодействия субъектов в рамках конкретной структуры ограничений, по существу, описывающей «минимальное», «защищающее» или выполняющее роль «ночного сторожа» государство. Но в процессе становления экономической теории как социальной науки институциональная структура «выпала» из сферы исследования. Даже естественная реакция против чрезмерно рьяного проведения принципов *laissez-faire* выразилась в терминах «провалов рынка», а не в сопоставлении институциональных систем в духе Смита. Ранняя критика рыночного порядка с социалистических позиций (как марксистская, так и немарксистская) носила почти исключительно негативный характер, всячески подчеркивая предполагаемые «провалы рынка» в рамках оставшегося неизученным набора юридических и политических правил, при этом абсолютно игнорируя анализ альтернативных правил, введение которых было бы необходимо для исправления этих якобы имеющих место «провалов рынка». Вопросы сравнения альтернативных структур стали рассматриваться только в 20–30-х годах XX в. в рамках дискуссий об «экономическом расчете» при социализме.

Лишь спустя столетия после этих дебатов политическая экономия — в ее широком понимании — постепенно возвратилась к своим классическим корням. Если функционирует юридическая система «защищающего государства» (защита собственности и обеспечение выполнения контрактов), то мы знаем, что при определенных условиях имеют место «провалы рынка» с точки зрения некоторых идеализированных критериев, будь то критерии «эффективности», «справедливости» или других абстрактных норм. Мы также осведомлены о «провалах политики», оцениваемых по тем же самым критериям. Любой позитивный анализ, пригодный для вынесения окончательных нормативных суждений, должен отражать опирающееся на всю полноту информации сравнение особенностей функционирования альтернативных наборов правил или ограничений. Этот анализ составляет сферу приложения конституциональной экономической теории.

II. КОНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. Классическая политическая экономия возникла на основе моральной философии, а ее основатели рассматривали свои изыскания как естественную часть философского дискурса. Как современная отрасль знания конституциональная экономическая теория относится к той же сфере, несмотря на фрагментацию научных дисциплин. Как сделать совместную жизнь людей свободной, мирной и процветающей? Получение ответа на этот центральный вопрос социальной философии требует постоянной работы специалистов разных областей знания, включая, разумеется, специалистов в области конституциональной экономической теории. Поскольку объектом их исследования является фундаментальный выбор набора правил-ограничений, в рамках которых протекает обычное социальное взаимодействие, специалисты в области конституциональной экономической теории находятся по крайней мере на один шаг дальше от ошибочной позиции «социальных инженеров», чем их коллеги, работающие в области традиционной экономической теории. Именно потому, что специалисты в области конституциональной экономической теории не располагают «простым» критерием оценки (аналогичным критерию «аллокационной эффективности»), они менее склонны ранжировать альтернативы по некоему непроверенному универсальному критерию. Для тех, кто концентрирует внимание на выборе между ограничениями, искусственная абстракция «общественной полезности», скорее всего, окажется менее привлекательной, чем для тех, кто изучает выбор в рамках заданных ограничений.

Однако, если отсутствует подлежащая максимизации функция, как можно получить итоговые нормативные выводы? Один из путей заключается в углублении позитивного анализа взамен поспешного перехода к нормативной оценке. Классическая политическая экономия содержит важный принцип спонтанной координации, который представляет собой великое открытие XVIII в. Этот принцип гласит, что рынок под юридической защитой «минимального государства» и при соблюдении ряда других условий «функционирует успешно». Даже если мы, отдавая дань современной моде, должны будем добавить к этому принципу оговорку: «при всех своих недостатках», он тем не менее существенно продвигает нас к более полному пониманию альтернативных вариантов социального порядка. В той мере, в какой его усилия содействуют лучшему пониманию людьми действия данного принципа применительно ко всем институциональным режимам, специалист в области

конституциональной экономической теории в меньшей степени стремится выдвинуть свое личное «решение» фундаментальной проблемы выбора между альтернативными режимами.

III. НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ. Необходимо избегать чрезмерного расширения предмета конституциональной экономической теории, особенно если используется узкое ее определение. Как указывалось выше, данная научная дисциплина возникла в 1970-х годах для описания попыток анализа последствий, к которым ведет использование альтернативных наборов правил, — в отличие от анализа проблем выбора в рамках существующих структур, не подвергающихся исследованию. С точки зрения более широкой перспективы послевоенного развития экономической науки конституциональная теория принадлежит к числу взаимопересекающихся исследовательских программ, корни которых уходят в классическую политическую экономию. В фокусе этих исследовательских программ находятся разные проблемы, однако все они являются плодом усилий по преодолению относительно узких рамок традиционной неоклассической экономической теории.

В континентальной Европе весь набор этих дисциплин рассматривается под рубрикой «новая политическая экономия». В рамках данного набора мы можем выделить: 1) теорию общественного выбора, на базе которой возникла конституциональная экономическая теория; 2) экономическую теорию прав собственности; 3) теорию экономики и права, или экономический анализ права; 4) политическую экономию государственного регулирования; 5) неоинституциональную экономическую теорию; 6) новую экономическую историю. Если предложить более широкое определение, то конституциональная экономическая теория охватывает все эти дисциплины, поскольку в каждом случае определенное внимание уделяется юридическим и политическим ограничениям, в рамках которых экономические и политические субъекты решают проблему выбора. Вместе с тем можно выделить и ряд отличий; некоторые из них полезно рассмотреть, хотя детальное обсуждение исследовательских программ не может быть предпринято в данном очерке.

Теория общественного выбора (в той мере, в какой она не затрагивает проблемы конституционного характера) концентрирует внимание на альтернативных структурах политического выбора и поведении субъектов в рамках данных структур. Она ориентирована прежде всего на построение прогнозных моделей политического взаимодействия и представляет собой предварительный, но

необходимый шаг на пути к проведению конституциональных исследований более общего характера. Экономическая теория прав собственности, теория экономики и права, а также политическая экономия государственного регулирования имеют больше общего с традиционной экономической теорией, чем конституциональная экономическая теория или теория общественного выбора. Ключевое значение для этих отраслей экономической жизни сохраняют стандартные критерии экономической эффективности, выполняющие одновременно и роль основы для построения объяснений, и роль нормативного идеала. Неоинституциональная экономическая теория ориентирована скорее на изучение взаимодействия в рамках конкретных институциональных форм, чем на изучение совокупной структуры политических правил (Furubotn and Richter, 1980; Frey, 1984). Некоторые подходы в рамках новой экономической истории имеют много общего с конституциональной экономической теорией, при том, разумеется, что основной акцент в них сделан на исторический, а не на сравнительный анализ (North and Thomas, 1973).

IV. ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА. Конституциональная экономическая теория наряду с упомянутыми выше родственными исследовательскими программами имеет общий методологический фундамент со своей предшественницей — классической политической экономией, а также со своим антиподом — современной неоклассической микроэкономической теорией. Лишь индивиды осуществляют выбор и совершают действия. Коллективы как таковые не могут осуществлять ни выбора, ни действий, и анализ, исходящий из обратного, не соответствует канону научности. Агрегатные показатели рассматриваются исключительно как результат индивидуального выбора и индивидуальных действий. Традиция, придающая особое значение объяснению непреднамеренных агрегатных результатов индивидуального взаимодействия, берет начало еще в идеях моральных философов шотландской школы. Доступный наблюдению агрегатный результат, который не может быть сведен к индивидуальным актам выбора и объяснен на их основе, — это скорее вызов исследователю, а не доказательство существования «неиндивидуалистического» органического целого.

Методологический индивидуализм в изложенной выше формулировке принят практически всеми экономистами, работающими в традициях «основного течения» (т.е. в рамках немарксистской традиции). Но философское дополнение к принципу индивидуализма, которому отводится центральная роль в конституциональ-

ной экономической теории, пользуется менее широким признанием, а часто открыто отрицается. Следует проводить различие между методологическим индивидуализмом, в фундаменте которого лежит представление об индивидуальном выборе как базовой единице анализа, и второй методологической предпосылкой, которая видит источник ценностных суждений исключительно в суждениях индивидов.

Первая предпосылка в отрыве от второй оставляет сравнительно мало возможностей для определения конституционных структур на основе индивидуальных предпочтений. Между интересами и ценностями, которым хотят следовать индивиды, и неиндивидуалистическими ценностями, которые, как предполагается, служат высшим нормативным критерием, отсутствует концептуальное связующее звено нормативного характера. В данных условиях конституциональная теория по большей части (если не полностью) теряет свой *raison d'être*. Если высшие ценности, которые необходимо принимать во внимание при выборе между институтами, носят неиндивидуалистический характер, то в пользу определения этих ценностей через индивидуальные предпочтения можно выдвинуть в лучшем случае инструментальные доводы.

С другой стороны, если принимается вторая предпосылка о конечном источнике ценностных суждений, то не существует *in obo* способа определения «логики правил», чем опора на индивидуальные предпочтения. В своей основе вторая предпосылка подразумевает демократическое правление с сопутствующим условием, что демократическая структура принятия решений обладает нормативной легитимностью лишь в том случае, если к ней прилагается эпитет «конституционная».

V. КНУТ ВИКСЕЛЛЬ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК КОНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. Единственным предшественником конституциональной экономической теории в ее современном варианте является Кнут Виксель, который придерживался принципа индивидуализма в обеих его разновидностях, о которых шла речь выше. В своей основной работе, посвященной теории налогообложения (*Finanztheoretische Untersuchungen*, 1896), Виксель привлек внимание к существенной роли правил, регулирующих решение проблемы выбора политическими субъектами, и указал на то, что реформаторские усилия должны быть направлены на изменение правил принятия решений, а не на изменение ожидаемых результатов деятельности субъектов путем воздействия на их поведение.

Для этого Викселлю был необходим некоторый критерий, на основе которого можно было бы судить о вероятной эффективности предлагаемых изменений. Он ввел ныне широко известный критерий единогласия (консенсуса), который был воспринят конституциональной экономической теорией и обуславливает ее тесную связь с традицией общественного договора в политической философии. Следует также остановиться на взаимосвязи между критериями Викселля и Парето. Если во внимание принимаются лишь ценностные представления индивидов, а единственным источником информации об этих представлениях является фактическое поведение индивидов при решении проблемы выбора, то ни одно изменение не может быть признано «эффективным», если не будут найдены средства для обеспечения согласия всех индивидов (и групп). Если добиться такого согласия невозможно, то нельзя предложить никаких рекомендаций. Благодаря Викселлю современные экономисты могут осуществлять сравнительный анализ правил или институтов в рамках методологического подхода, опирающегося на критерий эффективности, который, будучи интерпретирован в соответствии с приведенной выше схемой, не требует отказа от какой-либо из двух обсуждавшихся нами индивидуалистических предпосылок.

VI. HOMO ECONOMICUS В КОНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. Конституциональная экономическая теория в отличие от дополняющих ее исследовательских программ, посвященных изучению политических конституций в рамках юриспруденции, политологии, социологии и других наук, не ограничивается предпосылками методологического индивидуализма и включает нетавтологичные модели максимизации индивидами полезности. *Homo economicus* играет центральную роль в сравнительных институциональных исследованиях. Предполагается, что индивиды преследуют собственный интерес, определение которого строится таким образом, чтобы сохранить его операциональное содержание.

В поддержку данного постулата конституциональной экономической теории можно выдвинуть два довода. Первый заключается в методологической последовательности. Поскольку предполагается, что индивиды в процессе рыночного взаимодействия максимизируют полезность, нет очевидных причин предусматривать изменение мотивации применительно к их поведению в рамках нерыночных ограничений. По меньшей мере, очень вероятно, что индивиды не претерпевают «сущностной трансформации», пере-

ходя от выполнения ролей покупателей или продавцов на рынке к выполнению ролей избирателей, налогоплательщиков, получателей субсидий, политиков или чиновников. Более глубокая причина для постулирования последовательности поведения заключается в плодотворности использования такой модели для сравнения институтов. Если задача состоит в сравнении последствий альтернативных наборов ограничений, то для идентификации различий в результатах, обусловленных различиями в ограничениях, необходимо предположение о последовательном характере индивидуального поведения, не зависящем от конкретных ограничений.

Второй довод в пользу применения модели *homo economicus* в конституциональной экономической теории более сложен и более важен. Он также является источником путаницы, поскольку необходимо проводить четкое различие между использованием этой модели в социальных науках, ориентированных на получение прогнозов развития событий (особенно в позитивной теории общественного выбора и неоклассической экономической теории), с одной стороны, и в конституциональной экономической теории — с другой. Существует основание для применения этой модели во втором случае, несмотря на выявленную эмпирически ограниченность ее аналитического потенциала применительно к первому случаю.

Этот довод имплицитно содержится в работах экономистов-классиков. В качестве методологического принципа он был выдвинут Д. Юмом и Дж. Ст. Миллем:

«При введении ограничений любой системы правления и определении конституционных сдержек и противовесов необходимо исходить из предположения, что каждый человек является мошенником и преследует во всех своих действиях единственную цель — цель удовлетворения личного интереса» (Hume, [1741] 1963, p. 117–118).

«В соответствии с самим принципом конституционного правления необходимо предполагать, что лицо, наделенное политической властью, будет злоупотреблять ею для достижения своих личных целей, — не потому, что это злоупотребление всегда имеет место, а потому, что такова естественная тенденция развития событий, защиту от которой и должны предоставить свободные институты» (Mill, [1861] 1977, p. 505).

Конечной целью анализа альтернативных наборов правил является предоставление информации для осуществления выбора между этими наборами. Необходимо исследовать ожидаемые особенности функционирования каждого набора, причем эти особенности будут

отражать модели индивидуального поведения в рамках соответствующих ограничений. Следует, разумеется, ожидать отклонения реального поведения от предполагаемых моделей, использованных для определения этих особенностей. Однако издержки, связанные с ошибками прогнозирования, могут иметь несимметричное распределение относительно «идеальной» прогнозной модели. Ожидаемые потери, обусловленные отклонением реального поведения от модели, опирающейся на «оптимистичные» мотивационные предпосылки, могут оказаться выше ожидаемых выгод, реализация которых будет иметь место, если с помощью этой модели окажется возможным получать точные прогнозы. Следовательно, сравнительная оценка института, основанная на альтруистической модели поведения, должна принимать во внимание возможную нелинейность функции потерь, описывающей отклонения от наилучших оценок. (В юридической практике формальные договоры содержат гарантии на случай наихудших вариантов поведения.) Применительно к проблеме конституционального выбора, таким образом, существует основание для использования моделей индивидуального выбора, предусматривающих более узкое определение личного интереса, чем это может показаться оправданным на основании эмпирических наблюдений (Brennan and Buchanan, 1985).

VII. ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ. Практические приложения конституциональной экономической теории как исследовательской программы затрагивают несколько сфер. Рассмотрим, во-первых, проблему налогообложения. После Маршалла инструменты экономической теории — будь то модели частичного или общего равновесия — часто использовались для изучения распределения налогового бремени. Анализ был направлен на предсказание влияния экзогенно вводимого налога на экономическое поведение индивидов, выступающих в роли покупателей и продавцов товаров и услуг на рынке. На основе этого позитивного анализа нормативная экономическая теория благосостояния позволяет ранжировать налоговые инструменты, обеспечивающие одинаковый объем поступлений, с точки зрения критерия Парето. Как в позитивном, так и в нормативном своем аспекте неоклассическая теория налогообложения опирается на предположение, что с точки зрения процесса выбора налоги как таковые носят экзогенный характер.

Важнейший вклад теории общественного выбора как самостоятельной дисциплины заключается в эндогенизации процесса принятия политических решений. Данная теория уделяет основное внимание изучению существующих правил принятия политических

решений для того, чтобы дать прогноз о том, какие налоговые институты и налоговые инструменты будут приняты. Конституциональная экономическая теория как более широкая дисциплина, возникшая на основе теории общественного выбора, делает еще один шаг вперед и использует результаты, полученные в рамках как неоклассической экономической теории, так и теории общественного выбора, для изучения вопроса о том, как использование различных политических правил может вести к возникновению различных правил налогообложения.

Варианты конституционального выбора могут заключаться в том, чтобы предоставить правительству взимать налоги с налоговой базы *A* или налоговой базы *B*. Предположим, что при соблюдении неоклассического предположения о равенстве объема налоговых поступлений анализ показывает, что взимание налогов с *A* обеспечивает меньшие потери благосостояния, чем взимание налогов с *B*. Однако анализ процесса политического выбора может продемонстрировать, что правительство, если дать ему полномочия взимать налоги с *A*, будет склонно делать это таким образом, чтобы обеспечить себе *более высокие* поступления по сравнению с теми, которые оно собрало бы, будучи уполномочено взимать налоги с *B*. Альтернативы, обеспечивающие одинаковый объем налоговых поступлений, могут оказаться нереалистичными с точки зрения сколь-либо правдоподобных моделей поведения политических субъектов. Как только эта простая истина осознана, нормативное значение неоклассического ранжирования налоговых инструментов падает. Дискуссия с необходимостью поднимается на уровень взаимодействия структур принятия политических решений и фискальных институтов.

Второе практическое приложение конституциональная экономическая теория нашла в посткейнсианских дискуссиях по поводу бюджетной политики. Аргументы Кейнса об использовании государственного бюджета для достижения макроэкономических целей были основаны на игнорировании структуры принятия политических решений. Склонность демократических правительств уделять больше внимания расходам, а не доходам и соответственно тенденция к дефицитности государственного бюджета без труда находят объяснение в элементарных положениях теории общественного выбора (Buchanan and Wagner, 1997). Этот существенный вывод, опирающийся на логику теории общественного выбора, естественно ведет к изучению взаимосвязи между ограничениями, которые могут быть наложены на политический выбор, и их прогнозируемыми бюджетными последствиями. Это важное приложение конституциональной экономической теории, имеющее большое

практическое значение, заложило основу для нормативного утверждения, которое гласит, что в посткейнсианскую эру, когда моральные ограничения деятельности политических субъектов по большей части утратили свою былую эффективность, для обеспечения выработки ответственных фискальных решений могут оказаться необходимыми формальные правила, ограничивающие возможности дефицитного финансирования. В современных условиях такие правила могут ограничивать объем расходов. Небезынтересно, однако, упомянуть о том, что в политических условиях Швеции 90-х годов XIX в. К. Виксель выдвинул аналитически сходные предложения о проведении реформы, предполагая, что в случае ее осуществления расходы государственного сектора возрастут.

Анализ альтернативных правил «конституции трансфертов» представляет собой третье направление практического приложения конституциональной экономической теории. Начиная с 1971 г., когда была опубликована книга Дж. Ролза *Теория справедливости* (Rawls, 1996), принципы справедливости распределения вновь оказались объектом внимания. Хотя работа Ролза явно относится к доконституциональному этапу, она тесно связана с усилиями по выработке критериев оценки политических и экономических правил социального взаимодействия. Экономисты, как и представители других социальных наук и социальные философы, все больше убеждаются в том, что политика, определяемая под влиянием групп интересов, вряд ли может содействовать достижению справедливости распределения доходов и богатства. Анализ действия такой политики в сфере бюджетных трансфертов показывает, что принципиальные изменения в распределении доходов и богатства (с учетом как объема взимаемых налогов, так и объема трансфертов) могут быть достигнуты лишь в том случае, если институциональные правила резко ограничат прибыльность инвестиций, направленных на подрыв процесса осуществления трансфертов.

Другие практические приложения могут касаться конституций государственного регулирования, а также организации государственных предприятий. Конституциональная экономическая теория в широком смысле становится каналом, посредством которого в порой излишне стерильную социальную науку вновь возвращается представление о роли институциональных факторов. В более узком смысле конституциональная экономическая теория, наряду со смежными и дополняющими ее исследовательскими программами, привносит «политическое» в «экономику», тем самым восстанавливая связь, которая была нарушена все то время, когда «экономическая теория» претендовала на независимый статус.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Brennan, G. and Buchanan, J.M. 1980. *The Power to Tax: Analytical Foundations of the Fiscal Constitution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brennan, G. and Buchanan, J.M. 1985. *The Reason of Rules: Constitutional Political Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buchanan, J. 1974. *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan*. Chicago, University of Chicago Press. [Русск. пер.: Бьюкенен Дж. Границы свободы: между анархией и Левиафаном. М.: Фонд экономической инициативы, 1997.]
- Buchanan, J.M. and Tullock, G. 1962. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Buchanan, J.M. and Wagner, R.E. 1977. *Democracy in Deficit: The Political Legacy of Lord Keynes*. New York: Academic Press.
- Frey, B. 1984. A New View of Economics: Comparative Analysis of Institutions. *Scelte Pubbliche* 1, 17–28.
- Furubotn, E.G. and Richter, R. (eds.). 1980. The New Institutional Economics — A Symposium. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, 140.
- Hayek, F.A. 1973–1979. *Law, Legislation, and Liberty*. 3 vols. Chicago: University of Chicago Press.
- Hume, D. 1741. On the Interdependency of Parliament. In: *Essays, Moral, Political, and Literary*. London: Oxford University Press, 1963.
- McKenzie, R. 1982. *Bound to Be Free*. Palo Alto: Hoover Press.
- McKenzie, R. (ed.). 1984. *Constitutional Economics*. Lexington, Mass.: Lexington Books.
- Mill, J.S. 1861. Considerations on Representative Government. In: *Essays on Politics and Society*, Vol. XIX of *Collected Works of J.S. Mill*. Toronto: University of Toronto Press, 1977.
- North, D.C. and Thomas, R.P. 1973. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rawls, J. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. [Русск. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1996.]
- Wicksell K. *Finanztheoretische Untersuchungen*. Jena: Gustav Fischer, 1896.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА

Алан Пикок

Economic freedom

Alan Peacock

Понятие экономической свободы характеризует состояние индивида как результат воздействия неких параметров экономической среды. Рассмотрим простой пример: возьмем индивида, который принимает экономические решения исходя из максимизации получаемого им удовлетворения, при этом он потребляет товары, производимые частным и государственным секторами, и предлагает производственные факторы. Таким образом, для этого индивида мы имеем:

$$\text{Max} U^i = U^i(x^i, q_k, a^i). \quad (1)$$

При условии

$$p_k^c x^i + T_k^i = \varphi(a^i) = p_k^a a^i, \quad (2)$$

где x^i — вектор товаров, производимых частным сектором; q_k — вектор товаров, производимых государством; a^i — вектор затрат факторов; p_k^c — вектор цен на товары, производимые частным сектором; p_k^a — вектор цен факторов; T_k^i — чистые налоговые обязательства i -го индивида (налоговые обязательства за вычетом трансфертов); Y^i — личный доход до налогообложения i -го индивида; нижний индекс k обозначает, что переменная задана экзогенно.

Индивид максимизирует удовлетворение при предположении, что бюджетное ограничение (2) выполняется. При решении этой задачи он исходит из вектора количеств потребляемых им товаров, произведенных частным сектором, умноженного на вектор цен, а также располагаемого дохода и заранее определенного количества благ, произведенных государственным сектором. При этом предполагается, что либо цены на товары и факторы, объемы факторных затрат и налоговых обязательств индивиду известны, либо он их прогнозирует.

Экономическая свобода предполагает, что бюджетное ограничение отражает тот факт, что на предпочтения индивида извне ограничения не накладываются (Адам Смит). Следовательно, p_k^c есть вектор цен, сложившийся в результате действия конкурентных рыночных сил; индивид свободно осуществляет выбор между различными альтернативами. Аналогично, p_k^a есть результат взаимодействия конкурентных сил на рынке факторов, где индивид, «располагая трудом и капиталом, волен вступать в конкурентную борьбу с другими индивидами или группами индивидов» (Адам Смит). Рассматривая ограничения, накладываемые на T_k и q_k , мы не можем столь же определенно говорить о факторах, их обуславливающих.

Некоторые ученые считают, что экономическая свобода подразумевает наличие заранее установленных ограничений на T_k и q_k , которые должны быть отражены в конституции государства (см. Nozick, 1974). Другие исследователи полагают, что в рамках демократической системы следует разработать систему голосования, посредством которой индивиды смогли бы выражать свои предпочтения относительно T_k и q_k , и эта система позволила бы имитировать конкурентный рынок частного сектора (см. Buchanan, 1975). Однако все исследователи согласны, что в условиях экономической свободы величины T и q не могут быть значительно больше x^i , главным образом потому, что большой государственный сектор увеличивает монопольную власть государства как поставщика товаров и производственных факторов и стимулирует рост монополий со стороны частного сектора как защиту от государственной монополии.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Эта попытка дать формальное определение может вызвать возражения, о чем пойдет речь дальше, но она должна встретить понимание у тех экономистов, которые признают экономическую свободу самостоятельной ценностью и считают ее важнейшим индикатором «правильного» развития экономики. Споры вокруг концепции экономической свободы ведутся, в конечном счете, по поводу двух либертарианских утверждений.

Первое содержится в отрывке из третьей главы *Эссе о свободе* Милля:

«Тот индивидуум, который предоставляет обществу или близкой к нему части общества избирать для себя тот или иной образ жизни, —

тот индивидуум не имеет надобности ни в каких других способностях, кроме той способности передразнивания, которую имеет обезьяна. Только тот человек имеет надобность во всех своих способностях и действительно пользуется ими, который сам по своему пониманию устраивает свою жизнь. Ему нужна способность наблюдать для того, чтоб предусматривать, — способность к деятельности для того, чтобы собирать материалы для суждения, — способность различать, что хорошо и что дурно, для того, чтобы произнести суждение, и когда он произнесет свое суждение, когда решит, что ему делать, ему нужна твердость характера и способность к наблюдению за самим собою для того, чтобы выполнить принятое им решение... Возможно, что человек может попасть на хорошую дорогу и избежать всякого рода бедствий, и не употребляя в дело всех этих способностей; но в чем же тогда будет состоять его отличие, как человека? На самом деле не в том только важность, что делают люди, но и в том, каковы те люди, которые это делают» (Милль, 1900. С. 306).

В этом отрывке — суть взглядов либертарианцев на то, каким должно быть общество. Здесь явно предполагается, что индивиды принимают необходимость осуществлять выбор и признают свою ответственность за этот выбор. Также говорится о том, что для того, чтобы существовала возможность выбора, индивиды должны максимально свободно распоряжаться ресурсами. Из этого следуют два вывода:

- ограничение экономической свободы индивида возможно лишь в том случае, когда она является причиной вреда другим. Индивид не обязан отчитываться за свои действия перед обществом, и это вкупе с различиями в предпочтениях и их свойством изменяться, заставляет либертарианцев отказаться от попыток использования «функции общественного благосостояния» (см. Rowley and Peacock, 1975);
- экономическая свобода приносит некую дополнительную пользу, повышая экономическое благосостояние как индивидов, так и общества в целом. Экономическая свобода побуждает индивида к улучшению условий его существования (Смит, 1776), используя возможности специализации и преимущества торговли, которые могут быть полностью реализованы благодаря возникающим рынкам. Экономическая свобода не должна рассматриваться только как единственное условие, совместимое с человеческим достоинством. Она является также необходимым условием экономического роста и способности экономики приспособляться к изменяющейся под воздействием рыночных сил структуре предпочтений.

Рынок представляет собой некий «процесс открытия нового» (*discovery process*) (Найек, 1979), в ходе которого участники приспосабливаются к изменениям, порождая «невидимую руку», которая автоматически координирует экономическую активность людей, не прибегая к государственному вмешательству. С позволения Хана (1982) и других, либертарианцы не придают большого значения решению модели общего равновесия, которое на самом деле является результатом взаимодействия конкурентных рыночных сил (см. Barry, 1985). И действительно, несмотря на то что ниже мы будем говорить о некоторых исключениях, либертарианцы утверждают, что вмешательство в естественный процесс обмена со стороны государства предполагает доскональное знание механизма функционирования экономики, которое на самом деле никому не доступно, и при этом нет гарантии, что представители власти, которые, как и все остальные люди, руководствуются своими интересами, будут стремиться достичь общественного оптимума, даже если знают, как это сделать.

Известно (в частности, это показали Юм и Смит), что для эффективной работы рынков требуется четко определенная система прав собственности, а для реализации преимуществ торговли издержки заключения контрактов должны быть сведены к минимуму. Поэтому, когда признается необходимость вмешательства со стороны государства, эффективность рынка ограничивается. В обществе, где нет институтов власти и отсутствует механизм разрешения споров, не будет специализации и не будут реализованы преимущества торговли. Однако признание необходимости принуждения требует, чтобы правил закон. При этом закон должен определять будущие действия, но не может иметь обратной силы, закон должен быть общеизвестен и максимально точно определен, все без исключения должны быть равны перед законом. Государство может способствовать снижению издержек заключения контрактов, во-первых, ликвидируя барьеры для торговли и перемещения ресурсов и, во-вторых, способствуя снижению транспортных издержек. Адам Смит, в частности, поддерживал политику снижения «издержек транспортировки» путем финансирования государством строительства дорог и осуществления контроля за финансированием их обслуживания.

Никогда доктрина экономической свободы — как ее понимали экономисты — не рассматривалась как синоним принципа *laissez-faire*. В то же время в либертарианской традиции роль государства в том, что касается поощрения экономической свободы, была и остается четко ограниченной. В качестве подтверждения можно

указать на некоторых современных либертарианцев, всерьез рассматривающих возможности «приватизации» даже такой традиционно государственной функции, как поддержание правопорядка.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Наиболее очевидный упрек, который скептики высказывают в адрес либертарианцев, заключается в том, что в концепции экономической свободы игнорируется вопрос о распределении прав собственности. В терминах нашей простой модели он звучит следующим образом: как следует определять величины $Y^1, \dots, Y^i, \dots, Y^n$, чтобы при агрегировании они дали некоторое начальное распределение дохода, соответствующее, скажем, кривой Лоренца? Как мы можем предполагать, что «оптимальное» распределение дохода достигается в результате экономического обмена между индивидами?

У либертарианцев на этот счет нет единого мнения. Проблема не в самой концепции, а в том, в какой мере любое государственное вмешательство ведет к ограничению свободы. Проблема в интерпретации. Вряд ли кто-нибудь из либертарианцев будет возражать против мер государственного вмешательства, направленных на обеспечение защиты наименее обеспеченных слоев населения. Хайек говорил, что если обеспечивается некий одинаковый для всех минимальный доход тем, кто по какой-либо причине не способен его получить на рынке, то это не должно приводить к ограничению свободы и не может вступать в конфликт с принципом правления закона. Либертарианцы до сих пор спорят о том, как устанавливается этот минимум и кто должен его получать. Некоторые из них, включая автора, готовы пойти значительно дальше, выдвигая аргументы, перекликающиеся с позицией Милля, что концентрация богатства, если она наблюдается на протяжении достаточно длительного периода, может поставить под угрозу экономическую свободу, не говоря уже о политической свободе, поскольку возникает симбиоз концентрации богатства и власти наиболее богатых индивидов над менее успешными.

Концепция экономической свободы не содержит точного указания, в какой мере возможно вмешательство в механизм экономического обмена, однако накладывает четкие ограничения на формы такого вмешательства. Таким образом, либертарианцы в той мере, в какой они соглашались с необходимостью государственных гарантий некоего минимального дохода, предпочитают трансфертные выплаты предоставлению социальных услуг по ну-

левой или заниженной цене. То есть, по их мнению, помощь со стороны государства должна, скорее, отражаться в сокращении T_k^i (эта величина может быть отрицательной), чем в увеличении q_k . Таким образом, предполагается, что индивиды несут ответственность за покупки товаров и услуг, призванных повысить их благосостояние. В этом случае власть государства над людьми в виде навязывания предпочтений и подавления инициативы, направленной на экономию ресурсов в общественном секторе, оказывается ограниченной.

Еще одна принципиальная проблема возникает в связи с постоянным напоминанием марксистов и социалистов о том, что предлагаемая либертарианцами система экономической свободы не может преодолеть «отчуждение труда». Очевидно, что налог на наследство, способствующий перераспределению капитала от частного сектора к общественному, не согласуется с либертарианством не только потому, что он снижает стимулы к сбережениям в частном секторе, но и потому, что повышает финансовую мощь государства. Система налогообложения должна быть разработана таким образом, чтобы не только не снижать стимулы к накоплению частного капитала, но и одновременно заставлять завещателей распределять капитал в пользу наименее им обеспеченных. Прошло уже немало времени с тех пор, как либертарианцы занялись разработкой такой системы, при том, что многие видные специалисты в области государственных финансов не смогли разработать систему, соответствующую этой концепции.

Более серьезному испытанию подвергается практическая реализуемость либертарианских мер, предполагающих перераспределение, когда сохраняется требование не допустить усиления власти государства. Причина, вероятно, состоит в том, что экономическая свобода позволяет наемным работникам по отдельности или вместе влиять на цену фактора (p_k^a) и соотношение работа/отдых (a^i), т.е. на ключевые переменные, определяющие благосостояние индивида. Но фактом остается то, что система прав на собственность, которую отстаивают либертарианцы, включает частную собственность на капитал и использование капиталистических способов производства, которые предполагают иерархию в отношениях между работодателем и работником. Иерархический порядок в отношениях рабочего и работодателя идет вразрез с принципом независимости экономических действий индивида, который является обязательным для концепции экономической свободы.

Ответ либертарианцев заставляет вспомнить проповедника Скотта, который, признавая теологические проблемы, советовал

пастве не бояться сложностей и преодолевать их. Однако даже приверженцы социалистического учения, в частности, О. Шик (1974), признавали, что альтернатива рыночному капитализму — коллективное производство — не решает данную проблему, так как не предполагает демократизации на низовом уровне. Другими словами, в основе проблемы отчужденности лежат не институциональные, а технологические причины. Некоторые сторонники концепции экономической свободы, в частности Милль, говорили о том, что отчуждение не является неизбежным следствием производственной деятельности, и в этом они сближались с социалистами. Милль искал выход в создании фирм, принадлежащих и управляемых рабочими, но при этом действующих в условиях конкурентных сил. Приверженцы социалистической утопии говорили, что единственное решение проблемы состоит во всеобщем отказе от технологии, которая ставит иерархические отношения на первое место. Оба решения до сих пор обсуждаются как в профессиональных кругах, так и политиками.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Barry, N.P. 1985. In defense of the invisible hand. *The Cato Journal* 5 (1), Spring, 133–48.
- Buchanan, J. M. 1975. *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan*. Chicago and London: University of Chicago Press. [Русск. пер.: Бьюкенен Д.М. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Д.М. Сочинения. М.: Таурис Альфа, 1997. С. 207–444.]
- Hahn, F. 1982. Reflection on the invisible hand. *Loyds Bank Review* 144, April, 1–21.
- Hayek, F. A. 1979. *Law, Legislation and Liberty*, Vol. 3. London: Routledge & Kegan Paul; Chicago: University of Chicago Press. [Русск. пер.: Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.]
- Mill, J. S. 1859. *Essay on Liberty*. Oxford: Oxford University Press, 1942; Chicago: H. Regnery, 1955. [Русск. пер.: Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. СПб.: Изд-во И.П. Перевозникова, 1900.]
- Mills, J. S. 1871. *Principles of Political Economy*, Book IV, ch. VII. Toronto: University of Toronto Press, 1965. [Русск. пер.: Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Эксмо, 2007.]
- Nozick, R. 1974. *Anarchy, State and Utopia*. Oxford: Basil Blackwell; New York: Basic Books. [Русск. пер.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.]

- Peacock, A. 1979. *The Economic Analysis of Government and Related Themes*. Oxford: Martin Robertson, chs 5 and 6; New York: St. Martin's Press, 1980.
- Rowley, C. and Peacock, A. 1975. *Welfare Economics: A Liberal Re-Interpretation*. London: Martin Robertson.
- Šik, O. 1974. The shortcomings of the Soviet economy as seen in Communist ideologies. *Government and Opposition* 9 (3), 263–76.
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, Book IV, ch. 9 and Book V. Ed. R.H. Campbell, A.S. Skinner and W. B. Todd, Oxford: Clarendon Press, 1976; New York: Liberty Press, 1981. [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАРМОНИЯ

Израэль М. Кирцнер

Economic harmony

Israel M. Kirzner

Этот термин часто встречался в экономических работах и прежде всего в посвященных истории экономической мысли. Тем не менее до сих пор нет полной ясности относительно его значения. Более того, обнаруживаются существенные разногласия по поводу того, насколько значима идея «гармонии» для развития экономической мысли, а также в какой мере экономистов-классиков можно считать теоретиками экономической гармонии. Немного позже мы займемся выяснением различий между многими значениями, которые приписывались термину «гармония» в экономической науке. Однако независимо от того, какой смысл придавался этому термину, идея гармонии предполагала позитивное отношение к политике *laissez-faire*. Поэтому неудивительно, что в XVIII в. соображения, предшествующие понятию гармонии, присутствовали в работах Кантильона и Кенэ (Шумпетер, 2001. Т. 1. С. 286). И неудивительно, что некоторые авторы придают особое значение идее гармонии, которую они находят в работах экономистов-классиков, особенно Адама Смита (Halévy, 1901–1904, p. 89; Heimann, 1945, p. 65), тогда как другие подвергают большому сомнению безоговорочное отождествление позиции этих авторов с концепцией гармонии (Robbins, 1952, p. 22–29; Samuels, 1966, p. 6–8; Sowell, 1974, p. 16f).

Наиболее известные работы, посвященные экономической гармонии, появились в середине XIX в. Этот термин присутствует в заглавии двух книг американского экономиста Генри Ч. Кэри (Carey, 1836, 1852), за которыми последовал его основной труд, посвященный той же теме (Carey, 1858–1860). Термин появился в названии книги французского экономиста Фредерика Бастиа (Bastiat, 1850). В XIX в. Бастиа много раз обвиняли в грубом плагиате Кэри, и лишь Тейлак (Teilhas, 1936, p. 100–113) выступил (хотя и осторожно) в защиту Бастиа. Более того, он указывал на то, что

толчком как для Бастиа, так и для Кэри послужили работы Ж.-Б. Сэя. По мере того как, исходя из принципов эффективности или справедливости, экономисты стали высказываться в пользу большего вмешательства государства в экономику (это произошло в последние десятилетия XIX и XX вв.), отношение к теориям гармонии стало более критическим. В течение большей части XX в., даже когда экономисты защищали рынок с позиций эффективности и справедливости, они обычно не прибегали к терминологии гармонии. Людвиг фон Мизес, который, как мы увидим, был исключением из этого правила, отводил идее гармонии лишь вспомогательную роль.

Недавнее возрождение интереса к теории спонтанного порядка, которая возникла еще в XVIII в. и была вновь открыта и развита Хайеком, не сделало термин «экономическая гармония» широко употребимым. Теперь мы рассмотрим несколько разных (однако взаимосвязанных) значений, которые приобретал этот термин на протяжении всей истории экономической науки.

ГАРМОНИЯ, ПРОИСТЕКАЮЩАЯ ИЗ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОВИДЕНИЯ. В этом случае корни «теории» гармонии были не в экономической науке. Скорее, она выражала оптимизм и веру (обычно религиозную), которые и направляли научные исследования.

«Подобно тому, как Кеплер был вдохновлен идеей гармонии, когда стремился открыть законы, управляющие движением планет, ранние экономисты были вдохновлены идеей существования гармонии интересов в обществе, которая позволяла сформулировать экономические законы» (Streeten, 1954, p. 208).

Именно от такого понимания гармонии Роббинс решительно пытался оградить классическую школу. Именно к этой оптимистической теории был обращен немецкий термин «*Harmonielehre*». Архиепископ Уэйтли, который в 1832 г. основал кафедру политической экономии в Тринити колледже в Дублине, был влиятельным сторонником концепции гармонии, понимаемой в этом смысле. Задачей кафедры он считал борьбу с нерелигиозными, как он их понимал, предпосылками рикардианской экономической науки. Ранние дублинские профессора «были вынуждены представлять оптимистическую или гармоничную картину функционирования рыночной экономики», а проистекающее из этого критическое отношение к рикардианской теории отражало «эти сверхнаучные изыскания» (Moss, 1976, p.153). Разновидностью такого подхода к

концепции гармонии была позиция, сформировавшаяся в эпоху Просвещения, в которой воплотилось представление философии деизма о естественном порядке как предопределяющем гармонию (Мизес [1949] 2000. С. 225; Heimann, 1945, p. 49).

ТЕОРИЯ ГАРМОНИИ КАК ИДЕЯ МАКСИМА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ. Когда главные экономисты-неоклассики, такие как Маршалл (Маршалл [1920] 2007. С. 456) и Висксель (Wicksell, 1901, p. 73), упоминали о теоретиках гармонии, они, несомненно, имели в виду тех, кто считал, что экономическая теория показывает, что конкурентные рынки обеспечивают максимум удовлетворения применительно к обществу в целом. Таким образом, теория гармонии свелась к специфическому выводу экономической теории, очень важному для экономики благосостояния, но который и Маршалл, и Висксель хотели опровергнуть. В этой связи особый интерес представляет вопрос о том, следовало ли Джевонсу или Вальрасу так упорно развивать новую теорию предельной полезности, чтобы прийти к выводу о гармонии, аналогичному тому, к которому пришел, опираясь на другие идеи, Бастиа.

Параллельно с этим смыслом гармонии существовал и другой, который придавал некие *этические* свойства дистрибутивным результатам конкурентных рынков. Так, демонстрация Дж. Б. Кларком справедливости доходов, соответствующих предельной производительности, выглядела как «концепция гармонии» (Myrdal, 1932, p. 148).

КОНЦЕПЦИЯ ГАРМОНИИ КАК ОТРИЦАНИЕ КЛАССОВОГО КОНФЛИКТА. На протяжении всей истории экономической науки концепции гармонии понимались как концепции, стремящиеся продемонстрировать совместимость интересов разных индивидов и групп в обществе. В частности, для таких концепций характерно не замечать существование классового конфликта, присущего капитализму. В XX в. экономист, который придавал особое значение идее гармонии интересов в рыночном сообществе, определял происхождение этой идеи следующим образом:

«Когда экономисты классической школы [сформулировали «теорему о гармонии правильно понимаемых интересов всех членов рыночного сообщества», они пытались подчеркнуть] два момента: Во-первых, что каждый заинтересован в сохранении общественного разделения труда — системы, многократно увеличивающей производительность человеческих усилий. Во-вторых, что в рыночном обществе спрос

потребителей направляет всю производственную деятельность» (Мизес, 2000. С. 632).

Мизес и в самом деле причислял эти идеи к важным результатам экономической науки, имеющим широкое применение. «Не существует конфликта между интересами покупателей и продавцов, интересами производителей и потребителей» (Там же. С. 367). Только в специальном случае монопольной собственности на ресурсы может случиться, что «появление монопольных цен... создает несоответствие между интересами монополиста и потребителей» (Там же. С. 638).

ГАРМОНИЯ И ТРАДИЦИЯ СПОНТАННОГО ПОРЯДКА.

С начала 40-х годов XX в. Ф.А. Хайек вполне успешно привлекал внимание экономистов и публики к подходу, берущему свое начало в XVIII в. и часто определяемому как «традиция спонтанного порядка». Основной акцент в рамках этой традиции делается на эволюции институтов и социальных последствий, «которые, несомненно, являются результатами человеческих действий, но никак не реализацией каких-либо человеческих замыслов» (Ferguson, 1767, p. 187, процитировано в Hayek, 1967, p. 96). Нет сомнений в том, что термин «экономическая гармония» очень часто использовался для выражения уверенности в *возможности и общественной пользы незапланированных социальных последствий*. В какой-то степени это значение термина, конечно, покрывает те, о которых говорилось выше, однако здесь акцент делается не на отрицание конфликта, не на некую теорему благосостояния и, конечно, не на оптимизм, основанный на религиозных верованиях, а на противоречащую интуитивным представлениям возможность существования порядка, явившегося результатом не сознательного проекта, а спонтанного взаимодействия независимо действующих индивидов. «Порядок» в этом контексте означает «взаимно подтверждающиеся ожидания». Следующий пассаж выражает именно это значение данного термина:

«Великое общее правило, управляющее человеческим поведением, гласит, что это поведение должно соответствовать правильным ожиданиям, и до сих пор оно остается научным правилом. Все формы поведения, соответствующие этому правилу, согласуются друг с другом и становятся обычаями. Основная часть обычая, следовательно, имеет тенденцию превратиться в гармоничную систему» (Carter 1907, p. 331, процитировано в Хайек, 2006. С. 525).

Эта статья была посвящена понятиям экономической гармонии, достигаемой спонтанно, «естественно», без специального замысла. Чтобы предать ей законченность, следует отметить, что термин «гармония» порой использовался для обозначения цели сознательной социальной политики. Так, широко известна дискуссия, которую начал Халеви, утверждавший, что Бентам и философы-радикалы принимали две частично противоречащие друг другу идеи: «экономическую» идею «естественной идентичности» (т.е. гармонии) интересов и «юридическую» идею «искусственного отождествления интересов» (Halévy, 1901–1904, p. 15, 17, 189). Лорд Роббинс, споря с Халеви по поводу противоречий в позиции Бентама, обращается к юридической идее и видит ее смысл в утверждении, что «функцией законодателя является осуществление искусственной гармонизации интересов» (Robbins, 1952, p. 190f). Несмотря на то что время от времени могут встречаться ссылки на гармонию, понимаемую как искусственно реализованное состояние, этот термин в основном ассоциируется с гармонией, непреднамеренно достигаемой в децентрализованной системе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bastiat, F. 1850. *Les harmonies économiques*. Paris: Guillaumin. [Русск. пер.: Бастиа Ф. Экономические гармонии. М.: Дело, 2000.]
- Carey, H.C. 1836. *The Harmony of Nature*. Philadelphia: Carey, Lea & Blanchard.
- Carey, H.C. 1852. *The Harmony of Interests, Agricultural, Manufacturing, and Commercial*. 2nd edn, New York: Myron Finch.
- Carey, H.C. 1858–60. *Principles of Social Science*. Philadelphia: J.B. Lippincott. [Русск. пер.: Кери Г. Ч. Руководство к социальной науке. СПб.: Неклюдов и Шаховская, 1866–1869.]
- Carter, J.C. 1907. *Law, Its Origin, Growth and Function*. New York and London: G.P. Putnam's Sons.
- Ferguson, A. 1767. *An Essay on the History of Civil Society*. London. [Русск. пер.: Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000.]
- Halévy, E. 1901–4. *The Growth of Philosophic Radicalism*. Translated from the French by M. Morris, 1928, Boston: Beacon, 1955.
- Hayek, F.A. 1967. *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hayek, F.A. 1973. *Law, Legislation and Liberty*. Vol.I: Rules and Order, Chicago: University of Chicago Press. [Русск. пер.: Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.]

- Heimann, E. 1945. *History of Economic Doctrines, An Introduction to Economic Theory*. New York: Oxford University Press.
- Marshall, A. 1920. *Principles of Economics*. 8th edn, London: Macmillan, 1936; New York: Macmillan, 1948. [Русск. пер.: Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007.]
- Mises, L. von. 1949. *Human Action: A Treatise on Economics*. 3rd edn, Chicago: Regnery, 1966. [Русск. пер.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.]
- Moss, L.S. 1976. *Mountifort Longfield: Ireland's First Professor of Political Economy*. Ottawa, Ill.: Green Hill.
- Myrdal, G. 1932. *The Political Element in the Development of Economic Theory*. Translated from the German by P. Streeten, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954.
- Robbins, L. 1952. *The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*. London: Macmillan, 1965.
- Samuels, W.J. 1966. *The Classical Theory of Economic Policy*. Cleveland and New York: World.
- Schumpeter, J.A. 1954. *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press. [Русск. пер.: Шумпетер Й. А. История экономического анализа. Т. 1–3. М.: Экономика, 1990 и ГУ ВШЭ, 2000.]
- Sowell, T. 1974. *Classical Economics Reconsidered*. Princeton: Princeton University Press.
- Streeten, P. 1954. Recent controversies. Appendix to Myrdal (1932).
- Teilhard, E. 1936. *Pioneers of American Economic Thought in the Nineteenth Century*. Translated from the French by E.A. Johnson (1936), reprinted, New York: Russell and Russell, 1967.
- Wicksell, K. 1901. *Lectures on Political Economy*. Vol. I, Translated from the Swedish by E. Classen, London: Routledge and Kegan Paul, 1934; New York: A.M. Kelley, 1967.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

Стефано Замани

Economic laws

Stephano Zamagni

Общественные науки, и экономическая теория в частности, обособились от нравственной и политической философии во второй половине XVIII в., когда стало понятно, что результаты мириадов целенаправленных человеческих действий порождают закономерности, напоминающие законы некоей системы. И размышления физиократов, и *Богатство народов* Смита отражают это выдающееся открытие: научные законы, которые, как считалось, можно обнаружить только в природе, можно также отыскать в жизни общества. Это обобщение ставит несколько проблем. Одна из серьезных проблем связана с трудностью сочетать принцип индивидуальной свободы действий с желанием ученых обнаружить некие закономерности в непреднамеренных и часто непредсказуемых последствиях человеческих поступков, т.е. с желанием найти законы, обладающие универсальностью и постоянством.

В истории экономической мысли это фундаментальное затруднение разрешалось по-разному. В XVIII в. взгляд на общественные явления определялся механистическим идеалом естественных наук в сочетании с идеей гармонии и естественного закона. Существовало желание открыть «естественные законы» экономической жизни и сформулировать естественные правила, управляющие человеческим поведением. Экономисты-классики придерживались мнения, что естественные законы воплощены в экономических процессах как законы, констатирующие благоприятное течение событий, а также верили в существование естественных правил, которые могут быть установлены. Отсюда вытекала вера в то, что события могли следовать благоприятным «естественным порядком» только в рационально организованном обществе, которое и нужно было создать согласно законам природы. Экономическая система была механизмом, который направляет индивида действовать во

благо общества, в то время как он преследует свои собственные интересы. Отсюда автоматическое функционирование экономической системы могло сочетаться с индивидуальной свободой действий. Это — ядро доктрины экономической гармонии. Естественные законы, помимо того что они были каузальными, аналогичными законам механики, они были также предусмотрительно установленными нормами поведения. В соответствии с этой точкой зрения бессмысленно разграничивать цели и средства, поскольку реализация естественных законов есть и цель, и средство, и еще более бессмысленно размышлять о конфликте между «объяснением» экономического поведения и его «пониманием». Каузальное и телеологическое, позитивное и нормативное, теоретическое и практическое — все эти категории стали рассматриваться как самостоятельные только тогда, когда экономический дискурс освободился от философии естественного закона и ее следствий.

Постклассическая экономическая наука была создана, чтобы стать наукой о законах, регулирующих экономический порядок, и об условиях, когда эти законы действуют. Она стала основой теории, которая, говоря словами Джевонса, предполагала создать «социальную физику». Представление о мире социального, упорядоченном в соответствии с высшими целями, было заменено идеалом объективного знания экономических явлений, которое приобретает в процессе «позитивного» изучения законов, регулирующих рынок. Действуя так, неоклассическая «позитивная» экономическая теория разрешила упоминавшийся выше конфликт, распространив теоретическую модель естественных наук на экономику: экономика должна была установить законы движения, сходные с таковыми в физике, химии, астрономии.

Но что такое научный закон, и какую роль законы играют в рамках логико-позитивистского подхода к миру, принятого неоклассической экономической наукой? Законы лежат в основе дедуктивного метода научного исследования. Согласно дедуктивно-номологической концепции, предложенной К. Хемпелем, законы — это универсальные утверждения, не требующие пространственно-временной конкретизации. Действие закона не ограничивается ни рамками конечных популяций, ни конкретным временем или местом; законы фактически отражают некоторые природные константы. Эта интерпретация понятия закона позволяет выдвигать гипотезы, опираясь на модель всеобъемлющих законов. Истинность предположений проверяется дедуктивной логикой, и поскольку дедуктивные выводы (предположительно) основаны на верных универсальных положениях (законах), их эмпирическая

достоверность гарантирована. Однако какие ограничения налагает на экономический дискурс эта позитивистская структура? С одной стороны, она составляет его предмет, с другой — порождает конкретные экономические вопросы вместе с методом их решения. Следуя модели естественных наук и помня о ее успехах в деле контроля над процессами в мире природы, состоящем из объектов и неизменных отношений между ними, выраженных в форме законов, неоклассический подход приходит к изучению закономерностей, которые рассматриваются как определяющие природу этих объектов.

Чтобы показать различия в интерпретации понятия закона классическими и неоклассическими экономистами, обратимся к одному из самых знаменитых экономических законов: закону убывающей отдачи, также известному как закон изменяющихся пропорций. Изучая сельскохозяйственное производство, Рикардо заметил, что на одном и том же участке земли можно использовать разное количество труда при определенном количестве других факторов (сельскохозяйственных инструментов, удобрений и т.д.), т.е. можно изменять пропорцию, в которой сочетаются земля и комплексный труд (труд в сочетании с другими факторами). Он пришел к закону, который гласит, что рост производства вследствие равных приращений в количестве используемого комплексного труда при неизменном количестве обрабатываемой земли будет вначале ускоряться, а затем — замедляться. (Уточним, что первая формулировка этого закона принадлежит экономисту-физиократу Тюрго.)

Внимания заслуживают три момента. Во-первых, Рикардо и вообще классические авторы не приводят формальных доказательств этого закона. Для них это — эмпирический закон, который не позволяет установить никакой функциональной связи между выпуском и затратами. Во-вторых, при использовании этого закона классики опирались на свои теории распределения и развития: поскольку предложение земли фиксировано, раньше или позже будет достигнута точка, за которой экономический рост остановится, несмотря ни на какие противодействующие этому следствия технического прогресса. Наконец, закон предполагает использование аналитического каркаса сравнительной статики: разные значения предельного продукта сложного труда относятся к разным точкам равновесия, а не к гипотетическим или виртуальным отклонениям от одного и того же равновесия.

Маржиналистская революция привнесла две тонкие коррективы в интерпретацию закона. (а) Было *фактически* устранено различие между случаем экстенсивного использования земли (одно-

временная культивация участков земли разной плодородности) и интенсивного (последовательное применение все новых и новых порций капитала и труда на одном и том же участке земли) вместе с изменением значимости последнего. Классические экономисты, заинтересованные в объяснении механизма ренты, сосредоточивали внимание на случае экстенсивного использования земли, хотя и касались случая интенсивного использования, но со множеством оговорок. Действительно, в то время как различные уровни производительности разных участков земли — обстоятельство, которое можно непосредственно наблюдать в данной ситуации, оценка предельной производительности заданного фактора предполагает обращение к мысленному приращению этого фактора и, следовательно, к некоей гипотетической ситуации. (b) Изменение аналитического метода — предпочтение отдавалось рассуждениям в терминах, скорее, гипотетических, чем наблюдаемых изменений, и это было связано со смещением интереса в сторону случая интенсивного использования земли, что поддерживало тезис о симметричности земли и остальных факторов производства. Это, в свою очередь, способствовало распространению принципа субституции между землей и сложным трудом от сельскохозяйственного производства до производства вообще, включая те его виды, в которых земля непосредственно как фактор производства не присутствует. Случилось так, что в то время как в классической экономической науке субституция земли и комплексного труда предполагает, что простой труд и оборудование строго комплементарны, в неоклассической экономической науке субституция имеет место для всех факторов.

Однако неоклассическая интерпретация закона порождает серьезные проблемы. Прежде всего, существует проблема эмпирического обоснования принципа всеобщей субституции. Но еще важнее следующее. Чтобы замещение факторов произошло, требуется время, чтобы могли осуществиться соответствующие изменения в структуре производства. (Безусловно, уголь может заменить нефть в отоплении, но прежде чем это произойдет, понадобится изменить саму систему отопления.) Хорошо известное различие между краткосрочным и долгосрочным периодами — это частичный и косвенный способ учесть фактор времени. В краткосрочном периоде завод по определению задан. Тем самым он является фиксированным фактором, который в неоклассической интерпретации данного закона выполняет ту же роль, что и земля в интерпретации классической. Неоклассическая теория верно формулирует закон убывающей отдачи по отношению к краткосрочному периоду; но

именно в долгосрочном периоде замещение факторов становится реально осуществимым. Тем самым мы сталкиваемся с дилеммой: неоклассическая интерпретация закона кажется более жизнеспособной применительно к долгосрочному периоду, когда мы располагаем необходимым временем для изменения пропорций, в которых используются факторы; с другой стороны, в долгосрочном периоде по определению не существует фиксированных пропорций, так что в этом случае закон изменения пропорций сформулировать нельзя.

Эта дилемма — цена, которую неоклассической теории приходится платить за позитивистскую интерпретацию закона. Действительно, применение дедуктивных, обеспечивающих истинность правил построения гипотез сопряжено с издержками. Неоавстрийская школа экономической мысли не готова нести эти издержки. Экономисты-неоавстрийцы разрешают то, что называлось фундаментальным конфликтом, доказывая, что экономическая наука не может и не должна создавать всеобщих законов, поскольку она по самой своей природе является идиографической, а не номотетической дисциплиной. Общая цель экономики — «понимание», основанное на доктрине *Verstehen*: с помощью интроспекции и эмпатии изучение экономического процесса должно стремиться к объяснению индивидуальных явлений, а не их абстрактных классов. Отсюда вытекает, что если под научным законом следует понимать универсальное условное утверждение типа «для всех x , если x есть A , то x есть и B », то утверждение о единичных событиях по определению не может выражать никакой регулярной закономерности по той простой причине, что регулярная закономерность предполагает повторяемость того, что определяется как регулярное. Говоря словами Л. фон Мизеса, который вместе с Ф. фон Хайеком был отцом неоавстрийской школы, особое место экономической теории в сфере чистого знания придает тот факт, что «ее специфические теоремы недоступны для какой-либо верификации или фальсификации на основе опыта... конечным критерием правильности или неправильности экономической теоремы является исключительно разум, без всякой помощи опыта» (Мизес, 2000. С. 809).

На самом деле место для экономических «законов» в рамках австрийской школы существует. Знакомые экономические «законы» (убывающая предельная полезность, предложение и спрос, убывающая отдача факторов, закон Сэя и т.д.) рассматриваются как «необходимые истины», которые объясняют основополагающую структуру экономического мира, но не имеют никакой про-

гнозной ценности. Иными словами, экономические законы — не обобщения опыта, как считается в рамках позитивистской парадигмы, но теоремы, позволяющие нам понимать экономический мир. Есть некая ирония в том, что позиция радикального априоризма Мизеса и неприятие Хайеком сциентизма и методологического монизма коренным образом отличаются от позиции отца австрийской школы — Карла Менгера (1883), объявившего, что в экономических теориях задаются точные законы, фактически такие же строгие, как законы природы.

Между крайними позициями позитивной неоклассической экономической теории и неоавстрийской теории находятся те, кто, не отрицая, что экономика ищет законы в том же смысле, что и естественные науки, и что законы выполняют как объясняющую, так и прогнозную функцию, подчеркивают, что объясняющая сущность экономической науки, хотя и номотетична, принципиально отлична от таковой в естественных науках. Черты этой промежуточной позиции можно увидеть в методологии Кейнса, согласно которой условия истинности и универсальности в позитивистской концепции научных законов являются слишком жесткими для такой дисциплины, как экономическая теория. Разный эпистемологический статус законов в естественных науках и экономической теории объясняется двумя основными причинами. Во-первых, знание экономических феноменов само по себе является экономической переменной, т.е. по мере его приобретения оно меняет ту экономическую ситуацию, к которой относится. Формулировка нового закона физики не меняет течения физических процессов; она не влияет на истинность или ложность прогноза. Совсем не так дело обстоит в экономике, где прогноз, скажем, что через два года начнется экономический подъем, он может привести к перепроизводству, затем к рецессии. В свою очередь, эта специфическая особенность непосредственно связана с тем обстоятельством, что в экономической теории объект изучения имеет историческое измерение. Экономическая теория имеет такое отношение ко времени, которого нет у естественных наук. Следующую отсюда способность наблюдаемых закономерностей к изменению хорошо отразил Кейнс, когда писал: «Вопреки Роббинсу, экономическая теория является в основе своей нравственной, а не естественной наукой. Я имею в виду, что она использует интроспекцию и ценностные суждения» (1973, р. 297). И далее: «Она имеет дело с мотивами, ожиданиями, психологической неопределенностью. Необходимо постоянно остерегаться того, чтобы обращаться с ее материалом как с постоянным и однородным» (р. 300).

Во-вторых, роль, которую играет условие *ceteris paribus* в естественных науках и в экономической теории, существенно различна. Современные экономисты апеллируют к условию «при прочих равных», которое, согласно Маршаллу, неизменно сопутствует любому экономическому закону — во всех тех случаях, когда классические экономисты говорили о «возмущениях»... Здесь уместно вспомнить обсуждение Дж. С. Миллем «неточных» наук:

«Когда принципы политической экономии намереваются применить к конкретному случаю, необходимо учитывать все его конкретные обстоятельства... Эти обстоятельства были названы *возмущениями*. Это составляет единственную неопределенность в политической экономии» (1836, р. 300).

В естественных науках мы также находим условия *ceteris paribus*. В самом деле, научная теория, которая могла бы полностью избавиться от них, фактически стала бы совершенно замкнутой, что большая редкость. Так в чем же разница? Ее демонстрирует Милль на примере науки о приливах. Физики знают законы действия «больших» причин (гравитационное притяжение Луны), но не знают законов, по которым действуют менее значительные (рельеф морского дна). Те «прочие», которые ученые считают равными, и есть менее значимые причины. Так можно ли утверждать, что почти все обобщения и в естественных науках, и в экономической науке выражают *законы-тенденции*, в том смысле, что эти «законы» верно отражают действие только «больших» причин в некоторой области? Конечно, нет, поскольку между этими двумя случаями существуют принципиальные различия. Закон падающих тел Галилея, безусловно, предполагает *ceteris paribus* — настолько, что ему пришлось воспользоваться идеальной конструкцией — «совершенным вакуумом», чтобы отвлечься от сопротивления воздуха. Однако он смог оценить размер искажений, вызванных трением и другими «случаями», которые не учитывал закон. Иными словами, в то время как в естественных науках «возмущения» подчиняются своим собственным законам, это совсем не так в экономической теории, где мы находим утверждения о тенденциях, когда условия *ceteris paribus* не специфицированы, а если и специфицированы, то только качественно. В экономической теории в общем случае невозможно перечислить все мыслимые предположения, подразумеваемые в утверждении, напоминающем закон, и раскрыть условие *ceteris paribus*. Так, например, закон, гласящий, что «по более высокой цене будет куплено меньше товара» не опровергается, когда в условиях паники объем покупок растет, но и не подтверждается

организованными потребительскими бойкотами. Никакая проверка не будет решающей, пока *ceteris* не являются действительно *paribus*.

Эти замечания помогают понять ту роль, которую Кейнс придает законам в экономическом исследовании. Помимо общих законов, речь также шла о правилах и нормах, имеющих значение при объяснении экономического поведения. С его точки зрения, бессмысленно сводить все формы объяснения в экономической теории к модели всеобъемлющих законов. Действительно, в то время как для обоснования закона необходимо показать, что он может быть логически выведен из других, более общих утверждений, часто называемых принципами или постулатами, при обосновании правил ссылаются на цели, а норм — на ценности, которые представляют собой не общие утверждения, но, скорее, намеренные единичные образцы или даже идеальные объекты. Поскольку в экономической теории — в естественно-научном смысле — не было установлено ни одного закона, на основании которого экономисты могли бы делать прогнозы, для объяснения и прогнозирования приходится опираться и опираются на тенденции или модели, выраженные в виде эмпирических или исторических обобщений, которые обладают меньшей, чем универсальная истинность, и которые ограничены в пространстве и во времени. Недавно Эрроу поразил ортодоксальных экономистов, выразив сомнения в отношении вдохновленного механистическим идеалом понимания экономических процессов: «Является ли экономическая теория предметом, подобным физике, сохраняющей свою истинность во времени, или же ее законы историчны?» (Arrow, 1985, p. 322).

Список общепризнанных экономических законов, похоже, сокращается. Сам этот термин приобрел несколько старомодную окраску, и теперь экономисты предпочитают представлять самые любимые общие утверждения, скорее, в виде теорем или предположений, чем в форме законов. Это, несомненно, здоровая реакция: слишком долго экономика страдала от номологического предрассудка позитивистского происхождения, гласящего, что единственный путь к объяснению и прогнозированию вымощен законами, такими же всеобщими, как законы Ньютона. Представления в науке никогда не бывают невинными: неверные представления способны повлечь за собой разрушительные последствия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Arrow, K. 1985. Economic history: a necessary though not sufficient condition for an economist. *American Economic Review, Papers and Proceedings* 75(2), May, 320–23.
- Keynes, J.M. 1973. *The General Theory and After. Part II: Defence and Development*. In *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, Vol. XIV, London: Macmillan.
- Menger, C. 1883. *Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Mill, J.S. 1836. On the definition of political economy and the method of investigation proper to it. Reprinted in *Collected Works of John Stuart Mill, Essays on Economy and Society*, ed. J.M. Robson, Toronto: University of Toronto Press, 1967, Vol. 4.
- Mises, L. von. 1949. *Human Action. A Treatise on Economics*. London: William Hodge. [Русск. пер.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. М.: Экономика, 2000.]

РАВНОВЕСИЕ: РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ

Мюррэй Милгейт

Equilibrium: development of the concept

Murray Milgate

С момента, когда, по-видимому, Джеймс Стюарт в 1769 г. впервые употребил этот термин в экономической науке, до настоящего времени равновесный анализ (вместе с производным от него неравновесным анализом) служил той основой, благодаря которой экономическая теория небеспочвенно претендует на «научный» статус. И все же, несмотря на то, что на протяжении более чем 200 лет экономисты постоянно использовали это понятие, его смысл и значение претерпели существенные изменения.

На самом элементарном уровне о «равновесии» говорят в нескольких смыслах. Оно может означать «баланс сил», когда, например, используется для обозначения баланса сил спроса и предложения. Или оно может означать точку, в которой отсутствуют эндогенные «тенденции к изменению»: таким свойством обладают стационарные, или устойчивые, состояния. Однако его можно также представить как результат, к которому стремится любой заданный экономический процесс, например, когда говорят, что процессы конкуренции приводят к определенным результатам. Кажется, что на заре экономической теории понятие равновесия употреблялось именно в этом последнем смысле. Равновесие — это, как мог бы сказать Адам Смит (хотя он не использовал этот термин), центр гравитации экономической системы, т.е. совокупность значений, достичь которых стремятся все экономические величины.

Это первоначальное понятие равновесия обладало двумя свойствами, которые, будучи осознаны, позволили придать ему более точное значение и четко определенный методологический статус. Речь идет о формальном определении «условий равновесия» и об основаниях рассматривать его в качестве важного объекта анализа.

Немного найдется мест, которые бы лучше давали представление о первых двух свойствах «равновесия» в этом первоначальном смысле, чем седьмая глава первой книги *Богатство народов* Адама Смита. Рассуждения, содержащиеся в этой главе, можно представить в два этапа. Первый состоит в определении «естественных условий»:

«В каждом обществе... существует обычная, или средняя, норма как заработной платы, так и прибыли... Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами земельной ренты, заработной платы и прибыли на занятый капитал... товар этот продается, можно сказать, по его естественной цене» (Смит. БН. Кн. I. Гл. 7. С. 109).

Ключевой момент здесь в том, что «естественные условия» ассоциируются с общей нормой прибыли, т.е. с равной прибылью на капиталы, инвестированные в разные области производства при лучших в данный момент технологиях. На языке того времени это считалось характеристикой результата действия процесса «свободной конкуренции».

Второй этап рассуждений связан с аналитическим статусом, который присваивался «естественным условиям»:

«...Естественная цена... представляет собой центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда поддерживать их на значительно более высоком уровне и иногда — несколько понижать их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 112).

Считалось, что эта «тенденция к равновесию» присутствует в *реальной* экономической системе в любой момент. Но это представление не следует смешивать с вопросом устойчивости конкурентного равновесия в современном экономическом анализе. Там вопрос о сходимости к равновесию задается в рамках некоего *гипотетического* состояния мира, где превалирует чисто конкурентная среда. Также необходимо помнить, что при определении «естественных условий» таким образом ничего не говорилось (да в этом и не было необходимости) о факторах, определяющих естественные уровни заработной платы и прибыли, или естественные цены товаров. Следовательно, в дальнейшем можно не касаться *теорий*, предложенных различными экономистами для определения этих факторов. Также мы не будем касаться вопроса существования или единственности равновесия.

«Естественные условия», задуманные и определенные таким образом, являются формальным выражением идеи о том, что в экономической системе существуют систематические, устойчивые и постоянно действующие силы. Идея Смита, что «сосуществующие части Вселенной составляют единую, необъятную и взаимосвязанную систему» (Смит. ТНЧ. Ч. VII. Гл. 1. С. 280), позднее трансформировалась в аналитический инструмент, способный привести к выводам, претендующим на всеобщую (по контрасту с частной, специальной) истинностью. В экономической литературе XVIII и XIX вв. эти общие выводы обыкновенно назывались «утверждениями о тенденциях», «законами» или «принципами». Стоит подчеркнуть, что при этом никогда не имелось в виду, что эти общие тенденции действуют быстро или же что они никогда не испытывают воздействия других обстоятельств. Подобно понятию «уровень моря» термин «естественные условия» был совершенно недвусмысленным, несмотря на его многочисленные толкования.

Иными словами, различие между «общим» и «специальным» случаями (и соответственно различие между «равновесием» и «неравновесием») не имеет отношения ни к непосредственной практической значимости соответствующих ситуаций для реальных рыночных условий, ни к степени их преобладания, частоте или вероятности наступления. Фактически, если ограничиться простыми наблюдениями, вполне может оказаться, что на повестке окажутся именно «специальные» случаи. Особенно четко эту идею выразил Джон Стюарт Милль, когда утверждал, что выводы экономической теории применимы только «абстрактно», т.е. «они верны только при определенных предположениях, в которых не принимается во внимание ничего, кроме всеобщих причин — причин, общих для *всего класса* рассматриваемых случаев» (Милль, 2007. С. 1007). Маршалл, безусловно, понимал, что для применения выводов экономической теории необходимы не только эти условия (о которых он говорил как о «времени»), но также «прочие равные условия» (Маршалл, 2007. Кн. I. Гл. 3. С. 86). Дальше нам еще предстоит повод вернуться к этому вопросу.

Чтобы обнаружить эти закономерности, необходимо, образно говоря, заглянуть за кулисы, чтобы открыть то, что иначе осталось бы незамеченным. Адам Смит изложил основы этой процедуры в своем раннем эссе *Принципы, ведущие и направляющие философские исследования*:

«После того как приобретен тот богатый опыт, который только могут дать обычные наблюдения, природа представляется изобилующей

событиями, которые кажутся отдельными и несвязными... выявляя те невидимые цепи, которые соединяют все эти отдельные объекты, [философия] стремится внести порядок в этот хаос раздражающих и беспорядочных событий» (Smith, 1795, p. 45).

Итак, «равновесие», если мы позволим себе на минуту вернуться к современной терминологии, стало центральной организующей категорией, вокруг которой надлежало строить экономическую теорию. Неслучайно, формальное введение этого понятия в экономическую теорию ассоциируется именно с теми авторами, чьи имена тесно связаны с созданием основ «экономической науки». Можно даже утверждать, что появление понятия равновесия знаменует возникновение самой этой дисциплины, поскольку это событие достаточно четко отделяет последующую литературу от многочисленных попыток анализа частных проблем, преобладавших до Смита и физиократов.

Закрепляя эту традицию, Рикардо говорил о концентрации «всего внимания на постоянном положении вещей», следующем из заданных изменений, исключая, в целях общего анализа, «случайные и временные отклонения» (Рикардо, 2007. С. 126). Маршалл, хотя и заменил старый термин «естественные условия» на «долгосрочные нормальные условия», исключил из этой категории результаты, на которые сиюминутные события оказывают превосходящее влияние (Маршалл, 2007. Кн. 5. Гл. 5). Следуя ему, Дж.Б. Кларк утверждал, что «естественные, или нормальные» значения — это те, к которым «в долгосрочном периоде тяготеют рыночные величины» (Кларк, 2000. С. 20–21). Дживонс (1871), Вальрас (1874–1877), Бём-Баверк (1899, II) и Виксель (1901, I) пошли по тому же пути.

«Равновесие» не только сохраняло свой статус как центра тяготения системы (так сказать, базы для сравнения), но и определялось в терминах Смита. Основной теоретической задачей всех этих авторов было объяснить ситуацию равенства прибыли на капитал, инвестированный в разные сферы производства. Вальрас, чьи рассуждения довольно типичны, убедительно объяснял природу заложенной здесь связи:

«С одной стороны, максимальная действительная полезность, с другой — существо цен — будь то продукты на рынке продуктов, будь то услуги на рынке услуг, будь то чистый доход на рынке капиталов, — таково всегда то двойственное условие, в соответствии с которым мир экономических интересов сам собой стремится к самоорганизации точно так же, как притяжение в соответствии с прямой пропорциональностью массам и обратной пропорциональностью квадрату расстояния

является двойным условием, согласно которому сам собой организуется мир астрономических движений» (Вальрас, 2000. С. 245–246).

С исторической точки зрения новизна этих аргументов, разработанных в XVIII в. Смитом и физиократами, заключалась не в том, что таким образом признавалась возможность ситуаций, которые можно описать как «естественные», но в том, что эти ситуации связывались с результатом специфического процесса, присущего рыночной экономике (свободной конкуренции). И подобный подход использовался при разработке общего экономического анализа рыночного общества. Старое понятие «естественный порядок» употреблялось не иначе как в нормативном смысле — для обозначения некоторого существующего или возможного состояния общества. Идея устойчивых тенденций не получала научного воплощения, даже когда это было возможно. Это становится очевидным, если мы обратимся к философам, писавшим о «естественном законе», но также это справедливо и по отношению к ранним либералам, таким как Локк и Гоббс. Даже Юм, который имел в своем распоряжении все достижения Смита, не смог сделать решительный шаг, который привел бы его к «методу» Смита. Он просто не был готов признать, что за рассуждением в терминах закономерностей, каким бы полезным оно ни было при разрешении теологических и прочих затруднений (и, следовательно, в продвижении человека к лучшему пониманию проблемы), стояло нечто большее, нежели просто удобный и убедительный способ рассуждений. Вопрос о том, действительно ли общественный и экономический мир подчиняется таким закономерностям, столь важный для Смита и физиократов, Юма просто не интересовал.

И все же ранние нормативные коннотации таких идей, как «естественные условия», «естественный порядок» и т.п., достаточно быстро исчезли, когда эта терминология была принята экономической теорией. Ничто более не признавалось «хорошим» просто в силу того, что оно «естественно». Это, конечно, не исключало того, что, завершив теоретический анализ естественных тенденций, действующих в рыночных экономиках, и определив на абстрактном уровне последствия процесса конкуренции, теоретик может захотеть сформулировать некоторые выводы о «желательности» этих последствий (выдвинуть, так сказать, нормативное утверждение). Но сама концепция равновесия не предполагает подобных утверждений — они являются просто ценностными суждениями о свойствах равновесия.

Действительно, в отличие от иногда высказываемой точки зрения, деистические аналогии и метафоры в *Теории нравственных чувств*, — мы читаем там о Боге как создателе «великой машины Вселенной» и впервые встречаемся со знаменитой «невидимой рукой», — есть не более чем украшения, скрывающие *теоретические* рассуждения о действии так называемого механизма «симпатии». Таким образом, как отметил в своей статье для первого издания *Словаря политической экономии* под редакцией Р. Палгрейва У.Э. Джонсон, «путаницы между научным законом и этическим законом более не существует», и «термин *нормальный* заменил более старое слово *естественный*» (*курсив наш. — Прим. науч. ред.*), что означает «нечто, представляющее собой определенное эмпирическое единообразие или закономерность» (Palgrave, 1899, p. 139).

В то время как «естественные условия», или «долгосрочные нормальные условия», соответствуют исходному понятию в экономической теории, истоки современного термина «равновесие», похоже, следует искать в *Основах политической экономии* Джона Стюарта Милля (хотя, как и многое другое, их также можно отыскать в *Исследованиях* Курно). Более важен, однако, тот факт, что у Милля значение и статус концепции равновесия меняются. Сохраняя представление о равновесии как о долгосрочном состоянии, Милль высказывает идею о том, что теория равновесия в основе своей «статична». Соответствующие замечания содержатся в начале четвертого тома:

«Нам предстоит еще рассматривать экономические условия человеческого общества, подверженного изменениям. Тем самым мы дополним нашу теорию равновесия теорией движения — дополним раздел «Статика» политической экономии разделом «Динамика»» (Милль, 2007. Кн. 5. Гл. 1. С. 715).

Поскольку Милль сохранил базовую категорию «естественные и нормальные условия», последствием этого стало добавление еще одного свойства в списке свойств, уже относящихся к понятию равновесия. Однако по поводу того, было ли это дополнительное свойство необходимым, существовали различные точки зрения. Действительно, этот вопрос породил спор, в котором (вплоть до 1930-х годов) приняли участие почти все сколько-нибудь известные теоретики. Проблема проста — обозначают ли естественные, или долгосрочные нормальные, условия то же самое, что «знаменитая фикция» стационарного, или устойчивого, состояния. От ответа зависело многое; «да» означало бы, что понятие равновесия отно-

сится к воображаемому стационарному состоянию общества, не имеющему ничего общего с реальной жизнью.

Как и можно было ожидать, в этом вопросе Маршалл проявил нерешительность. Представляется, что, по сути, он (а также его наиболее известные современники, за исключением Парето) не предполагал, что это свойство равновесия ключевое, но, как и во многих других случаях, в сноске он смягчил свою позицию (Маршалл, 2007. Кн. 5. Гл. 5. § 2. С. 371. П. 2). В итоге ответ зависел, скорее, от представления о том, как устанавливается равновесие, чем от концепции равновесия как таковой. Вопрос оставался открытым до 1930-х годов, когда он был, к всеобщему удовлетворению, разрешен. Предложенное тогда «решение», впрочем, потребовало нового понимания равновесия (концепции межвременного равновесия), которое и было предложено Хиксом.

Однако до 1930-х годов в концепцию равновесия уже были внесены некоторые изменения и усовершенствования. Среди них можно выделить два. Первое касается различия между анализом частичного равновесия и общего равновесия. Второе относится к тенденции, сформировавшейся, по-видимому, благодаря трактовке Маршаллом фактора времени. Эта трактовка привела к троичной типологии периодов («рыночный», «краткосрочный» и «долгосрочный» — категории «длительные тенденции» мы касаться не будем). Самым важным результатом было то, что стало общепринятым говорить о возможности «равновесия» в каждом из этих маршалловских периодов.

Основы анализа частичного равновесия были заложены в 1838 г. Курно в *Исследованиях*. При этом он, по-видимому, руководствовался, скорее, математическим удобством, чем соображениями методологического характера (см., например, Cournot, 1838, p. 127). Хотя до начала XX в. этой маленькой книге не удалось оказать значительного влияния на экономическую науку, Маршаллу она была известна (он говорил о Курно как о своем наставнике), и благодаря его *Принципам* анализ частичного равновесия стал завоевывать популярность (хотя было бы несправедливым не упомянуть в этой связи Аушпица, Либена и фон Манголдта). Однако в отличие от Курно в отношении Маршалла трудно утверждать, что он пришел к этому методу прямым путем (хотя некоторые доказывали, что основная привлекательность этого метода для Маршалла состояла в простоте, с которой он мог представить свою теорию, не слишком часто обращаясь к математике).

Когда Маршалл впервые в своих *Принципах* ввел понятие «прочих равных», т.е. условие *ceteris paribus*, считающееся неперемным ат-

рибутом частичного равновесия, он, по-видимому, сделал это не для того, чтобы обосновать анализ «шаг за шагом», а чтобы донести до читателя совсем другую мысль — долгосрочное нормальное равновесие может в действительности возникнуть лишь в результате действия наиболее общих причин и когда нет внешних возмущений (см., например, Маршалл, 2007. Кн. V. Гл. 5. С. 369–383). Иными словами, «прочие обстоятельства», которые принимались «равными», были исходными условиями теории и характеристиками внешней среды — если бы они оставались неизменны, а внешняя среда была бы свободно конкурентной, то установилось бы долгосрочное нормальное равновесие. Действительно, вальрасианское общее равновесие предполагает «прочие обстоятельства равными» именно в этом смысле. Иными словами, изначально у Маршалла ничего не сказано о возможности того, что взаимозависимости между долгосрочными переменными являются второстепенными, как это обычно предполагается при анализе частного равновесия.

Появившаяся позднее у Маршалла предпосылка о возможности пренебречь косвенными эффектами при рассмотрении отдельных рынков (Marshall, 1919, p. 677ff.), по-видимому, была следствием его привычки представлять теорию равновесия в терминах конкретных кривых рыночного спроса и предложения (используя при этом понятия репрезентативных потребителей и фирм). Именно в этом заключено отличие формулировки теории спроса и предложения Маршалла от предложенной Вальрасом. Но если это так, стоит признать, что идея «частичного» равновесия как противоположности «общему» относится в большей степени к формулировке конкретной теории и склонности Маршалла рассматривать рынки по одному, чем к обсуждающейся здесь абстрактной категории равновесия. Эта позиция согласуется, кстати, с тем фактом, что великие споры об относительных достоинствах этих двух способов анализа (например, спор между Вальрасом, с одной стороны, и Аушпицем и Либеном — с другой) велись вокруг спецификации функций спроса и издержек.

У Маршалла появляется и еще одна модификация понятия равновесия, имеющая большее значение сегодня, хотя Маршалл и не пошел далеко в этом направлении. В первой, третьей и пятой главах пятой книги *Принципов* Маршалла задаются условия того, что он называет «временным равновесием», «краткосрочным равновесием» и «долгосрочным равновесием» спроса и предложения. Последняя из перечисленных категорий, как совершенно ясно пишет Маршалл, соответствует «естественным условиям» Адама Смита (Маршалл, 2007. Кн. V. Гл. 5. С. 356). Первые две более или менее

предполагают, что на систему воздействуют силы, «действие которых неравномерно и кратковременно» (Там же. С. 358). В этой терминологии Маршалла удивляет то, что ситуации, которые с аналитической точки зрения традиционно рассматривались бы как «отклонения» от долгосрочного нормального равновесия (т. е. как неравновесные состояния), прямо называются различными состояниями «равновесия». В современной литературе эта тенденция приобрела совершенно особое значение и имела драматические последствия для значения и статуса концепции равновесия в экономической теории. Но не менее важным для развития концепции равновесия было появление понятия межвременного равновесия.

Понятие межвременного равновесия (введенное Хайеком, Линдалем и Хиксом в межвоенные годы и развитое в 1950-е гг. Маленво, Эрроу и Дебре) заслуживает особого рассмотрения, поскольку «условия равновесия», при которых оно определяется, существенно отличаются от «естественных», или «долгосрочных нормальных», условий. Объектом межвременного равновесия являются nt расчищающих рынок цен (цен n товаров на протяжении t периодов, начиная с произвольной точки отсчета). Подобное определение условий равновесия отличается от долгосрочных нормальных условий не только тем, что в разные моменты времени цены на один и тот же товар будут различаться, но и тем, что прибыль на капитал с учетом цены его предложения не обязательно будет одинаковой.

Это фундаментальное изменение в концепции равновесия не означало, что положение межвременного равновесия не получало статуса, который «равновесие» имело со времен Адама Смита. Некоторые ученые продолжали считать межвременное равновесие положением, к которому, можно сказать, «тяготеет» экономическая система (или случаем, который принимается за точку отсчета).

Однако когда поняли, что в данном случае речь идет о последовательности точек, стало очевидно, что никакого «стремления» к такому равновесию — по крайней мере, в принятом значении этого слова — быть не может. Экономика либо находится в этом состоянии — и тогда последовательность «несущественна», или нет — и тогда она оказывается «существенной» (см. Hahn, 1973, p. 16). И вероятность последнего случая представлялась гораздо более высокой.

Таким образом, внимание было обращено к отдельным точкам последовательности; временным равновесиям, как (используя терминологию Маршалла в новом контексте) назвал их Хикс. Стали изучать целый класс случаев — неравновесных ситуаций с точки

зрения полного межвременного равновесия. К настоящему моменту в экономической теории накопилось столько разновидностей этих случаев, что описать их все здесь невозможно. Вместо этого можно указать на две характерные черты этого процесса: первая касается признания роли ожиданий, вторая — тенденции трактовать эти случаи как «равновесие».

Когда равновесие понимается как решение в том смысле, что все решения всех моделей (если они существуют) имеют одинаковый аналитический статус и различаются только тем, насколько они «существенны» (если использовать выражение фон Неймана и Моргенштерна — Нейман, Моргенштерн, 1970. С. 58), т. е. насколько они соответствуют реальности в том, что важно с точки зрения данного исследования, тогда могут говорить, что экономическая теория взяла на вооружение очень содержательное понятие равновесия. В этом контексте, вальрасианское и, скажем, гипотетическое равновесия конкурируют не за титул «общее» (так как, по крайней мере, в обычном смысле, такого понятия не существует), а за титул «значимое». Более того, в любой заданный момент времени они конкурируют за этот титул со всеми другими моделями, которыми располагает экономическое сообщество.

С момента появления в конце XVIII в. концепции равновесия ее статус описал полный круг. Когда-то значение концепции определялось представлением о том, что рыночные общества подчинены действию некоторых сил, более или менее регулярно проявляющихся в разных местах и в разное время. Теперь статус концепции, похоже, определяет точка зрения, что за многочисленными и разнообразными ситуациями, в которых может фактически оказаться рыночная экономика, не «скрывается» ничего существенного. Действительно, с точки зрения современной теории эти многочисленные случаи следует рассматривать как более или менее единичные. Из центральной организующей категории, вокруг которой строилась вся экономическая теория, и основы, на которой базировалось ее практическое применение, равновесие превратилось в категорию, не имеющую значения вне строгой спецификации исходных условий *каждой* модели. Вместо того чтобы восприниматься как элемент, делающий теорию применимой, как сказал бы Милль, ко всему классу рассматриваемых случаев, равновесие все чаще трактуется теоретиками как решение, относящееся к конкретной модели и применимое к ограниченному числу случаев. Нынешняя мода на замену собственно экономической теории теорией игр, которую еще не так давно такие теоретики, как профессор Эрроу, считали вкладом лишь в математический инструментальный эконо-

мического анализа, по-видимому, отражает тенденцию развития современной экономической теории в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Arrow, K.J. 1968. Economic equilibrium. In *International Encyclopedia of the Social Sciences*, as reprinted in *The Collected Papers of Kenneth J. Arrow*, Volume 2, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Böhm-Bawerk, E. von. 1899. *Capital and Interest*. 3 vols; reprinted, Ill.: Libertarian Press, 1959.
- Clark, J.B. 1899. *The Distribution of Wealth*. London: Macmillan. [Русск. пер.: Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М.: Гелиос АРВ, 2000.]
- Cournot, A. A. 1838. *Researches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth*. Translated by N.T. Bacon with an introduction by Irving Fisher, 1897; 2nd edn, London and New York: Macmillan, 1927.
- Garegnani, P. 1976. On a change in the notion of equilibrium in recent work on value. In *Modern Capital Theory*, ed. M. Brown et al., Amsterdam: North-Holland.
- Hahn, F.H. 1973. *On the Notion of Equilibrium in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hicks, J.R. 1939. *Value and Capital*. 2nd edn, Oxford: Clarendon Press, 1946. [Русск. пер.: Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1988.]
- Jevons, W.S. 1871. *Theory of Political Economy*. Edited from the 2nd edition (1879) by R.D.C. Black, Harmondsworth: Penguin, 1970.
- Marshall, A. 1890. *Principles of Economics*. 9th (variorum) edition, taken from the text of the 8th edition, 1920. London: Macmillan; New York: Macmillan, 1948. [Русск. пер.: Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007.]
- Marshall, A. 1919. *Industry and Trade*. 2nd edn. London: Macmillan.
- Mill, J.S. 1844. *Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy*. 2nd edn, 1874; reprinted, New York: Augustus M. Kelley.
- Mill, J.S. 1848. *Principles of Political Economy*. 6th edn, 1871 (reprinted 1909), London: Longmans, Green & Company; New York: A.M. Kelley, 1965. [Русск. пер.: Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007.]
- Palgrave, R.H.I (ed.) 1899. *Dictionary of Political Economy*, Vol. III. London: Macmillan.

- Pareto, V. 1909. *Manual of Political Economy*. Translated from the French edition of 1927 and edited by A.S. Schwier and A.N. Page, New York: Augustus M. Kelley, 1971.
- Ricardo, D. 1817. *The Principles of Political Economy and Taxation*. Edited from the 3rd edition of 1821 by P. Sraffa with the collaboration of M. Dobb, Vol. I of *The Works and Correspondence of David Ricardo*, 11 vols, Cambridge: Cambridge University Press, 1951–73; New York: Cambridge University Press, 1973. [Русск. пер.: Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2007.]
- Smith, A. 1759. *The Theory of Moral Sentiments*. Edited by D.D. Raphael and A.L. Macfie from the 6th edn of 1790, Oxford: Oxford University Press, 1976. [Русск. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.]
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. 2 vols, ed. E. Cannan, London: Methuen, 1961; Chicago: University of Chicago Press, 1976. [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Smith, A. 1795. *Essays on Philosophical Subjects*. Edited by W.P.D. Wrightman and J.C. Bryce, Oxford: Oxford University Press, 1980.
- Von Neumann, J. and Morgenstern, O. 1944. *Theory of Games and Economic Behavior*. 3rd edn, Princeton: Princeton University Press, 1953. [Русск. пер.: Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.]
- Walras, L. 1874–7. *Elements of Pure Economics*. Translated and edited by W. Jaffé from the definitive edition of 1926, London: Allen & Unwin, 1954, Homewood, Ill.: R.D. Irwin. [Русск. пер.: Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000.]
- Wicksell, K. 1901. *Lectures on Political Economy*. 2 vols, ed. L. Robbins, London: Routledge and Kegan Paul, 1934; New York: A.M. Kelley, 1967.

АДАМ ФЕРГЮСОН

Николаас Филлипсон

Adam Ferguson

Nicolas Phillipson

Фергюсон (1723–1815) родился в Пертшире¹ и умер в Эдинбурге. Он получил духовное образование в Университете Сент-Эндрю и стал лидером «умеренных клириков», которые контролировали Шотландскую церковь с 1752 по 1805 г. Он занимал кафедру моральной философии в Эдинбургском университете с 1764 по 1785 г., изменил программу читаемых там курсов, способствовал международной известности кафедры. Он был ярким преподавателем. Озабоченность Фергюсона как морального философа вызывал материализм, проникший во все области философии и жизни. Фергюсон стремился показать, что идеи представителей классической республиканской традиции, связанной с Макиавелли, все еще актуальны, когда исследуется этот вопрос. Он рассматривал людей, скорее, как активных, нежели пассивных, агентов, движимых естественной любовью к совершенству, которая оказалась под угрозой в мире коммерции.

В свое время он, в частности, показал, что механизм социальных связей в примитивных обществах был сложнее, чем думали современники, и его доказательство этого до сих пор вызывает восхищение антропологов.

Маркс высоко ценил предложенный Фергюсоном анализ разделения труда и связанного с ним отчуждения. Маркс также считал, что в трактовке этой проблемы Смит многое заимствовал у Фергюсона. На самом деле сходство позиций поверхностное. Подход Фергюсона как к этой проблеме, так и к политической экономии в целом не был оригинальным. Он опирался на классическую республиканскую традицию сторонников Макиавелли, для которой была характерна озабоченность проблемами добродетели, их со-

¹ Он родился в Логикрейте недалеко от центра этой области г. Перта. — *Прим. науч. ред.*

стоянием и местом в эпоху коммерции. *Богатство народов* не оказало существенного влияния на образ мысли Фергюсона. Он был моралистом, который стремился не ослабить, а укрепить связь политической экономии с моральной философией.

Современное значение Фергюсона определяют три его неоднократно переводившиеся и публиковавшиеся работы: *Опыт истории гражданского общества* (1769), *История расцвета и падения Римской республики* (1783) и лекции, опубликованные под названием *Принципы нравственной и политической науки* (1792).

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1767. Ferguson A. *An Essay on the History of Civil Society*. Ed. By D. Forbes. Edinburgh: Univ. Press, 1966 [Русск. пер.: Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000.]

БИБЛИОГРАФИЯ

Kettler, D. 1965. *The Social and Political Thought of Adam Ferguson*. Columbus: Ohio State Univ. Press.

УИЛЬЯМ ГОДВИН

Питер Маршалл

William Godwin

Peter Marshall

Первый и величайший представитель философского анархизма, Годвин родился в Уисбече, графство Кембриджшир, в 1756 г. Он воспитывался в диссентерских¹ традициях в Норфолке, посещал Хокстонскую академию и намеревался стать священником. Постепенно он утратил веру, и к 30 годам обратился к политической журналистике, защищая взгляды вигов. Вдохновленный Французской революцией, он написал *Исследование о политической справедливости* (1793). Эта книга принесла ему немедленное признание. «Никакая другая работа в наше время, — писал Хэзлитт, — не нанесла такого удара по философской мысли страны». Его роман *Калеб Уильямс* (1794) считался не меньшим шедевром. Но по мере того как усиливалась реакция на события Французской революции, увядала и репутация Годвина. Несмотря на большое число романов, рассказов, пьес, эссе и детских книг, он не смог вновь завладеть воображением публики. Он умер в 1836 г. и был похоронен рядом с феминисткой Мэри Уоллстоункрафт, погибшей при родах. Их дочь Мэри сбежала с величайшим учеником Годвина — Перси Биши Шелли.

Экономическая теория Годвина, как и его политическая теория, является развитием его этики. Стартовой точкой для него была вера в возможность человека совершенствоваться: поскольку человек — существо, обладающее разумом и волей, достаточно лишь дать ему образование, чтобы он стал просвещенным, щедрым и свободным. В этике он был бескомпромиссным и последовательным утилитаристом, определял добро как удовольствие и утверждал: «Я должен сделать все, что в моей власти, для общего блага». Действительно, дерзкое применение принципа полезности, наря-

ду с принципом беспристрастности, привело его к осуждению личных привязанностей, позитивных прав, обещаний, благодарности и патриотизма. В области политической теории он утверждал, что государство и право являются злом, он высказывался в пользу децентрализованного и простого общества, состоящего из автономных сообществ.

Годвин считал вопрос о собственности (или экономическую теорию) краеугольным камнем, завершающим знание политической справедливости. В его трактовке этого вопроса можно выделить две составляющие. Он усматривал тесную связь между собственностью и властью: богатые всегда являются «прямо или косвенно законодателями государства». Более того, накопленная собственность оказывает разрушительное воздействие как на богатых, так и на бедных: она создает «сервильный и подхалимский дух», делает богатство предметом универсальной страсти и низводит общество к примитивному эгоизму.

Но поскольку мы обладаем общей природой, из принципа беспристрастной справедливости следует, что все хорошее в мире составляет «общий запас», из которого каждый человек вправе черпать то, что он хочет. В таком случае собственность надо рассматривать как некоторое имущество, которым нужно воспользоваться наилучшим возможным образом, чтобы способствовать свободе, знанию и добродетели. Подобно тому, как каждый человек должен помогать своему соседу, сосед имеет право на помощь.

Развивая трудовую теорию стоимости, Годвин доказывал, что деньги — лишь средство обмена, и не существует богатства, кроме человеческого труда. Следовательно, производитель должен оставить от плодов своего труда столько, сколько ему нужно для проживания, а излишек распределить между наиболее нуждающимися. Годвин различал четыре класса вещей: предметы первой необходимости, средства интеллектуального и морального улучшения, недорогие удовольствия и предметы роскоши. Именно последние являются главной помехой справедливому распределению первых трех.

На месте капиталистической экономической системы Годвин видел мелкое производство, обслуживающее нужды местных рынков в децентрализованном обществе. Производство должно быть организовано добровольно, и производители — контролировать распределение. Люди распределяли бы материальные блага добровольно, без меновой торговли или обмена. Предвидя, что новые технологии будут способствовать высвобождению труда, Годвин высказал предположение, что если бы все здоровые люди труди-

¹ Распространенное в XVI–XVII вв. в Англии название лиц, не согласных с вероучением и культом англиканской церкви. — *Прим. науч. ред.*

лись, время производства можно было бы резко сократить, тем самым люди получили бы досуг для развития своих интеллектуальных способностей и нравственных устремлений.

На утверждение Мальтуса, что подобная схема обернулась бы перенаселением, Годвин отвечал своей доктриной о моральном сдерживании или благоразумии. В книге *О населении* (1820) он продолжал оспаривать истинность утверждений Мальтуса и настаивал на том, что по мере повышения жизненных стандартов люди станут размножаться медленнее.

Экономическая теория Годвина и глубока, и оригинальна. Он был первым, кто систематически писал о противоречиях между капиталом, потребностями и производством. Маркс и Энгельс признавали важность его вклада в развитие теории эксплуатации. Он оказал сильное влияние не только на ранних социалистических мыслителей, таких, как Роберт Оуэн, Уильям Томпсон и Томас Хогдскин, но и на последователей Оуэна и чартистов. Хотя Мальтус известен больше, чем Годвин, можно утверждать, что в долгосрочном плане прав окажется последний. А его схема коммунизма, основанного на добровольном сотрудничестве, остается серьезным и привлекательным идеалом.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1793. *An Enquiry concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness*. 2 vols, London: Robinson [Частично переведено в: Годвин У. О собственности. М.: Изд-во АН СССР, 1958.]
1794. *Things as They Are; or, The Adventures of Caleb Williams*. 3 vols, London: W. Crosby [Русск. пер.: Калев Вильям. М.-Л.: Госполитиздат, 1940.]
1797. *The Enquirer: Reflections on Education, Manners and Literature*. London: Robinson.
1801. *Thoughts occasioned by the Perusal of Dr. Parr's Spital Sermon*. London: Robinson.
1820. *Of Population. An Enquiry concerning the Power of Increase in the Numbers of Mankind*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme & Brown.
1831. *Thoughts on Man, his Nature, Productions and Discoveries*. London: Wilson.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Brailsford, H.N. 1913. *Shelley, Godwin and their Circle*. Oxford: Oxford University Press.

- Clark, J.P. 1977. *The Philosophical Anarchism of William Godwin*. Princeton: Princeton University Press.
- Hazlitt, W. 1820. William Godwin. In *The Spirit of the Age*, Oxford: Oxford University Press, 1954; Garden City, New York: Doubleday, 1960.
- Locke, D. 1980. *A Fantasy of Reason: The Life and Thought of William Godwin*. London, Boston and Henley: Routledge & Kegan Paul.
- Marshall, P.H. 1984. *William Godwin*. New Haven and London: Yale University Press.
- Monro, D.H. 1953. *Godwin's Moral Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
- Paul, C.K. 1876. *William Godwin: his Friends and Contemporaries*. 2 vols, London: H.S. King.
- Priestley, F.E.L. 1946. Introduction to *Enquiry concerning Political Justice*. Vol. III. Toronto: University of Toronto Press.

ФРИДРИХ АВГУСТ ХАЙЕК

Роджер У. Гарисон
и Израэль М. Кирцнер

Friedrich August von Hayek

Rodger W. Garrison
and Israel M. Kirzner

Фридрих Август Хайек — одна из центральных фигур экономической науки XX в. и прежде всего представитель австрийской школы, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1974 г., автор большого числа работ в области не только экономики, но и политической философии, психологии, эпистемологии, родился в Вене 8 мая 1899 г. После прохождения во время Первой мировой войны военной службы в чине артиллерийского офицера Хайек поступил в Венский университет, где посещал лекции Фридриха Визера и Отмара Шпанна¹ и получил докторские степени в областях права и политических наук. Проведя год (1923–1924) в Нью-Йорке, Хайек вернулся в Вену, где стал участником знаменитого семинара Людвиг Мизеса. В 1927 г. Хайек стал первым директором Австрийского института исследования деловых циклов. В 1931 г. по приглашению Лайонела Роббинса он прочел несколько лекций в Лондонской школе экономики, где затем принял кафедру Тука. Довольно быстро Хайек стал активным участником развернувшейся в Англии в 1930-х годах дискуссии по проблемам денег, капитала, деловых циклов. Он стал одной из центральных фигур в знаменитых дискуссиях с участием Джона Мейнарда Кейнса, Пьеро Сраффы и Франка Найта.

В конце 1930-х и начале 1940-х годов Хайек сосредоточился на исследовании роли знания и процедуры открытия нового в рыночных процессах, методологических оснований австрийской школы, в частности, субъективизме и методологическом индивидуализме.

¹ Визер Фридрих (1851–1926) — австрийский экономист, социолог, государственный деятель. Один из основоположников австрийской школы и субъективной теории ценности. Шпанн Отмар (1878–1950) — австрийский философ, социолог и экономист. — *Прим. науч. ред.*

Достижения Хайека в этих областях были во многом следствием его участия в дебатах об экономическом расчете при социализме.

В 1950 г. Хайек переехал в США, где принимал участие в работе Комитета по исследованию общественной мысли при Чикагском университете. Он занимался множеством проблем в области социальной и политической философии и философии права. Хайек вернулся в Европу в 1962 г. и стал работать сначала в университете Фрайбурга (Западная Германия), а затем в университете Зальцбурга (Австрия). С 1977 г. Хайек поселился во Фрайбурге.

Научная деятельность Хайека охватывает более шести десятилетий. Библиография его трудов (Gray, 1984), которая, впрочем, продолжала пополняться и в середине 80-х, включает 18 книг, 25 брошюр, 235 статей. 16 книг были выпущены под редакцией Хайека. Хотя эти работы принесли ему мировую известность и признание в нескольких областях, его достижения в других общественных науках в значительной степени явились результатом распространения на соответствующие сферы его знания в области экономики и ее методологии. В этой статье мы кратко остановимся на деятельности и достижениях Хайека в области экономики.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ПРОБЛЕМА КООРДИНАЦИИ

Во всех трудах Хайека, во всех поставленных им вопросах и во всех предложенных ответах находит отражение его представление об экономической теории как о проблеме координации (O'Driscoll, 1977). Более глубокий подход к рыночной экономике предполагает, что ей свойствен порядок более сложный, чем тот, который можно объяснить в терминах добровольных усилий по координации действий отдельных индивидов. Согласно Хайеку (Хайек, 2003. С. 40), именно существование спонтанного порядка обеспечивает экономической науке предмет исследования.

Хотя рыночная экономика характеризуется лучшей координацией, чем это возможно при планировании, координация тем не менее никогда не бывает совершенной, и, следовательно, существует *проблема* координации. Можно сказать, что сбои в координации являются неотъемлемой частью рыночного процесса, ведущего к более высокой степени координации. Например, перепроизводство или дефицит какого-то товара, очевидно, является свидетельством того, что планы продавцов и покупателей этого товара недостаточно согласованы. Однако сама по себе эта несогласованность одновременно и свидетельствует о несогласованно-

сти планов, и побуждает продавцов и покупателей соответствующим образом скорректировать свои действия.

Время от времени в рыночной экономике происходят глубокие и всеохватывающие сбои в координации. Большая часть исследований Хайека прямо или косвенно посвящена выяснению условий, или, более точно, последовательности событий, порождающих такие сбои и, следовательно, приводящих экономику в состояние депрессии. В центре исследований Хайека — проблема *межвременной* координации. Координация во времени — намного сложнее, чем координация в рамках заданного временного интервала. Производители должны принимать решения сейчас, исходя из ожиданий относительно того, какие решения в будущем примут другие производители и, конечно, потребители. То, что на производство товара требуется время (чем больше времени требуется, тем больше степень развитости экономики), является очень важным моментом в рассуждениях Хайека. Присутствие элемента времени увеличивает вероятность ошибок в инвестиционных решениях и создает условия для кумуляции ошибок. Лавинообразный поток несогласованных во времени инвестиций, вызванных изменениями либо реальных, либо денежных факторов, может создать искусственный бум и увеличить занятость. Но когда эта несогласованность проявит себя, частичная ликвидация станет неизбежной, и произойдет обвал. Австрийская теория отличается от других макроэкономических теорий тем, что уделяет внимание межвременной координации *внутри* инвестиционного сектора. При более традиционном подходе к макроэкономической проблеме координации в центре внимания находится соотношение между общим *уровнем* инвестиций и общим объемом сбережений или трудовых ресурсов.

Хайек предложил двухступенчатый подход к теории деловых циклов. До обсуждения вопроса о том, как может достигаться координация в рамках всей экономики, он останавливается на вопросе о том, каким образом вообще координация может быть достигнута в рыночной экономике. По словам Хайека, «прежде чем мы объясним, почему люди совершают ошибки, мы должны объяснить, почему они вообще могут быть правы» (Наук, 1937, р. 34). Его решение — сначала исследовать межвременную координацию как таковую, а затем уже заняться вопросом о том, какие сбои в ней возможны, — сформировалось в ходе его работы в различных областях экономической науки, в частности таких, как теория цены, теория капитала и теория денег.

Прежде чем стать частью системы взглядов Хайека, каждая из этих теорий должна была претерпеть определенные изменения.

Теорию цен пришлось изменить таким образом, чтобы в ней подчеркивалась роль цен как коммуникационной системы и средства, позволяющего использовать информацию наиболее эффективно. Теория капитала должна была быть преобразована таким образом, чтобы можно было проследить, что происходит с отдельными элементами капитала, различающимися по степени специализации и по сроку службы, и отношение между которыми выражается в различной степени межвременной субституции и дополняемости. Границы денежной теории пришлось расширить так, чтобы стало возможным проследить последствия изменений относительных цен, вызванных расширением или сжатием денежной массы.

Хайек внес значительный вклад в развитие каждой из этих областей, однако его безусловным достижением был синтез теории цен, теории капитала и теории денег. Хайек объединил то, что он сделал в этих областях, и представил рыночный процесс, направленный к достижению межвременной координации. Он показал, что действия центрального банка, которые при взаимодействии с этим процессом создают ситуацию бума, неминуемо повлекут за собой резкий спад деловой активности. Основываясь на теории деловых циклов Хайека, можно объяснить многие события экономической истории XIX и XX вв., дать оценку альтернативным макроэкономическим теориям, прежде всего теории Дж.М. Кейнса, а также разработать институциональную реформу, направленную на минимизацию сбоев в межвременной координации.

СУБЪЕКТИВИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Методологические нормы, которые принял Хайек, являются непосредственным отражением его представлений о предмете — экономических феноменах как *спонтанном* порядке. Основные общественные институты не имеют конкретного создателя. Они представляют собой «результат действий людей, но не их замыслов». Наиболее очевидными примерами спонтанного порядка является язык, а среди экономических феноменов — деньги. Деньги — это наиболее часто используемое средство обмена — возникли и использовались локально, а затем стали общепринятым средством обмена в результате действий тысяч отдельных торговцев, ни один из которых не имел *намерения* создать институт денег. Другие экономические явления — начиная с простого разделения труда и заканчивая сложной организацией промышленности — также следует рассматривать как примеры спонтанного порядка.

Если бы все в обществе было создано преднамеренно, то не было бы ни предмета для социальных наук, ни необходимости в них, говорит Хайек. Задача ученых в мире, который характеризуется спонтанным порядком, как раз и состоит в том, чтобы обращаться к тем аспектам социального порядка, которые не были созданы сознательно.

Основная методологическая тема, которая пронизывает исследование спонтанного порядка Хайека, проистекает из его утверждения, что недопустимо некритически применять методы естественных наук при изучении социальных явлений. Хайек использовал термин *сциентизм* для обозначения рабского заимствования методов естественных наук без учета принципиальных различий между миром физических и нефизических явлений. Сциентизм как подход, неизбежно приводящий к игнорированию таких принципиальных сторон социальных явлений, как намерения и ожидания, был темой двух статей, опубликованных Хайеком во время Второй мировой войны. В этих статьях, которые стали ядром его книги *Контрреволюция науки: анализ злоупотребления разумом*, опубликованной в 1952 г., Хайек обосновывает субъективизм и методологический индивидуализм в социальных науках. «И, наверное, не будет преувеличением, если мы скажем, что на протяжении последних ста лет каждое серьезное открытие в экономической теории было шагом вперед в последовательном приложении субъективизма», — говорит Хайек (Хайек, 2003. С. 49).

Классики сосредоточивали свое внимание на *объектах*, имеющих ценность, и стремились найти общий измеритель для ценности в затратах труда и других издержках. Австрийская школа — в частности, Менгер, Мизес и Хайек — перенесла внимание с объектов, подлежащих оценке, на субъекты, осуществляющие эту оценку. Хайек подчеркивал, что ценность, которая придается различным объектам экономической деятельности, может быть определена только исходя из целей, которые люди преследуют, и представлений людей об этих объектах.

Последовательно субъективистский подход Хайека и его приверженность методологическому индивидуализму работали друг на друга. Методологический индивидуализм — это не указание, как нужно подходить к экономическому исследованию, а, скорее, обозначение того, что можно считать экономическим объяснением. Для того чтобы объяснить непреднамеренные аспекты спонтанного порядка, необходимо проследить, как этот порядок вырастает из осознанных действий индивидов. Речь идет, говоря словами самого Хайека, о понятиях и представлениях индивидов, известных

нам непосредственно и представляющих те элементы, «из которых мы должны, так сказать, выстраивать более сложные явления...» (Там же. С. 57).

Предположение о том, что борьба Хайека против сциентизма определяла его исследования, по крайней мере, отчасти не согласуется с недавним утверждением Хатчисона, что статья Хайека «Экономика и знание» (1937) ознаменовала собой резкий поворот его методологии в сторону принципа фальсифицируемости для экономической науки (Hutchison, 1981). Этот аргумент был с успехом оспорен Джоном Грэем (Gray, 1984, p. 16–21), который показал, что статья 1937 г. имела целью убедить Мизеса, что в противоположность тому, что утверждает его «праксеология», в нашем понимании экономических явлений присутствует существенная эмпирическая компонента. Более того, приверженность Хайека субъективизму и методологическому индивидуализму, а также акцент на ошибках сциентизма, о которых идет речь в работе 1952 г., свидетельствуют, скорее, о том, что он признал еще большую независимость — в том, что касается ее предпосылок — экономической теории от эмпирических наблюдений.

СИСТЕМА ЦЕН КАК КОММУНИКАЦИОННАЯ СЕТЬ

Представление Хайека о системе цен как о коммуникационной сети непосредственно связано с его идеей спонтанного порядка. Хайек показал, что основной вклад системы цен в общественное благосостояние состоит в способности системы передавать информацию от одной части рынка к другой. В случае природного катаклизма, который затруднит доступ к некоему ресурсу, факт уменьшения предложения будет доведен до сведения потенциальных пользователей путем увеличения цены на этот ресурс, а также побудит общество его экономить (Хайек, 2000. С. 95–97). Необходимость такой коммуникационной сети возникает из-за того, что информация, которая должна передаваться, распределена между членами общества. Подобное представление о ценах как сигналах получило в последние 15 лет широкое распространение и нашло отражение в современных учебниках.

Анализируя, как общество использует информацию, Хайек строго разграничил два типа знания: 1) научное, или теоретическое, знание и 2) знание обстоятельств времени и места. Первое представляет особый интерес для экономиста, второе — для участника рынка. Неспособность разграничить эти два типа знания может привести к одной из двух серьезных ошибок. Из предположения о

том, что *экономисты* могут соединить оба типа знания, может следовать, что «рациональное планирование» может превзойти или, по крайней мере, воспроизвести рынок. Из предположения о том, что *участники рынка* могут соединить оба типа знания, может следовать, что рациональные ожидания способны нейтрализовать последствия манипуляций властей с деньгами.

Хайек подчеркивал, что если допускается абсолютно гибкая система цен — в ней цены соответствуют достигнутому равновесию, — которая порождает согласованные и усиливающие друг друга сигналы, то такая система будет зависеть от рыночного процесса обнаружения нового, в основе которого лежит механизм *нащупывания*. Хайек связывал этот процесс с *конкуренцией*, которая для него ассоциировалась не с ситуацией, соответствующей так называемой совершенной конкуренции, а, скорее, с жесткой и нерегулируемой рыночной активностью, которая обеспечивается совершенно свободным входом на рынок конкурирующих предпринимателей. Хайек говорит, что такой процесс открывает новые возможности и преимущества, которые никто заранее не может предвидеть (Науек, 1968; Хайек, 1989).

Подобное представление о знании и процессе открытия, выраженное Хайеком в ряде его основных работ, написанных в период с конца 30-х до середины 40-х годов, возникло во многом благодаря участию Хайека в спорах об экономическом расчете при социализме. Развивая и углубляя рассуждения Мизеса, который поставил под сомнение возможность такого расчета при отсутствии рыночных цен на факторы производства, Хайек пришел к выводу, что рыночный процесс сам по себе необходим для получения как раз того знания, которым необходимо владеть еще *до* того, как можно приступить к расчету эффективной аллокации ресурсов.

Во многом именно благодаря представлению о рынке как о процессе открытия произошло современное возрождение интереса к исследовательской программе австрийской школы. В этом контексте австрийскую школу следует отличать от более формальных математических теорий, поскольку она делает упор на роли предпринимательских открытий в тех рыночных процессах, на которые в мире несовершенного знания и неравновесия нам приходится полагаться при достижении координации между участниками рынка. Хайек показал, что многие из современных теорий искажают суть экономической проблемы, с которой сталкивается общество, когда уклоняются от рассмотрения проблем, возникающих из-за того, что информация рассеяна. Представить себе (как это делали первые критики Мизеса и Хайека), что осуществление социалистической

системы возможно с помощью имитации рынка и объявления нерыночных цен, которыми должны руководствоваться управляющие социалистическими предприятиями, значит не понимать, что рыночные цены как на потребительские товары, так и на капитальные блага, формирующие производственную структуру экономики, уже представляют собой результат предпринимательских действий, базирующихся на существующем и рассеянном между агентами знании.

МЕЖВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА КАПИТАЛА

Вклад Хайека в теорию капитала принято считать его наиболее значительным и новаторским достижением (Machlup, 1976). Его обращение к *Межвременному равновесию цен и изменениям стоимости денег* (1928) (английский перевод — Науек, 1984) способствовало появлению многих работ в этой области, среди которых особое место занимают труды Дж. Хикса. Его общепризнанная, но редко правильно понимаемая схема с треугольниками, предложенная в *Ценах и производстве*¹ (1935), представляет собой удобный и очень тонкий способ описания изменений межвременной структуры капитала. Формальный и всеобъемлющий анализ, представленный в *Чистой теории капитала* (1941), высветил высказанные ранее положения и в центр проблемы капитала поставил круг вопросов о способности рынка координировать экономические действия во времени.

Значимость фактора времени в процессе производства, а также сложность структуры капитала придают особую важность проблеме межвременной координации. В каждый данный момент производители используют ресурсы, исходя из некоего производственного плана. В строгом смысле межвременная координация предполагает, что все подобные планы согласованы друг с другом и в целом соответствуют общему количеству имеющихся в наличии ресурсов. В какой мере эти два условия выполняются, определяется исключительно рыночным процессом, в котором каждый производитель пытается осуществить свой собственный план. Индивидуальные производственные планы предполагают, что неспецифический капитал (например, сырье) специфическим образом связан, например, с конкретным орудием или машиной. По прошествии времени, в течение которого производитель старается изыскать дополнительную единицу ресурса, необходимую для завершения своего производственного плана, становится понятно, в какой мере скоординиро-

¹ Первое издание в 1931 г. — *Прим. науч. ред.*

вана во времени структура капитала. Имеющийся в наличии объем некоторого сырья, комплементарного уже задействованному капиталу, может оказаться недостаточным для осуществления планов всех производителей. Если такая несогласованность обнаруживается (она проявляется в повышении цены на соответствующий ресурс), производственные планы пересматриваются. У Хайека капитальные активы, которые определяют производственный процесс, не являются ни столь специфическими, что такой пересмотр оказывается невозможным, ни столь неспецифическими, что этот пересмотр проходит без каких-либо издержек.

В *Чистой теории капитала* (1941) Хайек подробно рассматривает капитальные блага с точки зрения их воспроизводимости, износостойкости, специфичности, замещаемости и комплементарности. Эти свойства капитальных благ и взаимоотношений между ними определяют структуру производства как целого и позволяют охарактеризовать ее длительностью «периода производства» и степенью «окольности». Степень «окольности», т.е. показатель того, в какой мере производство сковывает ресурсы, определяется рыночной ставкой процента, которую принято считать мерой предпочтения благ в настоящем благам в будущем. Рыночный процесс преобразует межвременные предпочтения в производственные планы. Например, падение рыночной ставки процента, которое свидетельствует о сдвиге предпочтений от настоящих благ к будущим, стимулирует вложения в производство, характеризующееся большей степенью «окольности». Приведенные выше характеристики капитальных благ и взаимоотношений между ними характеризуют способность существующей структуры капитала адаптироваться к изменениям межвременных предпочтений.

ДЕНЬГИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНЫ

Исследования Хайека в области теории денег и торговых циклов тесно связаны друг с другом, и это обстоятельство отражает суть его достижений в обеих областях. Коротко говоря, суть денежной теории Хайека состоит в интеграции представлений о деньгах как о средстве обмена и о системе цен как о коммуникативной сети. Центральным моментом его теории торговых циклов, объединяющей теории денег и капитала, является система межвременных цен.

В работах *Денежная теория и торговый цикл* (1933)¹ и *Цены и производство* (1935)² Хайек выступил с критикой популярной и в

то, и в наше время идей, что основным предметом рассмотрения в денежной теории является соотношение между количеством денег и общим уровнем цен. Справедливость количественной теории денег не была поставлена под сомнение, но было указано, что прогресс в экономической теории, в которой деньги имеют значение, предполагает выход за рамки простых пропорциональных соотношений, вытекающих из предположения об относительно стабильной скорости обращения денег. По Хайеку, теория денег должна пересмотреть чистую теорию стоимости, которая базируется на концепции бартерного обмена, и скорректировать выводы с учетом предпосылки о возможности непрямого обмена.

Хайек ввел термин «нейтральные деньги» отчасти с целью противопоставить свое представление о деньгах широко распространенному. По определению, нейтральные деньги характеризуют такую денежную систему, в которой деньги, хотя и облегчают осуществление экономических действий, не могут порождать сбои в процессе координации. Согласно принятым представлениям деньги нейтральны до тех пор, пока их ценность, измеренная показателем общего уровня цен, остается неизменной. Следовательно, рост экономической активности требует пропорционального увеличения денежной массы. По Хайеку, нейтральность денег подразумевает отсутствие эффекта «впрыскивания». Увеличение количества денег означает, что они «впрыскиваются» определенным образом, и это приводит к временному изменению относительных цен, в результате чего система цен генерирует ложную информацию о предпочтениях потребителей и доступности ресурсов.

Различные представления о том, что означает нейтральность денег, привели в свое время к различным подходам к политике США в период процветания 1920-х годов. В эти годы скорость роста денежной массы была примерно равна темпам реального экономического роста, в результате чего цены оставались практически неизменными. Отсутствие инфляции воспринималось большинством специалистов в области теории денег как свидетельство стабильности в денежной сфере. Хайек же, напротив, утверждал, что, несмотря на неизменность общего уровня цен, «впрыскивание» денег через кредитные рынки приводило к неправильному распределению ресурсов, и подъем, инициированный таким образом, неизбежно должен был повлечь за собой спад.

Стоит отметить, что в других работах, как более ранних, так и поздних, Хайек не делал однозначного выбора между монетарной политикой, которой удастся избежать эффекта «впрыскивания» (постоянное предложение денег в условиях положительных значе-

¹ Впервые опубликована в 1929 г. — Прим. науч. ред.

² Впервые опубликована в 1931 г. — Прим. науч. ред.

ний реальных темпов экономического роста), и монетарной политикой, которая не допускает дефляции (рост денежной массы, который соответствует реальному экономическому росту).

ТОРГОВЫЙ ЦИКЛ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖВРЕМЕННОЙ КООРДИНАЦИИ

Вклад Хайека в теорию цикла связан с его идеей о том, что «впрыскивание» денег оказывает систематический эффект на межвременную структуру цен. Австрийская теория деловых циклов была впервые сформулирована Мизесом (1912), который показал, что изменение ставки процента, вызванное изменением предложения денег (Кнут Виксэль), оказывает специфическое воздействие на структуру капитала (Бём-Баверк). Вклад Хайека (1935) в теорию цикла и ее последующее развитие неразрывно связаны с предельно стилизованной картиной производственного процесса как протекающего во времени. Характеристики *структуры производства* были представлены сторонами правильного треугольника. Одна его сторона показывает временную характеристику структуры производства, степень его «окольности»; другая представляет собой денежное выражение стоимости потребительских товаров, произведенных этим процессом. Отрезки, перпендикулярные стороне, обозначающей время, символизируют стадии производства. Высота этих отрезков характеризует денежное выражение объема незавершенного производства.

Распределение ресурсов между стадиями производства является результатом предпринимательской активности, которая реагирует на ценовые сигналы. Из-за того что структура производства имеет временную характеристику, спрос на ресурсы и их предложение, соответствующие разным стадиям производственного процесса, в разной степени реагируют на изменение ставки процента. Спрос на продукцию добывающей промышленности, например, более эластичен по ставке процента, чем спрос на продукцию отраслей сферы услуг. Изменение процентной ставки оказывает систематическое воздействие на структуру цен, которая влияет на аллокацию ресурсов между различными стадиями производственного процесса. Например, падение ставки процента вызовет увеличение эластичного по проценту спроса, сдвигая ресурсы в сторону первичных стадий производства. Такое изменение отразится в увеличении стороны треугольника Хайека, которая связана с временной компонентой.

Важно проводить различие между изменениями ставки процента, вызванными сдвигами в предпочтениях потребителей, и изме-

нениями ставки процента, явившимися результатом политики центрального банка. В первом случае (Хайек, 2007. С. 60), предпринимательские действия и последовавшие за ними изменения структуры цен позволяют структуре производства подстроиться к изменившимся предпочтениям потребителей. Во втором случае (Там же. С. 65) похожие изменения в структуре цен, вызванные «вбрасыванием» денег через кредитные рынки, становятся «ложными сигналами», которые приводят к искаженному распределению ресурсов между стадиями производства. Искусственно заниженная ставка процента провоцирует необоснованный бум, в ходе которого многие ресурсы оказываются задействованными в относительно ранних стадиях процесса производства. Как показал Хайек, рыночные процессы, вызванные «вбрасыванием» денег через кредитные рынки, характеризуются обратной связью. В описанной ситуации начинается больше производственных процессов, чем может быть завершено. Возникающая впоследствии нехватка ресурсов приводит к спаду. Процесс восстановления заключается в устранении нерациональности в аллокации ресурсов и приведении ее в соответствие с действительными межвременными предпочтениями и имеющимися ресурсами.

Хайек признал (1939), что ожидания относительно будущей процентной ставки и предпринимательские представления о межвременном изменении цен могут влиять на ход делового цикла. Действительно, цены — это сигналы для агентов, а не жесткие приказы. Но в отличие от некоторых современных экономистов Хайек не считал, что искаженные цены вместе с правильными («рациональными») ожиданиями тождественны адекватным ценовым сигналам. Подобная тождественность предполагала бы, что агенты опираются на такое знание, которым они не могут обладать. Это подразумевало бы владение информацией о реальных факторах, не связанной со структурой цен, а ведь именно через эту систему они такую информацию получают.

КРИТИКА КЕЙНСИАНСТВА

Критика Хайеком кейнсианской теории и политики непосредственно следовала из его теорий капитала и денег. Хайек показывал, что, не обратившись к рассмотрению межвременной структуры производства и в частности межвременной взаимозависимости стадий производства, Кейнс тем самым отказывался от анализа рыночного процесса как обеспечивающего межвременную координацию. «Агрегаты, с которыми работал Кейнс, скрывают основополагающие

механизмы обмена» (Найек, 1931, р. 277). Перенеся акцент с рассмотрения денег как средства обмена на их анализ как ликвидного актива, Кейнс лишился возможности увидеть, какой вред может причинить экономике «вбрасывание» денег через кредитные рынки или напрямую через расходы на общественные блага.

Хайек указывал, что функция денег как средства обмена представляет собой «своего рода подвижное сцепление в саморегулирующемся механизме цен, которое препятствует его функционированию, причем чем сильнее, тем больше роль этого сцепления». Кейнсианская теория и политика становится объектом критики Хайека, когда он говорит, что

«существование такого сцепления позволяет сосредоточиться исключительно на ней, абстрагируясь от остального механизма, но еще в меньшей степени делает возможным воспользоваться краткосрочным освобождением от экономической необходимости, которое позволяет существование этого подвижного сцепления» (Найек, 1941, р. 408).

Десятилетиями продолжалась дискуссия между Хайеком и Кейнсом, и все это время кейнсианство доминировало. Макроэкономическая политика состояла как раз из тех средств, от которых предостерегал Хайек: денежные манипуляции с целью достижения политических целей. Политика денежных «вбрасываний» в период Великой депрессии, которая замышлялась как толчок, в скором времени переросла в развитую политику «управления спросом». Краткосрочный компромисс между безработицей и инфляцией рассматривался в политических и в некоторых академических кругах как единственный возможный выбор для руководителей, а значит, и для избирателей. Отклонения экономики от некоторой гипотетической полной занятости и долгосрочного тренда рассматривались как указание центральному банку для проведения политики «точной настройки».

Как ясно указывал Хайек в ходе критики кейнсианских теорий и анализа фактических достижений кейнсианской политики, политическая эксплуатация «денежного сцепления» чревата постоянным скатыванием к инфляции. Вновь созданные деньги позволяют нанимать безработных и финансировать государственные расходы. Денежные инъекции через коммерческие банки могут стимулировать экономику, вызывая искусственный бум. Нежелательные эффекты раздувания предложения денег, последующее прекращение бума и повышение уровня цен отдалены во времени от политически желательных положительных эффектов и не слишком открыто признаются теми, кто инициирует денежную экспан-

сию (Найек, 1960, р. 324–339). В дальнейшем вновь избранные руководители оказываются перед проблемой выбора между невмешательством в денежное обращение, позволяя тем самым рынку переживать болезненный процесс адаптации к предыдущим денежным вливаниям, и продолжением денежных вливаний, откладывая окончательную адаптацию. Кумулятивный эффект такого метания между политическими преимуществами и экономическими реалиями — основная тема критики кейнсианства Хайеком. Книга, содержащая выдержки из написанных за сорок лет работ Хайека по критике кейнсианства, составленная Судхом Шенойем, имеет подходящее название — *Тигра за хвост* (1972).

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕГ

Будучи сторонником изменений в сфере денег и денежного обращения, Хайек стремился свести к минимуму сбои в координации, которые заложены в механизме денег, и создать препятствия манипулированию деньгами в политических целях. В течение длительного времени он оспаривал предположение, что у властей есть желание и возможности управлять предложением денег в интересах общества.

В своих ранних работах Хайек считал само собой разумеющимся существование центрального банка и сосредоточивался на анализе последствий осуществления различных политических целей, например, стимулирования экономического роста или стабилизации общего уровня цен. В своих более поздних работах главную причину нарушений в денежной сфере он видел в монополизации предложения денег. В 1960 г. он писал:

«С уверенностью можно сказать, что сложившаяся банковская система, основанная на кредите, нуждается в определенных общественных институтах, таких как центральные банки, но вызывает сомнение необходимость и желательность того, чтобы они (или государство) владели монополией на выпуск всех видов денег» (Найек, 1960, р. 520, п. 2).

В середине 70-х годов Хайек вновь заинтересовался идеей денационализации денег. Утратив надежду на возможность достижения стабильности в области денежного обращения, когда монетарные институты чрезвычайно вовлечены в политику, Хайек предложил, по его собственному признанию, почти в шутку, передать эмиссию денег частным организациям. Позднее, обратившись к этой идее серьезно, Хайек рассмотрел возможность и последствия существования конкурирующих денег.

Предложение Хайека о конкуренции в деле эмиссии денег не может подвергаться критике с точки зрения так называемой проблемы «пула» («*common-pool problem*»). Его предложение состояло не в том, чтобы частные эмитенты конкурировали, выпуская общую валюту — очевидно, что конкуренция на такой основе вызовет лавинообразную инфляцию, — а в том, чтобы каждый агент выпускал собственную валюту. При таких условиях каждый эмитент будет стремиться поддерживать цену своей валюты и уменьшать препятствия для ее обращения в среде, где обращаются другие валюты.

Разъясняя, как такая система может работать, Хайек вынужден был пройти по узкой тропе между конструктивизмом и слепой верой в рыночный механизм. Его размышления о рыночных процессах стоит рассматривать не как предписание использовать конкурирующие валюты, а как доказательство того, что такая конкуренция возможна. Индивиды могут выбирать ту или другую валюту, основываясь на том, насколько убедительно ее эмитент продемонстрировал свою способность обеспечить стабильность ее покупательной силы. Причем на этот выбор, считает Хайек, может повлиять выбор эмитентом конкретного показателя уровня цен, на который он ориентируется, стремясь поддержать покупательную способность своей валюты. Добиться поддержания доверия к валюте можно также и другим способом — когда единственная валюта конвертируется по фиксированной ставке в некий предмет потребления или набор предметов потребления. Хайек сомневался, что в результате конкуренции возродится золотой стандарт, и его сомнения основывались главным образом на том, что доверие в устойчивость золота покоится на представлениях и верованиях части общества, которых более не существует и которые не могут быть с легкостью восстановлены. Но если бы золото одержало победу в конкурентной борьбе, против этого нельзя было бы возражать.

Но более важно, что предложение Хайека, касающееся реформирования денежной системы, не только не противоречит его представлению об экономике как о спонтанном порядке, но всецело согласуется с ним. Рынки выполняют функцию координации действий отдельных участников рыночного процесса. Использование денег, хотя, несомненно, облегчает экономическую координацию, содержит непреодолимую опасность сбоев в механизме координации. Конкуренция за деньгами ограничивала бы эту опасность и позволяла бы участникам рынка в полной мере воспользоваться другими преимуществами спонтанного порядка.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1925. (In German.) The monetary policy of the United States after the recovery from the 1920 crisis. In F.A. Hayek, *Money, Capital and Fluctuations: Early Essays*, ed. R. McCloughry, Chicago: University of Chicago Press, 1984.
1928. (In German.) Intertemporal price equilibrium and movements in the value of money. In F.A. Hayek, *Money, Capital and Fluctuations: Early Essays*, ed. R. McCloughry, Chicago: University of Chicago Press, 1984.
- 1931–1932. Reflections on the pure theory of money of Mr J.M. Keynes I–II. *Economica*, Pt I, 11, August 1931, 270–295; Pt II, 12, February, 1932, 22–44.
1933. (In German.) On 'neutral money'. In F.A. Hayek, *Money, Capital and Fluctuations: Early Essays*, ed. R. McCloughry, Chicago: University of Chicago Press, 1984.
1933. *Monetary Theory and the Trade Cycle*. New York: Augustus M. Kelley, 1975.
1935. *Prices and Production*. 2nd edn, New York: Augustus M. Kelley, 1967. [Русск. пер.: Хайек Ф. Цены и производство. М.: Социум, 2008.]
1937. Economics and knowledge. *Economica* NS 4, February, 33–54.
1939. Price expectations, monetary disturbances, and malinvestments. In F.A. Hayek, *Profits, Interest, and Investment*, Clifton, NJ: Augustus M. Kelley, 1975.
1941. *The Pure Theory of Capital*. Chicago: University of Chicago Press.
1945. The use of knowledge in society. *American Economic Review* 35, September, 519–530. Reprinted in F.A. von Hayek, *Individualism and Economic Order*, London: Routledge & Kegan Paul, 1949.
1949. *Individualism and Economic Order*. London: Routledge & Kegan Paul.
1952. *The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason*. Glencoe, Ill.: Free Press.
1960. *The Constitution of Liberty*. Chicago: Henry Regnery & Co., 1972.
1968. Competition as a discovery procedure. In *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*, Chicago: University of Chicago Press.
1972. *A Tiger by the Tail*. Ed. S. Shenoy, London: Institute for Economic Affairs.
1975. *Full Employment at Any Price*. Occasional Paper No. 45, London: Institute for Economic Affairs.
1976. *Denationalization of Money*. London: Institute for Economic Affairs.

1984. The future monetary unit of value. In *Money in Crisis: The Federal Reserve, the Economy, and Monetary Reform*, ed. B. Siegel, Cambridge, Mass.: Ballinger.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Gray, H. 1984. *Hayek on Liberty*. Oxford: Basil Blackwell.
- Hutchison, T. W. 1981. *The Politics and Philosophy of Economics: Marxians, Keynesians, and Austrians*. New York: New York University Press, ch. 7.
- Keynes, J. M. 1936. *The General Theory of Employment, Interest, and Money*, London: Macmillan; New York: Harcourt, Brace.
- Machlup, F. 1976. Hayek's contribution to economics. In *Essays on Hayek*, ed. F. Machlup, Hillsdale, Mich.: Hillsdale College Press.
- Mises, L. von. 1912. *The Theory of Money and Credit*. New Haven: Yale University Press, 1953.
- O'Driscoll, G. 1977. *Economics as a Coordination Problem: The Contribution of Frederick A. Hayek*. Kansas City: Sheed Andrews & McMeel.

ТОМАС ГОББС

К.Б. Макферсон

Thomas Hobbes

C.B. Macpherson

Величайший английский политолог и философ, Гоббс родился в Мальсбери и умер в Хардвике в имение графа Девонширского, который был его патроном на протяжении многих лет¹. После окончания колледжа Магдален Холл и получения степени бакалавра искусств (1608 г.) Гоббс вошел в дом графа Девонширского в качестве наставника его сына. Он совершил несколько поездок на континент, во время одной из которых (в 1636 г.) встречался с Галилеем. Гоббс перенял его резольютивно-композитивный научный метод, а позднее применил законы движения Галилея к описанию внутренних и внешних мотивов человека. В 1640 г., опасаясь, что его самая ранняя работа вызовет возмущение членов Долгого Парламента, он отправился в добровольное изгнание в Париж, где некоторое время обучал математике будущего короля Карла II. Гоббс вернулся в Англию в 1651 г. и с тех пор жил, насколько мог, незаметно.

Экономические идеи Гоббса содержатся в трех его основных трудах по политической экономии: *Элементах законов естественных и политических* (1640); *De Cive* (1642) — переведено Гоббсом как *Философские основы государства и общества* (1651)², *Левифане* (1651), а также в его истории Долгого Парламента и Гражданской войны, известной под названием *Бегемот* (1682)³. Великим трудом Гоббса была его политическая наука, экономические же идеи яв-

¹ Гоббс Т. (1588–1679). — *Прим. науч. ред.*

² Написанная первоначально на латинском языке работа *De Cive* (*О гражданине*) вошла как третья часть в его философскую трилогию — *Философские основы государства и общества* (Русск. пер.: *Философские основания учения о гражданине*. М., 1914. См. также: Гоббс Т. *Избранные произведения*. В 2 т. М.: Мысль, 1991. — *Прим. науч. ред.*)

³ Написанная в 1668 г. работа была запрещена к печати и была опубликована только в 1682 г. — *Прим. науч. ред.*

ляются для нее лишь побочными. И все же можно заметить, что здание его политической науки зиждется на экономических предпосылках, поскольку моделью общества для него было то атомизированное, буржуазное рыночное общество, чей взрывной рост в Англии в те времена не мог не привлечь внимания Гоббса. Однако Гоббс не пытался работать в русле классической политической экономии XVIII в. или даже политической арифметики своего столетия. Он не создал ни общей теории меновой стоимости, ни теории распределения, т.е. того, что определяет ренту, процент, прибыль и заработную плату, ни даже теории торгового баланса или валютных курсов. Но несколько общих экономических принципов он все же сформулировал. Один из них — теория меновой стоимости, суть которой может быть выражена следующим образом: «Цена вещей, являющихся объектом договора, измеряется желанием договаривающихся сторон...» (Гоббс, 1991. Гл. 15. С. 116), или даже более выразительно:

«Стоимость, или ЦЕННОСТЬ человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т.е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и потому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого... И, как в отношении других вещей, так и в отношении людей, определяет цену не продавец, а покупатель» (Там же. Гл. 10. С. 66–67).

Два этих утверждения согласуются лишь при предположении о существовании постоянного избытка наемных работников, которое, очевидно, Гоббс и делал. Трудоспособных бедняков, чья численность может, как ожидалось, возрастать бесконечно,

«надо заставить работать, и, чтобы они не могли отговариваться отсутствием работы, должны существовать такие законы, которые бы поощряли развитие всякого рода промыслов, как судоходство, земледелие, рыболовство, и все отрасли промышленности, требующие рабочих рук. Если же масса бедных, но сильных людей продолжает расти, то они должны быть переселены в еще недостаточно заселенные страны: где они, однако, должны не истреблять находящихся там обитателей, а лишь заставить их потесниться: сами же переселенцы не должны растягиваться на большое пространство, захватывая все, что находят, а каждый из них должен умело и старательно обрабатывать маленький клочок земли, который мог бы доставить ему пропитание в надлежащее время» (Там же. Гл. 30. С. 270).

Еще одно общее утверждение Гоббса гласит: «Труд человека также является товаром, который можно с пользой обменять точно так же, как и всякую другую вещь» (Там же. Гл. 24. С. 192). Но

важнее таких общих принципов многочисленные политические рекомендации Гоббса суверену, каждая из которых направлена на то, чтобы увеличить богатство нации, поощряя накопление капитала частными предпринимателями, ищущими личного обогащения. Типичный образец — его рекомендации по налогообложению. Налоги оправдываются только потому, что они приносят доход, позволяющий верховной власти создавать условия для частного предпринимательства: «Налоги, которыми верховная власть облагает людей, есть не что иное, как жалованье, причитающееся тем, кто держит государственный меч для защиты людей, занимающихся разными промыслами и ремеслами» (Там же. Гл. 30. С. 269). Налоги на богатство вредны, поскольку они сдерживают накопление. Лучшие налоги — это налоги на потребление, сдерживающие расточительные траты граждан на роскошь (Там же). Все рекомендации Гоббса правителю вытекают из его наиболее общего правила, сформулированного в первом параграфе главы 30 *Левиафана*:

«Обязанность суверена (будь то монарх или собрание) определяется той целью, ради которой он был облечен верховной властью, а именно целью обеспечения *безопасности* народа... Но под обеспечением безопасности подразумевается не одно лишь обеспечение голого существования, но также обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства» (Там же. С. 260).

Важнее всего было то, что Гоббс настаивал на том, что суверен стоит выше закона и не может быть ограничен в своих действиях какими-либо традиционными правами арендаторов, традиционными мерами по ограничению рыночных сделок или мерами по защите бедных: «Дело государства (т.е. суверена) — определить, в какой форме должны быть заключены и при каких словах и знаках должны считаться всякого рода договоры между подданными (как покупка, продажа, обмен, ссуда, заем, сдача и взятие в аренду)» (Там же. Гл. 24. С. 195).

Итак, задачей государства было расчищать дорогу для капитализма. Очевидно, что доктрина Гоббса была особенно актуальной в период первоначального накопления капитала. Едва ли будет преувеличением сказать, что именно его видение требований этого времени определило основные черты его политической теории. Существовала необходимость в суверене, достаточно могущественном, чтобы преодолеть ограничения общего правила, и — для того чтобы оправдать такую власть — нужно было новое, нетрадиционное обоснование политических обязательств. Именно это и обес-

печивала доктрина Гоббса. Фактически это было узаконивание раннего капиталистического государства.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1650. *Elements of Law, Natural and Politic*. Ed. F. Tonnies. Cambridge: Cambridge University Press, 1928.
1651. *Philosophical Rudiments Concerning Government and Society*. Published as *De Cive or The Citizen*. Ed. S.P. Lamprecht. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949. [Русск. пер.: Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.]
1651. *Leviathan*. Ed. С.В. Macpherson. Harmondsworth: Penguin, 1968. [Русск. пер.: Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.]
1682. *Behemoth, or the Long Parliament*. Ed. F.Tonnies. London: Simpkin, Marshall&Co., 1889. [Русск. пер.: Гоббс Т. Бегемот, или Долгий парламент // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.]

БИБЛИОГРАФИЯ

- Macpherson, С.В. 1983. Hobbes's political economy. *Philosophical Forum* 14 (3–4).

ДАВИД ЮМ

Э. Ротвейн

David Hume

Eugene Rotwein

Экономические эссе Давида Юма (1711–1776), впервые изданные в 1752 г. в сборнике *Political Discourses*, составляют лишь малую часть его произведений. Интересы Юма распространялись на многие области: он писал труды по философии (и в этой области раньше всего получил признание), работал в области социальных и гуманитарных наук, занимался историей. Его многотомное произведение *История Англии (History of England)* (1754–1761) было новаторской работой. Несмотря на все это, экономические произведения Юма принято рассматривать как абсолютно самодостаточную часть его наследия. И это неудивительно, так как в экономических эссе он не ссылаясь на свои работы в других областях, а последующая специализация науки не способствовала рассмотрению взаимосвязей между ними. Но и философы часто подходили к работам Юма по философии вне связи с его работами, относящимися к другим наукам.

Для самого Юма не существовало столь четкого разграничения дисциплин. В анонсе, предваряющем появление его первого и основного труда по философии — *Трактата о человеческой природе (A Treatise of Human Nature)* (1739), Юм выразил надежду, что его философия станет ядром, сосредоточением всех «моральных» (т.е. психологических и социальных) наук, а также высказывал намерение расширить границы *Трактата* с тем, чтобы охватить эти области. Возможно, именно из-за того, что *Трактат* был встречен холодно, Юм не реализовал это намерение. Его подход к моральным наукам выражен в основном в эссе. Между философскими идеями Юма и содержанием экономических эссе существует множество точек соприкосновения, и это справедливо и в отношении самих эссе. В силу этого Юма можно отнести к числу выдающихся философов-экономистов XVIII в.

Какова же природа связей между экономическими и философскими идеями Юма? Юм видел основу всей своей философской системы, ее главную и центральную часть, в совокупности принципов, характеризующих человеческую природу, или элементов и взаимоотношений, относящихся как к человеческому разуму, так и к страстям. При этом Юм полагал, что эти принципы универсальны и несводимы к более простым. Они составляют аналитическую часть его системы взглядов и рассматриваются в книгах I и II *Трактата*. В следующей — синтетической — части Юм, стремясь установить основополагающие законы поведения людей, т. е. выяснить, какого поведения следует ожидать от человека при различных внешних условиях, соотносит различные аспекты «человеческой природы» с внешними силами. Полученные таким образом обобщения составляют сущность «моральных наук», к которым, как было сказано, Юм обращался в своих эссе. При этом в работах в области моральных дисциплин вообще и экономической в частности проявился его глубокий интерес к психологии.

Какова же точка зрения Юма на перспективы получения надежных обобщений в «моральных науках»? То, что у Юма была определенная точка зрения по этому вопросу, вполне естественно, учитывая его интерес как философа к эпистемологическим основам науки. Он утверждал, что всегда можно представить аргументы против любого утверждения, касающегося взаимосвязей между наблюдаемыми фактами, т. е. любое утверждение может быть опровергнуто. Но углублять наше знание можно лишь посредством эмпирических наблюдений. А это означает, что зависимости можно установить лишь как вероятные, но не достоверные. Что же касается сформулированных Юмом принципов человеческой природы, то они, по его мнению, характеризуются высокой степенью вероятности, поскольку выведены из огромного числа наблюдений.

В то же время, осознавая комплексный характер взаимосвязей между человеческой природой и окружающей средой, Юм писал о трудностях формулирования надежных законов человеческого поведения. Он обращал внимание на воздействие, которое оказывают на поведение людей невидимые факторы, на масштабы изменений в этом поведении в результате изменения внешних условий, он также указывал на практическую невозможность постановки контролируемого эксперимента в сфере психологии. Таким образом, Юм предупреждал, что в общественных науках при выведении основополагающих принципов следует проявлять особую осторожность. Он писал: «Я склонен подозревать, что человечество еще слишком молодо, чтобы установить много общих положений

[в области социальных наук], которые окажутся истинными по истечении длительного времени» (Hume, *Philosophical Works*, ed. Green and Grose, vol. III, p. 156–157). При этом он полагал, что из всех социальных наук экономика в наибольшей степени открыта для научного анализа. Юм с осторожностью относился к возможности получения надежных обобщений непосредственно из наблюдений за повседневной деятельностью людей. Он утверждал, что поведение обусловлено массовыми устремлениями, которые «зримы и сильны» и не подвержены влиянию трудноуловимых факторов, как это имеет место, когда рассматриваются небольшие группы. В случае больших групп легче уловить единообразие в поведении (*Philosophical Works*, p. 176). Заметим, что в соответствии с этой точкой зрения в предисловии к экономическим эссе Юм противопоставлял научный потенциал экономической науки ограниченным перспективам научного анализа в такой области, как дипломатия, где события определяются поведением небольшого числа людей (*Writings on Economics*, ed. Rotwein, p. 3–4).

Возвращаясь к сути экономических идей Юма, следует отметить, что в них не только нашло отражение признание важности психологических факторов, но и проявился глубокий интерес ученого к истории. Этот интерес возник у Юма задолго до того, как он начал работать над *Трактатом*. Однако в эссе представление об истории отличается от того, которое было представлено в *Истории Англии* и которое соответствовало традиционной историографии с ее акцентом на уникальные явления. Как представитель моральных дисциплин Юм решил уменьшить историческую обусловленность утверждений, которые призваны объяснить, как воздействие на человеческую природу изменяющихся условий может привести к сдвигам в человеческом поведении. Исследование такого рода, которое имело отношение к «гипотетической истории» (*conjectural history*) и французской «причинной истории» (*histoire raisonnée*), Юм назвал «естественной историей» (*natural history*). Термин «естественный» здесь употребляется в значении «повторяющийся» или «вероятный» и касается сущности законов человеческого поведения. Есть много мест в ряде его эссе, где объясняется, что он понимает под историческими законами человеческого поведения. Одно из таких эссе носит название *Естественная история религии* (*The Natural History of Religion*). Подход с точки зрения «естественной истории» имеет фундаментальное значение и в его экономических эссе.

Это можно понять, если в экономических эссе Юма выделить три грани, или три уровня, анализа. Первый уровень — экономи-

ческая психология. Здесь Юм имеет дело с экономическими мотивациями, или, пользуясь его терминологией, побуждениями к труду. Это базисный уровень его экономического анализа, где можно увидеть связь между его экономическими идеями и подходом к человеческой природе, предложенным в *Трактате*. На этом уровне анализ представляет собой естественную историю «становления и развития торговли». Коротко говоря, пытаясь объяснить, как, воздействуя на желания людей, изменения стимулируют экономический рост, Юм пришел к вопросу об экономических мотивах. Он видел четыре побуждения к труду: желание потреблять, желание действовать, желание разнообразия, желание получить выгоду.

Первое из них, которое обычно и выделяется экономистами, просто обозначает все желания, которые могут быть удовлетворены в процессе потребления. Желание действовать можно трактовать как стремление заниматься какой-либо деятельностью как таковой. Однако полная реализация этого желания, как подчеркивал Юм, предполагает деятельность, цель которой имеет самостоятельную ценность. Подобно охоте и игре, занятия в области экономики (особенно торговля, и, вообще, там, где предполагается самоотдача), по-видимому, удовлетворяют этим требованиям. Под желанием разнообразия Юм понимал желание испытать сильные побуждения как таковые (это состояние контрастирует с состоянием отсутствия желаний, или полусонным состоянием). Это не вполне независимое побуждение к труду, но важная составляющая желания как потреблять, так и активно действовать. Последнее побуждение к труду — желание материальной выгоды — предполагает стремление накапливать титулы богатства в процессе «экономической игры».

Юм утверждал, что все эти мотивы существенны для экономического роста страны, исходные стимулы к которому он видел в развитии мировой торговли. По сравнению с подходом экономистов (который обычно исключительно или в основном сосредоточен на желании потреблять) подход Юма шире, что проявлялось, в частности, в критике Юмом доктрины психологического гедонизма. В связи с этим он отмечает, что человек движим не только стремлением получить удовольствие, но и множеством других «инстинктов», которые побуждают его совершать поступки ради них самих, т.е. такие поступки, которые не ведут автоматически к результатам, отвечающим его интересам. Позиция Юма, таким образом, исключает любую попытку отождествлять богатство и благосостояние.

Второй уровень экономического анализа Юма — его политическая экономия, или анализ рыночных отношений. Это то, что яв-

ляется основным предметом его экономических эссе. В них он рассматривал ряд вопросов, представлявших особый интерес в его время, включая теорию денег, теорию процента, вопрос о достоинствах и недостатках свободной торговли по сравнению с системой регулируемой торговли, вопросы повышения и понижения налогов и фискальной политики. В этом контексте главной оказывается естественная история становления и развития торговли. Критикуя экономические доктрины своего времени, Юм старался показать, что их основной порок заключался в том, что они не уделяли достаточно внимания экономическому росту, а также психологическим и иным факторам, с ним связанным.

Обратимся прежде всего к количественной теории денежных потоков, которую Юм сформулировал (в эссе *О торговом балансе*) в ходе критики позиции меркантилистов, согласно которой без ограничений внешней торговли деньги будут уходить из страны. Позиция Юма, считающаяся ранней версией взглядов экономистов-классиков, заключалась в том, что благодаря воздействию денежных потоков на цены в торгующих странах, количество денег в каждой из них автоматически стремится к равновесию, при котором экспорт уравнивается импортом. Юм утверждал, что любая попытка путем ограничения торговли увеличить количество денег в стране до величины, большей, чем равновесное значение, обречена на провал (при условии, что деньги обращаются только внутри страны), так как денежный поток из-за рубежа увеличивает цены внутри страны относительно цен в других странах, уменьшая тем самым экспорт и увеличивая импорт, что, в свою очередь, вызывает отток денег из страны.

Влияние исторического подхода проявляется в том, как Юм представлял количественную теорию. В рамках этой теории он утверждал, что степень влияния притока денег в страну на цены зависит от размеров ее совокупного продукта. Следовательно, он хотел показать, что именно уровень экономического развития нации, или ее производственные возможности, определяемые количеством населения и степенью упорства людей, определяют количество денег, которое страна может привлечь и удержать. Как пишет Юм, «мне следует опасаться того, что все ручьи и реки высохнут, подобно тому, как деньги покинут королевство, в котором есть люди и производство» (Hume, *Writings on Economics*, p. 61).

Обратимся к области, где Юм предвосхитил классиков, — к теории процента, представленной в его эссе *О проценте*. В этой работе он атаковал меркантилистов, полагавших, что ставка процента определяется предложением денег. Основываясь на количественной

теории, Юм утверждал, что увеличение предложения денег ведет лишь к росту всех цен, что вызывает увеличение спроса на ссуды для финансирования расходов, сохраняя процентную ставку неизменной. На самом деле ставка процента определяется предложением реального капитала. Большая часть рассуждений Юма посвящена рассмотрению факторов, влияющих на предложение реального капитала. И здесь он прибегает к историческому анализу, в ходе которого рассматривает воздействие экономического роста на классовую структуру общества и через нее — на экономические стимулы. При этом учитывается каждый стимул к труду, который упоминался в естественной истории «становления и развития торговли». В феодальном обществе, отмечает Юм, предложение капитала небольшое, так как существуют только два класса — крестьяне и земельная аристократия. Крестьяне бедны и не могут делать сбережения. Со своей стороны, аристократы склонны к большим займам. Они не работают, и им недостает разнообразия, потребность в котором можно удовлетворить, занимаясь интересной деятельностью; их интерес к жизни проявляется только в расходах на экстравагантное потребление. В итоге капитал редок, а ставки процента высоки. Однако экономическое развитие вызывает рост класса торговцев и людей, вовлеченных в производство. Представители этих групп испытывают радость жизни, занимаясь экономической деятельностью. По этой причине их расходы на потребление сокращаются. Это происходит также и потому, что погоня за прибылью порождает желание накапливать богатство как символ успеха в экономической игре. Так как новые промышленные классы получают значительную долю растущего национального дохода, их желание сберегать ведет к заметному увеличению предложения капитала и снижению процентных ставок.

Как было отмечено, Юм разрабатывал количественную теорию денег в ходе критики меркантилистов. Но денежная теория Юма содержит ряд положений, близких меркантилистам, а в его подходе чувствуется стремление привлечь внимание к проблемам экономического роста. Предполагая существование неполной занятости, Юм (в эссе *О деньгах*) допускает, что увеличение количества денег (увеличение их абсолютного количества как такового) может привести не к росту цены, а к повышению экономической активности. И прослеживая процесс воздействия увеличившегося предложения денег на экономику, Юм дает четкое описание действия мультипликатора. Однако он отрицает, что стимулирующий эффект, если он вызван краткосрочным увеличением предложения денег, может быть продолжительным. Никаких аргументов в поль-

зу этой точки зрения Юм не приводит. Но отсутствие доказательств лишь подчеркивает оригинальность его выводов. Далее он утверждает, что если увеличение предложения денег значительно и продолжается в течение длительного времени, то его стимулирующий эффект на производство будет устойчивым, так как в этом случае растущее предложение денег будет питать «дух производства» и, следовательно, сам экономический рост. И хотя Юм доказывал, что увеличение предложения денег не влияет на процентные ставки, в эссе *О проценте*, где-то ближе к его концу, он также отмечал, что долгосрочное увеличение предложения денег, стимулируя экономический рост и изменяя расходы и сбережения, может увеличить предложение капитала и понизить ставку процента.

Другая заслуживающая внимания область исследований Юма — это сравнительный анализ свободного и регулируемого рынков. Так как экономические эссе не содержат соответствующих высказываний, а они в завуалированном виде присутствуют в его *Истории Англии*, не было в полной мере признано, что Юм предвосхитил идею «невидимой руки» Адама Смита. Но ясно, что Юм вполне осознавал роль свободного механизма цен в аллокации ресурсов (*Writings on Economics*, p. 1xxviii–1xxx).

При анализе международной торговли Юм приводил аргументы в поддержку свободного рынка и подчеркивал, что свободная торговля позволяет странам получить выгоды от обмена из-за различий в имеющихся у них ресурсах. Однако в большинстве случаев при исследовании проблем международной торговли (эссе *О зависти в торговле*) он следовал подходу, который нельзя назвать статическим. И снова в центре внимания — экономический рост. Юм критикует точку зрения меркантилистов, что развитие других стран негативным образом сказывается на отечественной промышленности и занятости. Он заявляет, что рост за границей стимулирует экономическое развитие данной страны, поскольку связанный с ним рост доходов не только ведет к увеличению спроса за рубежом на отечественные товары, но и благодаря распространению зарубежных технических новшеств способствует развитию технологий внутри страны. Юм продолжает утверждать, что даже когда зарубежные товары конкурируют с отечественными, нет причин для беспокойства при условии, что в стране сохраняется «дух трудолюбия», который и стимулирует мировая торговля. Пока это так, можно не опасаться, что другие страны проникнут на рынок. И даже если это произойдет (что маловероятно), трудолюбивый и упорный народ сможет соответствующим образом изменить аллокацию ресурсов. Кроме того, внешняя торговля способствует более разно-

образному использованию ресурсов внутри страны, что делает последнюю менее уязвимой перед лицом уменьшения спроса, которое время от времени случается на том или ином рынке.

Существуют свидетельства того, что Юм в гораздо большей мере осознавал возможные издержки, связанные с внешней торговлей, чем можно себе представить, опираясь на эссе *О зависти в торговле*. В ряде мест он пишет, что интересы богатых и бедных стран несовместимы, а в одном месте прямо оправдывает введение тарифов в особых случаях (*Writings on Economics*, р. 34–35, 76, 199–205). В этом же эссе Юм корректирует свою основную мысль и признает существование обстоятельств, при которых в случае потери доли рынка за рубежом стране будет трудно найти другие возможности использования ресурсов (р. 81). В целом это эссе, которое появилось на 6 лет позже, чем другие экономические эссе, свидетельствует о том, что, взвесив все «за» и «против», Юм пришел к заключению, что свободная торговля могла бы положительно повлиять на долгосрочный экономический рост всех стран, и стоит мириться со всеми сопутствующими ей издержками, которые к тому же являются кратковременными.

О том, какую роль играет в политической экономии естественная история, можно судить по эссе *О налогах*. В этом эссе Юм обсуждает точку зрения, что увеличение налогов увеличивает возможность их платить, поскольку равным образом стимулирует трудолюбие людей. Подобной позиции обычно придерживались меркантилисты; и она известна как доктрина «пользы бедности», с помощью которой оправдывалось введение акцизов на товары, потребляемые бедными. Позиция Юма по этому вопросу двойственная. Он отмечал, ссылаясь на исторические примеры, что естественные ограничения, например неплодородная почва, часто стимулируют трудолюбие, и писал, что искусственные препятствия в виде налогов могут возыметь такой же эффект. Эта точка зрения вытекает из представлений Юма о важности потребности в интересной деятельности как мотивации к труду. Он подчеркивал: чтобы деятельность была интересной, нужно, чтобы она была сложной и требующей напряжения. Вместе с тем он обращал внимание на то, что поскольку среди мотивов экономической деятельности есть еще и желание потреблять, увеличение трудностей достижения целей потребления сверх некоторого предела может привести людей в отчаяние. При таком подходе к стимулирующему воздействию трудностей на упорство и желание работать естественно полагать, что существует некий оптимальный уровень налогов. Юм считал, что налоги на бедных по всей Европе уже давно превысили этот

оптимум и угрожают «разрушить все ремесла и промышленность». В целом же позиция Юма представляет собой смесь меркантилистских и классических взглядов на эту проблему. Он отвергал меркантилистскую доктрину «пользы бедности» с ее безусловным одобрением высоких налогов на товары, потребляемые бедными, но также отвергал и позицию (которая основывается на присутствующей у Смита и Рикардо теории, согласно которой заработная плата определяется необходимым или исторически сформировавшимся стандартом жизни), что любой налог на результаты труда неизбежно снизит его предложение.

В подходе Юма к фискальной политике — она представляет последний раздел его политической экономии — трудно усмотреть явную связь с его естественной историей «становления и развития торговли». Из-за недостатка места мы не можем здесь детально остановиться на его анализе, представленном в длинном эссе *О государственном кредите*. Следует, однако, отметить, что в этом эссе, в котором речь идет прежде всего о проблемах, связанных с большим и постоянно увеличивающимся государственным кредитом, в основных чертах представлена «естественная история возникновения и краха государственного кредита». Особого внимания заслуживает то, как Юм представлял многосторонние связи между экономическим и социальным развитием. Из всей его политической экономии именно это эссе наиболее явно свидетельствует об озабоченности Юма как представителя моральных наук существованием взаимосвязей между различными сферами общественной жизни.

Третий — и последний — уровень экономического учения Юма — его экономическая философия, которая содержит положительную оценку общества, основанного на коммерции и промышленности. Учитывая глубокий интерес Юма как философа к проблемам морали, неудивительно, что одним из наиболее важных для него был вопрос о моральных аспектах коммерческого и промышленного роста. Он обратился к этому вопросу во втором из экономических эссе, т. е. до того, как приступил к анализу проблем рынка. Хотя это эссе короткое, в нем охватывается широкий круг вопросов: Юм обсуждает влияние развития экономики как на индивида, так и на общество в целом.

Моральные оценки Юма основаны на этике утилитаризма — учении, которое он сам детально излагал и защищал в рамках своей диссертации. И здесь естественная история становления и развития торговли оказывается принципиально важной. Как было сказано, в этой истории Юм рассматривал различные мотивы тру-

да. В его экономической философии присутствуют три из этих мотивов — желание потреблять, желание интересной деятельности и разнообразия жизни. Он их рассматривал как конечные цели, являющиеся основными составляющими счастья индивида. Юм утверждал, что, создавая новые возможности для потребления и интересной экономической деятельности, экономический рост способствует достижению всех этих целей. Экономический рост, пишет Юм, вносит свой вклад и в удовлетворение четвертого важного для благосостояния человека желания — спокойствия и умиротворения, или состояния душевного равновесия, которым можно насладиться, если человек и после того, как многое в жизни было испытано, способен воспринимать. Стоит отметить, что анализ Юма этих составляющих человеческого счастья имеет прямое отношение к его концепции правильной жизни, которую он излагал в серии более ранних эссе: *Эпикуреец*, *Стоик* и *Платоник*. Из четвертого эссе в этой серии, озаглавленного *Скептик*, следует идея плюрализма, которая проявилась в трактовке счастья как многомерного явления (Hume, *Writings on Economics*, p. xciv–xcix).

Обращаясь к рассмотрению воздействия экономического развития на основные стороны социальных взаимоотношений, Юм применяет подход, обозначенный как «естественная история», к анализу уже неэкономических явлений. Он отмечал, что экономический рост вносит свой вклад в развитие как гуманитарных, так и практических знаний, воспитывает человечность и чувство товарищества, создает у народа как духовные, так и материальные возможности для того, чтобы защитить себя, а воздействуя на знания и чувство солидарности, расширяет представления об искусстве управления и политической гармонии. Последнее, на что обращал особое внимание Юм, говоря о политике, — это соображение, почерпнутое из истории Рима, о том, что роскошь разъедает и деморализует общество, а следовательно, она враждебна свободе. Юм утверждал, что история свидетельствует и об обратном. Рост торговли обеспечивает рост торгового сословия, людей «среднего ранга», которые, кроме прочего, заинтересованы в создании законов, охраняющих их собственность. Он подчеркивал, что этот процесс ведет к развитию парламентской формы правления и связанному с этим уважению свободы личности. Таким образом, Юм осознавал связь между утверждением принципа экономического индивидуализма и политической свободой, которой начиная с этого времени уделялось так много внимания. И хотя Юм понимал, что развитие торговли и промышленности может породить зло, он считал, что выгоды его перевешивают. Из-за очевидного стремления про-

тивостоять отрицательному отношению религии к роскоши, Юм слишком рьяно защищал экономический рост и тем самым подставлял свои рассуждения под огонь критики (Hume, *Writings on Economics*, p. cii–civ). Тем не менее, поскольку в основе его анализа лежала исключительно пронизательная оценка индивидуалистического общества, ориентированного на богатство, этот анализ может быть отнесен к ранней классике.

В ходе нашего рассмотрения мы отмечали интерес Юма к психологическим и историческим аспектам экономической деятельности. Подобный же интерес, хотя и в разной степени, можно обнаружить в работах других авторов этого периода. Однако благодаря тому что Юм выступал и как философ, и как историк, он достиг больших высот. Впечатляющим является и широкое использование им метода «естественной истории» при исследовании многих вопросов экономической теории и политики.

Сравнивая Юма с Адамом Смитом (его близким другом), можно удивляться краткости его экономических произведений. Он создал серии сравнительно коротких эссе на определенные темы. *Богатство народов* (1776) Смита является общим экономическим трактатом. По сравнению со Смитом Юм менее систематичен, когда обращается к теории цены и теории распределения, которые станут позже центральными у классиков и неоклассиков. Что касается анализа влияния исторических и психологических факторов на экономическую деятельность, то здесь подход Юма глубже, точнее и лучше представлен, чем у Смита. Работая с субъективными аспектами человеческого поведения, Смит нередко рассматривал их как некие универсальные константы (например, его суждение о том, что у людей есть врожденная склонность «запасать и менять»). Юм же относился к подобным характеристикам как к исторически изменяющимся и пытался объяснить природу влияния на них исторических обстоятельств (Hume, *Writings on Economics*, p. cvii–cx). Он не смог предугадать будущие направления развития экономической мысли, основной чертой которой стала идущая от Адама Смита тенденция абстрагироваться от истории. Но с точки зрения общей перспективы (хотя зачастую не с позиций ее концептуальных основ) можно сказать, что экономические идеи Юма имеют отношение к таким направлениям в экономической науке, как историческая школа и институционализм, к получившему в последнее время распространение представлению об экономическом росте как связанном с явлениями культуры, к признанию важности психологических факторов в макроэкономике и экономике неконкурентных рынков, а также к нормативным

оценкам экономических систем, рассматриваемых в социальном контексте.

В стандартных курсах истории экономической мысли Юму уделяется сравнительно немного внимания. Его часто либо вообще не рассматривают, либо бегло проходят как предшественника Адама Смита. В работах, посвященных технике экономического анализа, указывается ряд достижений Юма. Эти стороны его наследия сами по себе заслуживают внимания, но их значение стало бы гораздо бóльшим, если бы они рассматривались в контексте работ Юма в области философии и истории и «естественной истории».

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1752. *Political Discourses*. Edinburgh: A. Kincaid & A. Donaldson.
1875. *The Philosophical Works of David Hume*. Ed. with notes by T.H. Green and T.H. Grose, 4 vols. London: Longmans, Green & Co.
1955. *Writings on Economics*. Ed. Eugene Rowtein, London: Nelson.

ФРЭНСИС ХАТЧЕСОН

Эндрю С. Скиннер

Fransis Hutcheson

Andrew S. Skinner

Хатчесон родился 8 августа 1694 г. Его отец Джон был пресвитерианским священником в Арма, Северная Ирландия, и Фрэнсис провел детство в г. Бэллпире (*Ballyrea*). В 1702 г. Фрэнсис вместе со своим старшим братом Хансом переехал к деду, Александру Хатчесону, в Дрюмалиг и стал посещать школу в районе Сентфилда. В 14 лет Фрэнсис начал учиться в маленьком привилегированном колледже (или академии) в г. Киллиле, графство Даун.

В 1711 г. Хатчесон поступил в Университет Глазго, где на него оказали большое влияние Роберт Симсон (математика), Гершом Кармайкл (моральная философия), Александр Данлоп (греческий язык) и «еретический» богослов Джон Симпсон. Хатчесон закончил университет в 1713 г. и занялся теологией под руководством Симпсона. В 1719 г. он вернулся в Ирландию, где получил разрешение на занятие пасторской деятельностью, но избрал иную стезю. Хатчесон переехал в Дублин, где основал академию, которую и возглавлял до 1730 г. Именно в Дублине он познакомился с лордом Молсвортом, Эдвардом Синджем и Джеймсом Арбаклом, которые, как и он, поддерживали идеи Шефтсбери¹.

Заслужив признание как ученый, Хатчесон в 1730 г. был избран профессором моральной философии в университете Глазго, в своей инаугурационной лекции он выступил в защиту принципа доброжелательности (симпатии). Именно в этом качестве он оставил о себе память в университете: изящный и блистательный лектор, читающий на английском вместо латыни, Хатчесон вполне заслужил отзыв Адама Смита, который высказался о «способностях и добродетелях незабвенного» Фрэнсиса Хатчесона (*Correspondence*, 1977, letter 274, p. 309).

¹ Шефтсбери Антони Эшли (1671–1713) — английский философ, эстетик и моралист, представитель деизма. Оказал большое влияние на Д. Юма, французских и немецких просветителей. — *Прим. науч.ред.*

Пять дней в неделю Хатчесон читал лекции по природе религии, морали, юриспруденции и теории государства (Leechman, 1755, p. xxxvi). Три дня в неделю он читал лекции по классическим теориям морали, таким образом, способствуя наравне с Данлопом возрождению классического обучения в Глазго и восприятию философии стоиков (Scott, 1937, p. 31–32) — ветви философии, которая оказала большое влияние на его ученика — Адама Смита. Хатчесон умер в свой день рождения — 8 августа 1746 г., он был похоронен в Дублине при церкви Св. Марии.

Этика и юриспруденция. Хатчесон разделял интерес Д. Юма к эмпирическим исследованиям и исследованию человеческой природы (Hutcheson, 1755, book I, ch.1). Он писал, что люди способны на проявления воли, и эти проявления могут быть «бурными» или «спокойными», и те, и другие, в свою очередь, могут быть эгоистическими или альтруистическими. Хатчесон полагал, что человек наделен способностью мыслить и ощущать, которая позволяет «осмыслить разнообразное знание» и которая связана с «актом понимания». Это соображение, в свою очередь, приводит к обсуждению вопроса о смысле красоты, гармонии и замысла. При этом он полагал, что еще одним важным детерминантом, или проявлением души, можно считать чувство симпатии, которое отличается от внешних чувств, таких как образ, звук или вкус, посредством «которых мы, постигая состояние других, сердцем чувствуем свою привязанность к ним» (Там же).

Но на практике самым важным Хатчесон считал нравственное чувство, представляющее собой способность к моральной оценке, развитие которого (усиленное чувством чести или стыда) побуждает людей совершать добрые дела. Хатчесон отделял нравственное чувство от чувства приличия и чувства достоинства. Он писал: «Проницательность, способность к бизнесу, прилежание в занятиях и труде... естественно, вызывают восхищение и одобряются любым наблюдателем; но чувство, которое они вызывают, отлично от морального одобрения».

Эта позиция прекрасно излагается во вступлении к *Теории нравственных чувств* Смита, где издатели отмечают, что Хатчесон «выступал (против эгоизма) с утверждением, что нравственное чувство и моральная оценка не продиктованы интересом (в противоположность рационализму) и что оба они зависят от врожденных чувств. Мотивом для нравственных действий является бескорыстное чувство симпатии, а оно направлено на создание счастья, и значит, «наилучшее с моральной точки зрения действие дает наибольшее счастье наибольшему числу людей» (Smith, 1976, p. 12).

Точка зрения Хатчесона заключалась в том, что люди предназначены и приспособлены к общественной жизни: «их любопытство, склонность к общению, желание действовать; их чувство чести, их сострадание, благожелательность, радость и нравственные поступки едва ли могли бы проявиться вне общества» (Hutcheson, 1755, book I, ch. 1).

Подобная позиция привела Хатчесона к представлению о естественных правах и о естественном состоянии, схожему с представлением Локка. Он также развил идею Локка о том, что естественное состояние — это не состояние войны, а состояние неудобства, которое может быть преодолено только образованием государства как сложного двустороннего контракта:

«Наиболее естественным образом светская власть создается тремя действиями всех людей: 1) соглашением каждого со всеми остальными, так что они образуют общество или единое целое для того, чтобы единый совет управлял ими в их общих интересах; 2) принятым всеми людьми указом или соглашением о форме и типе правления и о людях, которым оно доверяется; 3) взаимным соглашением или контрактом между назначенными таким образом правителями и людьми, в котором первые обязуются добросовестно пользоваться возложенной на них властью в общих интересах, а последние соглашаются подчиняться» (Hutcheson, 1755, book I, ch. 2).

Эта позиция была названа «позицией истинного вига» (Winch, 1978), и ею можно объяснить значительное влияние политических идей Хатчесона в американских колониях (Norton, 1976). Во вступлении к *Системе моральной философии* преподобный Уильям Личмен отмечал «искреннюю любовь к свободе» Хатчесона, это подтвердил и Хью Блэр в современном обзоре этой книги (Winch, 1978, p. 47–48). Эту точку зрения Хатчесон развивал в нескольких направлениях, включая представленное анализом «некоторых форм правления, их достоинств и недостатков» (Hutcheson, 1755, book III, ch. 6).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ. Экономический анализ, являясь важной частью *Системы*, вплетен в ткань более общих рассуждений. Преимущественно он представлен во второй книге, в главах 4, 6, 7, 12 и 13. В третьей книге, в главе 9, разделе 4, обсуждается экономическая политика меркантилистского толка, а налогообложение (включая его принципы) кратко рассматривается в разделе 16 той же главы.

Этот анализ представляет интерес, поскольку он показывает, в чем Хатчесон видел преимущества, проистекающие из упорядо-

ченного устройства общества, а также как он понимал роль корыстного интереса. Заслуживает внимания и последовательность его рассуждений.

Хатчесон начал рассмотрение экономических проблем с обсуждения проблемы разделения труда:

«Более того, хорошо известно, что продукт труда любого числа людей, скажем, двадцати, ... будет значительно больше, если один будет занят определенным видом работы, в котором он скоро сможет приобрести навыки и сноровку, другой — другим, чем если каждый из двадцати будет вынужден заниматься по очереди всеми видами работ, необходимыми для своего существования, не имея достаточных навыков ни в одном. В первом случае каждый производит много благ одного вида и, если это ему нужно, может обменивать часть их на блага, произведенные другими».

Анализ проблемы разделения труда, в свою очередь, привел Хатчесона к рассмотрению проблемы собственности и к тезису о том, что люди имеют право на собственность, которое очень важно само по себе и которое в случае его соблюдения обеспечивает стимул экономической деятельности.

Самое длинное рассуждение приведено в главе 12 второй книги, когда Хатчесон, следуя за Гершомом Кармайклом, приступил к рассмотрению проблемы ценности. Начав с утверждения о том, что «естественной основой для всех стоимостей или цен является польза, которую может принести товар при его использовании» (Hutcheson, 1755, book II, ch.12), причем под пользой он понимал любую склонность приносить удовлетворение, и это относится также к существующим обычаям или пристрастиям, он пришел к выводу:

«Если то, как блага могут быть использованы, предполагается заданным, мы находим, что цены товаров зависят одновременно от двух моментов: *спроса*, который определен желанием использовать благо тем или иным образом, и *трудностей*, связанных с приобретением или созданием возможностей такого использования» (Там же).

Со стороны предложения, считал Хатчесон, «ценность» определяется использованными материалами, трудом, способностями художника, вознаграждением нанимателя, рентой и процентом. Он добавляет, что «ценность также увеличивается в зависимости от установленного обычая данной страны уровня жизни людей, которые обеспечивают нас соответствующими товарами или произведениями искусства» (Там же).

От этих рассуждений Хатчесон переходит к рассмотрению средства обмена (денег) и преимуществ разных металлов, а также потребности в чеканке монеты. Остаток главы посвящен преимущественно проблеме порче денег, и в заключение делается вывод о том, что деньги сами по себе не есть адекватное мерило ценности.

Аналитическая часть работы завершается главой, где Хатчесон обосновывает необходимость процента, ссылаясь на то, что, если его запретить, «никто не станет давать в долг». Он утверждает, что ставка процента определяется «состоянием торговли и количеством денег», признает, что «если люди смогут поддерживать свое существование за счет относительно небольших доходов с большого имущества, доход, полученный на любую заданную сумму денег, будет меньше, и процент, под который торговец может позволить себе занять, должен быть меньше».

Хатчесон хорошо понимал связь между ставкой процента и другими видами доходов, например, рентой, он также ввел понятие платы за риск. В целом интересный и часто слишком усложненный анализ произвел большое впечатление на Адама Смита и повлиял на его позицию по некоторым важным вопросам, в частности, по вопросу о разделении труда.

АДАМ СМИТ. Нет сомнения в том, что Смит многим обязан своему учителю. Можно найти четкие параллели в толковании красоты. В этике — это акцент на роли непосредственно восприятия и чувств, на том, что моральные суждения не могут выражать заинтересованность, а также продолжение разработки идеи «наблюдателя». Также заметны параллели в вопросах юриспруденции. Сходство в подходах к анализу экономических проблем в лекциях Смита и работах Хатчесона было наиболее глубоко изучено У. Скоттом и У. Тейлором. Эдвин Кэннан пошел еще дальше и заявил, что в главе Хатчесона о ценности можно обнаружить зародыш *Богатства народов*.

В то же время существуют некоторые представляющие значительный интерес для исследователя различия в позициях этих ученых. Хотя Смит высоко ценил идею доброжелательности (симпатии), он отвергал точку зрения Хатчесона, что себялюбие не может быть «мотивом добродетельных деяний» и что моральные суждения определяются особым чувством. Хотя последовательность рассмотрения в лекциях Смита та же, что и у его учителя, анализ Смита не только более проработан, но и выражает самостоятельную позицию. Но наиболее заметное расхождение состоит в том, что Хатчесон принимал, а Смит отвергал контрактную теорию госу-

дарства. Радикализм Хатчесона противостоит более консервативной позиции его ученика, писал Уинч (Winch, 1978, p. 52–54). Он же обратил внимание на то, что подход Смита к юриспруденции был в большей степени историческим, чем у его учителя.

Однако и более амбициозную исследовательскую программу Смита вполне можно было бы назвать *Система моральной философии* — так же, как Хатчесон назвал свой курс лекций, охватывающий этику, юриспруденцию, теорию государства и политическую экономию, где каждый из соответствующих разделов воспринимался как часть единого целого.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1725. *Inquiry into the Original of our Ideas of Beauty and Virtue*. London. 2nd edn, 1726. [Русск. пер.: Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М.: Искусство, 1973. С. 127–268.]
- 1725–1726. *Reflections upon Laughter and Remarks on the Fable of the Bees*. *Dublin Journal* No. 11 (5 June 1725); No. 12 (12 June); No. 13 (19 June) and No. 45 (5 February 1726); No. 46 (12 February); No. 47 (19 February)/ Also in *Hibernicus's Letters* (1729; 2nd edn, 1734).
- 1728a. *Essay on the Nature and Conduct of the Passions, with Illustrations upon the Moral Sense*. London and Dublin.
- 1728b. *Letters between the late Mr G. and Mr Hutcheson*, *London Journal*.
1730. *Hutchesoni Oratio Inauguralis*.
1735. *Considerations on Patronage addressed to the Gentlemen of Scotland*.
- 1742a. *The Meditations of M. Aurelius Antoninus. Newly Translated from the Greek, with Notes and an Account of His Life*. Glasgow.
- 1742b. *Metaphysicae Synopsis Ontologiam et Pneumatologiam complectens*. Glasgow. 2nd edn, 1744.
- 1742c. *Philosophiae Moralis Institutio Compendiaria, Ethices et Jurisprudentiae Naturalis Elementa continens, Libri Tres*. Glasgow. 2nd edn, 1745. Published as *A Short Introduction to Moral Philosophy in Three Books, containing the Elements of Ethics and the Law of Nature*. Glasgow. 1747.
1755. *A System of Moral Philosophy in Three Books, written by the late Francis Hutcheson, LL.D., Professor of Moral Philosophy in the University of Glasgow. Published from the original MS. By his son Francis Hutcheson, M.D. to which is prefixed Some Account of the Life, Writings, and Character of the Author. By The Reverend William Leechman, D.D., Professor of Divinity in the same University*. Glasgow.

1756. *Logicae Compendium, & c. Glasgow. Illustrations on the Moral Sense* was edited by Bernard Peach in 1971. Hutcheson's *Collected Works* are available in the Georg Olms Verlagsbuch-handlung edition (Hildesheim, 1969).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Blackstone, W.T. 1975. *Francis Hutcheson and Contemporary Ethical Theory*. Athens, Georgia: University of Georgia Press.
- Campbell, T.D. 1982. Francis Hutcheson. In *The Origins and Nature of the Scottish Enlightenment*, ed. R. H. Campbell and A. S. Skinner, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Cannan, E. (ed.) 1896. *Adam Smith's Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms*. Oxford: Clarendon Press.
- McCosh, J. 1875. *The Scottish Philosophy From Hutcheson to Hamilton*. Princeton: Princeton University Press.
- Meek, R.L. 1976. New light on Adam Smith's Lectures on Jurisprudence. *History of Political Economy* 8 (4), Winter, 439–77.
- Norton, D.F. 1976. Francis Hutcheson in America. In *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*, ed. T. Besterman, Vol. CLIV, Oxford: Voltaire Foundation.
- Pesciarelli, E. 1986. On Adam Smith's Glasgow Lectures on Jurisprudence. *Scottish Journal of Political Economy* 33 (1), February, 74–85.
- Raphael, D.D. 1947. *The Moral Sense*. London: Oxford University Press.
- Raphael D.D. 1969. *British Moralists 1650–1800*. Oxford: Clarendon Press.
- Robbins, C. 1954. When is it that colonies may turn independent: an analysis of the environment and politics of Francis Hutcheson. *William and Mary Quarterly* 11 (2), 241–51.
- Robbins, C. 1968. *The Eighteenth-Century Commonwealth Man*. New York: Atheneum.
- Scott, W.R. 1900. *Francis Hutcheson, His Life, Teaching and Position in the History of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Scott, W.R. 1932. Hutcheson, Francis. In *Encyclopedia of the Social Sciences*, Vol. 7, ed. E.R. Seligman, New York: Macmillan.
- Scott, W.R. 1937. *Adam Smith as Student and Professor*. Glasgow: Jackson, Son & Co.
- Smith, A. 1759. *The Theory of Moral Sentiments*. Ed. D.D. Raphael and A.L. Macfie, Oxford: Clarendon Press, 1976. [Русск. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.]
- Smith, A. 1977. *The Correspondence of Adam Smith*. Ed. E. Mossner and I.S. Ross, London and New York: Oxford University Press.

- Taylor, W.L. 1965. *Francis Hutcheson and David Hume as Predecessors of Adam Smith*. Durham, North Carolina: University of North Carolina Press.
- Teichgraeber, R.E. 1986. *Free Trade and Moral Philosophy*. Durham, North Carolina: University of North Carolina Press.
- Winch, D. 1978. *Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.

ИНДИВИДУАЛИЗМ

К.Б. Макферсон

Individualism

C.B. Macpherson

Индивидуализм — это общественная теория, или идеология, которая придает индивиду ббльшую моральную ценность, чем группе или обществу, и, следовательно, призывает дать возможность индивидам действовать так, как они считают нужным в соответствии со своими эгоистическими интересами. Этот термин, как будет отмечено ниже, также иногда использовался в XIX в. для обозначения конкретной экономической системы. В этом смысле он означал конкурентную рыночную систему, которая направляла развитие экономики как непреднамеренный результат решений myriad индивидов, касающихся способов использования собственного труда и ресурсов.

В первом (1896) издании *Словаря политической экономии* под редакцией Палгрейва индивидуализм определялся в последнем — более узком — смысле. Статья, озаглавленная «Индивидуализм», начиналась с констатации того, что Джон Стюарт Милль использовал этот термин для описания «такой системы организации промышленности, при которой инициатива всецело принадлежит частным лицам, а организация осуществляется исключительно по их добровольному соглашению». Затем в статье отмечалось: «Естественная противоположность индивидуализму — КОЛЛЕКТИВИЗМ, или, как еще можно сказать, СОЦИАЛИЗМ — система, при которой производство непосредственно организуется государством, которому принадлежат все средства производства и которое управляет всеми процессами посредством назначенных должностных лиц». Автор статьи определял основы системы индивидуализма довольно точно:

«Основные черты индивидуализма — это: 1) частная собственность на капитал, к которой неизбежно добавляются права завещания и наследования, разрешающие свободную передачу и накопление ка-

питала; 2) конкуренция, соперничество между индивидами в приобретении богатства, борьба за существование, в которой выживают сильнейшие».

Едва ли можно найти лучшее определение капитализма, по крайней мере, в том виде, как его представляли экономисты-неоклассики. В качестве источника такого употребления термина «индивидуализм» вполне оправданно ссылаются на Джона Стюарта Милля: в его *Главах о социализме* (1879) «принцип индивидуализма» действительно описывается как «конкуренция, где каждый играет за себя и против всех остальных. Она основана на противоположности интересов, а не на их гармонии, и в этой системе каждый должен найти свое место в ходе борьбы, оттолкнув других, или сам будет потеснен»; а позже, в той же работе, индивидуализм приравнивается к «противоборству материальных интересов». Можно также процитировать более раннюю (1851) работу Милля *Политическая экономия Ньюмана*, где «существующий индивидуализм» описан как «вооружающий одного человека против другого и ставящий благо одного в зависимость от зла, причиненного другому». В работе признается, что данная система в моральном плане настолько уступает социализму, что последний «с легкостью торжествует» над ней.

Можно думать, что определение индивидуализма в *Словаре* Палгрейва чрезмерно узко: современный исследователь (Lukes, 1973) выделил не менее 11 значений, которые может принимать этот термин: от уважения к человеческому достоинству, независимости, невмешательства в частную жизнь и саморазвития до эпистемологического и методологического индивидуализма. Большинство из этих значений в *Словаре*, действительно, не рассматриваются, но, поскольку это словарь *политической экономики*, можно ожидать, что в нем рассмотрены значения исключительно с экономическими коннотациями. Однако, несмотря на то что обвинение в узости может быть снято, все равно может показаться, что в исторической перспективе трактовка термина «индивидуализм» слишком узка, чтобы оставаться точной для современной западной традиции в целом на протяжении всего ее существования.

Истоки представления о том, что с точки зрения морали индивид важнее, чем общество, следует искать в эпохе Возрождения. Это же самое представление, выраженное в религиозных терминах, сформировалось в период Реформации, которая провозгласила, что человек, а не церковь ответствен за свое спасение. Эта идея приобрела еще более широкое распространение среди пуритан в XVII в.

Но ни в период Возрождения, ни во время Реформации, ни потом в пуританстве не предполагалось сводить индивидов к движущимся атомам, каждый из которых ищет власти и богатства за счет остальных. Это сделал в середине XVII в. Гоббс: по его мнению, общество — это просто скопление сталкивающихся атомов, находящихся в состоянии непрерывающегося движения. Таким образом, трактовка Гоббсом индивидуализма близка к той, что представлена в *Словаре* Палгрейва, однако все-таки шире последней.

В XVIII в. Адам Смит придал абсолютному рыночному индивидуализму более приятный облик, показав, что наиболее благоприятные для общества результаты будут достигаться, если индивидам будет позволено свободно и в соответствии со своими интересами заключать сделки на конкурентном рынке: это была доктрина *laissez-faire*. В Англии времен Смита рыночная экономика установилась достаточно прочно, чтобы некоторые мыслители воспринимали ее как часть естественного порядка вещей. К таким современникам Смиту почитателям традиционного общественного порядка относится Эдмунд Бёрк¹, хотя у Бёрка рыночная экономика становилась значительно менее симпатичной. В его книге *Размышления о редкости и ее свойствах* (1795) принцип *laissez-faire* одобрялся безоговорочно. Книга содержала резкое предупреждение против «нарушения законов торговли, которые являются законами природы и, следовательно, Божьими законами». Правительства не должны вмешиваться в работу «великого колеса кругообращения», даже при том, что оно обрекает «стольких несчастных» на «бесчисленные рабские, унижительные, непристойные, позорные и зачастую самые вредные и опасные занятия».

В XIX в. Бентам вновь безжалостно сформулировал и развил атомистический индивидуализм Гоббса, и доминирующей идеологией стал бентамизм. Доктрина человеческой природы в этой идеологии была выражена в своей наиболее грубой форме в статье Джеймса Милля *Государство* (1820): «Жажда... той власти, которая необходима, чтобы полностью подчинить людей и их собственность нашим удовольствиям, есть великий закон, управляющий человеческой природой».

Таким образом, можно сказать, что в историческом плане, по крайней мере, примерно до 1820 г. представленное в *Словаре* Палгрейва определение индивидуализма вовсе не было очень узким. Таковым оно становится позже, поскольку в нем не находит отра-

¹ Бёрк Эдмунд (1729–1797) — английский философ, политический деятель, писатель, представитель британского Просвещения. — *Прим. науч. ред.*

жения совершенно иное представление об индивидуализме, которое у Джона Стюарта Милля неявно присутствовало в *Основах политической экономии* (1848) и открыто — в эссе *О свободе* (1859). Эпиграфом к последнему является цитата из Вильгельма фон Гумбольдта: «Великим, главным принципом, к которому напрямую сводится вся аргументация, представленная на этих страницах, является абсолютная и непоколебимая важность человеческого развития в его богатейшем разнообразии».

Будем называть эту трактовку индивидуализма *индивидуализмом развития*. Она противоположна *индивидуализму владения*, предполагающему, что человек в основе своей — существо, жаждущее материальных благ. Суть доктрины, изложенной в эссе *О свободе*, позволяет отнести Милля к лагерю индивидуалистов развития. И знаменитая глава «О стационарном состоянии» (*Основы*. Кн. IV. Гл. 6) красноречиво свидетельствует о глубоком отвращении, которое он испытывал к существовавшему тогда приобретательскому индивидуализму конкурентной рыночной экономики. Так что, хотя в *Основах политической экономии* Милля идеал индивидуализма развития выражен не так явно, как в эссе *О свободе*, их можно считать относящимися к этой доктрине. Однако, делая такое утверждение, придется тут же добавить, что сам Милль как политэконом был настолько нелогичен, что не замечал, что осуждаемое им стяжательство тесно связано со структурой капитализма, которую он принимает: он не видел, что именно эта структура фактически препятствовала развитию основной массы наемных работников.

Политэконом, более значительный, чем Милль, а именно Маркс, хорошо видел это противоречие и нашел выход из него. Маркса можно назвать ультраколлективистом — однако следует учитывать, что коллективный контроль над экономикой для него был лишь средством, необходимым для достижения ультраиндивидуалистической цели, а именно, расцвета личности, который станет возможен, когда капитализм с присущим ему отчуждением труда останется позади. Маркс осуждал капитализм с точки зрения нравственности, поскольку тот исключал любую возможность такого расцвета.

«...в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошлым. В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен.

И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и свободы! Она права. Действительно, речь идет об упразд-

нении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы» (Маркс, Энгельс. 1848. *Манифест Коммунистической партии*. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 439).

И конечным результатом коммунистической революции должна была стать «ассоциация, в которой свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» (Там же).

Аналогично:

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет поработощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: “Каждый по способностям, каждому по потребностям!”» (Маркс. 1891. *Критика Готтской программы*. Маркс, Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 19).

Содержащееся в *Манифесте* и получившее отклик в *Критике Готтской программы* представление о развитом индивиде как высшем достижении позволяет отнести Маркса к лагерю индивидуалистов развития с тем же основанием, как и Милля. И подобно тому, как Милль находится в этом лагере благодаря не только своей работе *О свободе*, но и *Основам политической экономии*, Маркс попадает туда благодаря не только *Манифесту*, но и *Критике*. И мы можем добавить, что Маркс также твердо выказывал свою принадлежность индивидуализму развития в первом томе *Капитала* (1867), где с издевкой писал о капиталистическом способе производства как о таком, при котором «рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей *развития рабочего*» (Маркс. 1867. *Капитал*. Маркс, Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 635; *курсив наш*. — К.М.).

Ни один из процитированных выше отрывков не дает основания для того, чтобы отделять, как это делали некоторые комментаторы, молодого «гуманиста» Маркса от «зрелого» политэконома. И, конечно, забота Маркса о развитии человека была ясно выражена в его ранней работе — *Экономико-философских рукописях 1844 года*. Таким образом, идея развития прослеживается у Маркса от самых ранних до самых поздних его работ. Индивидуализм развития находится в самом центре его политической экономии.

Таким образом, мы обнаруживаем, что ко времени Милля и Маркса доктрина индивидуализма развития была достаточно хорошо разработана: в либеральной традиции она занимала место рядом с доктриной приобретательского индивидуализма; в теории Маркса она присутствовала с самого начала.

Что же происходит в конце XX в.? В либеральной традиции по-прежнему сохраняются два понимания индивидуализма. С одной стороны, двое из наиболее почитаемых либеральных индивидуалистов нашего времени — Исайя Берлин и Джон Ролз — явно индивидуалисты развития. С другой стороны, двое самых известных экономических индивидуалистов — Фридрих Хайек и Милтон Фридмен — без сомнения, могут быть отнесены к сторонникам потребительского индивидуализма. Фридмена, который с готовностью демонтировал бы государство всеобщего благосостояния и предоставил бы распределение экономических благ конкурентному рынку, можно назвать образцом приобретательского индивидуалиста. Хайек, чья экономическая философия была кратко изложена в лекции 1945 г. *Индивидуализм: истинный и ложный*, пытается придать рыночному индивидуализму более привлекательный образ. Он делает это, называя среди «истинных» индивидуалистов великих представителей британской традиции, идущей от Локка, через МанDEVИЛЛЯ, ЮМА, ТАКЕРА, ФЕРГЮСОНА, СМИТА и БЁРКА к лорду АКТОНУ. Он относит к ложным индивидуалистам бентамистов XIX в. и философских радикалов в Англии, а на континенте — тех, кто был заражен картезианским рационализмом, в частности французских энциклопедистов, Руссо и физиократов. Истинный индивидуализм, пишет Хайек,

«утверждает ценность семьи и любых совместных усилий небольшой общины или группы... убежден в необходимости местной автономии и добровольных ассоциаций... и ...его доводы, действительно, в значительной мере основаны на том, что многого, для чего обращаются обычно к принудительной деятельности государства, можно, скорее, добиться при помощи добровольного сотрудничества» (Хайек, 2000. С. 42).

В противоположность этому, ложный индивидуализм «хочет растереть все эти небольшие группы до атомов, ничем между собой не сцепленных, кроме навязанных государством принудительных правил...» (Там же). Но попытка Хайека «гуманизировать» рыночный индивидуализм не может скрыть того, что его «истинный» индивидуализм, привязанный к свободной рыночной экономике, вынуждает каждого на свой страх и риск конкурировать с другими. Обе

выделяемые Хайеком разновидности индивидуализма нужно квалифицировать как приобретательский индивидуализм. Рыночная свобода, свобода индивида выбирать между различными способами использования его способностей и ресурсов, по признанию самого Хайека, «несовместимы в полной мере с нашими представлениями о распределительной справедливости». И «истинный» индивидуализм, при всей его обтекаемости, в конечном счете сводится к атомистическому «грубому индивидуализму» Калвина Кулиджа и Герберта Гувера: это грубый индивидуализм с приглаженным фасадом.

В таком случае ясно, что либеральная традиция конца XX в., включая как индивидуализм развития Берлина и Ролза, так и приобретательский индивидуализм Хайека и Фридмена, содержит две противоположные доктрины и не может быть сведена ни к одной из них.

Мы уже говорили, что старое определение индивидуализма в *Словаре* Палгрейва достаточно точно выражает идеологию, преобладавшую в первой половине XIX в., но оно стало слишком узким в его второй половине, когда рядом с более ранним, чисто приобретательским индивидуализмом возникла доктрина, которую мы назвали индивидуализмом развития. Мы можем задаться вопросом: что породило это изменение? Что вывело на сцену индивидуализм развития?

Ответ следует искать в работах Джона Стюарта Милля. Во-первых, это его представление, что рабочий класс, порожденный рыночной экономикой, больше не потерпит то общество, которое эта экономика создала. В статье 1845 г. *Требования труда* он писал о подъеме чартистского движения не только как об угрозе применения насилия, но и как о свидетельстве того, что британский рабочий класс более не хотел мириться с существовавшим положением вещей, и верил, что «более удачливые классы» должны увидеть надпись на стене: «В то время как некоторые, благодаря физическим и моральным обстоятельствам, которые, как они считают, их окружают, ощутили *необходимость* обратить внимание на положение рабочего класса, другие были вынуждены признать, что это *произойдет* независимо от того, захотят они это сделать или нет».

Во-вторых, возможно, отчасти в силу понимания классового насилия, Милль стал более чувствительным и гуманным либералом, чем его отец или Бентам. Он признавал крайне несправедливым существующее соотношение между затраченным трудом и вознаграждением за него, когда продукт труда распределялся «почти в обратной пропорции к труду» (Милль Дж.С. *Основы*. Кн. II. Гл. 1. Разд. 3. С. 277), и сетовал на суровую соревновательную природу

современного ему общества, подчиненного рынку, на «необходимость раздавить, уничтожить, растолкать локтями, обогнать всех остальных» как основную черту современной общественной жизни (*Основы*. Кн. IV. Гл. 6. Разд. 2. С. 765). Выступив против общества такого типа еще в 1848 г., Милль стал предвестником более гуманистического общественного сознания, проявившегося в либеральной мысли в начале XX в. и породившего государство всеобщего благосостояния в середине XX в.

В заключение отметим, что старое определение индивидуализма в *Словаре* Палгрейва, слишком узкое уже на момент его публикации, в последующие десятилетия оказалось еще менее адекватным. Оно утратило адекватность благодаря подъему и распространению индивидуализма развития, ставшего, в свою очередь, результатом двух отдельных, но взаимосвязанных явлений — осознания мыслителями, представляющими средний класс, опасности насилия со стороны рабочего класса, и несколько запоздавшей их реакции на шокирующую жестокость индустриального общества *laissez-faire*. Вместе эти два фактора обеспечили индивидуализму развития сосуществование рядом с приобретательским индивидуализмом в эпоху расцвета свободного капиталистического предпринимательства.

Сложно предсказать, сколько еще они будут существовать вместе. Теперь в развитых капиталистических государствах всеобщего благосостояния опасность классового насилия меньше, чем была, по мнению Милля, в современном ему обществе, но не нужно далеко ходить за примерами того, что можно назвать классовым насилием между неразвитыми (или развившимися неправильно) странами и странами развитыми. Условия труда и жизни наемных работников в развитых странах сейчас менее суровые, чем во времена Милля, но возрастающий темп и напряженность работы оказывают на них тяжелое воздействие. Мы можем сказать лишь, что вероятность того, что в наших развитых обществах индивидуализм развития получит признание и распространение, обратно пропорциональна темпу промышленного развития и величине классового насилия и жестокости на национальном и международном уровне.

БИБЛИОГРАФИЯ

Burke, E. 1795. *Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Right Hon. William Pitt, in the month of November, 1795*. London, 1800.

- Hayek, F.A. 1946. *Individualism: True and False. The twelfth Finlay Lecture, 1945*. Dublin: Hodges, Figgis & Co.; Oxford: B.H. Blackwell. [Русск. пер.: Хайек Ф.А. Индивидуализм: истинный и ложный // Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. С. 22–50.]
- Lukes, S. 1973. *Individualism*. Oxford: Blackwell; New York: Harper.
- Macpherson, C.B. 1962. *The Political Theory of Possessive Individualism*. Oxford: Oxford University Press.
- Marx, K. and Engels, F. 1848. *The Communist Manifesto*. London; New York: Russell & Russell, 1963. [Русск. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1960.]
- Marx, K. 1867. *Capital*. London: Lawrence & Wishart, 1970. [Русск. пер.: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.]
- Marx, K. 1891. *Critique of the Gotha Programme*. London: Lawrence & Wishart, 1938. [Русск. пер.: Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19).]
- Marx, K. 1959. *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*. Moscow: Foreign Languages Publishing House. [Русск. пер.: Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.]
- Mill, J. 1820. *Government*. (Originally written for the supplement to the fifth edn of the Encyclopaedia Britannica which was completed in 1824.)
- Mill, J.S. 1845. The claims of labour. *Edinburgh Review*. In *Collected Works of John Stuart Mill*, Vol. IV, ed. J.M. Robson, Toronto: University of Toronto Press, 1967, 363–89.
- Mill, J.S. 1949. *Principles of Political Economy*. 2 vols, London: J.W. Parker. [Русск. пер.: Милль Дж.С. Основы политической экономии. М.: Эксмо, 2007.]
- Mill, J.S. 1851. Newman's political economy. *Westminster Review*. In *Collected Works of John Stuart Mill*, Vol. V, ed. J.M. Robson, Toronto: University of Toronto Press, 1967, 439–57.
- Mill, J.S. 1859. *On Liberty*. London: J.W. Parker; Chicago, H. Regnery, 1955.
- Mill, J.S. 1879. Chapters on socialism. *Fortnightly Review*. In *Collected Works of John Stuart Mill*, Vol. V, ed. J.M. Robson, Toronto: University of Toronto Press, 1967, 703–53.
- Palgrave, R.H.I. (ed.) 1894–9. *Dictionary of Political Economy*. London: Macmillan & Co.

ИНТЕРЕСЫ

Альберт О. Хиршман

Interests

Albert O. Hirschman

«Интерес», или «интересы», — одно из центральных и наиболее спорных понятий в экономической науке и вообще в общественных науках и истории. С тех пор как в конце XVI в. в различных европейских странах производные от латинского слова *intérêt* (*interesse* и т.п.) приобрели широкое распространение, данное понятие обозначает фундаментальные силы, основанные на стремлении к самосохранению и самовозвеличиванию, которые мотивируют или должны мотивировать действия правителя или государства, индивида, а позже групп людей, занимающих сходное общественное или экономическое положение (классов, групп интересов). Что касается индивида, то понятие интереса в некоторые периоды имело очень широкое значение, включая «заинтересованность» в почете, славе, самоуважении и даже загробной жизни, тогда как в другие периоды оно целиком ограничивалось стремлением к экономической выгоде. Отношение к поведению, движимому интересом, также сильно менялось. Это понятие было первоначально введено в оборот как эвфемизм уже в конце Средних веков, чтобы сделать респектабельным получение «интереса» (процента) по займам, что долго считалось противоречащим божественному закону «грехом ростовщичества». В своем более широком значении этот термин временами вызывал особое отношение, поскольку считалось, что он дает ключ к пониманию действенного и мирного общественного порядка. Одновременно интерес подвергался нападкам как мотив, ведущий к деградации человеческого духа и разрушению основ общества. Исследование всех этих многочисленных смыслов и оценок есть, по сути, изучение значительной части экономической истории, особенно истории экономических и политических учений на Западе за последние четыре столетия.

Кроме того, понятие интереса по-прежнему играет центральную роль в современной экономической теории и политической эконо-

номии: движимый собственным интересом изолированный индивид, который свободно и рационально делает выбор между альтернативными вариантами действий после сопоставления их ожидаемых издержек и выгод для себя, т.е. игнорируя издержки и выгоды для других людей и для общества в целом, в значительной мере лежит в основе экономической теории благосостояния. Этот же подход породил такие важные, хотя и небесспорные результаты (если речь идет об изучении социального взаимодействия), как теорема о дилемме заключенного и вывод о препятствиях коллективным действиям в связи с «безбилетниками».

Два существенных элемента характеризуют действие, движимое интересом: *сосредоточенность* на себе (*self-centredness*), т.е. преобладающее внимание субъекта к последствиям любого обдумываемого действия для себя самого, и *рациональный расчет*, т.е. систематическое стремление оценивать ожидаемые издержки, выгоды, удовольствия и т.п. Расчет может считаться доминирующим элементом: если предполагается, что действие основывается только на тщательной оценке издержек и выгод, причем больший вес придается более известным и более квантифицируемым среди них, оно становится сосредоточенным на себе благодаря тому простому факту, что каждый человек наилучшим образом информирован относительно *своих собственных* удовлетворений и огорчений.

ИНТЕРЕСЫ И ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ. Рациональный расчет сыграл также главную роль в возникновении концепции движимых интересами действий правителя в XVI и XVII вв. Этим объясняется внимание к движимому интересами политического поведения в конце XVI — начале XVII в. Понятие интереса использовалось двояко. Во-первых, оно позволило зарождающейся науке об искусстве управления государством воспринять важные идеи Макиавелли. Автор *Государя* изо всех сил пропагандировал те аспекты политики, которые вступали в конфликт с общепринятой моралью. Он остановился на примерах, когда правителю рекомендуется или он вынужден прибегать к жестокости, лжи, измене, и т.д. Подобно тому как термин «интерес» стал использоваться как эвфемизм в связи с кредитованием вместо предшествующего термина «ростовщичество», он вошел в политический словарь как средство, облегчающее восприятие и развитие шокирующих идей Макиавелли.

Однако в начале Нового времени «интерес» не только стал прикрытием, благодаря которому правитель получал *новые возможности* или освобождался от чувства вины, совершая действия, кото-

рые прежде рассматривались как безнравственные, но также послужил введению *новых ограничений*, так как он предписывал правителю преследовать свои интересы рационально, расчетливо, что часто подразумевало благоразумие и умеренность. В начале XVII в. интересы монарха противопоставлялись диким и разрушительным страстям, таким, как чрезмерное и неумное стремление к славе и всяческим излишества, входящее в дискредитированный к тому времени героический идеал Средних веков и Возрождения. Этот дисциплинирующий аспект доктрины интересов был особенно убедительно изложен в оказавшем большое влияние на современников очерке *Об интересах христианских князей и государств*, написанном государственным деятелем, гугенотом, герцогом Роганом (Rohan, 1579–1638).

Концепция интересов, таким образом, снимала с правителя определенные традиционные ограничения (или чувство вины) только для того, чтобы наложить на него новые ограничения, которые могли бы оказаться значительно более эффективными, чем приевшиеся апелляции к религии, морали или абстрактному разуму. Возникла надежда, что если правитель будет руководствоваться своими или национальными интересами, то искусство управления государством позволит обеспечить более стабильный политический порядок и более мирную жизнь.

ИНТЕРЕСЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ. Раннее развитие концепции интересов в рамках представлений об искусстве управления государством происходило параллельно с ее влиянием на формирование норм поведения отдельных мужчин и женщин в обществе. Здесь также новые послабления шли рука об руку с новыми ограничениями.

Новые послабления состояли в легитимизации и даже восхвалении целенаправленного стремления к индивидуальному материальному богатству и деятельности, благоприятствующей его накоплению. Подобно тому как Макиавелли открыл новые горизонты для государя, через два столетия Мандевилль ревизовал список заповедей для обычного гражданина, прежде всего касавшихся делания денег. И вновь новые идеи о человеческом поведении и общественном порядке сначала предстали поразительным, шокирующим парадоксом. Подобно Макиавелли, Мандевилль продемонстрировал положительное воздействие на общее благосостояние отраслей, производивших предметы роскоши (которые в течение долгого времени строго регулировались), деятельности, которая мотивировалась «частными пороками».

И вновь смысл в конечном счете был усвоен обществом путем изменения языка. В третий раз термин «интерес» послужил эвфемизмом, на этот раз заменив такие слова, как «жадность», «любовь к наживе» и т.д. Переход от одного набора терминов к другому отражен в первых строках очерка Давида Юма *О независимости парламента*:

«Политики установили принцип, согласно которому при формировании любой системы правления и установлении конституционных сдержек и противовесов каждый человек предполагается *плутом*, и нет другого объяснения всем его действиям, кроме частного интереса. Через этот интерес мы должны управлять им, и, заставить его, вопреки ненасытной жадности и амбициям, содействовать общественному благу» (Hume, 1742, vol. I, p. 117–118, выделено в подлиннике).

Здесь интерес явно приравнивается к плутовству и «ненасытной жадности». Но вскоре память об этих неприятных синонимах интереса была стерта, как, например, в знаменитом утверждении Адама Смита о мяснике, пивоваре и пекаре, которых влечет к обеспечению наших ежедневных потребностей их собственный интерес, а не благожелательность. Смит, таким образом, сделал для Мандевилля то же, что герцог Роган сделал для Макиавелли. Его принцип «невидимой руки» узаконил общую поглощенность гражданина стремлением к частной выгоде и тем самым послужил смягчению чувства вины, которое, вероятно, испытывали многие англичане, вовлеченные в торговлю и промышленность во время коммерческой экспансии XVIII в., которые были воспитаны на гуманистических принципах, предписывавших служить общественному интересу *непосредственно* (Россок, 1982). Теперь они могли успокоить свою совесть тем, что, стремясь к получению выгоды, они *косвенно* служили общему благу.

На самом деле Адам Смит не ограничился восхвалением стремления к частной выгоде. Он также критиковал вовлеченность граждан в общественные дела. Сразу после тезиса о «невидимой руке» он написал: «Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества» (Смит. БН. Кн. IV. Гл. 2. С. 443). За 10 лет до этого сэр Джеймс Стюарт дал интересное обоснование аналогичного неприятия участия граждан в общественных делах:

«...если бы каждый действовал в интересах общества и пренебрегал собой, то государственные деятели были бы поставлены в тупик... если бы люди не были заинтересованы, то не было бы никакой возможности управлять ими. Люди могли бы рассматривать интересы страны в

разном свете, и многие могли бы объединиться в ее разрушении, пытаясь добиться ее блага» (Steuart, 1767, vol. I, p. 243–244).

В дополнение к открытию новой области санкционированного и рекомендуемого поведения эти утверждения указывают на важные *ограничения*, которые предполагала концепция интересов. Для индивидуального гражданина или подданного, как и для правителя, движимое интересом действие означало первоначально действие на основе рационального расчета в любой области человеческой деятельности — политической, культурной, экономической, личной и т.д. В XVII и в начале XVIII в. такое методичное, благоразумное, движимое интересом действие выглядело значительно предпочтительнее действий, продиктованных сильными, неуправляемыми и беспорядочными страстями. В то же время интересы огромного большинства людей, не находящихся на верхних этажах власти, были определены более узко — как экономические, материальные или «денежные» интересы. Вероятно, считалось, что не входящие в элиту люди заняты главным образом поиском средств к существованию и не имеют времени, чтобы беспокоиться о почестях, славе и тому подобных вещах. Превознесение интереса даровало легитимность и престиж коммерческой и связанной с ней частной деятельности, которая ранее получала довольно низкую общественную оценку; соответственно, идеал эпохи Возрождения, для которого было характерно возвышение публичной сферы, снижался и развенчивался как простая уступка разрушительной страсти себялюбия (Hirschman, 1977, p. 31–42).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ИНТЕРЕСАХ. Идея о том, что интересы, понятые как методичное стремление к приобретению и накоплению частного богатства, должны принести выгоду в политической области, приняла многообразные формы. Прежде всего предполагалось, что интересы позволят достигнуть на макроуровне того, что, как предполагалось, было достигнуто на уровне индивида, — сдержать разрушительные страсти «правителей человечества». Здесь наиболее известен высказанный в начале XVIII в. тезис о том, что развитие торговли несовместимо с использованием силы в международных отношениях и должно постепенно обеспечить прочный мир. Еще более утопические надежды возлагались на роль торговли во внутренней политике: сеть интересов, тонко сотканная тысячами сделок, должна помешать правителю осуществлять свою власть грубо и безоглядно, прибегая к тому, что было

названо Монтескье «*grands coups d'autorité*» (причудами власти) и сэром Джеймсом Стюартом «капризами деспотизма». Эта мысль получила дальнейшее развитие в начале XIX в., когда сложности растущего промышленного производства наложились на сложности торговли: согласно технократической теории Сен-Симона наступало время, когда экономическая необходимость положит конец не только *злоупотреблениям* властью со стороны государства, но и любой власти человека над человеком, — политика должна быть заменена управлением «вещами». Как известно, это предположение было принято марксизмом, предсказывавшим отмирание государства при коммунизме. Аргумент, который столетием ранее был выдвинут от имени возникающего капитализма, таким образом, обновлялся для нужд новой, *антикапиталистической* утопии.

Согласно другому направлению политической мысли, когда речь идет об обществе, движимом интересами, следует обращать больше внимания не на ограничения, налагаемые обществом на руководителей, а на трудности управления. Как уже отмечалось, мир, где люди методично преследуют свои частные интересы, будет значительно более предсказуемым и, следовательно, *более управляемым*, чем мир, где граждане соперничают друг с другом ради почестей и славы.

Устойчивость и отсутствие волнений, которые, как ожидалось, характеризуют страну, где люди преследуют только свои материальные интересы, занимали умы таких «изобретателей Америки», как, например, Джеймс Мэдисон и Александр Гамильтон. Огромный престиж и влияние концепции интереса в период основания американского государства хорошо отражены в утверждении Гамильтона:

«Самое надежное, на что может полагаться любое правительство, — это интересы человека. Это — принцип человеческой природы, на котором, чтобы быть справедливыми, должны быть основаны все политические рассуждения» (Hamilton [1784], приведено в: Terence Ball, 1983, p. 45).

Наконец, многие авторы, по существу, экстраполировали предполагаемые черты личности индивидуального торговца как прототипа движимого интересами человека на все общество, где такие торговцы преобладают. В XVIII в., возможно, в результате продолжавшегося несколько пренебрежительного отношения к экономическим мотивам, торговля и «делание денег» часто описывались как, по существу, безвредные или «невинные» способы времяпрепровождения, в противовес несомненно более связанной с насилием или требующей больших усилий деятельности высших или низ-

ших классов. Коммерция должна была привнести «мягкие» и «изысканные» манеры. Во французском языке термин «невинный» в приложении к коммерции часто сочетался со словом «*doux*» (нежный, мягкий), и так называемая доктрина «*doux commerce*» утверждала, что коммерция является могущественной цивилизующей силой, распространяющей благоразумие, честность и другие подобные достоинства внутри торгующих обществ и между ними (Hirschman, 1977, 1982a). Только под влиянием Французской революции возникли некоторые сомнения в направленности причинной связи между коммерцией и цивилизованным обществом: пораженный столь масштабным взрывом общественного насилия, Эдмунд Бёрк предположил, что развитие коммерции само зависит от *предшествующего* наличия «хороших манер» и «цивилизации» и от того, что он назвал «естественными защитными принципами», основанными на «духе джентльменства» и «религиозном духе» (Бёрк, 1993. С. 81).

«НЕВИДИМАЯ РУКА». Краеугольным камнем доктрины собственного интереса стала, конечно, концепция «невидимой руки» Адама Смита. Хотя эта концепция, ограниченная экономической областью, была более умеренной, чем более ранние предположения о благотворных *политических* эффектах торговли и обмена, она вскоре стала доминирующей в научных дискуссиях. Интригующий парадокс заключался в утверждении, что *общий* интерес и общее благосостояние могут обеспечиваться действиями бесчисленного множества изолированных агентов, руководствующихся собственным интересом. Разумеется, это был не первый и не последний случай утверждений о тождественности, совпадении или гармонии интересов части и целого. Гоббс отстаивал абсолютную монархию на том основании, что этот способ правления приводит к тождественности интересов управляющего и управляемых; как только что отмечалось, авторы шотландского Просвещения считали тождественными общие интересы британского общества и интересы средних слоев; такое тождество между интересами одного класса и общества стало позже краеугольным камнем марксизма (пять средних слоев, разумеется, занял пролетариат), и наконец, американская школа плюрализма в политической науке возвратилась, по существу, к описанной Смитом схеме гармонии между многими отдельными интересами и общим интересом, где индивидуальные экономические агенты Смита заменены соперничающими «группами интересов» на политической арене.

Все эти «учения о гармонии» («*Harmonielehren*») имеют два общих момента: «реалистичное» утверждение о том, что мы должны иметь дело с мужчинами и женщинами или с их группами в том виде, «как они действительно существуют», и попытку доказать, что можно достичь осуществимого и прогрессивного общественного порядка с этими очень несовершенными субъектами как бы за их спиной. Смесь парадоксальных идей и некоторой «алхимии», присутствующая в этих конструкциях, делает их и очень привлекательными, и в конечном счете уязвимыми.

АТАКА НА ИНТЕРЕСЫ. В XVII в. доктрина интересов, возможно, достигла высшей точки. Подчинение общества интересам в тот период рассматривалось как альтернатива господству разрушительных страстей, и считалось меньшим злом, а возможно, однозначным благом. В XVIII в. благодаря концепции «невидимой руки» эта доктрина получила признание в области экономики, но ей нанесло урон появление более оптимистического взгляда на «страсти»: чувства любопытства, щедрости и симпатии, причем последнему из них — в *Теории нравственных чувств* самого Адама Смита. По сравнению с этими замечательными, вновь обнаруженными или реабилитированными пружинами человеческих действий интерес больше не выглядел таким привлекательным. Это стало одной из причин движения против парадигмы интереса, которое развернулось к концу XVIII в. и питало несколько мощных интеллектуальных движений XIX в.

В действительности страсти не должны были полностью трансформироваться в благотворные чувства, чтобы новые поколения относились к ним с уважением и даже с восхищением. Поскольку считалось, что за активной коммерческой и промышленной экспансией стояли интересы, кампания против них шла под лозунгом сожаления о «мире, который мы потеряли». Французская революция принесла с собой еще одно чувство потери, и Эдмунд Бёрк соединил два этих чувства, когда он воскликнул в своих *Рассуждениях о революции во Франции*: «...век рыцарства прошел. За ним последовал век софистов, экономистов, конторщиков, и слава Европы угасла навсегда» (Бёрк, 1993. С. 79). Это знаменитое утверждение появилось ровно через 14 лет после того, как в *Богатстве народов* было осуждено правление «великих лордов» как «время насилия, грабежа и беспорядков» и были отмечены преимущества, вытекающие из следования каждому его собственным интересам через реализацию нормальных экономических устремлений. Бёрк был страстным поклонником Адама Смита и очень гордился совпаде-

нием своих взглядов на экономические вопросы со взглядами Адама Смита (Winch, 1985; Himmelfarb, 1984). Его заявление об «эпохе рыцарства», столь противоречащее интеллектуальному наследию Смита, следовательно, свидетельствует об одном из тех внезапных изменений в общем настроении и понимании, происходящих при смене эпох, о которых едва ли в полной мере догадываются их носители. Критика Бёрка задавала тон значительной части последующих романтических протестов против порядка, базировавшегося на интересах, который, как только он оказался доминирующим, утратил, как считали многие, благородство, таинственность и красоту.

Эта ностальгическая реакция соединилась с наблюдением, что интересы, т.е. стремление к материальному богатству, не оказались столь «безвредными», «невинными» или «мягкими», как некоторые думали или утверждали. Наоборот, у стремления к материальному богатству вдруг обнаружилась подрывная сила огромной мощности. Томас Карлейль утверждал, что все традиционные ценности испытывают угрозу со стороны «этой грубой и забывшей о Боге философии прибылей и убытков», и, протестуя, указывал, что «денежный платеж — не единственная форма уз, связывающих человека с человеком» (Carlyle, 1843, p. 187). Эта фраза — «денежные узы» — была широко и эффективно использована Марксом и Энгельсом в первом разделе *Коммунистического манифеста*, где они нарисовали яркую картину морального и культурного опустошения, приносимого побеждающей буржуазией.

Многие другие критики капиталистического общества отмечали разрушительный характер новых сил, высвобождаемых тем общественным порядком, в котором интересы получили свободу и господство. Возникло мнение, что эти силы были дикими и саморазрушительными, что они могли подорвать сами основы, на которых покоился общественный порядок. Внезапно феодальное общество, которое раньше считали «грубым и варварским» и постоянно находящимся на грани разрушения из-за неконтролируемых страстей правителей и грандов, стало восприниматься в ретроспективе как оплот таких ценностей, как честь, уважение, дружба, доверие и лояльность, которые, оставаясь существенными для функционирования общества, где доминируют интересы, неумолимо, хоть и неумышленно, подрывались. Этот аргумент отчасти уже содержался в утверждении Бёрка о том, что цивилизованное общество создает фундамент для коммерции, а не наоборот; этот тезис развивался в дальнейшем большой группой разных авторов — от Рихарда Вагнера через Шумпетера до Карла Поланьи и Фреда Хирша (Hirschman, 1982a, p. 1466–1470).

«ВЫХОЛОЩЕННЫЕ» ИНТЕРЕСЫ. Хотя в XIX в. доктрина интересов столкнулась со значительной оппозицией и критикой, ее престиж оставался тем не менее высоким, особенно вследствие бурного развития экономической науки — новой области научной мысли. Успех этой новой науки привел к попыткам использовать ее идеи, такие, например, как понятие интереса, для объяснения некоторых неэкономических аспектов социального мира. В своем *Очерке о государственном управлении* Джеймс Милль (Mill, 1820) сформулировал первую «экономическую» теорию политики и основал ее — так же, как позднее Шумпетер, Энтони Даунс, Мансур Олсон и другие, — на предположении о рациональном следовании собственным интересам. Но это расширенное использование понятия интереса имело и негативные последствия. В политике, как пришлось признать Миллю, разрыв между «реальным интересом» гражданина и «ложным предположением [т.е. восприятием] интереса» может быть чрезвычайно велик, что ведет к большим проблемам (Mill, 1820, p. 88).

Эта трудность была отмечена в статье Маколей в *Edinburgh Review* (Macaulay, 1829). Маколей писал, что теория Милля оказалась пустой; понятие «интерес» «означает, что люди, если могут, делают то, что считают нужным... глупо придавать какое-либо значение предположению, которое, будучи осмысленным, означает только, что человек предпочитает делать то, что он предпочитает делать» (p. 125).

Обвинение в том, что доктрина интересов была, по существу, тавтологичной, приобретало тем большую силу, чем больше сторон пыталось ее использовать, стараясь подогнать к собственным нуждам. Как и многие ключевые понятия, использовавшиеся в повседневном обиходе, «интерес» никогда не был строго определен. Наиболее часто он понимался как индивидуальное стремление к материальной выгоде, но и более широкие значения также никогда полностью не упускались из виду. Чрезвычайно широкая и всеобъемлющая интерпретация этого понятия была выдвинута на весьма раннем этапе его истории: «пари» Паскаля было не чем иным, как попыткой показать, что вера в Бога (и, следовательно, поведение в соответствии с его предписаниями) строго соответствует нашим собственным (долгосрочным) интересам. Таким образом, понятие *просвещенного* собственного интереса имеет долгую историю. Но в XIX в. оно пережило расцвет и получило специальное, конкретное значение. На зловещем фоне революционных взрывов и сдвигов защитники общественных реформ утверждали, что доминирующая общественная группа нуждается в добром совете, чтобы расстаться

с некоторыми привилегиями и улучшить плачевное положение низших классов с тем, чтобы обеспечить общественный мир. К «просвещенному» собственному интересу высших классов и консервативному общественному мнению апеллировали, например, французские и английские защитники всеобщего избирательного права или избирательной реформы в середине столетия, аналогично поступали сторонники первых мер социального законодательства в Германии и других странах в конце столетия и, наконец, Кейнс и кейнсианцы, поддерживавшие ограниченное вмешательство государства в экономику посредством антициклической политики и «автоматических стабилизаторов», являющихся результатом функционирования государства благосостояния. Эти призывы часто делались реформаторами, которые, будучи полностью убеждены в значимости и социальной справедливости предлагаемых ими мер, пытались привлечь на свою сторону влиятельные общественные группы, обращаясь к их долгосрочным, а не краткосрочным и, следовательно, как предполагалось, близоруко понимаемым интересам. Однако этот прием нельзя назвать чисто тактическим. Он применялся совершенно искренне, что свидетельствовало о сохраняющей престиж концепции, согласно которой движимое интересами общественное поведение является наилучшей гарантией стабильного и гармоничного общественного порядка.

В то время как высшие классы общества испытывали давление с тем, чтобы они проявили свои собственные просвещенные интересы, низшим классам примерно в ту же эпоху настойчиво рекомендовалось подняться над повседневными заботами. Маркс и марксисты призвали рабочий класс познать свои *действительные интересы* и отбросить «ложное сознание», от которого, по их словам, он страдает, пока целиком не посвятит себя классовой борьбе. Терминология интересов была вновь позаимствована для того, чтобы охарактеризовать достойный тип поведения, рекомендованный определенной социальной группе.

Таким образом, понятие движимого интересами поведения оказалось выхолощенным. К этому добавлялось прогрессирующее стирание резких граней между страстями и интересами. Уже Адам Смит использовал эти два понятия совместно и взаимозаменяемо. Хотя в XIX в. стало абсолютно ясно, что желание накапливать богатство мало похоже на «спокойную страсть», как его характеризовали некоторые философы XVIII в., не произошло никакого возврата к более раннему различию между интересами и страстями или между «дикими» и «мягкими» страстями. «Делание денег» раз

и навсегда слилось с понятием интереса, так что все формы этой деятельности, даже движимые страстью или иррациональные, автоматически считались движимыми интересами. По мере того как появились новые формы накопления и построения промышленных или финансовых империй, вводились и новые понятия, такие, как, например, предпринимательское лидерство и интуиция (Schumpeter, 1911) или «*animal spirits*»¹ капиталистов (Кейнс, 2007. С. 168). Они, однако, не контрастировали с интересами и вполне принимались как их проявления.

Следовательно, интересы покрыли фактически всю область человеческой деятельности — от узкоэгоистичной до жертвенно альтруистической и от разумно просчитанной до движимой страстями. В конце концов интерес стали видеть за всем, что делают или хотят делать люди, и объяснение человеческих действий интересами превратилось в пустую тавтологию, осужденную Маклелем. Примерно в то же время и другие ключевые и освященные веками понятия экономического анализа, такие, как, например, полезность и ценность, аналогичным образом были очищены от своего более раннего психологического или нормативного содержания. Позитивистски ориентированная экономическая наука, которая процветала в течение значительной части XX в., почувствовала, что она смогла бы обойтись без любого из этих понятий, и заменила их на менее ценностно или психологически нагруженные «выявленные предпочтения» и «максимизацию при наличии ограничений». Таким образом, дошло до того, что интерес, служивший столь долго и верно в качестве эвфемизма, теперь был заменен, в свою очередь, различными еще более нейтральными и бесцветными неологизмами.

Развитие понятия собственного интереса и экономического анализа в целом в направлении позитивизма и формализма, возможно, было связано с открытием в конце XIX в. инстинктивно-интуитивного, привычного, подсознательного, движимого идеологическими и невротическими факторами поведения — короче говоря, чрезвычайной популярностью всего нерационального, которая была характерна практически для всех влиятельных философских, психологических и социологических течений этого времени. Экономическая наука, полностью базировавшаяся на рациональном стремлении к реализации собственного интереса, не могла включить в свой арсенал эти новые открытия. Поэтому дан-

¹ В русском издании не совсем удачно переведено как «жизнерадостность». — *Прим. науч. ред.*

ная дисциплина среагировала на интеллектуальную моду эпохи, отойдя от психологии в максимально возможной степени и лишив свои основные понятия их психологического начала, — это была стратегия выживания, которая оказалась весьма успешной. Конечно, трудно доказать, что подъем иррационализма в психологии и социологии и торжество позитивизма и формализма в экономической науке, действительно, были связаны таким образом. Некоторым подтверждением может служить замечательный пример Парето: он внес фундаментальный вклад как в социологию, где выделил сложные «не-логические» (как он их называет) аспекты социального действия, так и в экономическую теорию, которая освободилась от зависимости от психологического гедонизма.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ. В последнее время появились признаки недовольства растущим выхолащиванием понятия интереса. Сторонники консервативных взглядов вернулись к ортодоксальному значению понятия интереса и стали оспаривать доктрину «просвещенного собственного интереса». Помимо открытия Токвиля, что реформы, скорее, способны развязать, чем предотвратить революцию, отмечалось, что даже продиктованные самыми благими намерениями реформистские меры имеют негативные побочные эффекты, которые усиливают, а не смягчают общественное зло, для устранения которого эти реформы проводятся. С этой точки зрения было бы лучше всего не отклоняться от пути узкотрактуемого собственного интереса, и выхолащивание этого понятия представлялось ошибочным и ведущим к заблуждениям.

Другие исследователи согласились с последним утверждением, но по иным причинам и делали иные выводы. Они также испытывали неприязнь к попытке подвести каждое из многообразия человеческих действий под категорию интереса. Однако считали значимыми для экономической теории определенные виды человеческой деятельности, которые не могут быть объяснены традиционным понятием собственного интереса: действия, мотивированные альтруизмом, этическими ценностями, заботой о групповых или общественных интересах и — возможно, самое важное — различные виды неинструментального поведения. Начало было положено рядом экономистов и представителей других общественных наук, которые серьезно относились к этим видам деятельности и отказались от попыток определить их просто как разновидности поведения, движимого интересами (Boulding, 1973; Collard, 1978; Hirschman, 1985; Margolis, 1982; McPherson, 1984; Phelps, 1975; Schelling 1984; Sen, 1977).

Важный аспект указанных форм поведения, который не соответствует классической концепции действия, движимого интересом, — это то, что они подвержены значительным вариациям. Рассмотрим как пример действие в общественных интересах. Существует большое разнообразие таких действий — от общего участия в некотором движении протеста до голосования в день выборов и т.д. вплоть до простого ворчания или комментирования государственной политики в кругу друзей или семьи — то, что Гильермо О’Доннелл назвал «горизонтальным голосом» в противовес «вертикальному голосу», непосредственно обращенному к властям (O’Donnell, 1986). Фактическая степень участия в этих видах деятельности при более или менее нормальных политических условиях подвержена постоянным колебаниям в соответствии с изменениями экономических условий, деятельностью правительства, личным развитием и многими другими факторами. В результате с учетом ограниченности общего времени для частной и общественной деятельности интенсивность преследования гражданами их частных интересов также подвержена постоянным изменениям. Почти полная приватизация происходит только при определенных авторитарных правительствах, поскольку наиболее репрессивные режимы не только уничтожают свободу голосования и любые открытые выражения несогласия, но также подавляют путем демонстрации готовности к террору все *частные* выражения несогласия с государственной политикой, т.е. все те проявления «горизонтального голоса», которые являются действительно важными формами участия в общественной жизни.

Отсюда следует поразительный вывод. Хваленый идеал предсказуемости, воображаемая идиллия общества, состоящего из частных лиц, уделяющих исключительное внимание своим экономическим интересам и тем самым косвенно (но никогда — прямо) служащих общественному интересу, становятся действительностью только при абсолютно кошмарных политических условиях! Более цивилизованные политические обстоятельства обязательно подразумевают менее прозрачное и менее предсказуемое общество.

На самом деле этот результат последних исследований видов деятельности, строго не мотивированных традиционными индивидуальными интересами, ведет к оптимистическому выводу: единственной определенной и предсказуемой характеристикой человеческих дел является их непредсказуемость, и бесполезно пытаться свести человеческое действие к единственному мотиву — такому, как, например, интерес.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ball, T. 1983. The ontological presuppositions and political consequences of a social science. In *Changing Social Science*, ed. D.R. Sabia, Jr. and J.T. Wallulis, Albany: State University of New York Press.
- Boulding, K.E. 1973. *The Economy of Love and Fear: A Preface to Grants Economics*. Belmont, California: Wadsworth.
- Burke, E. 1790. *Reflections on the Revolution in France*. Chicago: Regnery, 1955. [Русск. пер.: Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудимино, 1993.]
- Carlyle, T. 1843. *Past and Present*. New York: New York University Press, 1977. [Сокр. русск. пер.: Карлайл Т. Теперь и прежде. М.: Рудимино, 1994.]
- Collard, D. 1978. *Altruism and Economy: A Study in Non-selfish Economics*. Oxford: Robertson.
- Collini, S., Winch, D. and Burrow, J. 1983. *That Noble Science of Politics: A Study in Nineteenth-century Intellectual History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hamilton, A. 1784. Letters from Phocion, Number I. In *The Works of Alexander Hamilton*, ed. John C. Hamilton, New York: C.S. Francis, 1851, Vol. II, 322.
- Himmelfarb, G. 1984. *The Idea of Poverty: England in the Early Industrial Age*. New York: Knopf.
- Hirschman, A. O. 1977. *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before its Triumph*. Princeton: Princeton University Press.
- Hirschman, A. O. 1982a. Rival interpretations of market society: civilizing, destructive, or feeble? *Journal of Economic Literature*, 20(4), December, 1463–84.
- Hirschman, A. O. 1982b. *Shifting Involvements: Private Interest and Public Action*. Princeton: Princeton University Press.
- Hirschman, A. O. 1985. Against parsimony: three easy ways of complicating some categories of economic discourse. *Economics and Philosophy*, 1, 7–21.
- Hume, D. 1742. *Essays Moral, Political and Literary*. Ed. T.H. Green and T.H. Grose, London: Longmans, 1898.
- Keynes, J.M. 1936. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan; New York: Harcourt, Brace [Русск. пер.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процентов и денег. М.: Эксмо, 2007.]
- Macaulay, T.B. 1829. Mill's Essay on Government. In *Utilitarian Logic and Politics*, ed. J. Lively and J. Rees, Oxford: Clarendon, 1978.
- McPherson, M.S. 1984. Limits on self-seeking: the role of morality in economic life. In *Neoclassical Political Economy*, ed. D.C. Colander, Cambridge, Mass.: Ballinger.
- Margolis, H. 1982. *Selfishness, Altruism and Rationality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meinecke, P. 1924. *Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte*. Munich: Oldenburg.
- Mill, J. 1820. *Essay on Government*. In *Utilitarian Logic and Politics*, ed. J. Lively and J. Rees, Oxford: Clarendon, 1978. [Русск. пер.: Милль Дж.С. Представительное правление. СПб., 1897.]
- O'Donnell, G. 1986. On the convergences of Hirschman's *Exit, Voice and Loyalty and Shifting Involvements*. In *Development, Democracy and the Art of Trespassing: Essays in Honor of A.O. Hirschman*, ed. A. Foxley et al., Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.
- Phelps, E.S. (ed.) 1975. *Altruism, Morality and Economic Theory*. New York: Russell Sage Foundation.
- Pocock, J.G.A. 1982. The political economy of Burke's analysis of the French Revolution. *Historical Journal* 25, June, 331–49.
- Rohan, H., Duc, de. 1638. *De l'interêt des princes et états de la chrétienté*. Paris: Pierre Margat.
- Schelling, T.C. 1984. *Choice and Consequence*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Schumpeter, J.A. 1911. *The Theory of Economic Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951. [Русск. пер.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.]
- Sen, A. 1977. Rational fools: a critique of the behavioral foundations of economic theory. *Philosophy and Public Affairs* 6(4), Summer, 317–44.
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Ed. E. Cannan, New York: Modern Library, 1937 [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Steuart, J. 1767. *Inquiry into the Principles of Political Oeconomy*. Ed. A.S. Skinner, Chicago: University of Chicago Press, 1966.
- Winch, D. 1985. The Burke—Smith problem and late eighteenth century political and economic thought. *Historical Journal* 28(1), 231–47.

«НЕВИДИМАЯ РУКА»

Карен И. Вон

Invisible Hand

Karen I. Vaughn

«Невидимая рука» — это метафора, использованная Адамом Смитом для обозначения принципа, утверждающего, что благотворный общественный порядок возникает как непреднамеренное следствие поступков индивидов. Хотя в своих трудах Смит использовал термин «невидимая рука» в этом значении только дважды — один раз в *Теории нравственных чувств* и еще один — в *Богатстве народов*, — идея, с которой ассоциируется эта метафора, пронизывает все его социальные и нравственные теории. В самом деле, именно понятие невидимой руки позволило Смицу разработать первую всеобъемлющую теорию функционирования экономики как взаимосвязанной общественной системы. Не будет большим преувеличением сказать, что невидимая рука сделала возможной теоретическую общественную науку как таковую.

В *Теории нравственных чувств* Смит объяснял, каким образом жажда богатства и роскоши побуждает людей к большему усердию и производству. Он писал, что с точки зрения действительно значимых в этом мире вещей те, кто стал богатым в результате всех этих усилий, находятся в положении ненамного лучше того, в котором пребывают работающие на них бедняки. Богатый землевладелец, например, жаждет многих роскошеств, но способен потребить лишь скромную долю той пищи, которую в результате этих устремлений получает; остальное должно быть передано тем, кто ему служат. Богатые землевладельцы:

«Несмотря на свою алчность и свой эгоизм, несмотря на то, что они преследуют только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в

таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода» (ТНЧ. Ч. IV. Гл. 1. С. 185).

В *Богатстве народов* Смит использует термин «невидимая рука», объясняя, почему ограничения на импорт или возможностей использования собственного капитала не являются необходимыми:

«И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и, осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения» (БН. Кн. IV. Гл. II. С. 443).

Лежавшее в основе метафоры невидимой руки Смита понятие о непреднамеренном порядке не было новым. Проблески этой идеи можно найти в XVII в. в работах Петти и Локка. В XVIII в. одним из наиболее ранних предшественников Смита в этом отношении был Бернард Мандевиль. Хотя нет единого мнения относительно того, была ли у Мандевилля какая-либо концепция саморегулирующейся системы, сравнимая с той, что мы находим у Смита, очевидно, что его знаменитое утверждение, что частные пороки — жадность, стремление к роскоши и скупость — способствуют общественному богатству (*Басня о пчелах*, 1714), породило много споров. Философы шотландского Просвещения, одним из которых был Смит, отвергали сенсационную идею Мандевилля, приравнивающую эгоизм к жадности, но сделали основной темой своих работ мысль о том, что частные поступки могут иметь благотворные для общества последствия, которые не имели в виду действующие лица. Адам Фергюсон, например, представлял частную собственность и политические институты в целом как «результат человеческих действий, но не исполнение чьего-либо конкретного замысла».

ла» (*Опыт истории гражданского общества*, 1767). Давид Юм апеллировал к этому же представлению, когда объяснял возникновение системы правосудия как побочного результата последовательности индивидуальных эгоистических решений, направленных на разрешение конкретных споров. Он утверждал, что человеческие институты, такие как деньги и язык, возникли в результате человеческих действий, направленных на иные цели (*Трактат о человеческой природе*, 1740).

Подобно МанDEVИЛЛЮ, Фергюсону и Юму, Адам Смит в основание своей системы положил наблюдение, что человек движим любовью к самому себе. Однако для Смита любовь к себе потенциально была положительной чертой человека, отражавшей его заботу как о своем материальном благосостоянии, так и о своей чести. Еще более важным было то, что, с точки зрения Смита, в теории функционирования общества любовь к себе была «движущей силой», подобно тому, как тяготение было причиной движения в ньютоновской физике. Те, кто думал, что государство вольно устанавливать любые законы для регулирования жизни общества, по мнению Смита, не понимали самой основной черты человеческой природы.

«Человек, приверженный системе», как его назвал Смит, «полагает, что различными частями общественного организма можно располагать так же свободно, как фигурами на шахматной доске. При этом он забывает, что ходы фигур на шахматной доске зависят единственно от руки, переставляющей их, между тем как в великом движении человеческого общества каждая отдельная часть целого движется по свойственным ей законам, отличным от движения, сообщаемого ей законодателем» (ТНЧ. Ч. IV. Гл. 2. С. 230).

Несомненно, XVIII в. был периодом, непосредственно следовавшим за великим открытием Ньютона. Научные и моральные последствия ньютоновской системы идей все еще обсуждались, а ньютоновские идеи и образ мышления проникали во все области интеллектуальной деятельности. Адам Смит был не только знаком с идеями Ньютона, но в начале своей карьеры даже написал историю астрономии, последние 10 страниц которой были полны восхищением системой сэра Исаака Ньютона. В этой связи вполне возможно рассматривать экономическую систему Адама Смита в «ньютонианском» контексте, как попытку объяснить сложный общественный порядок на основе нескольких простых принципов человеческого поведения. Экономическая система, которую в действительности описал Смит, была результатом одновременно люб-

ви человека к себе и его особой склонности «торговать, выменивать и обменивать одну вещь на другую». Обмен ведет к разделению труда, а разделение труда позволяет работникам воспользоваться экономией от масштаба, а его непреднамеренным результатом является то, что производится больший объем совокупного богатства, чем в отсутствие обмена. Следовательно, богатство народов зависит не от сознательного государственного планирования, а от свободы людей обмениваться, специализироваться и расширять рынки. Далее, благоприятные последствия «простой системы естественной свободы» Смита зависят не от благожелательности индивидов, а от действия принципа любви к себе в рамках системы свободного обмена. Смит указывает, что в обмене мы достигаем цели, не принуждая партнера, не взывая к его чувству милосердия, но задействуя его любовь к себе. Двое индивидов обмениваются потому, что обмен им выгоден. Или, как говорит Смит:

«... человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» (БН. Т. I. Гл. 2. С. 76–77).

В целом, концепция, которую настолько наглядно передает метафора невидимой руки, — концепция, которую Карл Менгер обозначил как «органическое понимание общественных явлений» ([1883] 1963, р. 127ff), а Хайек позднее связал с понятием «спонтанный порядок», — состоит из трех логически связанных частей. Первая — это соображение о том, что человеческие поступки часто приводят к непреднамеренным и непредвиденным для агентов последствиям. Вторая — это утверждение, что совокупность непреднамеренных последствий поступков большого числа индивидов или за длительный период времени может при соответствующих условиях воплотиться в порядок, который человеческий разум в состоянии осознать и который может восприниматься как результат чьего-то сознательного замысла. Третья составляющая — это утверждение, что возникший порядок действует на благо участникам таким способом, который они не имели в виду, но который они находят желательным.

Справедливость первого из перечисленных утверждений, должно быть, стала очевидна для людей, когда они оказались способны отчетливо сформулировать результаты своих наблюдений. Капри-

зы природы и ненадежность человеческих планов с давних пор были темой для религии, философии и художественной литературы. Но только когда возникло представление, что независимые действия индивидов могут породить доступный для понимания и упорядоченный общественный процесс, непреднамеренные последствия человеческих планов стали предметом научного анализа. Очевидно, что без понятия о невидимой руке, направляющей человеческие поступки, общественная наука была бы невозможна. Единственной альтернативой описанию общественных процессов как непреднамеренных последствий целенаправленных человеческих действий может быть представление об общественных институтах и практике либо как о прогнозируемом воплощении сознательных человеческих планов, либо как о результате естественных или сверхъестественных сил, находящихся вне человеческого опыта. Именно поэтому Хайек считал спонтанные порядки феноменами, находящимися между сознательно построенной организацией и миром физической природы (Хайек, 2006. Кн. 1. Гл. 2).

Третья составляющая принципа «невидимой руки» не столь бесспорна, как две первые. Более того, она даже не является необходимой частью описания общественного порядка. Назвать спонтанный порядок благоприятным, как очевидно делал Смит, означает судить о нем с конкретной моральной точки зрения и в конкретном политическом и историческом контексте. Моральная точка зрения Смита была точкой зрения участников системы. Его вывод состоял в том, что в лучшем положении эти люди будут в системе, в которой преобладают свободные рынки, нежели в системе меркантилистского регулирования, все еще действовавшей в Англии XVIII в. Однако можно легко представить себе спонтанный порядок, при котором люди как будто невидимой рукой направлялись бы к противоестественной и нехорошей цели. Желательность порядка, возникающего как незапланированное последствие человеческих действий, зависит, в конечном счете, от правил и институтов, в рамках которых действуют люди, и от доступных им реальных альтернатив.

Спонтанные порядки можно представить двумя способами. Их можно описывать как набор закономерностей, действующих в общественной системе, некоторым образом самоорганизующейся в рамках определенного набора правил. В этой интерпретации ограничения, существующие в системе, могли бы быть установлены людьми и работать на благо или во зло. Спонтанные порядки можно понимать и как результат развития, когда сами правила являются непреднамеренными последствиями человеческих действий.

Например, мы думаем, что рыночная экономика функционирует согласно набору «правил игры», которые обеспечивают коррекцию ошибок в аллокации в рамках самой системы. Правила (законы, обычаи, воля политических организаций и права собственности) в этом случае понимались бы как продукт сознательных человеческих планов, как это имеет место в конкретном законодательстве и конституционном устройстве, или же о них можно было бы думать как о непреднамеренных результатах человеческих поступков, направленных на достижение конкретных, узких целей. В работах Адама Смита можно найти обе интерпретации спонтанных порядков. В области нравственной философии Смит, так же как и Давид Юм, утверждал, что наши моральные правила постепенно развиваются из индивидуального опыта и индивидуальных суждений по поводу конкретных ситуаций и, развившись из них, непреднамеренным образом способствуют общественной стабильности. В его экономической теории, изложенной в *Богатстве народов*, цены, прибыли и убытки подают сигналы, ведущие к исправлению неправильной аллокации ресурсов и экономическому росту, а все такие экономические институты, как рынки, деньги и разделение труда, возникли в ходе эволюционного процесса. Представление человека об общественных институтах влияет не только на его политические взгляды, но и на его оценку экономической системы.

Понятие спонтанного порядка как саморегулирующейся системы составляло основу экономической науки, особенно теории общего равновесия на протяжении XIX в. и до наших дней. В контексте общего равновесия любовь к себе трансформируется в систему предпочтений, определенных на множестве всех благ (но не доброжелательности или чести), а политические и общественные институты могут изменяться в результате вмешательства государства. При такой трактовке невидимая рука все еще движет системой, но оптимальность результата не гарантирована. Действительно, если проследить логику аргументации до конца, невидимая рука оказывается в лучшем случае парализованной, поскольку на самом деле она действует благотворно при условиях, которые в реальном мире не могут выполняться (Hahn, 1982).

Другая формулировка «невидимой руки», которая прослеживается от Адама Смита до Карла Менгера, предполагает, что экономические институты общества являются побочными результатами эгоистического экономического поведения, и что эти институты принципиально важны для процесса саморегулирования. Следовательно, вместо того чтобы спрашивать, какие институты необходимы для того, чтобы невидимая рука работала безупречно, сто-

ронники этой точки зрения задаются вопросом о том, каковы экономические причины возникновения существующих рыночных институтов и каким непостижимым целям они служат. Здесь имеет место попытка показать, каким образом существующие рыночные институты возникают как непреднамеренные последствия человеческого действия. Вместе с соображением, что такие институты служат большему количеству целей, чем известно «плановикам», эта позиция заставляет более осторожно относиться к идее «подправить» рыночный механизм.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ferguson, A. 1767. *An Essay on the History of Civil Society*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966. [Русск. пер.: Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000.]
- Hahn, F. 1982. Reflections on the invisible hand. *Lloyds Bank Review* 144, April, 1–21.
- Hayek, F. von. 1973. *Law, Legislation and Liberty*. Vol. 1, Chicago: University of Chicago Press. [Русск. пер.: Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.]
- Hume, D. 1740. *Treatise of Human Nature*. Oxford: Oxford University Press, 1978. [Русск. пер.: Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1965.]
- Mandeville, B. 1714. *The Fable of the Bees: or, Private Vices, Public Benefits*. Oxford: Oxford University Press, 1924. [Русск. пер.: Мандевилль Б. Басня о пчелах. М.: Наука, 2000.]
- Menger, C. 1883. *Problems of Economics and Sociology*. Urbana: University of Illinois Press, 1963.
- Smith, A. 1759. *The Theory of Moral Sentiments*. New York: Liberty Classics, 1969. [Русск. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.]
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Ed. R.H. Campbell and A.S. Skinner, New York: Liberty Press, 1981. [Русск. пер.: Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]

ПРАВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Дэвид Фридмен

Law and Economics

David Friedman

Экономический анализ права включает три различные, но связанные области. Первая — использование экономической теории для того, чтобы предсказать последствия юридических правил. Вторая — использование экономической теории для того, чтобы определить, какие юридические правила экономически эффективны, и рекомендовать, какими они должны быть. Третья — использование экономической теории для того, чтобы предсказать, какими будут юридические правила. В первом случае речь идет прежде всего о приложении теории цены, во втором — об экономической теории благосостояния, а в третьем — о теории общественного выбора.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ. Из трех областей, перечисленных выше, наименее дискуссионной является первая — использование экономического анализа для предсказания последствий действия альтернативных юридических правил. Во многих случаях результат такого анализа показывает, что последствия действия правила радикально отличаются от тех, какие мог бы ожидать неэкономист.

Рассмотрим следующий простой пример. Городские власти издадут распоряжение, требующее от домохозяев уведомлять арендаторов за три месяца до того, как выселить их, даже если договор аренды предусматривает более короткий период уведомления. На первый взгляд основным результатом должно стать улучшение положения арендаторов, поскольку оно станет более безопасным, и ухудшение положения домохозяев, поскольку для них теперь оказывается более трудным выселить нежелательных арендаторов.

Вывод очевиден; тем не менее он неверен. Новое распоряжение сдвигает вверх кривую спроса; цена, по которой арендаторы готовы снимать любое данное количество жилья, станет выше, поскольку они теперь получают более привлекательное благо. Но оно также поднимет и кривую предложения, поскольку затраты на предоставление жилья в аренду теперь выше. Если кривые спроса и предложения одновременно сдвигаются вверх, то цена возрастает. В краткосрочном периоде распоряжение принесет выгоду арендатору за счет домовладельца. После того как арендная плата адаптируется к новым условиям, арендатор выиграет от повышения надежности своего проживания, но проиграет от повышения арендной платы; хозяин — проиграет в связи с возрастанием трудности выселения и выиграет от возрастания получаемой им арендной платы.

Можно легко привести примеры, в которых подобное регулирование ухудшает положение как домохозяев, так и арендаторов, добавляя такие условия аренды, которые увеличивают издержки хозяина в большей степени, чем приходится дополнительно платить арендатору, поднимая при этом рыночную квартирную плату в большей степени, чем необходимо для устранения выигрыша арендаторов, но в меньшей, чем требуется для компенсации потерь домохозяев. Можно также смоделировать примеры, в которых обе стороны выигрывают, поскольку регулирование устраняет издержки на ведение переговоров, что отвечает взаимным интересам. Таким образом, экономический анализ радикально меняет основы оценки правового регулирования, заменяя очевидную, но недостаточно глубокую аргументацию (помощь арендаторам за счет хозяев) другим, гораздо более сложным комплексом вопросов.

В этом примере, как и во многих других аналогичных примерах, две стороны связаны условиями контракта и ценой. В таких случаях первый и наиболее важный вклад экономической теории в правовой анализ — признание того, что юридически налагаемое изменение в условиях контракта приведет к изменению рыночной цены. Обычно результат выражается в устранении того трансферта, который подразумевался вносимым изменением.

Это не относится к случаям, например, аварий и преступлений, где нет ни контракта, ни цены. При анализе таких ситуаций существенный вклад экономической теории должен заключаться в том, чтобы включить в рассмотрение элемент рационального выбора в ситуациях, где действия людей обычно рассматриваются как нерациональные или невыбираемые.

Рассмотрим автомобильные аварии. Хотя водитель попадает в аварию не по своему выбору, он делает множество выборов, кото-

рые влияют на вероятность того, что авария произойдет. Решая, с какой скоростью ехать, как часто проверять тормоза или сколько внимания уделить дороге, а сколько — разговору с сидящим рядом пассажиром, он неявно выбирает между издержками возрастающего риска аварии и выгодами от более раннего возвращения домой, экономии денег и приятного разговора. Количество «безопасности», которое водитель «покупает», определяется, таким образом, соответствующими функциями издержек и выгод. Так, например, Пелтцман (Peltzman, 1975) продемонстрировал, что большая надежность автомобиля приводит к большей рискованности вождения и уменьшению показателя смертности в авариях по крайней мере частично компенсируется большим числом аварий, так как водители выбирают более быструю езду и менее осторожное управление, зная, что издержки такого выбора сократились.

Такой взгляд на аварии важен при анализе законов, предназначенных для их предотвращения, таких, как, например, установление предела скорости, а также законов, определяющих, кто должен платить за аварию, если она произошла. С экономической точки зрения эти два вида законов являются своего рода альтернативными инструментами для достижения одной и той же цели — снижения числа аварий.

Водитель, который знает, что он будет отвечать за издержки любых вызванных им аварий, примет этот факт в расчет при решении о том, насколько аккуратно он должен вести машину. Элизабет Ландес, анализируя последствия перехода к выплате страховки независимо от установления вины, выяснила, что одним из эффектов уменьшения ответственности стало увеличение показателей смертности на дорогах примерно на 10–15%.

Преимущество имущественной ответственности над прямым административным регулированием в том, что, если водитель знает, что, вызвав аварию, он должен будет платить, у него есть стимул изменить свое поведение так, чтобы уменьшить шанс аварии, независимо от того, наблюдают ли это другие. Нормы же, такие, как, например, установление пределов скорости, влияют только на те параметры поведения водителя, которые легко оценить со стороны, — скорость, например, но не внимание. Недостаток имущественной ответственности в том, что она как бы заставляет и водителей, не склонных рисковать, участвовать в лотерее — при одном шансе, скажем, из двух тысяч, вызвать аварию и оплатить все ее издержки.

Авария является одним примером непреднамеренного взаимодействия; другим примером может служить преступление. Эконо-

мический анализ преступности начинается с предположения о том, что решение стать преступником является рациональным подобно решению выбрать любую другую профессию. Изменения в законах, которые меняют или вероятность, с которой виновник преступления будет наказан, или размер наказания, как можно предположить, повлияют на привлекательность профессии и, следовательно, на частоту, с которой преступления происходят, — это показано эмпирически в работе Эрлиха (Ehrlich, 1972). Аналогично изменения в показателях преступности влияют через рациональные решения потенциальных жертв на расходы, идущие на защиту от преступлений.

Еще одна область права, в которой применение экономического анализа более привычно, — это антитрестовское законодательство. Важный вклад экономического анализа состоит в демонстрации того, что некоторые элементы антитрестовского законодательства могут базироваться на неправильном понимании способов получения и удержания фирмами монопольной власти.

Макги (McGee, 1958) использовал аргументы, первоначально предложенные Аароном Директором, чтобы показать, что если бы, как это обычно утверждают, «Стандард Ойл» попыталась поддерживать свою рыночную позицию путем хищнического ценообразования — снижения цены нефти ниже издержек — с целью устранить меньших по размеру, но равноэффективных конкурентов, то эти усилия, вероятно, потерпели бы неудачу. Большие активы «Стандард Ойл» компенсировались бы большим объемом продаж и, следовательно, большими убытками, если бы эти продажи делались по цене ниже издержек. Даже если бы меньшая фирма обанкротилась первой, ее завод физически сохранился бы и мог бы быть приобретен новым конкурентом. На основе анализа материалов антитрестовского дела против «Стандард Ойл» Макги пришел к выводу, что «разорительное ценообразование» (*predatory pricing*) в данном случае было мифом: Рокфеллер поддерживал свое монопольное положение, покупая конкурентов, причем обычно по высоким ценам.

Если эта аргументация правильна, то отсюда следует, что некоторая стандартная антитрестовская политика теряет смысл. Ценовая политика, которую критиковали как хищническую, может фактически быть способом, которым новые фирмы прорываются на существующие рынки, используя низкие цены, чтобы побудить потенциальных клиентов попробовать их продукцию. Если это так, то запрещение такой политики уменьшает конкуренцию и способствует монополии, которую закон призван предотвратить.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ: КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАКОНЫ.

Использование экономического анализа для того, чтобы определить, каким должен быть закон, начинается с одной простой и спорной предпосылки, что единственная цель закона состоит в том, чтобы способствовать экономической эффективности. С этой предпосылкой есть две проблемы. Первая — она зависит от утилитаристского предположения, что единственным благом является человеческое счастье, определяемое не тем, чего люди должны хотеть, а тем, чего они хотят на самом деле. Вторая — экономическая эффективность дает в лучшем случае лишь очень приближенную оценку того, что большинство из нас понимает под «общим человеческим счастьем», поскольку при этом обходится проблема межличностных сравнений полезности, так как фактически считается, предельная полезность дохода у всех людей одинакова.

Возможный ответ на эту критику состоит в том, что хотя немногие люди считают, что экономическая эффективность — это единственное, что имеет значение, большинство людей, знакомых с этим понятием, готовы согласиться, что оно является или важной целью, или важным средством для достижения других целей. Следовательно, хотя максимизация экономической эффективности не может быть единственной целью права, но это — важная цель, а экономическая теория может, в принципе, сообщить нам способы ее достижения. Далее, экономическая теория считает, что повышение эффективности в отличие от перераспределения (см. выше обсуждение отношений домовладельца и арендатора) может быть достигнуто решением суда.

Если принять экономическую эффективность как цель, то стандартные инструменты экономической теории благосостояния могут использоваться при анализе широкого круга правовых вопросов. Рассмотрим, например, регулирование условий выселения арендатора, обсужденное ранее. Если дополнительная надежность проживания имеет для арендатора большую ценность, чем ее издержки для хозяина, то домохозяева найдут включение этого условия в контракт аренды соответствующим их интересам независимо от того, требует ли этого закон; дополнительная арендная плата, которую они смогут получить, будет с лихвой покрывать издержки, связанные с затруднением выселения нежелательных арендаторов. Если, с другой стороны, издержки повышенной надежности проживания для хозяев больше выгоды, которую она приносит арендаторам, то они не будут ее предлагать, а правило, вынуждающее их сделать это, нежелательно с точки зрения экономической эффективности.

Итак, важный вывод из проведенного анализа — это сильный аргумент в пользу свободы контракта, т.е. свободы внести в договор аренды или любой другой контракт любые условия, приемлемые для сторон. В той степени, в которой принимается этот аргумент, функция юридических правил состоит просто в определении типового контракта — комплекса условий, которые принимаются, если только стороны не хотят сами их изменить. Если типовой контракт близок к тому, на что стороны согласились бы, если бы они сами определяли все детали соглашения, то он служит полезной цели уменьшения издержек ведения переговоров о заключении контракта.

Важный пример такого анализа связан с законами об ответственности за качество продукта. Как и в случае с договорами аренды, первый шаг здесь должен состоять в уяснении того, что изменения в распределении ответственности за дефекты продукта влияют на изменения рыночной цены, так что перемещение ответственности, скажем, от покупателя к продавцу в общем случае не приводит к улучшению положения покупателя и ухудшению положения продавца. Однако изменения в законе об ответственности за качество продукта изменяют стимулы как покупателя, так и продавца при принятии решений, влияющих на ущерб от дефектов. Поскольку покупатель не может судить о качестве продукта прежде, чем он его купил, правило ответственности покупателя (*caveat emptor*) дает продавцу слишком слабый стимул для того, чтобы предотвратить дефекты, поскольку он оплачивает стоимость контроля качества и не получает никакой компенсации. Напротив, правило ответственности продавца (*caveat venditor*) дает продавцу соответствующий стимул, поскольку он оплачивает стоимость дефектов через иски о причиненном ущербе, но оно дает покупателю слишком низкий стимул для использования продукта таким образом, который минимизирует ущерб от дефектов, — например, для осторожного управления автомобилем, когда водитель не полагается слишком сильно на идеально работающие тормоза.

Из сказанного вытекает, что для разных видов товаров могут быть подходящими разные юридические правила. Отсюда также следует, что в таких ситуациях, как, например, неосторожное обращение, повлекшее за собой несчастный случай, когда производитель дефектного товара может защищаться против иска о нанесении ущерба, доказывая, что происшествие было частично результатом неправильного использования товара покупателем, использование некоторого промежуточного правила может быть

лучшим, чем правила исключительной ответственности как покупателя, так и продавца.

Как и в случае с арендатором и домовладельцем, анализ показывает, что, хотя закон может установить типовое правило, он должен разрешать свободу контракта. Тогда продавцы могут преобразовать ответственность покупателя в ответственность продавца, предлагая гарантию, а покупатели могут преобразовать ответственность продавца в ответственность покупателя, подписывая отказ от претензий.

Другую интересную область представляет собой корпоративное законодательство. Здесь центральная проблема состоит в том, чтобы структурировать соглашение, конституирующее корпорацию, так, чтобы держать под контролем проблему принципала — агента, проистекающую из разделения собственности и управления. Одно из решений, упущенное в классической постановке проблемы Смитом (Smith, 1776), состоит в угрозе поглощения компании с целью дисциплинировать менеджеров, которые не максимизируют величину управляемых ими активов. Вопрос в том, должен ли закон помогать или противостоять менеджерам в их попытке предотвратить поглощение, оживленно обсуждается в последнее время в литературе.

Свобода контракта бесполезна там, где нет добровольной договоренности между сторонами. Закон должен как-то определить, кто и на каких условиях несет ответственность за потери от аварий и какое наказание должно быть предусмотрено для преступлений. Традиционный метод решения этой проблемы — «формула Хэнда», согласно которой некто признается допустившим небрежность и, следовательно, юридически ответственным за аварию, только если он мог бы предотвратить ее с помощью мер предосторожности, которые стоили бы менее, чем ожидаемые издержки (вероятность, помноженная на ущерб) аварии. Это, очевидно, вполне соответствует экономическому подходу к праву, поскольку человек наказывается только в том случае, если он действовал неэффективно и не предпринял оправданных с точки зрения издержек мер предосторожности.

Однако с этой формулой связаны две серьезные сложности. Одна заключается в том, что «аварии» — обычно результат совместных действий двух или более сторон. Мои плохие тормоза не нанесли бы вам вреда, если бы вы не решили поехать на велосипеде вечером в темной одежде, но ваша езда на велосипеде не должна была привести вас в больницу, если бы у моего автомобиля были хорошие тормоза. В такой ситуации эффективное решение заклю-

чается в том, что меры предосторожности принимаются той из сторон, которая может осуществить их с меньшими затратами, даже если бы другая сторона могла предотвратить аварию, затратив сумму, меньшую, чем нанесенный ей ущерб. Отсюда следует, что «формулу Хэнда» можно интерпретировать как возложение ответственности на ту сторону, которая могла предотвратить аварию с меньшими издержками. Ситуации, в которых вероятность и издержки аварий — непрерывные функции мер предосторожности обеих сторон, требуют доработки формулы.

Вторая проблема состоит в том, что «формула Хэнда» требует от суда выносить суждения как о вероятности аварий при различных уровнях мер предосторожности, так и об издержках мер предосторожности и самих аварий для вовлеченных сторон, что он не способен сделать компетентно. Отсюда желательны такие юридические правила, которые являются достаточно общими, чтобы не зависеть от суда, делающего оценки конкретных издержек и выгод, но дают сторонам стимулы для того, чтобы, используя свои собственные знания издержек и выгод, они достигали эффективных результатов. Попытки создать такие правила для широкого круга правовых проблем составляют значительную часть литературы, посвященной приложению экономической теории к праву.

Преступления, подобно несчастным случаям, являются непреднамеренными взаимодействиями. Экономический анализ преступности фокусируется на двух взаимосвязанных проблемах: мотивации преступника и мотивации судебной системы и полиции. Первая из них ведет к вопросу о том, как в эффективной системе должны соотноситься тяжесть наказания и вероятность ареста для любого преступления; ответ требует сопоставления издержек и выгод для преступников, жертв и пенитенциарной системы. В связи со второй проблемой возникают вопросы о процедурах, используемых судебной системой для установления вины или невиновности (что также важно и для других сторон законности), и об относительных преимуществах частного правоприменения (*private enforcement of law*) в нашей системе гражданского права по сравнению с государственным правоприменением (*public enforcement*), как в уголовном праве.

ЭКОНОМИСТЫ УЧАТСЯ У ЮРИСТОВ: ТЕОРЕМА КОУЗА.

До сих пор все примеры экономического анализа права включали использование существующей экономической теории в правовом анализе. Но есть по крайней мере одна область, где взаимодействие права и экономической теории вылилось в создание новой эконо-

мической теории. Это комплекс идей, выдвинутых в работе Рональда Коуза и обычно именуемых теоремой Коуза.

Согласно традиционному анализу внешних эффектов, связанному с именем Пигу, внешний эффект возникает там, где действия одной стороны причиняют другой такие убытки, которые первая не обязана компенсировать. Это ведет к неэффективному результату, поскольку первая сторона, принимая решение, игнорирует издержки второй. Таким образом, например, железнодорожная компания может допускать разбрасывание искр своими локомотивами, даже если это вызывает случайные пожары на соседних полях. Модификация двигателя для предотвращения разбрасывания искр должна быть оплачена компанией; издержки пожаров являются внешним эффектом, который испытывают фермеры. Традиционное решение называется налогом Пигу: железнодорожная компания объявляется несущей ответственность за нанесенный ущерб и может либо платить, либо перестать наносить ущерб — в зависимости от того, какой вариант связан с меньшими издержками.

Коуз отметил, что в этом и во многих других случаях издержки не просто навязываются одной стороной другой, а, скорее, возникают в результате несовместимой деятельности двух сторон. Пожары являются результатом действий как железнодорожной компании, использующей разбрасывающие искры локомотивы, так и фермеров, выращивающих огнеопасный урожай прямо около железной дороги.

Эффективным решением могла бы быть модификация локомотивов, но им также могло бы стать и выращивание другой культуры. В последнем случае налог Пигу на железную дорогу ведет к неэффективному результату.

Следовательно, первый шаг анализа Коуза — это вывод, что у проблемы внешних эффектов нет общего решения. Законодательная власть при установлении общих законов не может знать, какая сторона в каждом конкретном случае может избежать возникновения проблемы с самыми низкими издержками. Если же попытаться решить эту проблему с помощью закона, делающего ответственной ту сторону, которая может избежать данной проблемы с меньшими издержками, то проблема оценки издержек перекладывается на суд. В этом случае каждая сторона имеет стимул исказить издержки своих потенциальных мер предосторожности, чтобы сделать другую сторону ответственной за предотвращение ущерба.

Второй шаг Коуза состоял в том, что он отметил: как подобная аргументация, так и традиционный анализ внешних эффектов иг-

норируют возможность соглашений между сторонами. Если закон делает железную дорогу ответственной за ущерб, в то время как фермеры могут предотвратить его с меньшими издержками, то в интересах как фермеров, так и железной дороги провести переговоры и заключить соглашение, по которому железная дорога платит фермерам за то, чтобы те выращивали клевер вместо зерновых вдоль железнодорожной линии. Следовательно, это направление анализа ведет к выводу о том, что независимо от начального распределения прав — имеет ли железная дорога право разбрасывать искры или фермеры могут предписывать правила железной дороге и требовать возмещения ущерба — рыночные сделки между сторонами приведут к эффективному результату.

На заключительном этапе рассуждений показывается, что неэффективные результаты все же имеют место на практике и что причиной этого являются транзакционные издержки. Если, например, любой фермер может запретить железной дороге разбрасывать искры, то железная дорога, имея дело с фермерами, встречается с проблемой шантажа. Отдельный фермер может попытаться присвоить большую долю того, что железная дорога экономит, не модифицируя локомотивы, угрожая, что если его требование не будет удовлетворено, то он наложит запрет на железную дорогу независимо от того, как поступят другие фермеры. Если, с другой стороны, железная дорога имеет полное право разбрасывать искры и оплата модификации локомотивов — это забота фермеров, то при сборе денег для этого они сталкиваются с проблемой общественного блага; фермер, уклоняющийся от внесения своего вклада, все равно получает выгоду. Проблема транзакционных издержек данного вида может сорвать процесс торга между сторонами, который мог бы привести к эффективному результату.

Выводом из всех этих рассуждений является теорема Коуза, которая гласит, что в мире с нулевыми транзакционными издержками любое начальное определение прав приведет к эффективному результату. Она важна не потому, что мы живем в таком мире, а потому, что помогает нам по-новому взглянуть на большую область проблем, появляющихся в результате транзакционных издержек, из-за которых стороны не могут прийти к соглашению на пути к эффективному результату.

Этот подход представляет собой как важное изменение в традиционном экономическом анализе внешних эффектов, так и мощный инструмент для анализа правовых институтов. Многие такие вопросы могут быть рассмотрены как вопросы о наборах или «пучках» прав собственности. Если я приобретаю участок земли, то

покупаю ли я тем самым право громко шуметь на этом участке? Право запрещать проходящим локомотивам выбрасывать на него искры? Право хранить находящиеся на нем объекты, могущие быть опасными для соседей при случайном нарушении правил обращения с ними? С точки зрения теоремы Коуза решение всех таких вопросов должно начинаться с выяснения того, какой набор прав должен привести при различных обстоятельствах к эффективному результату, и далее, если конкретный начальный набор прав ведет к неэффективным результатам, насколько легко будет для участников провести переговоры об изменениях, чтобы сторона, придающая наибольшую ценность одному из прав в наборе, приобрела это право у его первоначального владельца.

Приведем один пример, называемый законом о привлекательной опасности. Включает ли право собственности на земельный участок право устанавливать на нем открытые цементные баки, полные смертельно опасными химикатами, огражденные только большим плакатом, который вовсе не является препятствием для малолетних нарушителей, не умеющих читать? Немедленный ответ заключается в том, что право принятия решения о необходимости огораживания баков должно принадлежать, скорее, родителям в округе, чем владельцу собственности. Продолжение ответа — в том, что если закон дает это право владельцу, включая его в совокупность прав, называемых «правом собственности на землю», то купить это право будет сложно для родителей, поскольку родители при покупке согласия владельца на установку высокого ограждения вокруг его баков сталкиваются с проблемой общественного блага. Следовательно, у нас есть аргумент в пользу существующего закона об источнике опасности, по которому родитель может предписать владельцу собственности огородить баки, в противном случае он может предъявить иск о возмещении убытков, если пострадал его ребенок. Это — один из примеров того, как метод Коуза освещает разнообразные правовые вопросы.

ПРОГНОЗ: КАКИМ БУДЕТ ЗАКОН. Экономический анализ права или чего-либо другого может рассматриваться либо как попытка понять то, что должно быть, либо как попытка объяснить то, что есть, и предсказать то, что будет. Применительно к экономическому анализу права попытки объяснить и предсказывать приняты две довольно различные формы.

С одной стороны, существует аргумент Ричарда Познера, согласно которому общее право по ряду причин имеет тенденцию к обеспечению экономической эффективности. Анализ того, какие

из юридических правил эффективны, таким образом, дает объяснение существующих юридических правил; и, в свою очередь, существующие юридические правила служат проверкой теорий о том, какие правила эффективны.

С другой стороны, существует подход, связанный с теорией общественного выбора, который рассматривает изданные законы, административное и, возможно, даже общее право как порождения политического рынка, на котором группы интересов преследуют частные цели государственными средствами. Поскольку та сумма, которую группа желает потратить на принятие желаемого закона, зависит не только от ценности закона для этой группы, но также и от ее способности решить проблему общественного блага, побудив участников внести свой вклад, расходы на политическом рынке не отражают точно ценность закона для тех, кто содействовал его принятию, и, следовательно, неэффективные законы — законы, которые наносят больше вреда проигравшей стороне, чем приносят пользы выигравшей стороне, — вполне могут пройти, а эффективные законы могут провалиться. Наиболее очевидное следствие из этого направления анализа — то, что законы имеют тенденцию обслуживать интересы организованных групп за счет интересов неорганизованных групп, поскольку носители первых более способны собрать деньги для лоббирования желаемых ими законов.

ВЫВОДЫ. При взгляде на экономический анализ права поражает, как экономисты пытаются перевести обсуждение с вопросов равенства, законности, справедливости и других подобных вещей на вопросы эффективности. Отчасти дело здесь в том, что экономисты учитывают, а ученые-юристы, как правило, не учитывают воздействия юридических правил на рыночные цены. Приняв во внимание такие воздействия, часто можно прийти к выводу, что распределительный эффект законов исчезает. Частично причина в том, что экономисты предполагают, а ученые-юристы — не всегда, что законы модифицируют поведение людей. Если это так, то при оценке юридических правил мы должны задать вопрос не только о том, обеспечивают ли они справедливый исход в данном конкретном случае, но также и о том, будет ли в некотором смысле желательным их воздействие на тех, кто знает эти правила и изменяет свое поведение в соответствии с ними.

Второе наблюдение заключается в том, что экономический анализ часто обнаруживает, что в основе юридических правил, которые обычно рассматривались как полностью вытекающие из требований справедливости, лежат аргументы эффективности. Простым

примером служит закон против воровства. На первый взгляд кража совсем не связана с экономической эффективностью и вор выигрывает ровно столько, сколько проигрывает его жертва, и поэтому данная транзакция, будучи несправедливой, не является экономически неэффективной.

Этот вывод, однако, неправилен. Возможность выиграть путем воровства направляет ресурсы в эту сферу деятельности. В состоянии равновесия «предельный» вор получает такой же доход от воровства (очищенный от риска оказаться в тюрьме, стоимости инвентаря и т.д.), какой он получил бы и в другом виде деятельности, т.е. «предельный» вор не получает того выигрыша, который компенсировал бы ущерб для его жертвы. Значит, даже не говоря о справедливости, вор мог бы быть осужден за одну лишь неэффективность его деятельности.

Третье наблюдение заключается в том, что анализ действительных правовых проблем и реальных случаев вынуждает экономиста принимать во внимание некоторые сложности реального мира, которые иначе он никогда бы не заметил, и тем самым дает ему возможность проводить более глубокий и адекватный анализ.

Последнее важное наблюдение состоит в том, что экономическая теория обеспечивает единый подход к различным областям права, который, как правило, отсутствует в традиционном правовом анализе. По словам одного из ведущих практиков в этой области,

«Почти любая проблема неумышленного причинения ущерба может быть решена как контрактная проблема, если задаться вопросом о том, к какому соглашению о мерах безопасности пришли бы заранее люди, участвовавшие в несчастном случае, если бы транзакционные издержки не были чрезмерно высоки...

Аналогично, почти любая контрактная проблема может быть решена как проблема неумышленного причинения ущерба, если задаться вопросом о том, какая санкция необходима для того, чтобы сдержать исполняющую или платящую сторону от участия в социально вредном (расточительном) поведении, таком, как использование уязвимости стороны, выполняющей свои обязательства по сделке первой. Проблемы как неумышленного причинения ущерба, так и контракта могут быть представлены в виде проблем определения прав собственности. Например, можно предположить, что правило небрежности определяет наше право на защиту от случайного ущерба. Само по себе определение прав собственности можно рассматривать как процесс выявления мер, на принятие которых стороны согласились бы, если бы транзакционные издержки не были чрезмерно высоки, для создания стимулов к избежанию потерь ценных ресурсов» (Познер, 2004. Т. 1. С. 340–341).

Любая столь короткая статья может дать лишь очень неполное представление о данной области исследования, и оно обычно сильно смещено в сторону собственных интересов автора. Ссылки на литературу, приведенные ниже, а также ссылки в работах Познера (Posner, 1986) и Гетца (Goetz, 1984) позволяют сделать гораздо более полный обзор.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker, G. 1968. Crime and punishment: an economic approach. *Journal of Political Economy* 76, March, 169–217. [Русск. пер.: Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 282–352.]
- Becker, G. 1976. *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press. [Русск. пер.: Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.]
- Calabresi, G. 1961. Some thoughts on risk distribution and the law of torts. *Yale Law Journal* 70, March, 499–553.
- Calabresi, G. and Melamed, A.D. 1972. Property rules, liability rules, and inalienability: one view of the cathedral. *Harvard Law Review* 85(6), 1089–182.
- Coase, R.H. 1960. The problem of social cost. *Journal of Law and Economics* 3, October, 1–44. [Русск. пер.: Коуз Р. Проблема социальных издержек // Рынок, фирма и право. М.: Дело ЛТД, 1993.]
- Demsetz, H. 1967. Toward a theory of property rights. *American Economic Review, Papers and Proceedings* 57(2), May, 347–59, especially 351–3.
- Ehrlich, I. 1972. The deterrent effect of criminal law enforcement. *Journal of Legal Studies* 1(2), 259–76.
- Goetz, C.J. 1984. *Cases and Materials on Law and Economics*. St Paul, Minn.: West.
- Landes, E.M. 1982. Insurance, liability, and accidents: a theoretical and empirical investigation of the effect of no-fault on accidents. *Journal of Law and Economics* 25(1), April, 49–65.
- Landes, W. and Posner, R. 1978. Salvors, finders, good samaritans, and other rescuers: an economic study of law and altruism. *Journal of Legal Studies* 7(1), 83–128.
- McGee, J.S. 1958. Predatory price cutting: the Standard Oil (N.J.) case. *Journal of Law and Economics* 1, October, 137–69.
- Peltzman, S., 1975. The effects of automobile safety regulations. *Journal of Political Economy* 83(4), 677–725.

- Posner, R. 1986. *Economic Analysis of Law*. Boston: Little, Brown. [Русск. пер.: Познер Р. Экономический анализ права. В 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004.]
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: W. Strahan & T. Cadell [Русск. пер.: Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Tullock, G. 1971. *The Logic of the Law*. New York: Basic Books.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Ральф Дарендорф

Liberalism

Ralf Dahrendorf

Либерализм — это теория и практика реформ, вдохновлявшая мир в течение двух столетий. Либерализм вырос из английских революций XVII в., распространился по многим странам на заре американской и французской революций XVIII в. и доминировал большую часть XIX в. Правда, в XIX в. он претерпел серьезные изменения. Некоторые считают, что он умер или уступил дорогу социализму или, во всяком случае, позволил социалистическим идеям себя извратить. Другие считают социальные преобразования второй половины XIX и XX вв. торжеством нового либерализма. Не так давно интерес к исходным идеям либерализма возродился. Таким образом, следует различать классический либерализм, социальный либерализм и неолиберализм.

Классический либерализм представляет собой простую, но яркую философию. Ее центральная идея — это свобода в рамках закона. Необходимо разрешить людям преследовать собственные интересы и цели, ограничив их свободу лишь правилами, не позволяющими ущемлять свободу других. Ранние либералы до и после Джона Локка любили использовать метафору общественного договора: общество возникает из некоего соглашения между его членами, призванного защитить каждого от эгоистических устремлений остальных. «Несоциальная социальность» человека (по Канту) требует введения правил, которые бы всех связывали, оставляя при этом максимально допустимый простор для конкуренции и борьбы.

В действительности ранние либералы не собирались, конечно, строить общество на пустом месте. Они хотели лишь заставить диктаторов, наделенных абсолютной властью, уступить требованиям свободы. Идея о диктате закона, о котором мечтали либералы, была поистине революционной силой, возвестившей о наступлении просвещенной эпохи в современной истории.

Понятие главенства закона не является однозначным. Во-первых, оно во многом формально. На ум приходит сравнение законов с правилами игры, которым должны подчиняться все игроки и которые регулируют социальные, экономические и политические процессы в обществе. По идее, эти правила не должны предопределять исход самой игры. Впрочем, выполнение даже таких формальных требований, как равенство всех перед законом и судом, предполагало осуществление фундаментальных перемен в обществе, позволяющих называть либерализм движением реформ. Однако на протяжении всей истории либерализма оставался нерешенным вопрос об основных неотъемлемых правах человека, т.е. о том, как должны соотноситься права человека и закон. Неприкосновенность личности и свобода выражения всегда признавались либеральными идеалами наряду с конституционными правилами, но обосновать необходимость столь существенных прав либералам удавалось не часто. Нет сомнений, что между либеральной мыслью и концепцией естественных прав человека всегда существовала некоторая напряженность.

Начало классическому либерализму было положено в Англии и Шотландии. Джон Локк, Давид Юм и Адам Смит — вот лишь три имени из многих, о которых можно было бы упомянуть. С британских островов идеи либерализма перенесли в Соединенные Штаты и страны континентальной Европы. У либералов-англичан их частично позаимствовали Монтескье и Кант. Принятие Декларации независимости и Конституции США, а также Декларации прав человека спустя три года после Великой французской революции — это лишь два примера практической реализации идей либералов. Если угодно, можно, следуя Фридриху фон Хайеку, различать британский «эволюционный» либерализм и континентальный «конструктивистский». Однако в начале XIX в. оба этих течения стали основными в реформаторском движении и определили развитие Европы и Северной Америки начиная с 80-х годов XVIII в. и вплоть до 40-х или даже 50-х годов XIX в.

Либерализм оказал влияние на экономическую, социальную и политическую мысль. Его приложение к экономике наиболее очевидно и наиболее известно. Если необходимо установить только правила игры, а во всем остальном частные интересы могут проявлять себя как угодно, это и есть все необходимое для рынка. Это именно та среда, в которой равное право доступа и участия в сочетании с различными и конкурирующими интересами ведут через действие «невидимой руки» (Адам Смит) к максимальному благополучию всех. Либерализм и рыночный капитализм неразделимы,

как бы ни старались более поздние европейские теоретики (особенно в Германии и Италии) их разъединить.

В социальной области либерализм привел к появлению понятия «общественности» (*public*) или публичного форума, где сходятся различные точки зрения и возникает «общественное мнение». В Европе предпочитают выражаться более категорично — здесь говорят об эмансипации общества от государства. Во всяком случае, основная идея состоит в переходе от всеохватывающей системы подчинения традиционным властным структурам к такой, где государственная власть ограничена некоторыми задачами регулирования и, таким образом, должна даровать и защищать свободу индивидов выражать свое мнение.

Именно в этом классический либерализм способствовал становлению не только рыночного капитализма и социального партнерства, но и того, что ныне называется демократией. Впрочем, и это понятие ясным и четким никак не назовешь. Демократию можно понимать как систему правления, основанную на конкуренции взглядов — индивидуальных или групповых — в борьбе за власть, которая ведется в рамках правил, ограничивающих выбор дозволенных приемов и допускающих возможность перемен. В этом смысле целый ряд конституционных форм демократии отвечает либеральным взглядам, включая разные формы представительной власти и плебисцита. Либерализм — это не анархия, хотя анархия в каком-то смысле есть экстремальная форма либерализма. Закон играет ключевую роль в учении либералов, однако долгое время их основной заботой было освобождение человека от невольничьих цепей, в которые его заковывала конкретная власть государства (и церкви) или абстрактная власть привычки. Не удивительно поэтому, что многие довели эту сторону либерализма до крайности. Если они верили в изначальную добродетельность человека, то выступали за отмену всех общественных ограничений (временами нечто подобное проповедовал Жан-Жак Руссо). Если же они признавали амбивалентность человеческой природы, то не боялись требовать ничем не ограниченного пространства для маневра «тому единственному и его собственности» (Макс Штирнер).

Возможно, именно это анархическое направление, присущее раннему либерализму, и послужило причиной наступившей в XIX в. реакции. Маркс был первым, кто, отметив историческую заслугу идей «буржуазного» равенства перед законом, включая договорную основу экономической деятельности, при этом указал и на ту цену, которую многим приходится платить за «анархичность» возникающего в результате рынка. Рынок — и эта точка зрения завоевы-

вала все больше сторонников — на самом деле не нейтрален, он благоприятствует одним игрокам за счет других. В качестве примеров приводились массовое обнищание, тяжелые условия труда и жизни в промышленных центрах. Причем так считали не только антилибералы. Не всегда последовательный в своих взглядах Джон Стюарт Милль также высказывался подобным образом.

Существуют две разные точки зрения на то, какими путями шло развитие либеральных идей и общественных движений. Одни считают, что во второй половине XIX в. и первых десятилетиях XX в. либерализм в качестве доминирующей силы был заменен социализмом. Идея ничем не ограниченного рынка стала терять сторонников, начался поиск новых форм регулирования. Сегодняшние авторы добавляют, что за этим последовали «структурные изменения общественности» (Ю. Хабермас) и бюрократизация демократии. Либерализм «умер странной смертью»: он перестал быть движущей силой реформ и превратился в оплот интересов господствующего класса.

Другие считают, что и новые реформы произошли благодаря либералам, хотя они и исповедовали несколько иной либерализм. В своем выступлении на чтениях памяти Альфреда Маршалла в 1949 г. Т.Х. Маршалл утверждал, что с определенного момента развитие гражданских прав должно было выйти за рамки правовой и политической сферы и вторгнуться в сферу социальную. Оказалось, что социальные гражданские права являются необходимой предпосылкой для реализации равенства всех перед законом и всеобщего избирательного права. Таким образом, социальное государство, или «государство всеобщего благосостояния», есть всего лишь логическое продолжение процесса, начало которому положили революции XVIII в.

В поддержку данного утверждения можно привести много доводов, особенно если вспомнить, что два человека, которые делали погоду в политической мысли и политике с 1930-х по 1940-е годы, — Джон Мейнард Кейнс и Уильям Беверидж — сами себя считали либералами. На самом деле они развивали идеи, которые предполагали ограничение стихии рынка. Первый из них останется в истории как автор концепции целенаправленных мер экономической политики, принимаемых государством по регулированию экономики. Второй внес большой вклад в создание систем социальных пособий, через которые государство перераспределяет средства между своими членами во имя предполагаемого общего интереса. Другими словами, это были либералы, выступавшие в поддержку мер, которые вели не к ограничению, а к усилению

государства. Их либерализм был уже не требованием формального равенства, а содержательным социальным либерализмом.

Либеральным партиям было не просто следить за всеми поворотами либеральной теории. До Первой мировой войны, когда социалистические партии переживали период младенчества и еще не могли определять политику ни в одной крупной стране, либералы часто выступали от имени бесправных и неимущих. Так что по крайней мере одно течение либеральной традиции в то время еще продолжало оставаться реформаторским. Однако после Первой мировой войны социалисты и социал-демократы пришли к власти во многих странах. Их победа стала поражением либералов. Либеральные партии сошли с политической сцены или же, сохранив слово «либеральная» в своем названии, до неузнаваемости изменили свою политику, приблизив ее либо к социал-демократии (в Канаде), либо к консерватизму (в Австралии). В самом деле либерализм как политическое движение стал представлять собой настолько запутанную картину, что это позволило Хайеку утверждать, что о либерализме можно говорить лишь как об интеллектуальной, но уже не как о политической силе.

Опыт тоталитаризма прервал этот процесс, не остановив его, правда, окончательно. К удивлению и негодованию многих, вопрос об основных правах человека и о правилах игры для гражданского правительства снова встал в 1930-х и 1940-х годах. Это послужило толчком к появлению целого направления литературы, в котором заново раскрывались ценности, лежащие в основе либеральной идеи. Примером произведений такого рода могут служить *Дорога к рабству* Хайека и самая, пожалуй, главная работа — *Открытое общество и его враги* Карла Поппера. Основной заслугой Поппера можно считать то, что он разработал эпистемологию либерализма. Мы живем в мире неопределенности. Поскольку никто не может знать все ответы, не говоря уж о том, чтобы знать, который из них верный, очень важно иметь возможность получать разные варианты ответов и в каждый данный момент времени, и с течением времени особенно. Политика, как и познание, идет путем проб и ошибок. Этот принцип может быть применен и к экономике, и к обществу в целом.

Либеральный отпор тоталитаризму исчез вместе с памятью о самом тоталитаризме¹. Хотя в 1950-х годах в Германии был придуман термин «социальное рыночное хозяйство», четверть века эко-

¹ Речь в данном случае, очевидно, идет только о германском тоталитаризме. — *Прим. науч. ред.*

номического чуда была на самом деле эпохой торжества социал-демократических идей. Экономический рост почти повсеместно сопровождался усилением роли государства и расширением его социальных функций. Получение пособий стало не менее важным, чем выполнение своих обязательств. Согласие стало значить больше, чем конкуренция или конфликт.

Несмотря на отдельные трудности, это был очень успешный период для стран «первого мира». Однако в 1970-х годах побочные эффекты этого прогресса сами превратились в серьезную проблему. И речь идет не только об очевидных проблемах типа экологических или социальных «пределов роста», но и о проблемах системных, связанных с государственным вмешательством в экономику. Идеи Кейнса и Бевериджа стали подвергаться сомнению. Ни стагфляция 1970-х, ни всплеск безработицы в 1980-х годах уже не поддавались государственному регулированию. Социальное государство вышло из-под контроля, финансировать его становилось все трудней и трудней, а бюрократизация лишала его остатков привлекательности. Раздавались требования о смене курса.

Там, где этот поворот произошел, он оказался половинчатым, робким и непоследовательным. Но этот новый климат дал также толчок к появлению новых элементов в теории либерализма. В некотором смысле эти новые элементы озаменовали собой возврат к первоначальным идеалам либерализма — идее приоритета общества перед государством, рынка — перед планированием и регулированием, прав человека — перед могуществом власти и коллектива. Американские авторы внесли особенно большой вклад в новое осмысление идей либерализма. Милтон Фридмен привел ряд аргументов в пользу того, что большая роль государства обычно противоречит интересам граждан. Роберт Ноузик убедительно обосновывал «минимальное государство» и выступал против самонадеянности современной государственной власти. Джеймс Бьюкенен и «конституциональные экономисты» вновь обратились к идее общественного договора и потребовали резко ограничить сферу государственного регулирования, в том числе — фискальную систему. Именно эта тенденция в гораздо большей степени, чем так называемая «экономика предложения» (которая в известном смысле есть просто поставленный с ног на голову Кейнс), означает возрождение либерализма.

У этого многогранного понятия есть и другие грани. Для кого-то либеральная программа — это борьба за предоставление гражданских прав угнетенным. Другие главной задачей либерализма до сих пор считают отделение церкви от государства и уменьшение ее

влияния в обществе. Третьи воспринимают либерализм как защиту культурных ценностей, включая такие, как плюрализм и творчество. Нетрудно увидеть связь всех этих движений с основным течением либеральной мысли.

В этом основном течении есть три основных элемента. Либерализм — это теория и практика реформ во имя *индивидуальных свобод* перед лицом *неопределенности*. А раз так, то у либерализма нет и не может быть раз и навсегда заданной главной идеи. Перед лицом абсолютизма его главным идеалом является свобода, ограниченная лишь законом, перед лицом рыночного капитализма — это полная реализация гражданских прав, перед лицом «рабских оков» современного бюрократического государства (по Максус Веберу) — борьба за оптимальное, если не минимальное, вмешательство государства. В развитых свободных странах сегодня очень активно ведется борьба за идею общественного договора. Кризис социального государства, новая безработица, проблема закона и порядка — все это ставит фундаментальные вопросы: что же по праву принадлежит кесарю и где должен быть положен предел притязаниям индивида? И не случайно в ряде стран на передний план сегодня вышли конституционные проблемы. В такие моменты либерализм обретает второе дыхание. Он не сможет разрешить всех проблем, но останется источником движения и прогресса, раскрывающего все больше возможностей в жизни для все большего числа людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Buchanan, J. 1975. *The Limits of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press [Русск. пер.: Бьюкенен Д. Избранные труды. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 207–439.]
- Habermas, J. 1962. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Neuwied: Luchterhand.
- Hayek, F. von. 1944. *The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press. [Русск. пер.: Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Эконов, 1992.]
- Hume, D. 1740. *A Treatise of Human Nature*. Ed. L.A. Jelby-Bigge, Oxford: Clarendon Press, 1888 [Русск. пер.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. В 2 т. М.: Канон, 1995.]
- Kant, L. 1784. *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. In *Kants Populäre Schriften*, ed. P. Menzer, Berlin: Georg Reimer, 1911.
- Locke, J. 1690. *Second Treatise of Government*. Ed. T.P. Peardon, New York: Liberal Arts Press, 1952.

- Marshall, T.H. 1950. *Citizenship and Social Class*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Popper, K.R. 1952. *The Open Society and its Enemies*. 2nd edn, London: Routledge 2 Kegan Paul [Русск. пер.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.]
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Oxford: Oxford University Press, 1976. [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Stirner, M. 1845. *Der Einzige und sein Eigentum*. Leipzig: D. Wigand [Штирнер М. Единственный и его собственность.]
- Weber, M. 1922. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 4th edn., Tübingen: Mohr/Siebeck, 1956. [Русск. пер.: Вебер М. Хозяйство и общество. М.: ГУ ВШЭ, 2007.]

СВОБОДА

Алан Райан

Liberty

Alan Ryan

В *Философии истории* Гегель утверждал, что всемирная история есть история свободы. Человеческая история была процессом обучения и самопознания, и в ходе этого процесса люди смогли понять, что именно свобода и разум составляют их сущность. Но Гегель осознавал, что «свобода» на различных этапах истории означало разное, и эта истина была причиной того, что философы не смогли дать окончательный и однозначный ответ на вопрос «что такое свобода?».

Первые дискуссии о свободе в западной политической мысли возникли еще в Греции. Аристотель, например, определяет политику как уклад жизни, при котором свободные люди управляют друг другом по очереди; т.е. свобода следует из гражданских правоотношений. «Несвободными» считаются все те, кто вынужден подчиняться власти, не дав на то своего согласия. Персами деспотично правят, и поэтому они несвободны; женщины не играют никакой роли в политике и зависят от своих мужей; рабы полностью подчинены своим хозяевам; и даже если работники ручного труда будут свободными в строгом смысле, у них все равно не хватит ни времени, ни умственных способностей для того, чтобы участвовать в гражданских правоотношениях. Свобода является исключительно достоянием греков, только они формируют политику.

Точка зрения Аристотеля не отражала мнения всех греков; в *Надгробной речи* Перикл восхвалял афинскую свободу, но при этом он использовал этот термин так, как его понимает любой читатель XX в.: жители Афин терпеливо относились к многообразию и не считали, что для достижения политического единства необходимо лишать себя полноценной частной жизни. Но, как и Аристотель, Перикл считал абсолютно естественным то, что женщины и рабы были обречены на безвестность и что вопрос об их

свободе не ставился. Платон был категорически против свободы, которую он определил как неограниченную возможность делать то, что заблагорассудится; как он писал в *Республике*, демократия настолько привержена свободе, что на улицах Афин даже ослы не уступают вам дорогу. Не свобода, а дисциплина, озаренная философией, делает людей хорошими, а общество стабильным.

Римская политическая мысль привнесла в этот спор три существенных дополнения. Первое из них заключалось в усложнении дискуссии о самом лучшем способе избежать тирании одного человека или социального класса: республиканский тип свободы был защищен лучше остальных «смешанной конституцией» с элементами монархии, аристократии и демократии. Второе дополнение состояло в том, как римское право трактовало статус и сущность рабов: они считались несвободными по своей природе, будучи, как говорят юристы, «мертвыми для закона» или «постоянно детьми». Они не имели законных прав личности и всегда (даже являясь богатыми управляющими и сильными администраторами) могли потерять все, чем владели, поскольку не были защищены законом. Третьим дополнением было развитие концепции свободы, не связанной с политикой. Оно выражалось в заявлении императора-стоика Марка Аврелия, гласящем, что раб может быть так же свободен, как и император. Если раб достаточно стойко переносил все невзгоды своей жизни, это означало, что он умел владеть собой, — а что же такое свобода, как не состояние независимости, или контроля над собой?

Возрождение интереса к представлениям греков и римлян о «свободе» в широком понимании произошло только в конце Средневековья, но этого нельзя сказать о проблеме политической свободы. При господстве, часто номинальном, Священной Римской империи возникли «свободные города», и независимые республики Северной Италии так никогда и не порвали свою связь с древней традицией. Во Флоренции или Венеции свобода понималась как условие, обеспечивающее защищенность самоуправления от вмешательства извне или от тирании местных аристократов и деспотов. Следует заметить, что ни в одном споре о свободе в таком значении не утверждалось, что экономическая свобода, или принцип «невидимой руки», представляет собой часть свободы, или принцип *laissez-faire* представляет часть свободы, понимаемой таким образом. Действительно, поскольку основной проблемой было создание, с одной стороны, надежной вооруженной силы, а с другой — не тиранищего правящего класса, поиск граждан и правителей, проникнутых заботой об инте-

ресах общества, сводился к осуждению частного интереса и стремлению к обогащению.

По мере того как феодальные и военные принципы землевладения изживали себя и возникали отношения, более близкие к сегодняшним, постепенно формировалась альтернативная концепция свободы. Определить дату этой трансформации трудно, но можно говорить об освобождении английской земельной собственности от феодальных порядков прошлого как о процессе, начавшемся в XIII в. Вместе с ним происходило расширение масштабов централизованного правосудия и усложнение процедур защиты законных прав. Совместное действие этих двух процессов привело к появлению идеи о том, что свобода, помимо всего прочего, есть возможность человека как частного лица пользоваться частными правами и знать, что эти права определяют границы того, что может делать власть предрешающая, и то, как они это могут делать.

Таким образом, в XVI и XVII вв. существовали два альтернативных подхода к пониманию политической свободы. В это время политическая практика находилась под влиянием протестантских доктрин, отвергавших социально обусловленную мораль и утверждавших, что истинная свобода осуществима не в этом мире, а в мире ином. Такой подход мог привести к политическому квиетизму или к вспышкам радикальных настроений, таким как анабаптистская революция в Мюнстере. Все эти доктрины с полным правом могли называться теориями свободы, и они, естественно, предлагали различные подходы. Те, кто искал образ свободы в прошлом, в древних республиках, видели в триумфе принципа невмешательства государства и защиты индивида проявление полного морального разложения. Оппоненты считали их тоскующими по прошлому и оторвавшимися от реальности и критиковали как нарушителей спокойствия, когда те настаивали на том, что люди должны следовать своей совести, а не эдиктам правителей, обвиняли их в апатии, если они были квиетистами.

В XVIII в. серьезные авторы, пишущие на темы политики, придерживались различных концепций. Отношение Адама Смита к принципу *laissez-faire* сегодня чаще всего считают двойственным: простая система естественной свободы имеет свои побочные эффекты, и они объясняются с привлечением «республиканской» терминологии. Эти эффекты включают неспособность обычного человека демонстрировать военную отвагу своих римских предков и опасность, что богатство подорвет институты, которые защищают нас от тирании. Руссо резко осуждал людей XVIII в. за то, что они были проникнуты идеей личного обогащения, а не республи-

канским духом. Он жаждал спартанского простодушия, но одновременно признавал, что в современной ему Европе невозможно возродить Спарту. Ему мы обязаны очень простой классификацией типов свободы: естественная свобода — это то, чем мы пользуемся, когда на нас не накладывается никаких ограничений; моральная свобода — то, чем мы наслаждаемся, когда следуем правилам, которые накладывает на нас принцип терпимости и доброжелательности; и гражданская свобода — это то, чем мы пользуемся, являясь гражданами, участвующими в создании законов, которым мы подчиняемся. Нельзя сказать, что Руссо полностью удалось определить тот тип свободы, достижение которого следует ожидать в современной Европе; возможно, он надеялся, что правовые нормы будут учитывать моральную свободу, — его читатели-якобинцы надеялись воссоздать римскую гражданскую свободу в республике, основанной на добродетели.

Бедствия революции подтолкнули Бенжамина Константа¹ к написанию очерка *Essai sur la liberté des anciens comparée à celle des modernes* (Очерк о сопоставлении античной и современной свободы). В нем автор противопоставил свободу, которой обладали жители античного города-государства, той свободе, которую имеет современный человек. Свобода в античном мире была по своей сути политической и заключалась в праве принимать участие в политических процессах и управлении государством. Наша свобода является прежде всего частной свободой и заключается в защищенности законом и обладании правом преследовать свои интересы, не подвергаясь постороннему вмешательству. Поскольку мы не можем воссоздать социальные условия греческого города-государства, мы не можем обладать и той свободой, которую имели древние. Но мы и не хотим этого, поскольку не хотим ни рабства, от которого зависела свобода мужского населения городов, ни бесконечных войн, в которых участвовали античные республики. Подобные политические права, которые отражены в американской Конституции, играют ключевую роль в сохранении современной свободы. Но помимо этого, они необходимы для «самозащиты», для того, чтобы мы не превратились в горожан Древнего Рима.

В последующих дискуссиях главным был вопрос о том, сколько свободы имеет на самом деле человек сегодня. Объект спора переместился от политической свободы к более широким и вместе с тем менее точно определенным понятиям социальных, экономи-

¹ Генри-Бенжамин Констант де Ребек (1757–1830) — французский политический деятель. — *Прим. науч. ред.*

ческих и психологических ограничений. В очерке *О свободе* Милль отстаивает тезис, что, хотя англичане и обладают политической свободой, они не имеют социальной свободы. Общественное мнение сдерживает абсолютно всех, кроме самых дерзких и смелых личностей; угроза общественного неодобрения заставляет многих людей бояться несогласия с большинством по каким бы то ни было вопросам. Случается, что эта тирания намного хуже многих форм политического деспотизма, потому что она порождает меньшую оппозицию и действует безмолвно и незаметно. Милль выступал против этого конформизма, выдвинув два принципа: один негативный — мы должны ограничивать свободу других только для самозащиты, а не просто ради того, чтобы заставить их соглашаться с нами; другой — позитивный — мы должны понимать, что индивидуальность есть отличительная черта человеческой природы, и мы являемся свободными только тогда, когда наши идеи и жизнь принадлежат только нам. С тех пор подобные точки зрения высказывались социологами и психологами; притом многие считали, что тирания большинства менее ужасна, чем наша готовность в тех или иных случаях самим отказываться от свободы. Однако все были согласны с тем, что политическая свобода, хотя и очень важна, может быть только началом полной свободы.

Утверждение, что принцип невмешательства государства приводит к меньшей свободе, чем предполагали его защитники, было высказано еще в XVIII в. Но в последние полтора века оно было главным предметом спора между защитниками капитализма и критикующими его социалистами. Те, кто отождествлял свободу со свободным предпринимательством, утверждали, что человек, не имеющий собственности или профессии, нужной на рынке, пусть и находится в более тяжелом положении, но не менее свободен, чем тот, кто обладает имуществом или востребованной специальностью. Такое понимание свободы противоречит фактам: если бы этот человек был способен преуспеть в жизни, никто бы не смог помешать ему. Бедняк не может обедать в «Рице», но вовсе не потому, что он для этого недостаточно свободный. К этому часто добавляют утверждение, которое стало популярным со времен написания Исайей Берлиным *Двух концепций свободы* (1958): свобода есть отсутствие принуждения. Нельзя смешивать негативно понимаемую свободу — быть свободным что-либо сделать, с позитивной — быть способным что-либо сделать.

Многие резко критиковали различные аспекты этой концепции. Маркс, например, заявлял, что различие между богатыми и бедными при капитализме исходно являлось следствием насильствен-

ной конфискации собственности свободных землевладельцев, так что в основе «свободного обмена» лежит принуждение. Милль утверждал, что возможности выбора у беднейшего рабочего ограничены так же сильно, как и у раба. Многие авторы считали, что различие между возможностью и способностью, с одной стороны, и отсутствием принуждения — с другой, не является таким важным, как это представлялось раньше. Другие придали дискуссии более общий характер, заявив, что мы говорим об отсутствии выбора уже тогда, когда обстоятельства или люди диктуют нам то, что мы должны делать. Следуя за Марксом, критики несвободы при капитализме говорили о тирании капитала, о тирании капиталистов над рабочими, а иногда и то, что капитал сам по себе заставляет капиталистов превращать рабочих в эксплуатируемых. Попытки философов показать, что подобный спор не является спором о свободе — поскольку затрагиваются проблемы справедливости, счастья и самоуважения — не имели успеха. Но это вовсе не означает, что кто-либо имеет четкое представление о том, в чем в действительности состоит экономическая свобода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Berlin, I. 1969. *Four Essays on Liberty*. Oxford: Oxford University Press. [Русск. пер.: Берлин И. Четыре эссе о свободе. Лондон, 1992. См. также: Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.]
- Hegel, G.W.F. 1822–1830. *Lectures on the Philosophy of World History: Introduction*. Trans. H.W. Nisbet, Cambridge and N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1975. [Русск. пер.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000.]
- Lukes, S.M. 1985. *Marxism and Morality*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Macpherson, C.B. 1973. *Democratic Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Mill, J.S. 1859. *On Liberty*. Harmondsworth: Penguin Books, 1974. [Русск. пер.: Милль Дж.С. О свободе // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995.]
- Nozick, R. 1974. *Anarchy, State and Utopia*. N.Y.: Basic Books; Oxford: Basil Blackwell. [Русск. пер.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.]

ДЖОН ЛОКК

Карен И. Вон

John Locke

Karen I. Vaughn

Джон Локк (1632–1704), философ и автор *Опыта о человеческом разумении*, *Двух трактатов о гражданском правлении* и *Письма о веротерпимости*, получил образование в Вестминстерской школе и колледже Крайстчерч, Оксфорд, где получил степень бакалавра в 1656 г. и магистра в 1659 г. Он читал лекции по греческому языку и нравственной философии, по собственной инициативе изучал экспериментальную медицину, в свободное время посещал неортодоксальную экспериментальную группу Роберта Бойля. В 1666 г. он вошел в дом Энтони Эшли Купера, первого графа Шефтсбери, где приобрел интерес к политическим и экономическим вопросам. Осторожное участие Локка в политике вынудило его в 1680-х годах провести недолгое время в изгнании в Голландии, пока король Яков II не отрекся от престола и на британский трон не взошли Вильгельм III и Мария Оранские. Локк был известен как философ и государственный служащий. Частью его вклада в общественную жизнь была организация Торговой палаты в 1695 г. и последующая служба в качестве уполномоченного палаты вплоть до 1700 г.

Вклад Локка в экономическую мысль состоял из двух больших эссе и одного маленького памфлета. Первое экономическое сочинение Локка — *Некоторые соображения о последствиях снижения процентной ставки и увеличения стоимости денег* — был также и наиболее важным. Хотя он работал над черновиками этого сочинения более двадцати лет, оно было опубликовано лишь в 1691 г. — как попытка побудить парламент отвергнуть проект о снижении допустимого законом максимального уровня ставки процента с 6 до 4%. Хотя это сочинение, слишком сложное и аналитическое для того, чтобы повлиять на обсуждение, не смогло убедить парламент, именно его непригодность как средства политического убеждения делают его интересным для истории экономической мысли.

Во времена основанной на меркантилизме веры в регулирование экономики Локк — философ, следующий принципам естественного закона, — начал свое сочинение с вопроса: «Может ли цена найма денег (ставка процента) регулироваться законом?» (*Some Considerations*, p.1). Его ответ гласил «явно нет», так как ставка процента — это цена, а все цены определяются законами природы, находящимися вне контроля со стороны политических законов. Политики могут принять закон о процентной ставке, но они не в состоянии осуществить намеченное. Люди, не желая расстаться с «возможностью выгоды», будут обходить ограничения на процентные ставки так, что эффективная процентная ставка поднимется выше того уровня, который установился бы на рынке в отсутствие ограничений, что вызовет недостаток заемных средств, повредит торговле и приведет к несправедливому перераспределению богатства.

Локк основывал свои выводы на тщательно разработанной теории ценообразования, которую применял ко всем обмениваемым благам. Будучи примитивной по современным стандартам, его теория ценообразования тем не менее с замечательной точностью предсказывала верное направление изменения цены в ответ на изменения лежащих в основе ее переменных. Он четко показал, что величина спроса обратно связана с ценой на товар, в то время как величина предложения связана с ней прямо. Он имел представление о равновесной цене и фактически пользовался термином «равновесие» в нескольких контекстах. Тот факт, что наиболее интересовавшей его ценой была ставка процента, привел его к разработке чрезвычайно прогрессивной монетарной теории, которая, возможно, является его наиболее значительным вкладом в развитие экономической мысли.

Теория ценности Локка начинается с предпосылки о том, что для экономического обмена важны только относительные значения. Не существует внутренних ценностей, позволяющих всегда обменивать определенное количество одного блага на определенное количество другого. Меновая ценность зависит исключительно от пропорции между количеством блага, предлагаемого к продаже, и возможностями его сбыта — величиной спроса. Те же принципы применялись к ценности денег. Деньги были специальным товаром, обладающим двоякой ценностью: потребительной и меновой. Потребительная ценность денег происходила от их функции денежного капитала, ценой которого была ставка процента. Ставка процента тем самым зависела не от законодательства, но от прибыльности инвестиций и доступных индивидам альтернативных

способов использования денег. Меновая ценность денег, однако, представляла собой особый случай ценности товаров, поскольку в то время как их количество являлось переменным, возможности сбыта денег были «всегда достаточными» (*Some Considerations*, р. 71) — под этим Локк понимал то, что люди согласны иметь любое количество денег в обращении. Следовательно, доказывал он, ценность денег, или их покупательная способность, выражалась исключительно обратной функцией от количества денег в обращении. Количество денег, однако, также зависело от их «быстроты обращения» (*Ibid.*, р. 33), которую он представлял функцией существующих в обществе относительно стабильных привычек людей расплачиваться. В анализе Локка легко заметить раннюю формулировку количественной теории денег.

Локк применил свою количественную теорию денег к проблеме уровня цен на мировых рынках и денежных потоков. Здесь его анализ интересен, так как он утверждал, что «любое количество денег.. способно обслужить торговлю любого объема» (*Ibid.*, р. 75–76), и, следовательно, абсолютное количество денег в любой отдельно взятой стране никак не связано с ее благосостоянием. Однако он также верил, что страны, вовлеченные в международную торговлю, нуждались в том, чтобы поддерживать определенное соотношение между количеством денег и объемом торговли, чтобы не оказаться в невыгодном положении по отношению к своим торговым партнерам. В то время как эта позиция несовместима с простой количественной теорией денег (как в следующем столетии должен был показать Юм), Локк предполагал, что неблагоприятные условия торговли привели бы к депрессии и эмиграции квалифицированной рабочей силы. Иными словами, он предполагал, что изменения денежного предложения влияют на выпуск, что заставляло его отвергать ставки на механизм цен и денежных потоков как способ поддержания торгового баланса.

Второе важнейшее сочинение Локка — *Дальнейшие соображения об увеличении стоимости денег* (1695), — хотя и повторяло многие из его более ранних аргументов, было посвящено прежде всего проблеме перечековки монет. Локк возражал против предложения девальвировать монеты официальной чеканки на 20% и настойчиво агитировал в пользу перечековки в соответствии со старым стандартом находившихся тогда в обращении монет, обесцененных из-за порчи и естественного износа. Деньги, утверждал Локк, суть золото и серебро. Люди заключали сделки в золоте и серебре, а государственный штамп был лишь гарантией их содержания в официальных монетах. Следовательно, девальвация лишь сбивала бы с

толку торговлю и вызвала бы рост номинированных в фунтах стерлингов и шиллингах цен.

Было отмечено, что, поскольку официальная 20%-я девальвация просто узаконила бы фактическую девальвацию, произошедшую из-за порчи и естественного износа, аргументы Локка не имели отношения к делу. Хотя это, возможно, и справедливо, на самом деле Локк намеревался заявить, что деньги являлись частной собственностью граждан, а не созданием правительства. Он выдвигал моральный аргумент, согласующийся с политической философией, которую излагал во *Втором трактате о гражданском правлении*.

С точки зрения экономиста, *Второй трактат* Локка представляет интерес прежде всего благодаря развитой там теории собственности. Локк утверждал, что индивиды приобретают право на частную собственность в силу того факта, что для того чтобы выжить, они должны сочетать свой труд с не принадлежащими им ресурсами. Локк далее доказывал, что для своего личного пользования человек имеет право создавать столько собственности (как на землю, так и на товары), сколько сможет, до тех пор, пока ничто не тратится зря, и остается достаточно ресурсов для того, чтобы могли прожить и другие люди. На этой основе Локк разработал теорию происхождения денег, согласно которой они возникали из-за стремления людей создать средство накопления ценности, чтобы предотвратить ее потери, а также теорию происхождения государства, основанную на предпосылке об ограниченности территорий.

Доказывая свою точку зрения, Локк утверждал, что частная собственность не только моральна, но и практична, так как за счет производительного труда создается $99/100$ ценность вещей, «полезных для человеческой жизни» (*Second Treatise*, р. 314). Хотя это утверждение было только иллюстративным и не предполагало никакой причинно-следственной связи между затраченным трудом и рыночной ценой, оно на самом деле предоставило стартовую точку для более поздних трудовых теорий ценности.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1690. *Two Treatises of Government*. Ed. Peter Laslett, 2nd edn, Cambridge: Cambridge University Press, 1953.

1696. *Several Papers Relating to Money, Interest and Trade*, etcetera. New York: Augustus M. Kelley. 1968.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Laslett, P. 1957. John Locke, the great recoinage, and the origins of the board of trade, 1695–1698. *William and Mary Quarterly* 14. July, 370–92.
- Leigh, A.H. 1974. John Locke and the quantity theory of money. *History of Political Economy* 6. Summer, 200–19.
- Letwin, W. 1964. *The Origins of Scientific Economics*. Garden City, NY: Anchor Books.
- Vaughn, K.I. 1980. *John Locke: Economist and Social Scientist*. Chicago: University of Chicago Press.

БЕРНАРД МАНДЕВИЛЛЬ

Н. Розенберг

Bernard Mandeville

N. Rosenberg

Мандевилль родился в Роттердаме или его окрестностях¹ в 1670 г. и умер в 1733 г. в Хэрни, Лондон. В 1691 г. он получил степень доктора медицины в Лейденском университете. Мандевилль начал медицинскую практику, специализируясь на «ипохондрических и истерических заболеваниях», о которых он позже опубликовал трактат. Мандевилль переехал в Англию, где в 1699 г. женился, и оставался в этой стране до конца своей жизни. В XVIII в. он был очень популярным автором. Благодаря его трудам его часто называли сатириком, однако эта характеристика неверна и может ввести в заблуждение.

Хотя Мандевилль не был экономистом, его работы оказали существенное влияние на развитие экономической мысли XVIII в. В 1705 г. он напечатал написанный скверным стихом памфлет под названием *Ропящий улей, или Плуты становятся добродетельными*, который в 1714 г. был перепечатан под другим, более известным названием: «Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды». Это и последующие издания памфлета содержали обширные дополнения, пояснения и «обоснования» его более ранних мыслей. *Ропящий улей* первоначально был процветающим и сильным сообществом. Однако когда нравственное состояние его обитателей неожиданным и чудесным образом из порочного превратилось в добродетельное, сообщество быстро обеднело и потеряло многих своих членов.

Главная мысль Мандевилля состояла в том, что общественные выгоды являются продуктом частных пороков, а не частных добродетелей. Этот скандальный с точки зрения общества парадокс был следствием того, что добродетель ассоциировалась с аскети-

¹ В некоторых источниках местом его рождения называется голландский г. Дордрехт. — *Прим. науч. ред.*

ческим поведением. Поскольку поведение, которое, пусть и в малейшей степени, могло определяться эгоистическими мотивами — гордостью, тщеславием, жадностью или похотью, классифицировалось как порок, Мандевиллю было нетрудно сделать вывод: успешный общественный порядок предполагает, что общественные выгоды основываются на частных пороках.

«...Я тешу себя надеждой, что показал, что ни естественные для человека дружелюбие и привязанность, ни реальные добродетели, которые он может приобрести благоумием и самоотречением, не являются основаниями общества; но именно то, что мы называем злом этого мира, мира нравственного и физического, и есть великий принцип, делающий нас общественными существами, твердой основой, жизнью и опорой всех без исключения профессий и занятий: что именно в нем мы должны искать истинный источник всех искусств и наук, и что как только зло прекращается, общество портится, если не исчезает совсем» (Mandeville, 1732, vol. I, p. 369).

Но более продолжительное воздействие оказала его неистовая и непримиримая пропаганда того, что желательные с общественной точки зрения последствия порождаются тем, что индивиды преследуют свои собственные интересы. Важнейшей частью аргументации Мандевилля является то, что жизнеспособный общественный порядок может возникнуть из спонтанных действий, которые продиктованы чисто эгоистическими устремлениями и которые не требуют регулирования ни со стороны правительственных чиновников, ни со стороны тех, кто руководствуется альтруистическими мотивами.

Поскольку начинать дело, не нужное никому, — глупость, такой же глупостью будет увеличивать сверх необходимого количество людей, занятых любым конкретным ремеслом. Жизнь показывает, что было бы нелепо иметь пивоваров столько же, сколько пекарей, или торговцев шерстяными изделиями — столько же, сколько сапожников. Пропорция между количеством занятых каждым делом устанавливается сама собой и сохраняется наилучшим образом именно тогда, когда никто не вмешивается и не воздействует на нее (Mandeville, 1732, vol. I, p. 299–300).

Таким образом, Мандевилль формулирует концепцию экономики, которая сама себя организует и распределяет ресурсы посредством рынка. Хотя серьезного анализа функционирования рыночного механизма здесь нет, присутствует четкое убеждение, что нерегулируемый рынок создает такую систему сигналов и стимулов, что в результате взаимодействия чисто эгоистических мо-

тивов неким образом возникают результаты, способствующие обществу благополучию.

Развивая свои идеи, Мандевилль приводит много острых наблюдений, касающихся причин и последствий разделения труда в обществе. Он рассматривал разделение труда как великий двигатель экономического прогресса. Это наиболее надежный способ для «дикого народа» «улучшить свое положение». Ибо:

«...если один человек полностью посвятит себя изготовлению луков и стрел, в то время как другой будет производить пищу, третий — строить жилища, четвертый — шить одежду, а пятый — делать инструменты, они не только станут полезны друг другу, но и сами их призвания и занятия за одно и то же количество лет подвергнутся гораздо большим улучшениям, чем если каждый человек постоянно переходит от одного из этих занятий к другому» (Mandeville, 1729, vol. II, p. 284).

Хотя у Адама Смита в его знаменитых рассуждениях о разделении труда можно отыскать следы взглядов нескольких предшественников, хорошо известно, что работы Мандевилля Смит прочел и тщательно обдумал. Истоки изумительного описания Смитом разделения труда, когда он рассматривал производство куртки поленного работника, которым завершается первая глава *Богатства народов*, можно найти в более раннем описании того же предмета Мандевиллем — описании, которое на самом деле Смит в значительной степени пересказывает. Более того, часто цитируемый отрывок, содержащий утверждение, что «не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» (Смит, БН. Кн. I. Гл. 2. С. 76–77), непосредственно проистекает из более раннего наблюдения Мандевилля:

«...Все видимое здание [гражданского общества] состоит из взаимных услуг, оказываемых людьми друг другу. Величайшая и практически постоянная забота в жизни каждого индивида состоит в том, как получить эти услуги, когда он в них нуждается. Ожидать, что другие станут служить нам даром, неразумно; следовательно, вся торговля, которую люди могут вести друг с другом, должна быть постоянным обменом одной вещи на другую» (Mandeville, 1729, vol. II, p. 349).

Таким образом, Мандевилль был в некоторых важных отношениях ранним защитником доктрины *laissez-faire* (хотя эта защита не распространялась на внешнюю торговлю, в отношении которой взгляды Мандевилля все еще оставались явно меркантилистскими). Он четко выразил свое видение роли разделения труда в обществе,

а также движущих сил общественных изменений, развития и детерминант общественной сплоченности. Его позиция, которая во многих отношениях была не по времени глубокой, во многом определила круг проблем, которыми экономисты и представители других общественных наук стали заниматься позднее, в XVIII в.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1714. *The Fable of the Bees*. 2 vols, ed. F.B. Kaye, London: Oxford University Press. (This is the definitive edition.) [Русск. пер.: Мандевиль Б. Басня о пчелах. М.: Наука, 2000.]

БИБЛИОГРАФИЯ

- Hayek, F.A. 1978. Dr. Bernard Mandeville. In F.A. Hayek, *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*, Chicago: University of Chicago Press.
- Primer, I. (ed.) 1975. *Mandeville Studies*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Rosenberg, N. 1963. Mandeville and laissez-faire. *Journal of the History of Ideas* 24(2), April, 183–96.
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. New York: Modern Library, 1937. [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Stephen, L. 1876. *History of English Thought in the Eighteenth Century*. 2 vols, London: Smith, Elder.
- Viner, J. 1953. *Introduction to Bernard Mandeville, A Letter to Dion*. Los Angeles: Augustan Reprint Society, Publication No. 41.

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

Алан Райан

John Stuart Mill

Alan Ryan

Воспитанием Джона Стюарта Милля (1806–1873) занимался его отец, Джеймс Милль, который прибегал к советам и помощи Френсиса Плейса и Иеремии Бентама. По замыслу воспитателей, Джон Стюарт должен был освоить последние достижения научной мысли по самым важным и актуальным проблемам и стать своего рода наставником в области логики и общественных наук для политически активных людей, а не политическим лидером философских радикалов¹, как полагают некоторые комментаторы. И он выполнил эту задачу в полной мере. Он стал ведущей фигурой в *Лондонском и Вестминстерском обозрении* в 1830-х годах и в своих трудах — *Система логики* (1843), *Основы политической экономии* (1848), *Эссе о свободе* (1859), *Размышления о представительном правлении* (1861) и *Утилитаризм* (1861)² — создал интеллектуальную систему, охватывавшую обширную область от силлогизма до социализма.

Система Милля начинается с эмпирического подхода к логике, математике и научному объяснению, затем в центре внимания оказываются цели и методы общественной науки. Это определило характер последующих дискуссий по этим вопросам и нашло отражение в *Основах*. Милль отстаивал светскую, утилитаристскую моральную философию. Он показал, что она смогла вместить в себя как рафинированный идеализм, так и представление о том, что индивидуальная свобода является самостоятельной ценностью. В свете этого представления о свободе он критически относился к

¹ Имеется в виду группа радикально настроенных политически активных сторонников философии утилитаризма. У истоков этой философской системы стояли И. Бентам (1748–1832) и Дж. Милль (1773–1836), членами этой группы были также Ф. Плейс (1771–1854), Дж. Грот (1794–1871) и др. — *Прим. науч. ред.*

² Работа впервые была издана в журнале в 1861 г., а как книга — в 1863 г. — *Прим. науч. ред.*

энтузиазму своих сторонников по поводу полной демократии. В то время когда утрата веры была предметом живейшего обсуждения, в его работах *Три эссе о религии* (1874) и *Огюст Конт и позитивизм* (1865) было показано, что человечество могло прожить без веры в божество, но не без веры в цели, выходящие за рамки существования отдельного человека; и во времена, когда на откровенное обсуждение роли женщин все еще было наложено табу, его эссе *Подчиненность женщины* (1869) мгновенно стало классическим произведением, хотя и вызвавшим неприязнь у многих. Из всех трудов Милля легче всего читается его *Автобиография* (1873), более захватывающая — интеллектуально и эмоционально, — чем большинство книг подобного рода. Милль справедливо называл ее летописью своего образования; однако она представляет собой нечто большее.

Внешне жизнь Милля была, — согласно его собственному описанию в *Автобиографии*, — «небогатой событиями», хотя это не единственная причина, по которой в *Автобиографии* в основном представлено развитие его интеллектуальных и политических взглядов. Милль родился в Лондоне в мае 1806 г. В это время его отец, Джеймс Милль, который уже работал над *Историей Британской Индии*, впоследствии принесшей ему славу и влияние в Ост-Индской компании, еще вел ненадежное существование журналиста. Джон был старшим из шестерых детей. Его матерью, которую он ни разу не упомянул в своей *Автобиографии*, была Гэрриет Берроуз, мать которой содержала приют и, должно быть, была довольно зажиточной особой. Есть простое, хотя и горькое объяснение отсутствия упоминания миссис Милль в описании ее сыном своей жизни. В ранних черновиках *Автобиографии* Милль подробно обсуждал недостатки своей матери, которые делали ее неподходящей женой для его отца. Она была необразованна, добродушна и никогда не имела собственного мнения. Джеймс Милль явно тяготился ею и испытывал по отношению к ней раздражение, и единственное, что она могла сделать, — это сосредоточиться на домашнем хозяйстве. Она не оказывала влияния на своего старшего сына, всецело подчиненного образовательной программе, составленной его отцом.

Мы можем приписать жесткий отзыв о матери, который Милль дал в черновиках (перед смертью, редактируя *Автобиографию*, он несколько смягчил свою позицию), двум обстоятельствам. Эти черновики были написаны Миллем в 1854 г., вскоре после того как он женился на Гэрриет Тейлор; в то время он вообразил, что мать оскорбила его жену, и разорвал с ней отношения. Похоже, эта обида

стала одной из причин его жесткости по отношению к матери. Другой причиной было чувство, что именно недостатки матери обрекли его на чрезмерно жестокое обучение, которому его подвергал отец. Суть *Автобиографии* Милля состоит в том, что обучение, направленное на развитие исключительно интеллекта, ведет к подавлению эмоциональной стороны личности, и что правильное образование должно воспитывать и разум, и чувства. Когда Милль приступил к описанию своего образования, наиболее запоминающимся результатом которого, как ему казалось, был пережитый им на третьем десятке лет нервный срыв, его негодование, без сомнения, было чрезвычайно сильным. Объективно его мать была жертвой той домашней тирании, осудить которую и должно было эссе *Подчиненность женщины*. Однако понимание того, что она едва ли была виновата в своих недостатках, никак не повлияло на его чувства.

Итак, ранняя пора жизни Милля представляла собой образовательный эксперимент. В три года он выучил греческий с помощью карточек, аналогичных тем, которыми и сегодня пользуются психологи; он прочел огромное количество исторических и литературных трудов; охотно изучал математику, немного — из вторых рук — естественные науки; в раннем подростковом возрасте Милль освоил логику, он помогал отцу в подготовке *Элементов политической экономики*, и наконец, прочел работы Бентама в защиту утилитаризма. К 16 годам Милль стал тем, кем его хотел видеть отец, — просвещенным молодым человеком с интеллектом сорокалетнего.

В 16 лет он, как и его отец, стал сотрудником Ост-Индской компании, важная миссия которой в то время состояла, скорее, в управлении Индией, нежели в торговле. Милль проработал в этой компании 36 лет, до 1858 г., когда британское правительство, наконец, напрямую взяло на себя управление Индией, которое так долго осуществляло косвенно. Больше всего Милль работал на Политический департамент компании, занятый контактами с независимыми княжествами. Он закончил службу в старой должности своего отца — «инспектора индийской корреспонденции» — по существу, самый высокий из постоянных постов в правительстве субконтинента. В отличие от своего отца, наследие которого и поныне ощущается в законодательстве и системе образования Индии, Милль не оказывал большого влияния на политику в этой стране. Полученный им опыт, однако, укрепил его взгляды на самоуправление и бюрократию, и без этого опыта объем его *Эссе о свободе и Размышлений о представительном правлении*, несомненно, был бы меньше.

Служба в Ост-Индской компании не занимала все его время. Когда Миллю было немногим больше 20 лет, он два года проработал секретарем Бентама, записывая под его диктовку *Обоснования необходимости юридических доказательств*. Похоже, именно это и спровоцировало его нервный срыв. Этого срыва, кажется, не заметил никто, кроме самого Милля, но в *Автобиографии* он занимает центральное место. Его символическое значение определялось не только теми острыми страданиями, которые Милль, несомненно, тогда испытывал. Он пишет, что событие, спровоцировавшее срыв, было связано с попыткой ответить на вопрос, сделает ли его счастливым успех всех схем, придуманных им и его друзьями-утилитаристами. «Нет» — был решительный ответ его совести, и его мир рухнул. Невозможно сказать, сколько длилась депрессия; ее прекратило чтение мемуаров Мармонтеля¹ и слезы, которые оно вызвало. Это свидетельство того, что он обладает способностью чувствовать, вернуло ему радость жизни и послужило толчком к созданию теории.

Эта теория имеет центральное значение для всего творчества Милля. Он считал, что XVIII в. был веком разрушения — но плодотворного разрушения; институты *старого режима* во Франции и недостатки законодательства, на которые обрушивался Бентам, проявлялись в структурах, не выдерживающих рациональной критики. Однако аналитический ум, прекрасно осознающий старые недостатки и несовершенства, не слишком приспособлен для создания того, что может прийти им на смену. Через несколько лет в эссе о Бентаме и Кольридже он выразил точку зрения, к которой постепенно шел. Бентам всегда спрашивал: «А это работает?» — и думал, что простая эффективность — это ключ ко всему; в чем он не был силен, так это в ответах на вопрос о тех жизненных целях, ради которых стоило задаваться вопросом об эффективности. Кольридж же спрашивал: «А что это значит?» — и пытался увидеть скрытый за привычным ходом вещей смысл. Но это предполагало слишком широкий подход, затруднявший научный анализ общественного прогресса. Если общественный прогресс следует рассматривать как духовное и нравственное развитие, а не просто накопление богатства, то для его осмысления необходимо соединение анализа и воображения. Даже если его собственные таланты и были недостаточны для такой задачи, теперь Милль знал, к чему нужно стремиться — политику и экономику необходимо было об-

¹ Мармонтель Жан-Франсуа (1723–1799) — французский историк, писатель, энциклопедист. — *Прим. науч. ред.*

суждать с учетом исторического контекста, утилитаризм необходимо расширить с тем, чтобы учесть разнообразие представлений о человеческом счастье и чтобы уделить должное внимание власти и свободе. Это не простой эклектизм, но следование девизу Гете о «многогранности».

Если это открытие было одним из источников счастья для Милля, то вторым, несомненно, была его дружба и, в конечном счете, женитьба на Гэрриет Тейлор. Они встретились в 1830 г., когда Гэрриет была замужней женщиной, скучающей от домашней жизни и полной интеллектуальных устремлений, подобной которой Милль до того не встречал. Хотя дружба их была совершенно платонической, она не была и вполне респектабельной, и этот факт усилил ощущение Миллем мертвящего груза викторианской респектабельности — это и стало основной темой эссе *О свободе*. Они поженились в 1851 г., после смерти мужа Гэрриет, но она была уже больна и в 1858 г. скончалась. После этого за Миллем ухаживала его падчерица, Хелен Тейлор, и он по полгода проводил в Авиньоне, чтобы быть ближе к могиле Гэрриет. Это не мешало ему в последние 15 лет вести активную общественную жизнь. В 1865 г. он был избран членом парламента от Вестминстера и проявил себя неплохим полемистом и жестким критиком своих оппонентов. Проиграв на выборах 1868 г. У.Г. Смитю, он ушел из политики и стал писать о религии, профсоюзном движении, реформе землепользования в Ирландии и о многом другом. Милль умер в Авиньоне в мае 1873 г.

Хотя девизом, начертанным на знамени Милля, была «многогранность», наибольшее впечатление производит именно та гармоничность, с которой сочетаются друг с другом его основные труды. В *Автобиографии* Милль осуждает то, что он называет «интуитивной школой» в философии, и эта враждебность пронизывает всю книгу. «Интуитивная школа» считала, что базовые истины логики, математики, естественных наук и морали самоочевидны, и их истинность гарантируется тем, что другое «немыслимо». Милль стремился вытеснить эту доктрину из области этики; и чтобы сделать это, ему пришлось начать с логики и математики как областей, в которых позиции противников были наиболее сильны. Именно этой задаче посвящена *Система логики*. Милль также атаковал интуитивистов в *Исследовании философии сэра Уильяма Гамильтона* (1865), но в отличие от этой работы *Логика* исправлялась и переиздавалась 8 раз на протяжении жизни Милля.

Милль утверждал, что «невероятное» совершенно не означает «истинное», а отражает лишь привычное представление. Сиамский

король думал, что лед «немыслим», так как не мог представить себе идущего по твердой воде слона. По мнению Милля, все истины о строении мира подвергаются проверке опытом; ни одну из них нельзя доказать, прибегая к «интуиции». Защищая свою позицию, Милль опрометчиво утверждал, что даже арифметические истины являются обобщениями опыта, в данном случае — результатов многократного подсчета количества объектов в разных группах, показывающих, например, что пара пар всегда дает четыре. Это заставило его согласиться с тем, что, возможно, в некотором отдаленном уголке Вселенной законы арифметики и геометрии могут нарушаться. Тот факт, что сейчас мы не можем сказать, каким образом они могут быть нарушены, не означает, что этого вообще не может быть. Хотя в целом эту позицию не принимали ни представители эмпиризма, ни оппоненты Милля, впоследствии она некоторым образом проявилась у Куайна¹.

В *Логике* Милль прежде всего стремился продемонстрировать, как строятся причинно-следственные объяснения и как мы устанавливаем причинные законы. Милль предложил несколько объяснений, суть которых заключается в следующем. Объяснить что-либо означает указать его причину; сказать, что человек умер, потому что съел цианистый калий, означает утверждение, что цианистый калий был причиной его смерти, а это, в свою очередь, означает призыв к обобщению типа «если кто-либо съест цианистый калий, он умрет». Милль отрицает, что причины неминуемо влекут за собой следствия, а также то, что мы способны или должны идти дальше установления того факта, что причины неизменно предшествуют своим следствиям. Согласно общему мнению, его трактовка различия между настоящими каузальными обобщениями («поедание цианистого калия вызывает смерть») и некаузальными обобщениями («за днем следует ночь») не слишком удовлетворительна; однако не существует единого мнения относительно того, какой должна быть правильная трактовка.

Цель науки состоит в том, чтобы установить истинные обобщения. Методы, которыми мы делаем это, Милль называет «индуктивными», как если бы они должны позволить нам успешно переходить от частных фактов к истинным обобщениям. Если бы он действительно намеревался делать так, то столкнулся бы с хорошо известными трудностями, ибо никаким конечным множеством

¹ Куайн Уиллард ван Орман (1908–2000) — американский философ и логик. Один из виднейших представителей аналитической философии. — *Прим. науч. ред.*

утверждений типа «это A есть B » и «другое A есть B » и т.д. нельзя доказать, что все A являются B . На самом деле, использованные Миллем принципы индукции суть принципы элиминирующей дедукции. То есть в действительности Милль предлагает нам использовать эти принципы для устранения ошибочных утверждений о причинно-следственной связи; причем прошедшие подобную проверку утверждения не обязательно верны. Таким образом, так называемый «метод различий» предполагает, что если у нас есть набор антецедентов $\{B, C\}$ и набор консеквентов $\{b, c\}$, и мы добавили антецедент A ; то, если набор консеквентов теперь выглядит как $\{a, b, c\}$, мы можем заключить, что ни B , ни C не могли вызвать a , так как оба они существовали, когда a еще не наблюдалось. Можно ли заключить, что A привело к a ? Этого нельзя сказать однозначно. Возможно, добавив A , вместе с ним мы ввели нечто неизвестное, породившее a , так что этот метод не дает однозначных результатов, если только мы не знаем, что условия были описаны полностью. А к этому времени, как заметил великий оппонент Милля Уильям Хьюэл¹, мы уже знаем, что игра закончена. Опять-таки даже при этой оговорке мы не можем сделать однозначного вывода о том, что A порождает a , поскольку возможно, что a возникает только вследствие $A + B$, $A + C$ или $A + B + C$. Короче, правила Милля позволяют формализовать только часть принципов экспериментальной науки, но они не являются принципами экспериментального доказательства в строгом смысле слова.

Логика завершается томом VI, озаглавленным «Логика моральных наук», под которыми Милль понимал все дисциплины, зависящие как от законов природы, так и от законов разума. Милль не делал различия между «общественными» и «естественными» науками, так как полемическая направленность его книги и состояла в стремлении показать, что любая наука является естественной. Он, однако, разделял «физическую» и «моральную» науки — к первой относилось все то, к чему не имеют отношения законы разума. Моральные науки включали психологию, экономику, политологию, а также дисциплину, на создание которой Милль надеялся, а мы ждем до сих пор — этологию, науку о развитии индивидуального и национального характера. Разумеется, это была наука, необходимая для того, чтобы общественные науки осмыслили свою историческую обусловленность так, как он на это надеялся. Милль был также озабочен вопросом о предмете и границах экономической науки,

¹ Хьюэл Уильям (1794–1866) — английский философ, теолог, историк науки, англиканский священник. — *Прим. науч. ред.*

которая, как он полагал, схожа с геометрией в том смысле, что обе являются «абстрактными» науками. Следовательно, экономическая теория не могла служить моделью для политологии, которая должна была быть конкретной и — в терминах Милля — скорее, «физической», чем «геометрической». Здесь была зашифрована критика *Эссе о правительстве* его отца, где последний пытался обосновать требование всеобщего избирательного права, основываясь на единственной предпосылке о том, что люди преследуют собственные интересы. Но Милль также напал и на главного критика своего отца — Т.Б. Маколея¹, который протестовал против *априористского* подхода Джеймса Милля; для Милля-младшего политология была чем-то большим, чем простое описание отдельных ситуаций, которое он осуждал как «химический метод».

В последней главе *Логики* кратко рассматривается различие между наукой и моралью. Как и до него Юм, Милль говорил о логическом разрыве между утверждениями о том, что *есть*, и утверждениями о том, что *должно быть*. Последние неявным образом скорее, императивны, чем декларативны; это, скорее, правила, чем обобщения. Милль считал, что все возможные правила относятся к области, которую он называл «искусством»; так, в качестве простого примера искусства можно назвать архитектуру — систему предписаний, как строить удобные здания, основанную на науке о материалах. Прогресс в любом искусстве зависит от прогресса соответствующей науки; искусство морали также прогрессирует, и это является главной мишенью нападков на интуитивистские теории, и этот прогресс основан на знании, почерпнутом из наук, относящихся к области морали, а именно, психологии и этологии.

Хотя *Утилитаризм* был написан позже большинства основных трудов Милля, логически он им предшествует, так как предлагает моральную теорию, основываясь на которой Милль выступает в защиту свободы и высказывает сомнения, связанные с демократическим правлением. Эссе Милля известно попыткой «доказать» «принцип наибольшего счастья»; но нельзя к этому сводить его цели. Сам Милль в начале эссе пишет, что конечные цели не требуют доказательства, так что значительная часть критики этого эссе в XX в. была не по адресу. В *Утилитаризме* Милль преследует три основные цели. Во-первых, защитить этический рационализм от интуитивных этических теорий; во-вторых, защитить утилитаризм от обвинения в том, что он не допускает существования ценности

добродетельного поступка самого по себе и не может объяснить, почему вообще следует исполнять свой долг; в-третьих, показать, что утилитаризм способен объяснить справедливость, т.е. может обосновать наше убеждение в том, что правила справедливости имеют приоритет по отношению ко всем остальным, и дать описание моральных нрав.

Для Милля убедительность аргументации сводится к обоснованию убеждений, нравственных или практических, обращаясь к принципам, лежащим в их основе. Поскольку сами принципы зачастую противостоят друг другу, нужен некий способ их согласования. Интуитивные теории такого способа предоставить не могут и, следовательно, являются недостаточными. Утилитаризм дает рациональную схему аргументации; при этом главный принцип, в соответствии с которым действия, институты, принципы и все что угодно хороши в той степени, в которой они увеличивают счастье всех разумных существ, и плохи в той степени, в которой его уменьшают, сам по себе недоказуем, но служит обоснованием суждений, сделанных в соответствии с ним. Милль считал, что люди будут протестовать против этого принципа по двум причинам. Первая заключается в их убеждении, что храбрость, симпатия, честность и прочее хороши независимо от приносимых ими результатов, а вторая — в том, что счастье не может быть побудительным мотивом к действию, ибо люди очень часто совершают поступки, не приносящие им никакого счастья. Милль частично признавал истинность первого довода. То есть если люди не стремятся быть честными, храбрыми и т.д. независимо от последствий, то осуществление на практике этих добродетелей не приведет к столь уж хорошим результатам. Но добродетелями их делают именно те хорошие результаты, которые являются результатами поступков людей, ими побуждаемых; иначе такое поведение было бы бессмысленным аскетизмом. Второй довод Милль опровергает, утверждая, что называть человека храбрым означает сказать, что он был бы несчастен, поступая трусливо; «счастье» суть не просто состояние или ощущение, но способ суммировать цели человека. Таким образом, Сократ рисковал своей жизнью ради истины не потому, что считал истину *средством* достигнуть счастья, но, скорее, потому, что поиск истины перед лицом смерти был для него *частью* этого самого счастья. Это позволило Миллю провести различие между количественными и качественными мерами счастья — несчастный человек лучше счастливой свиньи, несчастный Сократ лучше счастливому дураку. Если мы спросим, кто должен судить об этом, ответ Милля таков: те, кто знает обе стороны.

¹ Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) — английский эссеист, историк, государственный деятель. — *Прим. науч. ред.*

Это, в свою очередь, позволяет Миллю утверждать, что причиной, побуждающей людей поступать нравственно, т. е. с учетом интересов других, является, в сущности, сформировавшаяся в процессе социализации привычка связывать свое счастье со счастьем других. Вопрос не в том, чтобы осознавать объективную «правильность» какого-то образа действий, как хотели бы интуитивисты, а в том, чтобы быть воспитанным таким образом, чтобы уважать интересы других не только из соображений целесообразности, но и потому, что невозможно вести себя иначе. Эта натуралистическая трактовка моральных санкций для Милля важна вдвойне; она опровергает интуитивизм, а также объясняет, почему столь важна индивидуальная свобода. Социализация — сила настолько мощная, что с ней необходимо обращаться осторожно; формировать человеческие реакции нужно лишь тогда, когда это совершенно необходимо.

Именно в этом месте Милль приводит свое знаменитое «доказательство». Большая часть работы по убеждению читателя в достоинствах утилитаризма оказалась проделанной, после того как Милль показал, что утилитаризм может защититься от критики, мы уже знаем, что в этике нам необходим главенствующий принцип и что принцип пользы не ведет к абсурдным результатам. «Доказательство» добавляет к этому позитивный аргумент. Если мы спрашиваем, откуда мы знаем, что некий объект можно увидеть, ответ, что мы его уже видели, оказывается достаточным. Когда мы спрашиваем, откуда мы знаем, что нечто желательно, доказательство, говорит Милль, состоит в том, что люди действительно желают этого. Но очевидное возражение, что «видимый» означает, что «объект *можно* увидеть», а «желательный» значит, что «объекта *должно* желать», а не «можно желать», не вызвало реакции. Но сам Милль, похоже, не придавал этому большого значения. Он, скорее, подчеркивал две мысли, первая из которых состоит в том, что любой желательный предмет является или средством к достижению счастья, или частью этого счастья, а вторая — что если мое счастье — это благо, то счастье каждого также является благом. Нет нужды говорить, что эти утверждения также очень спорны.

Руководствуясь, скорее, собственным, чем нашим, пониманием того, в чем суть рассуждений, Милль заканчивает *Утилитаризм* главой о справедливости. Обычный человек различает целесообразность и справедливость, обязательное и выходящее за рамки долга; он думает, что жертвовать на благотворительность хорошо, а платить свои долги обязательно, что честность — часть справедливости, а доброта — нет. Милль расходится с Бентамом, говоря,

что помимо законных прав существуют права моральные; справедливость определяет область прав человека. Вопрос в том, как определяется эта область. Милль отвечает, что она определяется тем, что из всех наших обязанностей мы выделяем те, которые больше всего способствуют защищенности, мы выделяем их из-за их важности и называем интересы, которым они служат, правами. Это не совсем убедительный ответ, хотя по большей части верный. Права на жизнь, свободу, справедливый суд и возврат данного в долг, по видимому, действительно связаны с защищенностью, хотя не всегда со справедливостью; право на то, чтобы в мелочах с вами обращались честно, кажется связанным со справедливостью, но не защищенностью.

Еще недавно популярным возражением против утилитаризма было то, что он убивает свободу. Утилитарист одобрил бы благожелательный деспотизм, в то время как либертариист бы сильно опечалился. Эссе *О свободе* — самая почитаемая из всех работ Милля, глубоко противоречива, так как содержащаяся в ней защита свободы облачена в утилитаристские термины. Из *Демократии в Америке* де Токвилля Милль усвоил глубокое подозрение к эгалитаризму и демократии того времени. Подобно де Токвиллю, он опасался пришествия «общества трудолюбивых овец»; при этом он не боялся не столько диктатуры, поддерживаемой демократией, которой опасались либералы XX в., сколько общества, в котором свобода принесена в жертву комфорту и конформизму. Эссе *О свободе* — это проповедь о необходимости контролировать общественное мнение, пока оно не отняло всякую свободу мысли.

Милль думал, что движение к демократии началось, когда было признано право народа на самозащиту. Если бы народ в целом не имел достаточно власти, чтобы контролировать своих правителей, он бы оказался полностью во власти последних. Но мы обнаружили, что «самоуправление» — это не власть каждого из нас над самим собой, а власть всех остальных над каждым из нас. Люди все чаще принимают в качестве своего единственного правила поведения необходимость думать так же, как все остальные. Не существует универсально признанного принципа, определяющего, когда стоит прибегнуть к общественному давлению, чтобы добиться однородного поведения, и в результате наша свобода отдается на милость «симпатий и антипатий» общества.

Для Милля важны три момента. Во-первых, он более озабочен общественным мнением, нежели законом; в Англии политическая свобода защищена хорошо, в отличие от свободы моральной и интеллектуальной. Общественное мнение является более опасным,

чем политическое притеснение, поскольку оно проникает в наш разум, в то время как грубое подавление может вызвать сопротивление. Во-вторых, Милль ограничивает дискуссию правом общества *принуждать* своих членов действовать каким-либо определенным образом. Большинство комментаторов обвиняют его в том, что он совершенно не учитывает ненасильственных способов влияния людей друг на друга. Но Милль их не игнорирует. Он только настаивает на том, что можно поощрять, советовать, уговаривать и упрашивать друг друга любыми возможными способами. Принуждать кого-либо, однако, нельзя, кроме как в целях самозащиты. В-третьих, он пишет, что право на свободу в любой области, если оно не угрожает законным интересам других людей, есть право, основанное на полезности: это не «естественное», или, как он пишет, «абстрактное» право.

Эссе *О свободе* защищает то, что Милль называет «одним очень простым принципом», который должен заменить симпатии и антипатии общества. Этот принцип, который мы могли бы кратко выразить как «никакого принуждения, иначе как для самозащиты», запрещает вмешательство в свободу слова (хотя препятствовать подстрекательству можно), запрещает патерналистское законодательство, а также то, что мы (но не Милль) назвали бы «преступлениями без жертв». Защита Миллем этого принципа основана на двух положениях. Первое — это утилитаристская трактовка прав, данная им в *Утилитаризме*, которая подразумевает, что мы обязаны уважать именно безопасность других людей. Второе, значительно более «миллевское», — это представление о развитии индивидуальных черт как о жизненно важном элементе пользы. Независимая личность — составляющая счастья; истинно счастлив только тот, кто чувствует, что его мысли и чувства действительно принадлежат ему самому.

Можно заметить, что Милль отделяет свою защиту индивидуальной свободы от *laissez-faire*. Он никогда не думал, что права собственности и свобода контракта имеют существенное отношение к свободе; эссе *О свободе* полностью согласуется с его же защитой рабочих кооперативов в *Основах*, и с представленным там же взглядом на деятельность государства. Торговля и собственность, по сути, являются общественными проблемами, и они поддаются регулированию обществом; однако они должны регулироваться так, чтобы поощрять свободу и индивидуальность — именно на это, по мнению Милля, способен децентрализованный социализм.

Возникает вопрос: какого рода политику отстаивал Милль? И ответить на него непросто. В молодости он был бескомпромиссным

демократом и полагал, что избираемый ежегодно парламент, всеобщее избирательное право и тайное голосование позволят «народу» реализовать общественные интересы и одержать верх над аристократией и иными силами, преследующими «дурные интересы» (так его отец называл любые интересы, противоречащие общественным). Когда же все большее опасение стала вызывать возможность, что общественное мнение будет подавлять точку зрения несогласных, и когда Милль стал более скептически относиться к способности правительства обойтись без профессиональных управленцев, он пришел к сложной теории того, что он хотел назвать «представительным правлением», желая подчеркнуть отличие своей позиции от точки зрения энтузиастов правила простого большинства.

В *Размышлениях о представительном правлении* сведены воедино его зрелые идеи на этот счет. Он начинает книгу с утверждения о том, что ключевым в политике является вопрос о прогрессе; наилучшая форма правления для любой страны — та, которая наилучшим образом использует способности граждан, и поощряет развитие новых способностей — и это непосредственно следует из его рассуждений в последнем томе *Системы логики*. Но представительное правление является наилучшей формой правления, так как, во-первых, оно предъявляет наиболее высокие требования к гражданам и, во-вторых, поощряет их развивать свой интеллект и активность так, как не способна никакая другая форма правления. Может доброжелательная деспотия оказаться предпочтительной? Милль отвечает «нет» и приводит два довода. Во-первых, сама идея доброжелательной деспотии противоречива; предположим, что деспот и его подданные расходятся во мнении о том, что является для них благом, — кто должен принимать решение? Если деспот — деспотия перестает быть доброжелательной, если народ — она перестает быть деспотией. Во-вторых, правительства, сосредотачивающиеся на том, чтобы работать *для* своих подданных, лишают их того стимула, который у них был бы, если бы они работали для себя. Только самоуправление способно побудить людей к самосовершенствованию.

Единственной альтернативой самоуправлению является власть не имеющей собственных интересов и наделенной гражданским чувством бюрократии, подобная той, которую когда-то осуществляли венецианские аристократы. Но бюрократия должна быть активной, иначе она впадает в состояние стагнации, как это произошло с китайскими мандаринами. В любом случае, каждый индивид имеет право защищать себя и высказывать свое мнение о том, как им управляют, так что, в принципе (и также в том, что из

этого принципа следует), некоторая разновидность самоуправления необходима. Это не может быть прямая демократия, поскольку современные государства слишком велики и разнообразны, но это должна быть парламентская демократия.

Затем Милль излагает желаемые свойства жизнеспособной демократии, в которой порядок может сосуществовать с «антагонизмом мнений», от которого зависит прогресс. Должно существовать всеобщее право голоса для женщин так же, как и для мужчин; ни один человек, не обеспечивающий себя сам, не должен голосовать, ибо никто не имеет права голосовать о том, как потратить доход других, не рискуя своим собственным, однако некий простой, небольшой налог должен взиматься со всех, чтобы вовлечь в политический процесс всех. Но если право голоса должен иметь каждый, далеко не очевидно, что каждый должен иметь право лишь на один голос; Милль предлагает образовательную привилегию, согласно которой более образованные люди имеют больше голосов, чтобы компенсировать голоса класса необразованных работников. Это не метод сохранения господства среднего класса, поскольку права на лишний голос может потребовать любой человек, обладающий соответствующими способностями, и Милль настойчиво подчеркивал, что система весов направлена лишь на защиту общества от законов в интересах определенного класса, а не на то, чтобы позволить господствовать среднему классу.

Озабоченность Милля вопросами компетентности и способности к лидерству обнаруживается в его рассуждении о том, что парламент не должен пытаться править, но должен внимательно наблюдать за теми, кто пытается это делать, но не может самостоятельно справиться с этой задачей. Аналогично парламент также не должен создавать законы, ему следует, скорее, поручить эту работу комиссии экспертов в области законотворчества, а затем голосовать за или против того, что будет ими предложено. Парламенту не следует пытаться выработать поправки к законам на своих слушаниях. Милль охотно принимает суждения Карлейля на то, что парламент представляет собой говорильню, — именно говорильней он и должен быть.

Милль знаменит своей защитой пропорционального представительства; заметив, что демократия в общем случае есть не самоуправление, но власть над каждым человеком всех остальных, он вслед за Томасом Хэром¹ выступает в пользу системы пропорцио-

¹ Хэр Томас (1806–1891) — английский юрист, общественный деятель, борец за реформу избирательной системы. — *Прим. науч. ред.*

нального представительства — варианта системы единого переходного голоса. Таким способом можно было бы достичь сразу двух результатов: каждый избиратель помог бы избрать кого-то, и индивиды, обладающие популярностью на национальном уровне, но не получившие поддержки избирателей конкретной области, смогли бы тем не менее привлечь голоса, рассеянные по стране. Большого внимания заслужил Милль своей атакой на тайное голосование. Он отказывался признать частным делом то, как голосует избиратель. Голосование за члена парламента означает голосование за нечто, затрагивающее интересы других, а значит, эти другие имеют полное право спросить, как вы голосовали. Они не должны запугивать или обижать избирателя, но, безусловно, могут его упрямить, убеждать или поддерживать его.

Большого внимания также заслуживает твердая позиция Милля относительно того, что граждане должны непосредственно участвовать в местном управлении: он полагал, что такое участие можно признать гражданским долгом, подобным участию в суде присяжных, на том основании, что в этой работе так много специфики, что обучить этой работе невозможно, ее следует выполнять. В целом Милль призывал к такому уровню децентрализации, который был бы совместим с разумной эффективностью; идея состояла в том, чтобы централизовать информацию, но децентрализовать власть; чтобы центральные правительства могли советовать и помогать, но не подменять местную инициативу.

Проявление этого подхода можно легко обнаружить во взглядах Милля на образование. Родители обязаны дать своим детям образование, и их можно принудить к этому законодательно; если же они бедны, то нельзя заставлять их платить за образование. Однако было бы опасно переложить образование на плечи государства. Выход, по мнению Милля, состоял в том, чтобы законодательно обязать родителей давать образование своим детям, предоставлять индивидуальные гранты для оплаты обучения, оставить большую часть образования в частных руках, но организовать несколько государственных школ в качестве образцов.

Все это потрясло современников Милля, воспринявших его идеи либо как хорошие, но нереалистичные, либо как чрезмерно рационалистические. Мнение современников о взглядах Милля на религию и отношения между полами было еще более критическим. Милль был воспитан агностиком и, следовательно, никогда и не пережил кризиса, связанного с утратой веры, столь важного для многих его современников. Но он был достаточно хорошо знаком с Конттом и сен-симонистами, чтобы иметь определенные взгляды

на религию и ее роль в обществе. В эссе *О природе* — одном из его *Трех эссе о религии* — он яростно доказывал, что природа аморальна и далека от образца, которому людям следует подражать; и в мечтах садиста нет той пытки, которую бы не могло нести собой совершенно естественное заболевание.

В *Теизме* он обсуждал вероятность существования Бога и, отвергая возможность любящего и всемогущего божества, каким-то образом позволяющего существовать злу, удивил своих друзей мыслью о вероятном существовании в целом благожелательного, но не всемогущего Бога. Таким образом, он до некоторой степени принял идею замысла, оставшись удивительно безразличным к тому удару, который ей недавно нанес Дарвин. В *Полезности религии* Милль вновь повторил тезис, который высказал при обсуждении взглядов Конта: ортодоксальная религия принесла столько же вреда, сколько и пользы, и ее реальная польза в любом случае имела второстепенное значение по сравнению с вопросом ее истинности. Но человечество в любом случае обратилось к чему-либо, подобному религии: это обычай почитать великих людей, таких как Сократ или Вашингтон, и рефлексия на тему о том, каким образом наши устремления выходят за рамки наших собственных жизней. Человек, планы которого имеют целью человечество в целом, умрет более счастливым, чем эгоист, поскольку он знает, что большая часть того, что он ценит, будет существовать и дальше.

Неортодоксальные взгляды Милля на секс, брак и правовой статус женщин были широко известны. В 16 лет он провел ночь в тюрьме, после того как его застали за распространением памфлетов о контроле за рождаемостью среди лондонских бедняков. (Полвека спустя этот факт убедил мистера Гладстона выйти из членов комитета, собиравшего деньги на установку статуи Милля в Темпл Гарденс.) В эссе *Подчиненность женщины* он вовсе не высказывал каких-либо неортодоксальных взглядов на секс или брак. Он стремился лишь показать, что нет никаких доказательств того, что ущемленность женщин в правовом отношении и их юридическая и политическая зависимость от мужчин непосредственно проистекают из их природной ущербности. Хотя сам Милль считал, что развод необходимо санкционировать на основании всего лишь словесных заверений бездетных супругов, в эссе он не писал ничего подобного, а пытался только опровергнуть точку зрения своих противников. Он доказывал, что все, о чем они пытались говорить как о природных недостатках женщин по сравнению с мужчинами, можно объяснить тем, как мужчины обращались с женщинами. Милль заканчивает свою работу двумя утверждениями,

в которых он отстаивает свою точку зрения на свободу даже более определенно, чем в эссе, специально посвященном этой проблеме. Обращаясь к человеку, который утверждал, что многие женщины вполне довольны своим зависимым положением и потому нет причин нарушать их покой, Милль говорит: во-первых, мужчинам скучно иметь дело с женщинами в их нынешнем состоянии, но они не скучали бы, общаясь с истинно независимыми существами, а во-вторых, нет нужды объяснять достоинства свободы — поскольку каждый помнит, что был рад покинуть школу, и понимает, что никто не стал бы добровольно жить под опекой родителей, уже однажды избавившись от нее, что никакая страна не обменяла бы своей свободой на какое угодно процветание. Даже если бы женщины и были довольны своим нынешним положением, став свободными, они никогда бы не пожалели о свершившихся переменах. В этом утверждении Милль выражал не только эмоциональный настрой *Автобиографии* и эссе *О свободе*, но также и все то, что заставило большинство комментаторов признать, что он был, скорее, защитником свободы, чем тезиса о том, что свобода является одной из составляющих пользы.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1843. *A System of Logic*. 2 vols, London: John W. Parker. [Русск. пер.: Система логики. 2-е изд. СПб. — М., 1878.]
1848. *Principles of Political Economy, with some of their applications to Social Philosophy*. 2 vols, London: John W. Parker. [Русск. пер.: Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007.]
1859. *On Liberty*. London: J.W. Parker; Chicago, N. Regnery, 1955. [Русск. пер.: О Свободе. Антология мировой либеральной мысли М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.]
1861. *Considerations on Representative Government*. London: Parker, son, and Bourn. [Русск. пер.: Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006.]
1863. *Utilitarianism*. London: Parker, son, and Bourn. First published in *Fraser's Magazine*, October–December 1861, vol. 64, 383–4. [Русск. пер.: Утилитаризм. О свободе. СПб.: Изд-во И.П. Перевозникова, 1900.]
1865. *Auguste Comte and Positivism*. London: N. Trübner. First published in the *Westminster Review*. [Русск. пер.: Огюст Конт и позитивизм. СПб.: Тип. Б.М.Вольфа, 1906.]

1869. *The Subjection of Women*. London: Longmans, Green, Reader and Dyer. [Русск. пер.: Подчиненность женщины. СПб.: Тип. акц. об-ва «Слово», 1907.]
1873. *Autobiography*. London: Longmans, Green, Reader and Dyer; New York: Columbia University Press, 1948. [Русск. пер.: Автобиография. М.: Книжное дело, 1896.]
1874. *Three Essays on Religion*. New York: H. Holt.
- 1963–1984. *Collected Works of John Stuart Mill*. 21 vols, Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge and Kegan Paul.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Berger, F.R. 1984. *Happiness, Justice and Freedom*. Berkeley: University of California Press.
- Packe, M. St J. 1954. *The Life of John Stuart Mill*. London: Secker & Warburg.
- Robson, J.M. 1968. *The Improvement of Mankind*. Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge and Kegan Paul.
- Ryan, A. 1974. *J.S. Mill*. London: Routledge and Kegan Paul, Boston, Mass.: Routledge and Kegan Paul.

ДЖОН МИЛЛАР

Николас Филлипсон

John Millar

Nicolas Phillipson

Родившийся в Ланкашире, в семье пресвитера, Миллар (1735–1801) получил образование в университете Глазго, имея намерение стать членом Шотландской коллегии адвокатов. При поддержке Адама Смита и лорда Кэймса Миллар получил должность профессора гражданского права в Глазго, и этот пост он занимал до самой смерти. Миллар был ярким преподавателем, он изменил содержание курса гражданского права, в качестве основы принял те же юридические принципы, на которых Смит строил свои лекции по нравственной философии. Он был активным сторонником известного представителя партии вигов Чарльза Дж. Фокса и членом Общества друзей народа.

Сегодня историки общественной мысли очень ценят Миллара за его книгу *Происхождение системы социальной стратификации* (1771), в которой он попытался разработать социологические следствия данной Смитом трактовки развития цивилизации в различных системах управления обществом. К сожалению, его точка зрения не выдерживает критики. Публикация в 1978 г. текста *Лекций по юриспруденции* Смита показала, что якобы оригинальный анализ Миллара, при всей его сжатости и заостренности, является производным от более ранней работы Смита.

Миллар никогда не читал отдельного курса лекций по политической экономии. Он касался соответствующих вопросов в неопубликованных лекциях о государстве, о характере которых можно судить по серии статей, впервые опубликованных в посмертном издании его *Исторического взгляда на английское государственное управление* (1803). Навянный Смитом интерес к собственности и ее развитию привел Миллара к специфическому представлению о прибыли как о сумме заработной платы промышленника и экономии, полученной последним благодаря инвестициям в разделение

труда. Этот предмет интересовал также и его ученика — графа Лодердейла. Привлекательность этой теории определялась вытекающими из нее радикальными политическими выводами. Она позволила Миллару показать, что принципы частной собственности и личной независимости, являющиеся центральными для современных представлений о политических правах, распространялись на всех людей, участвующих в производственных отношениях в обществе, основанном на обмене. Это побудило Миллара начать кампанию за радикальную реформу парламента с целью адаптировать старую конституцию вигов к социальным и экономическим изменениям, произошедшим в прошедшем веке.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

1771. *The Origin of the Distinction of Ranks*. 4th edn. Edinburgh: William Blackwood; London: Longman, Hurst, Rees&Orme, 1806.
1803. *An Historical View of the English Government*. 4 vols. London: J. Mawman.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ignatieff, M. 1983. John Millar and individualism. In *Wealth and Virtue: the Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*, ed. I. Hont and M. Ignatieff, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lehmann, W.C. 1960. *John Millar of Glasgow. 1735–1801: His Life and Thought and His Contributions to Sociological Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Р.С. Дауни

Moral philosophy

R.S. Downie

Некоторое представление о том, что такое моральная философия, можно получить, если обратиться к аналогиям, которые на протяжении столетий использовали философы, чтобы прояснить свои цели. В этой статье автор касается таких аналогий, но более подробно он останавливается на вопросах, которые волновали моральных философов в XX в.

Для Платона (IV в. до н.э.) моральная философия — это *авторитетное руководство* к правильной жизни. Принимая предпосылку, что добродетель — это знание, Платон говорит о природе этого знания и о способах, какими его приобретают. Он приходит к выводу, что лишь некоторые люди наделены даром познания, да и то только если прошли длительный путь интеллектуального, физического и морального совершенствования. Но если же они проделали этот путь, то, как считает Платон, они подготовлены для того, чтобы писать законы и править. Такие люди — философы-короли. Платон, несомненно, приписывает моральной философии сильнейшую нормативную функцию. Но сейчас, в век демократии, подход Платона в целом вызывает некоторое недоверие, даже если оставить в стороне чисто философские проблемы, с ним связанные.

Позиция Аристотеля (IV в. до н.э.) представляется более приемлемой. Он предлагает анализировать существующие точки зрения по любой проблеме — их он называет взглядами многих и мудрых — и стремится обнаружить в них некие общие принципы. Таким образом, Аристотель предлагает задачу, стоящую перед моральным философом, считать похожей на задачу *переводчика*. Он полагает, что основные принципы поведения не так легко понять, поскольку они скрыты за деталями, однако моральный философ может сделать это, если примет существующие представления людей о том, что правильно, а что неправильно, а затем в ходе фило-

софского анализа очистит эти представления от логических несоответствий.

Третья — и принципиально отличающаяся от предыдущих — аналогия — это аналогия *бритвы*. Принцип *entia non sunt multiplicanda*¹, который обычно ассоциируется с именем средневекового философа Уильяма Оккама², действует как «философская бритва», отсекающая избыточные понятия. На практике ими оказываются понятия нравственной и политической мысли, которые невозможно анализировать в терминах «ощущение»—«опыт». Используя «философскую бритву» доводилось отсекал такие понятия, как «моральный долг» или «естественный закон». Но этот принцип не лишен недостатков. Искусственные конструкции, заменяющие понятия, такие как «моральный долг», полезны не более последних. Тем не менее аналогия с бритвой, несомненно, важную для бихевиоризма и позитивизма, время от времени используют представители общественных наук. О том, к каким негативным последствиям может привести использование этой аналогии, показано в труде Давида Юма (1748. Разд. XII. Ч. III). В известном, написанном высоким стилем отрывке автор предлагает спросить о любой книге: «Содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании? Нет. Так бросьте ее в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений!».

Четвертый — и также современный — способ представить взаимосвязи между моральной философией и фактами, относящимися к области морали, можно проследить, если вновь обратиться к Давиду Юму, на этот раз к его аналогии с *микроскопом* (1748. Разд. VII. Ч. I). Философ берет концепции, используемые учеными — представителями общественных наук, и рассматривает их через «философский микроскоп», тем самым достигая лучшего понимания их смысла. Этот подход в какой-то степени сходен с принципом «бритвы». Исходно менее разрушительный, он тоже часто заставляет усомниться в значимости утверждений, которые невозможно обосновать эмпирически. И тем не менее такой взгляд на взаимосвязь между теорией и практикой присутствует в философии и сегодня.

¹ Сущность не следует умножать (лат.)

² Оккам Уильям (1300—1349) — английский философ и логик, францисканский монах. — *Прим. науч. ред.*

Пятая аналогия — *картография*. Она предполагает, что философ воспринимается как человек, последовательно наносящий на некую «карту» понятия, относящиеся к какой-то конкретной области, в случае морального философа — к области нравственной и политической. Как дополнение к аристотелевскому этот подход представляет несомненный интерес. Предполагается, что знание процедур и способов аргументации, которые реально применяются, моральный философ должен почерпнуть у «моральных агентов» или людей, работающих в соответствующих областях. И это должно предостеречь философов от использования понятий вне контекста, а также от привлечения для анализа их значимости необоснованно заимствованных критериев. Витгенштейн убеждал моральных философов в необходимости изучения понятий морали независимо друг от друга, как понятий игры или отдельных сторон жизни (Wittgenstein, 1953).

Следует отметить, что первые две из пяти перечисленных аналогий приписывают моральной философии нормативную функцию, а остальные три — аналитическую. Начиная с 1945 г. различие между ними отражалось в литературе как различие между нормативной этикой (*normative ethics*) и мета-этикой (*meta-ethics*). Некоторые философы считают, что истинно философским является только аналитический подход и что моральная философия должна быть абсолютно нейтральной в основополагающих вопросах морали. Эта позиция проистекает из убеждения, что моральная философия должна принципиально отличаться от всего, что связано с практикой, — от психологии, экономики, социологии и т.д. Обе позиции — об этической нейтральности (*moral neutrality*) и неэмпирической природе моральной философии (*non-empirical nature of moral philosophy*) — лежат в основе лингвистического анализа (*linguistic analysis*), направления, доминировавшего в англосаксонской философии в период с 1945 по 1965 г.

Но с середины 1960-х годов в этом прочном здании стали появляться трещины. Некоторые философы поставили под сомнение представление о том, что мета-этика, или аналитическая моральная философия, может быть ценностно-нейтральной, даже если бы специалисты в этой области попытались это сделать. Было высказано соображение, что действительно нейтральный, основанный на логике, анализ языка морали предполагает вполне определенную этическую позицию, скажем, либерализм. И здесь можно провести параллель между дискуссией по этому вопросу и по вопросу о том, может ли существовать этически нейтральная общественная наука. Наметившаяся тогда точка зрения, что мета-этика не может быть

этически нейтральной, существенно повлияла на представления специалистов в области нормативной этики, и это способствовало тому, что в 1970-х годах вновь возник интерес к нормативным проблемам. Более того, ослабла и другая опора аналитического подхода, и это способствовало активизации исследований в таких десятилетиями остававшихся в тени областях философии, как политическая философия и философия образования. Правда, некоторые специалисты в области философии образования утверждали, что они просто применяют технику аналитической философии к иным предметным областям. Но разграничение между философией и связанными с практикой проблемными областями стало менее четким: появились области, интересные для моральных философов (например, этика общественных работ и медицинская этика). В середине 1980-х годов, т. е. когда писалась эта статья, представление о присутствии в моральной философии нормативного аспекта стало очень популярным. Философы публиковали книги с названием *Какими должны быть люди?* (Glover, 1984), не задумываясь о том, что таким образом они отходят от основной предметной области моральной философии.

Теперь более подробно остановимся на проблемах и теориях, характерных для моральной философии XX в. Это позволит более наглядно проследить различие между «нормативными» и «мета-этическими» теориями. Нормативные теории пытаются ответить на вопросы: «что делает некие действия правильными?» или «что превращает действие в обязанность?». Ответы делятся на два больших класса: телеологические (*teleological*) и деонтологические (*deontological*), т. е. для одних философов действие правильно, если оно ведет к хорошему результату, а для других правильность присуща неким действиям изначально независимо от того, к какому результату они приводят. В телеологических теориях следует обратить внимание на различие между консеквенционистским и неконсеквенционистским подходами, что часто упускается из вида. Консеквенционистский подход предполагает, что хорошее является результатом правильных действий; правильны же те действия, которые способны обеспечить хорошие результаты.

Самая распространенная и влиятельная из консеквенционистских теорий — гедонистический утилитаризм, основная идея которого обычно ассоциируется со следующим высказыванием Дж.С. Милля: «Стремитесь к наивысшему счастью для наибольшего числа людей». Эта теория состоит из двух компонентов: концепции правильного действия (действие правильно, когда оно приводит к наилучшему из возможных последствию для большинства) и кон-

цепция добра, или того, что представляет собой сущность последствий (удовольствие или счастье). Вторую концепцию критикуют на том основании, что не всякое удовольствие одинаково хорошо, или что счастье — не только нечто, хорошее само по себе. Милль вполне осознавал обоснованность подобных возражений и пытался защитить свою теорию, обращаясь к идее качественного различия удовольствий. В то время как Милль старался доказать, что одни удовольствия *качественно* отличаются от других, Бентам утверждал, что если количество получаемого удовольствия одинаково, то игра в салочки так же хороша, как и поэзия. Принято считать, что рассуждения Милля представляют собой порочный круг и к тому же противоречат всей его теории. В последнее время гедонистические утилитаристы перестали ссылаться на удовольствие и счастье и говорят просто об «интересах» и «предпочтениях». Но по-прежнему можно утверждать, что одни удовольствия у них лучше других независимо от того, насколько и в какой степени они интересуют людей. Этот антигедонистический аргумент все же не приводит к отказу от утилитаризма, но он может способствовать развитию его негедонистических, или «идеальных», вариантов.

Утилитаристская доктрина правильного действия, которая составляет суть соответствующей теории, подвергается критике с разных сторон. Во-первых, за расплывчатость. Если критерий предполагает наилучшее из возможных последствий «для большинства», то как можно интерпретировать это большинство? Имеется ли в виду маленькая группа (семья), общество, раса или все человечество? Включает ли это понятие будущих людей? Или животных? Ответы на подобные вопросы очень важны в социальном и экономическом отношениях, но теория не дает ясного указания на этот счет.

Предположим, что эта теория сформулирована так, что она выдерживает критику с позиций ее внутренней логики, но все равно мы должны выяснить, может ли она выдержать критику с позиций другой группы нормативных теорий — деонтологических. Такие теории утверждают, что некоторые действия правильны и обязательны независимо от последствий. Некоторые деонтологические теории утверждают, что ни одно действие не может быть признано правильным или законным в зависимости от его последствий. Кант, чья моральная философия является деонтологической, придерживался именно такой точки зрения (Кант, 1785). Другие представители деонтологической этики допускают, что некоторые действия правильны в силу утилитаристских соображений, но отрицают, что все действия могут быть признаны таковыми (Ross, 1939). Однако

все согласны с тем, что обязательства, связанные со справедливостью, не могут быть втиснуты в утилитаристскую схему. Например, сторонники деонтологической этики могут утверждать, что утилитаристская идея максимизации богатства допускает возможность неравномерного распределения благ и, следовательно, может вступать в противоречие с распространенными и очень важными представлениями о равенстве или справедливости, т.е. *распределительной справедливости* (*distributive justice*). Кроме того, по их мнению, утилитарист оправдал бы и наказание невиновных, если бы это (как иногда и происходит) способствовало максимизации благосостояния. Но это противоречит представлениям о *ретрибутивной* (*карающей*) *справедливости*. И еще, сторонники деонтологической этики обязательно обратили бы внимание на следующее обстоятельство. В то время как утилитаристы считают, что *требования говорить правду и выполнять обещания* подчинены принципу максимизации благосостояния, люди обычно рассматривают эти требования как моральные обязательства независимо от их последствий.

Под крышей деонтологии находят место также теории, придающие особое значение *правам* (*rights*). Действительно, теории, подчеркивающие значение прав, и деонтологические теории, подчеркивающие значение обязанностей, исторически проистекают из доктрины естественного закона, восходящей еще к древним грекам. Теории прав приобрели популярность в XVII и XVIII вв. в виде концепций «естественных прав» и «прав человека», и вновь стали популярными в первой половине XX в. в связи с идеей прав человека. При оправдании многих требований обычно ссылаются на права человека. Общим для теорий прав и деонтологических теорий является то, что их сторонники убеждены, что права индивида должны соблюдаться независимо от интересов большинства.

В 1960–1975 гг. в рамках нормативной моральной философии то активизировались, то затихали попытки утилитаристов учесть критику со стороны представителей деонтологической теории. Эти попытки нашли отражение в теории, известной как «утилитаризм правил» (*rule-utilitarianism*) (в отличие от «утилитаризма действия» — *act-utilitarianism*). «Утилитаризм правил» различает правила двух типов. Первые иногда именовались «регулятивными», например «людям не следует выходить из себя». Их называли также правилами указательного пальца, грубыми ориентирами, направляющими к лучшим результатам, но не более того. Правила второго рода иногда назывались «конституирующими», или определяющими действия, примером этих правил могут быть следующие: «нужно вы-

полнять обещание» или «нужно говорить правду». К этому типу относятся также правила, связанные с собственностью и справедливостью. Следует иметь в виду, что, говоря о втором типе правил, рассматриваемых в рамках утилитаризма, следует различать два вопроса (этого не делает ни утилитаризм действия, ни деонтология): «почему мы должны действовать тем или иным образом?» и «почему мы должны принимать определенные правила?» Сторонник деонтологической этики ответил бы на первый вопрос следующим образом: обещание надо выполнять просто потому, что это обещание. Но он не смог бы объяснить, основываясь на своей теории, чем оправдывается практика давать обещания или владеть собственностью и т.д. В то же время сторонник «утилитаризма действия», который признает, что для моральной оценки действий важны их последствия, не осознает того, что принятая практика будет разрушаться и окажется несостоятельной, если люди не смогут определить для каждого случая, приведут ли их действия к наилучшему результату или нет. В соответствии с «утилитаризмом правил» — и здесь он перекликается с деонтологическим подходом — ответ заключается в следующем: мы следуем правилам потому, что это — правила. Но тут же идет добавление: существование некоего правила до некоторой степени оправдывается (если это вообще возможно) тем, что если оно действует как общее правило, наилучший результат становится возможным для большинства. Эта теория ассоциируется с именем Джона Ролза (Rawls, 1955), но наиболее полно она представлена в работах Дэвида Юма (Hume, 1739).

В 1970-е годы «утилитаризм правил» подвергался жесточайшей критике. Основным пунктом критики было то, что он внутренне противоречив. «Утилитаризм правил» призывает нас следовать правилам, выполнять обещания, соблюдать законы, даже если мы точно знаем, что в данном конкретном случае это не привет к наилучшим последствиям, потому что в противном случае мы нарушим это правило или сложившуюся практику поведения. Однако если обещание дается втайне, как это часто бывает, не совсем ясно, как мы можем подорвать существующую практику, если нарушим обещание. Можно привести и другие примеры, показывающие, что соединение положений утилитаризма действия и деонтологической этики ведет к противоречию.

Любой вариант утилитаризма может быть подвергнут и критике третьего типа. Это можно сделать в терминах прав, хотя другие пути тоже возможны и не зависят от того, приняты ли принципы деонтологической этики. Если *A* нанесет вред *B* — оскорбит или оклеветает его — это может отрицательно сказаться на большинстве,

например, будет способствовать поощрению подобного поведения. Но этим не исчерпывается то плохое, что связано с действиями *A*. Они неправильны, если они таковыми являются, не только в силу их отрицательного эффекта для большинства, но и просто потому, что наносят вред *B*. Используя соответствующую терминологию, мы можем сказать, что права *B* нарушены.

Существует и критика утилитаризма четвертого типа, и связана она с моралью того, кто действует, в отличие от того, на кого направлено это действие. Здесь часто фигурирует понятие «порядочности» (*integrity*). Предположим, например, что *A* едет в автобусе, который захватывают бандиты. Главарь бандитов — человек чести — обещает отпустить *A* и всех остальных пассажиров при условии, что *A* согласится застрелить одного из них. Если *A* не согласится на это, главарь бандитов сам всех расстреляет. С точки зрения утилитаризма нет ни малейшего сомнения в том, что *A* должен застрелить одного человека, чтобы спасти этим всех остальных; но с моральной точки зрения столь же обоснованно решение *A* отказаться на том основании, что *он* не должен никого убивать, даже если это — цена за предотвращение убийства гораздо большего числа людей (Smart and Williams, 1973).

В общем, можно сказать, что в каком-то смысле утилитаризму недостает признания неотъемлемой связи между моралью и природой человека. Теория вызывает наибольшее доверие, если рассматривается как теория, объясняющая действия управленца или законодателя, но ей может не хватать понимания внутреннего, личного или связанного со взаимодействием людей аспекта морали.

Возможный путь развития теории — вернуться к рассмотрению различий между консеквенциалистским и неконсеквенциалистским телеологическими подходами и тщательно обдумать последний. Одну из разновидностей неконсеквенциалистского телеологического подхода сформировали еще древние греки, несколько иную — представители философии идеализма в XIX в. Оба подхода объединяла идея о том, что мораль — это выражение природы человека и сущности общественной жизни. Для утилитаристов мораль — просто инструмент, способствующий достижению гармонии в обществе, а люди — всего лишь потребители счастья. Иными словами, консеквенциалистская телеология утилитаризма является внешней по отношению к человеческому «я». Но возможно рассматривать также мораль в терминах интернальной телеологии (*internal teleology*). Здесь может быть полезна следующая аналогия.

При строительстве дома грузовики, бетономешалки, строительные леса — все это необходимые средства на пути к конечному

продукту, т. е. дому. Их ценность определена тем, что они делают, но, будучи тесно связанными с конечным продуктом, они не становятся его частью. Напротив, кирпичи, цемент и плитка, будучи также необходимыми средствами для создания конечного продукта, связаны с ним и внутренне. Они становятся частью конечного продукта, в нем проявляются их свойства. Подобно этому мораль — это не только средство, необходимое для достижения хорошей жизни, но и ее выражение. Люди не только обладают стремлением к счастью, но и природной склонностью к морали, а это как раз то, что отрицают утилитаристы.

Представители деонтологической этики справедливо полагают, что мораль не может быть оправдана по результатам, которые могут быть получены, если ей следовать. Но они также (за исключением разве что Канта) упускали из вида связь между моралью и человеческим «я». Как ни странно, более проницательным в этом отношении оказался Дж.С. Милль. Он отмечал важность сохранения значимости «я». Эту идею древних греков он трактовал в не-гедонистических (*non-hedonistic*) терминах. Он выразил ее следующим образом: «Действительно важно не только то, что делает человек, но и то, как он это делает» (Mill, 1859, ch. 3). Другими словами, мораль следует рассматривать не только как технический инструмент, но и как устоявшийся способ действия.

Перейдем теперь от нормативных вопросов к мета-этическим, не забывая при этом, что они подразумевают некоторую точку зрения на природу человека и не являются этически нейтральными. В обширной области мета-этики часто обсуждаются, но не всегда четко разграничиваются три типа вопросов. Во-первых, это так называемые вопросы «логики языка морали». Часто они понимаются как вопросы о значении слов, относящихся к области морали. Во-вторых, это вопросы эпистемологии морали. Как мы можем различать истинное и ложное, адекватен ли имеющийся словарный запас нашему пониманию предмета? В-третьих, существуют вопросы метафизики морали. Выступает ли нечто проявлением человеческих чувств или относится к предметному миру? Все эти вопросы связаны между собой, ответы на вопросы одного типа могут оказывать влияние на ответы на вопросы другого типа. Начнем с вопросов, касающихся логики, но будем иметь в виду, что эти вопросы могут приводить нас к другим.

В XX в. обсуждались три определения моральных суждений: они являются констатацией фактов, выражают чувства, представляют собой команды или предписания.

Точка зрения, согласно которой суждения являются констатацией природных фактов, получила название «натурализм», поскольку предполагала, что моральные суждения могут быть в некоторой степени сведены или допускать возможность трактовки в терминах фактов определенного типа таких, например, как «ведет к удовольствию». Однако Дж.Э. Мур¹ утверждал, что философы, придерживающиеся этой точки зрения, совершают логическую ошибку, которую он назвал «натуралистическим заблуждением». Оно заключалось в попытке определить добро через что-либо иное, кроме самого добра. По мнению Мура, ошибочная природа такого определения могла быть выявлена при помощи проверки на так называемые «открытые вопросы». Когда добро определяется через свойства x , y , z , можно задать вопрос: «Да, нечто обладает свойствами x , y , z , но добро ли это?». И если вопрос останется открытым (или, по крайней мере, имеющим смысл), можно говорить о том, что определение не может быть правильным. Мур пришел к выводу, что «добро» не означает некое природное свойство, а является неопределяемым и несводимым понятием (хотя другие слова, относящиеся к области этики, например, «правильный», могут определяться как «то, что осуществляет добро»). Из утверждения, что «добро» не обозначает природное свойство, Мур заключил, что оно определяет *неприродное* свойство. Это неприродное свойство в некотором отношении аналогично такому природному свойству, как «желтый», но в других отношениях совершенно иное. У Мура мы находим логическую позицию, предполагающую, что «добро» обозначает неопределяемое свойство, и эта позиция приводит нас к другой — метафизической, согласно которой это свойство непознаваемо наукой, хотя и относится к природе вещей. Эта метафизическая позиция, в свою очередь, приводит нас к эпистемологической, согласно которой, поскольку данное свойство неприродное и, следовательно, не может быть познано ни одной из наук, оно должно быть известно нам интуитивно.

Все эти аспекты концепции Мура подвергались жесткой критике. В частности, некоторые философы утверждали, что Мур неправильно понимает язык, поскольку полагает, что прилагательное непременно обозначает свойство. Они утверждали также, что слово «добро» не обозначает свойство, а, скорее, выражает положительные эмоции или некое отношение к чему-либо. Этот довод

¹ Мур Джордж Эдуард (1873–1958) — английский философ, этик, один из родоначальников эмотивизма и анализа этических высказываний. Будучи профессором Кембриджского университета, оказал существенное влияние на Дж.М. Кейнса. — *Прим. науч. ред.*

основан на философии языка, а также на возрожденном представлении о том, что моральные суждения представляют собой указания к действию. Подобное свойство моральных суждений невозможно объяснить, если рассматривать их как констатацию фактов, но это можно сделать, если видеть в моральных суждениях выражение отношения к чему-либо.

Эта позиция послужила отправной точкой для называемого «эмотивизма» — теории, которая была чрезвычайно популярна в 1940-х и 1950-х годах. Для сторонников этой теории моральные утверждения — прежде всего не констатация фактов, а выражение отношения к чему-то. Когда отношение к чему-либо выражается в терминах морали, это производит магическое действие — слушатель призывается к действию. Чтобы дать моральному утверждению рациональное обоснование, необходимо привести факты, которые соответствующим образом повлияют на отношение к чему-либо (Stevenson, 1937). Впрочем, эта точка зрения также может быть подвергнута критике. Например, мы часто высказываем моральные суждения, не задаваясь целью повлиять на отношение других людей к тому или иному явлению. Например, если говорим вегетарианцу, что плохо есть мясо. Но опять-таки непонятно, как эмотивизм может ответить на вопрос (если он возникает): «должен ли я делать нечто или нет?». И наконец, эмотивизм признает очевидную рациональность морали. Мы спорим с людьми, приводим аргументы в подтверждение своей позиции; мы полагаем, что другие заблуждаются. Но как человек может ошибаться, если его моральная позиция — это лишь проявление чувств?

Пытаясь вернуть морали рациональность, сохраняя при этом ее практическую, которую подчеркивал эмотивизм, Р.М. Хэар предложил теорию, получившую название прескриптивизм (*prescriptivism*). Суть ее заключается в том, что моральный агент выбирает для себя основные моральные принципы; и это означает, что он готов делать то, что эти принципы предписывают. Фраза «мне следует сделать то-то и то-то» выглядит как команда самому себе или как твердое заявление о намерениях. *Практическая побудительная сила* морального суждения выражается, таким образом, через логические утверждения. Согласиться с моральным суждением — значит согласиться действовать так, как оно предполагает. Если кто-то действует иным образом, он нарушает соответствующие принципы. Такая позиция порождает ряд вопросов, связанных с проблемой слабой воли. Можно ли говорить о том, что я не придерживаюсь некоего принципа, если иногда в силу слабости, недостаточного знания или даже упрямства действую вопреки ему?

Хэар убежден в невозможности объяснить рациональность моральных суждений, выводя их из некоторого набора конкретных предпосылок, — моральное долженствование невозможно логически вывести из любого набора заданных предпосылок. Это соображение, впервые высказанное еще Юмом, было козырной картой в борьбе против «натуралистов». Именно с этих позиций Хэар рассматривал «натуралистическую ошибку» Мура. По словам Хэара, рациональность моральных суждений скорее может быть объяснена, если обратиться к идее их универсальности. Если я говорю, что мне следует или не следует что-то делать, то фактически я говорю, что любому на моем месте следует делать или не делать то же самое. Но это слабое объяснение рациональности. Правильным является представление о том, что «следует», обращенное к индивиду, может стать универсальным, если будет установлена его связь с некими общими правилами. Но всякий, кто ожидает от морали рациональности, ожидает от нее и логичности. Например, если я говорю, что не должен ходить по трещинам в тротуаре, я предлагаю правило, согласно которому никто не должен этого делать, но такое правило само по себе не представляется обоснованным. Хэар полагает, что на деле люди не станут вводить правила, которые противоречат их интересам, а тех, кто это делает, называет «фанатиками». Однако он не может доказать, что фанатики не правы, а может лишь, указывая на существование обобщенного утилитаристского интереса, способствовать ослаблению склонности к фанатизму.

Разочаровавшись в прескриптивизме, а также в идее рациональности морали (которую понимали не только как ее непротиворечивость), некоторые философы, как, например, Филипп Фут (Foot, 1958) или Уорнок (Warnock, 1971), вновь обратились к натурализму. Для различных версий натурализма характерно стремление показать, как мораль логически связана с понятиями вреда и пользы. Таким образом, морали возвращались объективность и рациональность. Рассмотрим пример Уорнока: победа над врагом замечательна, но на деле она может оказаться плохой с моральной точки зрения, если мораль логически связана с понятиями вреда и пользы, а также если принимаются некоторые очевидные предпосылки о взаимодействии людей.

Однако и у неонатурализма возникают трудности с объяснением принуждающей силы моральных суждений. Каким образом факты могут оправдывать действия, если только не принимаются сомнительные предпосылки, вроде того, что все мы желаем добра другим или что моя выгода увеличивается, если другим это выгодно? Однако основная проблема у неонатурализма связана с тем,

что он либо определяет мораль слишком узко, сводя ее к проблеме вреда и пользы, либо трактует понятия вреда и пользы так широко, что лишает их смысла. Например, если двое взрослых людей вступают в сексуальный контакт вне брака по взаимному согласию и предохраняются, мы не можем сказать, что они кому-то вредят. Однако некоторые люди могут осуждать такие действия с моральных позиций. И независимо от того, соглашаемся мы с ними или нет, мы не можем, основываясь на логике, игнорировать их мнение, считая его аморальным. Но это как раз то, с чем мы согласились, когда мораль определена в узких терминах вреда и пользы для людей. А как быть с вредом и пользой для животных?

Стоит отметить, что все моральные философы после Мура — эмотивисты, прескриптивисты и неонатуралисты — исходили из *метафизического* натурализма. Иными словами, они предполагали, что мораль как некий феномен может быть объяснена в терминах некоторого конгломерата психологии, экономики и социологии (а теперь еще и социобиологии). Сейчас, однако, намечилось возрождение интереса к неонатуралистическому представлению о морали. Это явилось следствием как нового обращения к Гегелю, так и возрождения исследований в области естественного закона. Во всяком случае, это дало толчок всей многоликой моральной философии.

Но рассмотрение нашего вопроса не может быть завершено без упоминания экзистенциализма. Континентальная философия никогда не была частью основного течения англосаксонской философии, но некоторые понятия экзистенциализма были приняты моральными философами. Например, идея «плохой веры», представление человека о том, что если нечто определено и нет выбора, то остается только принять судьбу, были рассмотрены Сартром на ряде примеров. На самом деле именно благодаря ярким примерам экзистенциализм оказал благотворное воздействие на англосаксонскую философию. Это подтолкнуло моральных философов отказаться от невыразительных примеров — вроде ситуаций с обязательством возвращать книги в библиотеку или соблюдать правила игры в крикет, а обратиться к более масштабным и жизненным ситуациям.

Использование реалистичных примеров, желание расширить область применения своих идей (в частности, в медицине), использование более совершенных логических приемов — все это привело к тому, что сейчас моральная философия привлекает гораздо больше внимания, чем 40 лет назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Translated by Sir David Ross, London: Oxford University Press, 1954. [Русск. пер.: Аристотель. Никомахова Этика // Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1983, 1984.]
- Foot, P. 1958. Moral beliefs. *Aristotelian Society Proceeding*. Collected in P. Foot, *Virtues and Vices*, Oxford: Blackwell, 1978; Berkeley: University of California Press.
- Glover, G. 1984. *What Sort of People Should There Be?* Harmondsworth: Pelican Books.
- Hare, R.M. 1952. *The Language of Morals*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1964.
- Hare, R.M. 1963. *Freedom and Reason*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1965.
- Hume, D. 1739. *A Treatise of Human Nature*. Ed. L.A. Selby-Bigge, Oxford: Clarendon Press, 1896. 2nd edn, 1978. [Русск. пер: Юм Д. Трактат о человеческой природе. В 2 т. М.: Канон 1995; Юм Д. О человеческой природе. Серия: Азбука — Классика. М.: Азбука, 2001.]
- Hume, D. 1748. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. Ed. L.A. Selby-Bigge, 2nd edn, Oxford: Clarendon Press, 1902. Revised by P.H. Nidditch, 1975. [Русск. пер.: Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995; Юм Д. Сочинения. М.: Мысль, 1996.]
- Kant, I. 1785. *Groundwork of the Metaphysic of Morals*. Translated by H.J. Paton as *The Moral Law*, London: Hutchinson's University Library, 1948. [Русск. пер.: Кант И. Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. СПб., 1995.]
- Mill, J.S. 1859. *Essay on Liberty*. Ed. M. Warnock, London: Collins, 1962. [Русск.пер.: Милль Дж.С. О свободе. Лейпциг, 1861; Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. СПб.: Изд-во И.П.Перевозникова, 1900.]
- Mill, J.S. 1863. *Utilitarianism*. Ed. M. Warnock, London: Collins, 1962. [Русск. пер.: Милль Дж.С. Утилитаризм. О свободе. СПб.: Изд-во И.П.Перевозникова, 1900.]
- Moore, G.E. 1903. *Principia Ethica*. Cambridge: Cambridge University Press. [Русск. пер.: Мур Д. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.]
- Plato. *Republic*. Translated by Benjamin Jowett, 3rd edn, revised, Oxford: Clarendon Press, 1888. Reprinted New York: Sphere Books, 1970. [Русск. пер.: Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994.]
- Rawls, J. 1955. Two concepts of rules. *Philosophical Review* 64, January, 3–32.
- Ross, W.D. 1939. *Foundations of Ethics*. Oxford: Clarendon Press.
- Sartre, J.-P. 1943. *Being and Nothingness*. Translated by Hazel Barnes, London: Methuen, 1957. [Русск. пер.: Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Терра — Книжный клуб, 2002.]
- Smart, J.J.C. and Williams, B. 1973. *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.
- Stevenson, C.L. 1937. The emotive meaning of ethical terms. *Mind* 46 (181), 14–31.
- Warnock, G.J. 1971. *The Object of Morality*. London: Methuen; New York: Barnes and Noble.
- Wittgenstein, L. 1953. *Philosophical Investigations*. Translated by G.E.M. Anscombe, Oxford: Blackwell. [Русск. пер.: Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994.]

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

Н.Э. СИММОНДС

Natural law

N.E. Simmonds

Термин «естественное право» нередко относится к любой философской теории, которая поддерживает веру в «объективность» нравственных стандартов, или возможность основывать представление о морали на знаниях. Однако если мы не будем так широко трактовать этот термин и попытаемся определить традицию естественного права как в некоторой степени отличную от других когнитивистских теорий морали, тогда лучше всего, вероятно, было бы охарактеризовать эту традицию, указав ее три основные черты. Во-первых, теории естественного права рассматривают мораль как в некотором смысле свод заповедей. Даже если теория имеет в целом телеологический характер, она не будет откровенно предъявлять очень высокие требования, а скорее, телеология послужит оправданию свода правил или норм. Во-вторых, теория естественного права рассматривает равенство перед законом в качестве фундаментальной предпосылки: предполагается, что люди равны перед законом природы. Даже когда теория используется для обоснования неравенства прав, существующего в реальных общественных условиях, это неравенство оправдывается ссылкой на принципы, действующие одинаково в отношении каждого. Столкновение между естественными правами и позитивно установленными правами, которое предполагает идея равенства перед законом, отражено в третьей основной черте теорий естественного права — в том, как они подходят к взаимоотношениям естественного права и позитивного права, установленного людьми. Естественное право представляет собой исходную, объективную основу, ссылаясь на которую необходимо оценивать позитивные законы. Но тем не менее позитивное право необходимо и является чем-то гораздо большим, чем просто несовершенное отражение естественного права. Позитивные законы необходимы отчасти для того, чтобы добиться со-

блюдения норм, которым в противном случае слабые или злонамеренные люди не повиновались бы; но также они нужны для того, чтобы конкретизировать общие требования естественного права. Естественное право, например, может требовать, чтобы поведение в определенных областях общественной жизни было скоординированным, но при этом не обязательно указывает конкретную форму этой координации. Следовательно, естественное право нуждается в позитивном праве как совокупности публично устанавливаемых правил, делающих координацию возможной.

Возможно, наиболее значительной метаморфозой традиции естественного права является сдвиг от позиции Фомы Аквинского, преобладавшей в позднем Средневековье, к теориям Гроциуса и Пуфендорфа в XVII в. Большинство комментаторов были поражены изменением характерных особенностей теории естественного права в этот период, но значительно меньше единодушия было по поводу того, в чем суть различий. Согласно одной точке зрения, авторы XVII в., скорее, выдвинули теорию естественных прав, чем теорию естественного права. Но, хотя теории XVII в., безусловно, носят более индивидуалистичный характер, это не связано однозначно с развитием теории, основанной на правах: Пуфендорф, например, в качестве основного понятия предпочитает, скорее, «долг», а не «право». Согласно другому мнению, авторы XVII в. предлагают светскую теорию по контрасту с теоцентрическим подходом Фомы Аквинского. По причинам, которые будут изложены ниже, эту точку зрения также следует отвергнуть. Чтобы лучше понять, что в интонации и подходах отделяет Фому Аквинского от Гроциуса, следует обратиться к той роли, которую в их теориях играет понятие «блага». Для Фомы Аквинского описание того, что является для человека благом, выступает отправной точкой для понимания естественного права. Функция позитивного права состоит в обеспечении блага, понимаемого таким образом. В то же время для Гроциуса и Пуфендорфа роль права состоит в том, чтобы устанавливать границы, внутри которых эгоистичные люди, живущие в условиях ограниченности ресурсов, могут сосуществовать в таком общественном порядке, который позволяет каждому стремиться к собственному благу, как он сам его понимает. Хотя изображать таких авторов, как Гроциус и Пуфендорф, полноценными либералами, порывающими с прошлым, было бы явным абсурдом, нельзя не признать, что в это время произошли некоторые подобные изменения в акцентах и ориентации соответствующих теорий.

Поскольку теории естественного права существенно зависят от базисного понятия человеческого равенства и одновременно часто

принимают консервативную точку зрения относительно материального неравенства в общественной жизни, были предложены различные пути для преодоления разрыва между идеалом и реальностью. Так, в XVII в. утверждалось, что базовое право присваивать и использовать природные ресурсы принадлежит всем людям в равной степени, но в то же время оно служило для оправдания неравного распределения богатства и ресурсов в существующем обществе. У Фомы Аквинского это противоречие возникает и разрешается в иной форме, в рамках его центрального понятия блага. Точку зрения Аристотеля, согласно которой лучшей жизнью для человека является занятие философией, доступное только праздной элите, Фома Аквинский заменяет тезисом о том, что высшее благо для человека, которое заключается в блаженном созерцании Бога, потенциально доступно любому, но лишь в загробной жизни: требование равенства выполняется благодаря перемещению его в иной мир. Именно в этом постоянно возникающем противоречии между идеальным царством равенства и материальным миром неравенства содержится основа марксистской критики теории естественного права и, по сути, буржуазной юридической мысли в целом.

Ортодоксальная позиция сторонников теории естественного права XVII в. состояла в том, что содержание естественного права можно определить с помощью разума, но свою обязательную силу оно получает из божественной воли. На самом деле божественная воля в таких теориях обеспечивала сохранение деонтологического характера естественного права, хотя аргументация была в основном телеологическая по форме. Согласно Гроциусу и Пуфендорфу, разум показывает нам, что при существующей человеческой природе и обстоятельствах человек может жить в обществе только, если соблюдаются некоторые основные правила: например, правила, определяющие и защищающие права собственности. Но это означает лишь то, что такие правила продиктованы пользой, а вовсе не то, что они являются требованиями естественного права. Пуфендорф осторожно указывает, что, взятые отдельно от божественной воли, предпосылки естественного права всего лишь «подобны предписаниям врачей для здорового образа жизни, но не являются законами» (*De Officio Hominis et Civis*, 1682, 1.3.10). Поступки являются хорошими или дурными (в отличие от мудрых или глупых) только по отношению к закону, а закон, полагает Пуфендорф, предполагает волю вышестоящего. Естественный закон является обязательным в силу божественной воли. Если мы знаем, что некоторые правила необходимы в общественной жизни, мы знаем, что их соблюдение хочет Бог. Поскольку Бог сотворил наш мир и

наделил нас способностями, делающими возможной общественную жизнь, следовательно, по его воле нам следует жить в обществе и соблюдать те правила, которые необходимы, чтобы общественная жизнь была возможной.

Часто считают, что Гроциус отрицал роль божественной воли в естественном праве. Именно так полагал Пуфендорф и критиковал за это Гроциуса. На самом деле маловероятно, чтобы Гроциус замыслил столь радикальное отступление от теоцентрического подхода. Он утверждал, что аргументы естественного права имели бы некоторую силу, даже если бы Бога не существовало: но это может означать просто то, что установления естественного права не произвольны, а основаны на человеческой природе и обстоятельствах человеческой жизни. На самом деле от идеи божественной воли не удалось бы легко отказаться, поскольку в этих теориях она была необходима для разрешения ряда фундаментальных проблем. Первая из них состояла в том, как обязательный поступок отличается от того, совершить который у нас просто имеются веские причины. Суть второй заключалась в том, как моральные соображения связаны с соображениями благоразумия: проблема, ставшая особенно острой, как только мораль стала трактоваться, скорее, как свод правил, чем как основанная на определенных добродетелях как чертах характера. И наконец, что наиболее важно для нас, понятие божественной воли сохраняло за естественным правом деонтологический характер даже при том, что аргументы в его пользу были в основе своей утилитаристскими. Как мы увидим ниже, именно эта особенность размышлений в русле естественного права позднее вызвала те драматические изменения, в которых некоторые усмотрели его конец.

Вначале можно подумать, что пример Гоббса опровергает тезис о том, что теории естественного права в XVII в. приписывали важнейшую роль божественной воле. Конечно, есть большие сомнения относительно того, является ли Гоббс частью традиции естественного права вообще. Но следует заметить, что в отношении *концепции* естественного права Гоббс придерживался ортодоксальной точки зрения: принципы разума можно считать законами, только если рассматривать их как результат божественной воли (см. гл. 15 *Левифана*, 1651).

Как мы убедились, теоцентрическая основа теории естественного права, позволившая сохранить деонтологическую форму его правилам, фактически придала основным аргументам (необходимость некоторых правил ввиду известных особенностей человеческой природы и т.д.) утилитаристский характер. То, что часто на-

зывают «критикой» естественного права Давидом Юмом в XVIII в., в действительности лучше трактовать как устранение деонтологических рамок, оставляющее утилитаристские аргументы на своих местах. Юм устранил Бога и предложил обоснование правил, касающихся справедливости и собственности, непосредственно в терминах «удобства» или «пользы». Однако этот шаг вызвал целую волну перемен, поскольку, если правила, касающиеся справедливости и собственности, не предписаны Богом, они обосновываются только пользой. Конечно, говоря о пользе (полезности), Юм не имел в виду простую максимизацию четко определенного показателя. Но у Бентама понятие пользы (полезности) развивалось именно в этом направлении.

Устранение Юмом Бога из концепции естественного права было, несомненно, решающим шагом. И все же утилитаристский оттенок многих трудов, написанных в этой области, означал, что между предшественниками Юма и его непосредственными наследниками существовала очевидная преемственность. Отдельные принципы естественного права всегда можно было свести к предписанию максимизировать пользу (полезность), так что идеи естественного права могли продолжить призрачную жизнь в трудах утилитаристов. Более того, отсылки к истории — например, когда речь шла о развитии частной собственности, что характерно для трудов Гроциуса и Пуфендорфа, впоследствии в работах Адама Смита и авторов шотландского Просвещения — стали более естественными и наглядными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Cairns, H. 1949. *Legal Philosophy from Plato to Hegel*. Baltimore; Johns Hopkins Press.
- Crowe, M.B. 1977. *The Changing Profile of the Natural Law*. The Hague: Nijhoff.
- d'Entreves, A.P. 1970. *Natural Law*. 2nd edn, London: Hutchinson.
- Finnis, J. 1980. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
- Forbes, D. 1975. *Hume's Philosophical Politics*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.
- von Gierke, O. *Natural Law and the Theory of Society*. Trans. E. Barker, Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
- Haakonssen, K. 1981. *The Science of a Legislator: The Natural Jurisprudence of David Hume and Adam Smith*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Jones, J. W. 1940. *Historical Introduction to the Theory of Law*. Oxford: Clarendon Press.
- O'Connor, D.J. 1967. *Aquinas and Natural Law*. London: Macmillan.
- Simmonds, N.E. 1984. *The Decline of Juridical Reason*. Manchester: Manchester University Press.
- Strauss, L. 1953. *Natural Right and History*. Chicago: Chicago University Press.
- Tuck, R. 1979. *Natural Rights Theories*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.

СОБСТВЕННОСТЬ

Алан Райан

Property

Alan Ryan

Понятие прав собственности имеет столь же фундаментальное значение для экономической теории, как понятия редкости и рациональности. Никто не может устанавливать цену на ресурс, если нет субъекта, обладающего правом контролировать его, а следовательно, нет и стремления выяснить издержки производства. Чаще всего экономисты могут принимать и принимают как данное то, что все ценности (как материальные, так и нематериальные — например, навыки) имеют своего владельца, и власть его над объектом осуществляется в соответствии с предположениями ортодоксальной экономической теории о мотивациях. Очевидно, что свободный рынок и «либеральная концепция владения» (Honore, 1961) подразумевают друг друга. Это позволяет экономистам предоставить другим ученым анализировать природу собственности, а самим заняться тонкостями рыночного взаимодействия. Милль и Маркс упрекали современников в том, что, рассматривая экономику, те исходили из того, что во всем мире господствует система права, аналогичная действующей в странах Северной Атлантики. Это обвинение не вполне справедливо, и оба с готовностью сделали исключение для Смита. По многим причинам в качестве основы для экономики, которой интересуются экономисты, без труда может быть принята именно эта система права.

Экономисты не стремились распространить сферу своих интересов на проблемы собственности. Рассуждения о возможности социализма, анализ экономики рабства и сельского хозяйства развивающихся стран и многое другое способствовали появлению исследований, посвященных влиянию системы прав собственности на экономику. Защита свободного рынка, основанного на праве частной собственности (A. Buchanan, 1985), анализ трудовых кооперативов (Vaneek, 1970), оценка эффективности системы рабства-

владения в Америке (Fogel and Engerman, 1974) и публикации, стимулом для которых стала работа о независимости общественного благосостояния от системы прав собственности (Coase, 1960), — вот только часть того, что было сделано экономистами.

Не существует универсального определения собственности. Французский гражданский кодекс гласит: «Право собственности — это абсолютная власть над вещью в рамках, установленных законом». Эта идея повторяется и в других кодексах. Здесь важно подчеркнуть два момента. Во-первых, мое право *собственности* на этот нож не ущемляется тем, что я не могу воткнуть его в вашу грудь. Закон не разрешает всаживать нож в грудь никому, но все то, что каждый в рамках закона пожелает делать с собственным ножом, я (и никто другой) могу делать со своим. Во-вторых, владелец должен иметь *все* права, какие кто-либо может иметь по отношению к данной вещи. Предложения свести право собственности к «праву на доход», которые иногда встречаются в учебниках, необоснованны, поскольку авторы ошибочно принимают часть права собственности за целое. Собственность, несомненно, предполагает право на доход, но многие права на доход имеют другие основания, а право собственности включает и другие права, помимо права на доход. *Гражданское право* не случайно это подчеркивает. Но будет ли собственник считаться таковым, если закон слишком сильно ограничит его власть над собственностью, — это в нем не определено. Если, к примеру, никто не мог бы оставлять землю в наследство своим детям, закладывать ее или продавать, мог бы кто-либо вообще сказать: «я владею»? Важнейшей составляющей *ius utendi et abutendi* (права пользоваться и распоряжаться) является безусловное право распоряжения. Таким образом, собственность предполагает не только все предусмотренные законом права, но и предоставление человеку или институту права распоряжения. Подобный вывод заставляет усомниться в теориях так называемых «новых прав собственности». Авторы, заявившие о появлении «новых прав собственности», как и теоретики «нового класса», правильно отмечали, что в социалистическом обществе, где предположительно нет частной собственности на средства производства, лица на ключевых постах могут обладать той же властью, что и владельцы предприятий в прошлом, или иметь те же доходы и гарантии занятости, что и капиталисты; аналогично члены профсоюзов в смешанных экономиках могут иметь те же гарантии занятости, что и люди, покупавшие офицерские или чиновничьи патенты в XVIII в. Они заблуждаются, считая это правами собственности, поскольку не задаются вопросом о том, кому в каждом случае принадлежит пра-

во распоряжаться. Действительно, данная власть может быть не менее важной, чем собственность, и даже давать людям права, сходные с правом собственности. Но считать это правами собственности ошибочно.

До XVIII в., а возможно, и позже, собственность была основной темой для политологов. Платон заложил основу существовавшей долгое время традиции, заявив, что правители идеальной республики не должны иметь собственности. Все вместе они должны владеть только общей собственностью республики, что позволит отделить частные интересы от общественных. Платон, в отличие от апостола Павла, не осуждал жадность и не пытался убедить людей направить свои устремления к благам иного мира; скорее, он хотел избежать классовой борьбы и оградить правителей от соблазнов. Занятие низшими классами повседневными делами приветствовалось независимо от того, сколько благ таким образом можно было в результате получить. Не менее длительная традиция связана с Аристотелем, который утверждал, что общая собственность — это не та, которая принадлежит всем, а та, которая не принадлежит никому. Земля и другие ресурсы будут заброшены, пока их не передадут в частную собственность. Несмотря на признание, что частная собственность необходима людям, чтобы их жизнь была достаточно комфортной, Аристотель не одобрял рынок. Он порицал стремление к прибыли за то, что оно приводит к ненадлежащему использованию благ, — надлежащим он считал не торговлю, а потребление; и еще больше, чем стремление к прибыли, он осуждал ссуды под процент за то, что они множат презренный металл. Право собственности, особенно на землю, существует для того, чтобы лучшие из людей имели досуг и могли развивать свои таланты и мудро править.

Греки и римляне не испытывали потребности в понятии индивидуальных прав, ставших главным предметом дискуссий о собственности. Однако именно понятие собственности в римском праве породило современные теории естественных прав и естественного права собственности подобно тому, как римская политическая мысль породила другую традицию. Речь идет об «искусстве управления» и политической прозорливости, описанных в работах Макиавелли и Харрингтона, и в меньшей степени — Юма и Смита. Основным вопросом, который обращен к любой системе прав собственности, является вопрос о том, способствует ли она политической стабильности и политической свободе. Какой вид собственности поддерживает гражданский дух в обществе? Какой вид собственности способствует коррупции правящего класса? Все

это вопросы политической социологии. Римский земледелец, который хранит оружие над очагом и готов сражаться за республику с внешними врагами и защищать ее от собственных тиранов, долгое время олицетворял эту традицию. Адам Смит, которого не зря считают апостолом современной экономической науки, также был в плену этого старого представления и считал, что воинская отвага, гражданский дух и свобода несовместимы с экономикой, основанной исключительно на коммерции. Маленькие и независимые земельные владения были питательной средой республиканских добродетелей. Независимость в данном случае означала совсем не то, что предполагает современный индивидуализм; владельцы мелких земельных участков были независимы от богатых, но при этом они рассматривали землю, скорее, как принадлежащую роду, чем как свою собственность. Позиция Макиавелли пропитана ностальгией; ко времени Харрингтона невозможность воссоздания Римской Республики уже осознается; а Юм и Смит понимают, что нельзя отрицать существование современного, меняющегося коммерческого мира, где в деньгах «растворены» все формы собственности, и не стоит его порицать. Таким образом, остается открытым вопрос, какой баланс сил в обществе способен сохранить свободу. Очевидно, что «политическая» концепция свободы, основанная на идее незыблемого права собственности на землю, не подходит критикам государства благосостояния и социализма, которые видели в свободе то, что Смит называл «простой системой естественной свободы» или свободой контракта.

В рамках традиции «искусства управления» вопросы происхождения прав собственности или справедливости существующей системы распределения собственности не исследовались. Внимание было сосредоточено только на политических аспектах. Традиция естественных прав связана с изучением справедливого распределения и того, что Локк назвал «началами» собственности. Под «началами» он подразумевал не исторические начала, но лежащую в основе этого понятия логику морали. Ключевые вопросы здесь не социологические, а моральные: что лежит в основе законного права владения? Есть ли конфликт между целями института собственности и реальным распределением прав собственности? Начиная с Локка, а затем Юмом, Руссо, Кантом, Гегелем, Миллем и их последователями было дано множество различных ответов, некоторые из них содержали поддержку *status quo*, а другие, как ответ Руссо, с одной стороны, и Милля — с другой, предполагали отказ от него. В теориях естественных прав, например, у Локка, утверждалось, что каждый человек имеет право присваивать и использовать ни-

чейные блага природы; чтобы сделать их своими, ему достаточно воспользоваться естественной свободой. Следует ли отсюда, что работник, ничего не имеющий в современном обществе, оказался жертвой обмана? Локк считал, что это не так; пока рабочий может зарабатывать на жизнь своим трудом, он в состоянии «присваивать» все необходимое. Но отсюда не следует, что несправедливо поступают собственники, отказавшиеся принять его на работу. Руссо думал аналогичным образом, но признавал, что на практике собственники находят многие способы довести неимущих до рабского состояния.

Юм и Милль предложили утилитаристское оправдание собственности. Пока в мире не будет правил, разграничивающих «мое» и «чужое», ресурсы не будут использоваться эффективно; что же касается правил, управления собственностью, то они определяются целесообразностью. Но если Юм считал, что с точки зрения целесообразности обычай и право давности предпочтительны, даже ценой потери в эффективности, Милль высказывался в пользу государственного воздействия, основанного на законах о собственности, с тем, чтобы, с одной стороны, обеспечить эффективность, а с другой — создать экономику производственных кооперативов.

Кант и Гегель также видели в собственности проявление свободы человеческой воли, но объясняли это иначе. Поскольку только люди наделены свободой воли, они способны придавать ценность материальным объектам, которые делают своей собственностью. Без собственности мир материальных объектов становится вялым и бесполезным. Но если собственность в той или иной форме важна сама по себе, то ее конкретные формы государства определяют для себя сами. Кант и Гегель были врагами феодальных пережитков, которые уродовали современные им германские княжества. Они не являлись сторонниками неограниченного принципа *laissez-faire*, но полагали, что, поскольку собственность выражает власть человека над природой, каждому человеку должна быть предоставлена возможность приобретать собственность своим трудом. Это романтическое оправдание права собственности было поставлено с ног на голову Марксом, провозгласившим, что иррациональность капитализма и его очевидные моральные недостатки свидетельствуют о том, что, пока существует собственность, вещи властвуют над человеком, а люди страдают от отчуждения. Само по себе это утверждение, скорее, относится к марксистской философии, а не к марксистской экономической теории; экономист может анализировать последствия определен-

ной системы прав собственности, но он не может сказать, как будет выглядеть мир без собственности.

В смешанных западных экономиках некоторая разновидность утилитаристского обоснования составляет политический «здоровый смысл». Однако большинство авторов считают, что, защищая частную собственность, следует принимать во внимание не только проблему эффективности, но и проблему справедливости. Джон Ролз настаивал на том, чтобы экономические институты оценивались с позиций представителя того слоя общества, который находится в наихудшем положении (Rawls, 1972); и это существенно повлияло на авторов, придерживавшихся широких, но не очень твердых утилитаристских убеждений. Те из наследников мыслителей-утилитаристов XVIII и XIX вв., кого критика в наименьшей степени повергла в сомнение, защищают так называемую «экономическую теорию прав собственности». С их точки зрения, система прав собственности в развитых капиталистических странах возникла эволюционным путем, который вел производство к наибольшей эффективности. Так, капиталистическая фирма существует потому, что выработана система прав собственности, которая позволила предпринимателям действовать быстро и решительно. Одним из следствий этой теории является то, что государство, пытающееся насильно ввести другую систему прав собственности, столкнется с действующими в рамках эволюционного процесса силами, которые будут возрождать капитализм *de facto*, и только политическими репрессиями можно будет сохранить социализм. Значение прав собственности состоит в том, какое распределение ресурсов они предполагают; то, что Маркс называл «буржуазной» формой собственности, создает наиболее эффективную систему управления. Критики утверждают, что недостаток здесь тот же, что и в любой доктрине типа «выживает сильнейший», — критерий приспособляемости она выводит из поведения институтов, которые сама стремится объяснить. Однако это единственный момент, когда дискуссия о правах собственности может привлечь внимание как юристов и экономистов, так и философов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alchian, A. and Demsetz, H. 1972. Production, information costs, and economic organization. *American Economic Review* 62(5), December, 777–795. [Русск. пер.: Алчиан А.А., Демсец Г. Производство, информационные издержки и экономическая организация // Истоки. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. С. 166–207.]

- Buchanan, A. 1985. *Ethics, Efficiency and the Market*. Totowa, NJ: Rowman & Allanheld; Oxford: Clarendon Press.
- Buchanan, J.M. 1986. *Liberty, Market and State*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Coase, R. 1960. The problem of social cost. *Journal of Law and Economics* 3, 1–44. [Русск. пер.: Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва Catallaxy, 1993.]
- Demsetz, H. 1967. Towards a theory of property rights. *American Economic Review, Papers and Proceedings*, 57, May, 347–359.
- Fogel, R.W. and Engerman, S.L. 1974. *Time on the Cross*. New York: Little Brown.
- Honoré, A.M. 1961. Ownership. In *Oxford Essays in Jurisprudence*, ed. A.G. Guest, London: Oxford University Press.
- Rawls, J. 1972. *A Theory of Justice*. Oxford: Clarendon Press; Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. [Русск. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.]
- Vanek, J. 1970. *The General Theory of Labour-managed Market Economies*. Ithaca and London: Cornell University Press.

ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Армен Алчян

Property Rights

Armen A. Alchian

ЧАСТНЫЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ. Право собственности — это обеспечиваемое обществом право на выбор способов использования экономического блага. Частным называется право собственности, которым обладает конкретный индивид; оно может быть отчуждено в обмен на аналогичные права по отношению к другим благам. Сила этого права измеряется вероятностью и издержками его реализации (*enforcement*), которые зависят от деятельности правительства, неформальных общественных акций, а также господствующих этических и моральных норм. Говоря проще, никто не может законно использовать или как-либо воздействовать на физическое состояние благ, на которые вы обладаете правами собственности, без вашего разрешения или выплаты вам компенсации. В гипотетическом состоянии, для которого характерна полнота частных прав собственности, ни одно мое действие с принадлежащими мне ресурсами не может оказать влияния на физическое состояние частной собственности других людей. К примеру, ваши частные права собственности на ваш компьютер ограничивают допустимую сферу моих и чьих бы то ни было действий по отношению к вашему компьютеру, а мои частные права собственности ограничивают ваши и чьи бы то ни было действия по отношению ко всему, чем я владею. Важно отметить, что защита от действий других людей распространяется на физическое использование и физическое состояние блага, но не на его меновую ценность.

Частные права собственности являются правами на совершение выбора между несовместимыми способами использования благ. Они представляют собой не надуманные или навязанные извне ограничения на спектр возможных направлений использования, а исключительные права на выбор между этими направлениями.

Запрет выращивать кукурузу на моей собственной земле был бы навязанным, или «надуманным», ограничением, лишаящим меня определенных прав без передачи их другим. Лишение меня права выращивать кукурузу на моей собственной земле ограничило бы мой круг альтернатив поведения без расширения числа возможных вариантов поведения у кого-либо еще. Надуманные ограничения, необходимость в которых отсутствует, не являются базой прав собственности. Кроме того, поскольку такие ограничения обычно налагаются только по отношению к отдельным людям, те, кто свободен от них, получают «законную монополию» на виды деятельности, которыми другие безосновательно лишены возможности заниматься.

При режиме частных прав собственности допускается совершение контрактов на любых условиях, являющихся продуктом взаимного согласия, хотя исполнение не всех контрактов обязательно обеспечивается государством. Там, где контрактные соглашения запрещены, частные права собственности отрицаются. К примеру, согласие работать более 10 часов в день может рассматриваться как противоречащее закону независимо от размера предлагаемого вознаграждения. Или же может быть незаконной практика продаж по ценам, превышающим официально установленные пределы. Эти ограничения снижают силу частных прав собственности и сокращают значение рыночного обмена и контрактов как средств координации производства и потребления и разрешения конфликтов интересов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЧАСТНЫЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ. Успешный теоретический анализ прав собственности позволил объяснить метод управления и координации использования экономических ресурсов в системе, основанной на частной собственности (т.е. в капиталистической системе, или системе «свободного предпринимательства»). Этот анализ опирается на предположение о выпуклости предпочтений, а также на два ограничения: ограничение производственных возможностей и ограничение возможностей обмена частной собственностью, иллюстрируемое библейской заповедью «Не укради» или математически — принципом сохранения меновой ценности принадлежащих кому-либо благ.

Для эффективной децентрализованной координации производственной специализации, основанной на хорошо известном принципе сравнительных преимуществ, в обществе с рассеянной информацией люди должны обладать твердо гарантированными

отчуждаемыми частными правами собственности на производственные ресурсы и продукты, которые могут обмениваться по взаимно согласованным ценам при низких издержках выработки условий надежных сделок (контрактов). Способность такой системы обеспечивать координацию рассеянной информации приводит к повышению доступности благ, которые ценятся выше или издержки производства которых снижаются. Набор прав собственности на благо, которое является объектом обмена, служит мерилем ценности блага; эта ценность не эквивалентна ценности такого же количества рассматриваемого блага, которое не находится в частной собственности (а является, например, собственностью государства). Вероятно, никто не будет спорить с утверждением, что более сильные права являются более ценными, чем менее сильные, т.е. в обмен на предлагаемое им благо продавец будет запрашивать большее количество блага, на которое установлены менее сильные права собственности, по сравнению с тем количеством того же блага, которое он запросил бы, если бы права собственности на него были более сильными.

ФИРМЫ, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ФИРМ И СТРУКТУРА ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ. Хотя частные права собственности играют огромную роль в обеспечении роста выгод от специализации производства, делимость, сепарабельность и отчуждаемость частных прав собственности создают условия для организации совместной производственной деятельности в рамках современной корпорации. Этот процесс совместного производства — не столь хорошо формально обоснованный, но тем не менее важный — опирается на разделение и специализацию отдельных компонентов частных прав собственности. Однако этот метод часто неверно интерпретируется как сопряженный с чрезмерными ограничениями, способствующий снижению эффективности и социальной приемлемости частных прав собственности. Чтобы увидеть заключенную в такой оценке ошибку, необходимо проанализировать природу фирмы, особенно корпоративной ее формы, которая обеспечивает львиную долю производства экономических благ. «Фирма», обычно рассматриваемая как «черный ящик», обеспечивающий выпуск продукции, представляет собой связанный контрактами набор ресурсов, принадлежащих различным взаимодействующим собственникам. Источником обеспечиваемого фирмой прироста производительности является «производительность команды». Продукт здесь является не суммой отдельных «вкладов» каждого конкретного ресурса, участвующего в производстве, а не-

разложимой ценностью, совместно производимой группой. Таким образом, в случае производства, предусматривающего совместное использование нескольких ресурсов, находящихся в собственности разных субъектов, невозможно идентифицировать или оценить часть ценности выпуска, которую «произвел» каждый отдельный ресурс. Определена и измерена может быть только ценность предельного продукта каждого ресурса.

В то время как управление специализированным производством и обменом, которые ведутся в соответствии с принципом сравнительных преимуществ, осуществляется с помощью децентрализованных процессов рыночного ценообразования и заключения сделок, производительность команды, именуемой «фирмой», опирается на долгосрочные контракты, связывающие собственников, которые осуществили инвестиции в ресурсы, специфические для данной фирмы. В частности, некоторые ресурсы являются специфическими для данной «команды», поскольку после того, как они вовлекаются в деятельность фирмы, их альтернативная (ликвидационная) ценность оказывается намного ниже, чем их ценность в рамках данной фирмы. Такие ресурсы называются «специфическими ресурсами фирмы». В рамках фирмы специфические ресурсы находятся обычно в общей собственности; в противном случае между отдельными собственниками специфических ресурсов заключаются контракты, которые ограничивают использование данных ресурсов спектром альтернатив, соответствующих интересам группы собственников в целом, а не отдельного индивида. Эти контрактные ограничения предназначены для предотвращения оппортунизма и «морального риска», связанных с действиями отдельных собственников, каждый из которых стремится присвоить часть той доли совокупной квазиренды, обеспечиваемой использованием специфических ресурсов, которая должна принадлежать другим собственникам. Ограничиваясь в целях краткости изложения только «полярными» случаями, отметим, что остальные ресурсы фирмы — ресурсы «общего характера» — не теряют своей ценности при изменении сферы приложения. Фирма, таким образом, представляет собой группу специфических ресурсов и некоторых ресурсов «общего характера», связанных обязательными контрактами и порождающих не разлагаемую по отдельным ресурсам ценность конечного продукта. Как следствие, наиболее интенсивный контроль и мониторинг деятельности и функционирования команды будут осуществлять собственники специфических для данной фирмы ресурсов, выигрыш или убытки которых в максимальной степени зависят от преуспевания или

краха фирмы. Они часто рассматриваются в качестве «собственников», «работодателей» или «боссов» фирмы, хотя в действительности фирма является набором ресурсов, находящихся в собственности различных людей.

Специфические для фирмы ресурсы могут быть и человеческими. Фирмы, функционирующие в области юриспруденции, архитектуры, медицины, состоят из команд людей, которые в любой другой группе оценивались бы ниже. Они могут «нанимать» иные ресурсы «общего характера», например арендовать и приобретать здания и оборудование. Контракты, определяющие такого рода «наем», зависят от того, носят ли ресурсы специфический или общий характер, а не от того, кто из собственников ресурсов богаче и относятся ли соответствующие ресурсы к человеческим или нет. В частности, незначительное распространение «промышленной демократии» связано с тем, что собственники ресурсов более общего характера менее заинтересованы в управлении фирмой, чем собственники специфических ресурсов.

КОРПОРАЦИЯ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ. В корпорации ресурсы, находящиеся в собственности акционеров, относятся к числу тех, ценность которых специфична для данной фирмы. Сложность специализации на отдельных компонентах прав собственности и связанные с этим контрактные ограничения заставили многих полагать, что в корпорации существует тенденция к «отделению» принятия решений об использовании ресурсов от несения последствий этих решений (т.е. к отделению контроля от собственности), а потому корпорации подрывают способность основанной на частной собственности системы к аллокации ресурсов в те области, где они имеют наибольшую рыночную ценность. Утверждалось, к примеру, что «распыленная» акционерная собственность ведет к столь серьезному отделению управления и контроля за использованием ресурсов от «собственности», что менеджеры оказываются в состоянии действовать, не обращая должного внимания на рыночную ценность ресурсов и интересы мелких акционеров. Адам Смит был в числе первых приверженцев данной точки зрения. Независимо от эмпирической обоснованности такого представления лежащий в его основе логический анализ базируется на неверном понимании структуры частных прав собственности в корпорации и природы конкурентных рынков контроля и собственности, которые ограничивают автономию менеджеров. Между тем, к чему стремятся менеджеры, и тем, что реально удается делать тем из них, которым

удается выдерживать конкуренцию на рынке контроля, существует большая разница.

Преимущество корпорации состоит в том, что она привлекает значительные средства для инвестиций в ресурсы, специфические для фирмы, с целью обеспечения широкомасштабных операций. Привлечение больших ресурсов возможно, если акции, удостоверяющие права собственности, являются свободно отчуждаемой частной собственностью, тем самым позволяя индивидам ликвидировать зависимость динамики своего потребления от динамики отдачи на инвестиции в специфические для фирмы ресурсы. Отчуждаемость возможна в том случае, если владение акциями сопряжено с ограниченной ответственностью, которая элиминирует зависимость отдельного акционера от объема богатства любого другого акционера. Связанное с этим терпимое отношение к анонимности, отсутствие интереса к положению других акционеров обеспечивают более высокую степень рыночной отчуждаемости акций.

Когда к отчуждаемости присоединяется добровольное согласие на разделение функции управления специфичными для фирмы ресурсами и функции несения имущественных последствий этих решений, связанных с изменением рыночной ценности, тогда возможность специализации на управленческих решениях и способностях (на контроле), не сопряженной с необходимостью нести риск имущественных последствий, позволяет достичь эффективной специализации производства и координации совместной производственной деятельности. Специализация не обязательно связана с производством различных конечных продуктов; о ней можно также говорить и применительно к различным производственным ресурсам или навыкам. Добровольно обеспечиваемая делимость и отчуждаемость набора прав позволяет эффективно специализироваться: 1) на реализации прав принятия решений об использовании ресурсов; 2) на несении имущественных последствий этих решений, связанных с изменением рыночной (или меновой) ценности. Первую функцию иногда называют «контролем», а вторую — «собственностью», и соответственно говорят об «отделении» контроля от собственности. Разделение функций обеспечивает достижение выигрыша за счет специализации на выборе и мониторинге способов использования ресурсов, оценке результатов, а также на несении рисков, связанных со степенью обоснованности решений и их влиянием на стоимость активов фирмы в будущем. Поскольку различные способы использования ресурсов обуславливают различные вероятностные распределения результатов, а сами резуль-

таты в неодинаковой степени зависят от мониторинга предшествующих решений, сепарабельность и отчуждаемость отдельных прав собственности позволяют достичь выигрыша от специализации на обладании «делимыми» правами и их реализации.

Таким образом, современная корпорация опирается на ограниченную ответственность, которая содействует повышению степени отчуждаемости и делимости набора частных прав собственности, обеспечивает, таким образом, выигрыш от широкомасштабной специализации на управлении производственной командой, ее ресурсами и навыками. Вместо того чтобы снижать или подрывать эффективность частных прав собственности, пресловутое «отделение» позволяет осуществлять эффективную и продуктивную «специализацию» на реализации частных прав собственности как способа контроля и координации экономической деятельности.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ. Можно было бы предположить, что государственные права собственности в условиях демократии аналогичны правам собственности в корпорациях с большим числом мелких акционеров, а потому обеспечивают получение сходных результатов. Эта аналогия была бы корректной, если бы влияние каждого гражданина, имеющего право голоса, на результат голосования было пропорционально его доле в совокупном богатстве общества и, кроме того, если бы каждый человек мог перевести свое богатство под юрисдикцию других правительств, подобно тому, как он может выбирать между различными корпорациями. Если, к примеру, индивид может покупать и продавать землю (актив, на который приходится основная часть стоимости государственной собственности в каждой стране), находящуюся под юрисдикцией различных правительств, и участвовать в голосовании в соответствии со своей долей земли, то в этом случае последствия режима государственной собственности были бы близки к последствиям режима частной собственности. Однако такую возможность трудно рассматривать всерьез. Природа государственных, общественных или коммунальных прав собственности, несомненно, зависит от типа государственного правления. Поскольку дефиниции данных типов прав собственности лишены ясности и четкости, попытки формального анализа последствий распределения ресурсов и поведения в условиях каждого из них наталкиваются на препятствия.

ОТСУТСТВУЮЩИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ. Не все ресурсы удовлетворительно контролируются частными правами соб-

ственности. Примерами могут служить воздух, вода, электромагнитные волны, шумы и точки зрения (*views*). Грунтовые воды, находящиеся под принадлежащей мне землей, протекают далее под земельными участками других людей. Звуки и свет с моего участка земли проникают на участки других людей. Применительно к таким случаям вырабатываются иные формы контроля, например политические и общественные групповые решения и действия, хотя иногда эти «иные формы» используются в идеологических или политических целях даже там, где частные права собственности уже существуют.

Если такие формы контроля гарантируют каждому индивиду свободный, бесплатный и равный доступ к пользованию ресурсом, а также средний уровень отдачи от него, то использование данного ресурса может оказаться чрезмерным. Чрезмерное использование означает, что величина дополнительных издержек превысит совокупный прирост ценности: иными словами, максимизация ценности общественного продукта не достигается. Это обусловлено тем, что для каждого пользователя ресурса его предельный продукт оказывается ниже среднего, в то время как пользователь ориентируется именно на величину среднего дохода. Таким образом, использование продолжается до тех пор, пока средний продукт не сокращается до уровня предельных издержек; как следствие, предельный продукт оказывается ниже предельных издержек — явление, часто иллюстрируемое перегрузкой общественных шоссе дорог или общественных парков или чрезмерным выловом рыбы в зонах свободного рыболовства. Классический принцип «коммунальной собственности», гласящий, что яблокам в общественном саду никогда не дают созреть, является крайним примером утверждения, что существование прав собственности, отличных от частных, нарушает соответствие использования ресурсов их выявленной рыночной ценности. С другой стороны, если коммунальные права собственности предусматривают, что фактические пользователи могут блокировать другим пользователям доступ к ресурсам, использование ресурсов будет недостаточным, поскольку фактические пользователи максимизируют средний, а не предельный доход от имеющихся в их распоряжении ресурсов. Результат — сокращение круга пользователей. Хотя расширение круга пользователей или способов использования ресурсов привело бы к снижению среднего продукта для фактических пользователей, а потому снизило бы интенсивность использования ими данных ресурсов, прирост ценности продукта (или дополнительного использования ресурса) для всей группы превысит дополнительные издержки.

Примером могут служить государственные колледжи с низкой платой за обучение, практикующие ограничения на прием абитуриентов с целью максимизации «качества» обучения принятых, т.е. с целью максимизации среднего продукта в расчете на студента. Для некоторых профсоюзов (например, для профсоюза водителей грузовиков) характерна сходная практика.

Обычный ошибочный вывод, обусловленный аналогией с чрезмерным выловом рыбы в озере, права собственности на которое не установлены, заключается в утверждении, что независимые продавцы, имеющие свободный доступ к покупателям, часто для их привлечения прибегают к чрезмерной дифференциации продукта и чрезмерной рекламе, причем остальные продавцы несут скрытые издержки такой практики. Если, к примеру, некоторые покупатели сигарет Camel начинают покупать сигареты Pall Mall, потери фирмы Camel равны не снижению стоимости продаж, а сокращению ценности ресурсов, специфических для данной фирмы. Ресурсы общего характера могут быть изъяты из производства сигарет Camel и направлены в другую сферу использования без каких-либо потерь для общества. Однако стоимость ресурсов, специфических для фирмы Camel, снижается в той мере, в какой сигареты Pall Mall оказываются лучше или дешевле сигарет Camel. Потери фирмы Camel меньше суммы прироста частного дохода фирмы Pall Mall и трансферта благосостояния в пользу потребителей за счет снижения цен или повышения качества сигарет. Потери фирмы Camel связаны не с действиями фирмы Pall Mall, а с неверным прогнозом исходной ценности инвестиций. Здесь предполагается, что выполнение ошибочных прогнозов не должно быть подстраховано путем запрета на появление в будущем непредвиденных улучшений. Данный случай отличается от случая с чрезмерным выловом рыбы, поскольку потребители в отличие от рыбы обладают правами собственности на свои деньги и покупаемый товар. Если бы каждая рыба принадлежала конкретному собственнику (или «принадлежала бы самой себе»), никто не мог бы вылавливать ее, не уплатив соответствующую сумму, поэтому чрезмерный вылов не имел бы места. Наличие единственного собственника всей рыбы не является обязательным; достаточно того, чтобы каждая рыба (или каждый покупатель) находилась в «собственности» того, кто может отказаться от покупки. (Разумеется, если на само озеро не установлены права собственности, на его поверхности может находиться чрезмерно много рыболовных судов, каждому из которых придется вести промысел на меньшей площади. Такая картина наблюдалась бы даже в том случае, если были бы установлены права собственности на рыбу.)

Тот факт, что потребители обладают правами, которые могут служить объектом торговли, отличает рассматриваемый случай от случая с чрезмерным выловом рыбы. Поскольку нет необходимости в приобретении прав на промысел рыбы или китов, чрезмерный промысел не тождествен «чрезмерному числу покупателей» в случае, когда покупатели обладают правами на то, что стремятся получить продавцы. Иными словами, аналогия между рыбой и покупателями была бы корректной в том случае, если бы продавцы одновременно конкурировали (1) за установление прав собственности на покупателей и (2) за владение этими правами. Сопряженная со значительными издержками излишняя конкуренция за установление прав может быть устранена простым закреплением за покупателями прав собственности на самих себя, что в действительности и имеет место. Если предшествующие рассуждения покажутся вам фантастическими, замените в них слово «рыба» на слово «люди», а «поверхность озера» на «улицы, по которым ездят таксисты в поисках клиентов». Излишние издержки возникли бы в случае конкуренции за ценные ресурсы, не находящиеся в чьем-либо собственности, — в данном примере таким ресурсом являются сами улицы.

ВЗАИМНЫЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ. Очевидная цель «взаимных» форм организации состоит в том, чтобы поддерживать максимальный средний уровень дохода в расчете на члена группы или гарантировать каждому «старожилу» группы прирост дохода при увеличении численности группы. Взаимная частная собственность — форма, которая почти не подвергалась анализу, — не обеспечивает анонимной отчуждаемости принадлежащей индивиду доли прав, которые во всех остальных аспектах являются частными правами собственности. Члены «взаимной» организации могут передать свою долю другим лишь при получении согласия на это со стороны остальных собственников или их полномочных представителей. Примерами соответствующих организаций являются братства и клубы. Их деятельность обычно не может быть эффективно организована на тех же принципах, что и деятельность ресторанов, оздоровительных центров и спортивных залов, а их услуги не могут быть проданы на рынке так же, как услуги указанных организаций. Специфическими для группы ресурсами являются сами ее члены, которые взаимодействуют друг с другом и создают для себя общественную полезность. Увеличение числа членов группы оказывает двоякое влияние на полезность для каждого ее старожила: за счет фактора личной совместимости и за счет фактора

«перегрузки» (*congestion*). Независимый внешний собственник, заинтересованный в максимальной ценности организации, но не в максимальном среднем доходе каждого ее члена, может создать угрозу увеличения группы путем дополнительной продажи членских прав, что позволит повысить совокупную общественную ценность организации из-за возросшего числа членов, в то же время снижая средний доход каждого из старожилов. Это — пример проанализированного ранее различия между максимизацией средней отдачи на вложенные ресурсы и максимизацией совокупного дохода за счет привлечения новых членов группы, присутствие которых, хотя и может повысить их собственное благосостояние по сравнению с ситуацией, когда они не являлись членами данной группы, одновременно сокращает доход прежних ее членов. Кроме того, возможности новых членов группы компенсировать прежним ее членам снижение индивидуальной (средней) ценности могут быть ограничены, если взносы, сопряженные с членством в группе, передаются внешнему собственнику клуба. Если денежная компенсация, выплачиваемая внешнему собственнику в форме вступительного взноса, превышает сокращение уровня полезности для отдельных членов группы и группы в целом, то вступление в группу новых членов будет разрешено и собственник окажется в выигрыше, однако совокупный объем основанных на «личных отношениях» квазиренд субъектов, с самого начала являвшихся членами группы, сократится. (До сих пор нет объяснения — за исключением указания на особенности режима налогообложения — тому факту, почему взаимные формы организации используются в ссудосберегательных и страховых фирмах.)

НЕНАКАЗУЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ, УСЛОВНЫЕ И НЕСПЕЦИФИЦИРОВАННЫЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ. Частные права собственности могут в принципе существовать, однако их защита от потенциальных «узурпаторов» может не быть безусловной и бескомпромиссной. К примеру, возможны ситуации, когда чьи-либо предполагаемые права собственности не исключают пользования ею со стороны «узурпатора». Случайное или обусловленное экстремальными обстоятельствами использование частной собственности другого лица иногда называется ненаказуемым нарушением прав собственности (*tort*). Другая возможность состоит в том, что права собственности могут быть столь неточно специфицированы, что неясно, имела ли место узурпация прав собственности или же они изначально принадлежали предполагаемому «узурпатору». К примеру, дерево, которое я по-

садил, может загораживать вид с вашего участка. Однако имели ли вы право на то, чтобы любоваться пейзажем, расположенным за моим участком? Если бы права на любование пейзажем (или на солнечные лучи) были четко определены и специфицированы, мы могли бы вести переговоры о плате за сохранение вида с вашего участка или за предоставление мне возможности посадить дерево — в зависимости от того, какая из альтернатив ценится нами больше, причем плату получит тот, кто докажет, что права принадлежат ему. Другой пример: переплывая озеро на яхте и будучи застигнут внезапным штормом, я, спасая яхту и свою жизнь, воспользовался вашим причалом без вашего разрешения. Нарушил ли я в этом случае ваши права или же вам не принадлежит право препятствовать тому, чтобы люди, находясь в столь бедственном положении, пользовались вашим причалом? Если такое вынужденное действие рассматривается как правомерное, ваши права на причал являются не столь полными, как вам это могло представляться. В то время как в случае с посадкой дерева предварительные переговоры могли предотвратить ситуацию ненаказуемого нарушения прав собственности (за исключением варианта, когда нам с самого начала не удалось бы достичь согласия по вопросу о том, кому какие права принадлежат), в случае вынужденного использования причала предварительные переговоры невозможны. Если предварительные переговоры являются неэкономичными, то право на вынужденное использование ресурсов «должно» существовать и действительно будет существовать, коль скоро такой вариант использования ресурсов в рассматриваемых условиях дает большую ценность, чем альтернативные варианты. При этом изначальному «собственнику» компенсация может полагаться, а может и не полагаться. Принцип, лежащий в основе этого юридического постулата, представляется бесспорным и согласующимся с принципами эффективного экономического поведения. Для целей настоящего очерка достаточно указать на данный аспект экономической эффективности, лежащий в основе правовых норм.

ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Джон Робертсон

Scottish Enlightenment

John Robertson

В период между 1740 и 1790 гг. в Шотландии получила развитие одна из самых блестящих ветвей европейского Просвещения. Наиболее выдающимися фигурами в этот период расцвета интеллектуальной активности стали Давид Юм и Адам Смит, а вокруг них располагалась плеяда крупнейших мыслителей, включая Фрэнсиса Хатчесона, лорда Кеймса, Адама Фергюсона, Уильяма Робертсона, Томаса Рейда, сэра Джеймса Стюарта и Джона Миллара. Интересы отдельных мыслителей простирались от метафизики до естественных наук, но основные достижения шотландского Просвещения в целом были связаны с исследованиями «общественного прогресса» — истории, моральной и политической философии и не в последнюю очередь политической экономии.

В европейском контексте шотландское Просвещение было типично «провинциальным». Сознывая свое участие в более широком движении, шотландские мыслители развивали связи с Парижем, признанным центром Просвещения. Но, возможно, легче всего понять шотландское Просвещение, если сравнить его с Просвещением во французских провинциях или в провинциальных государствах — Италии и Германии. Интерес к экономическому прогрессу, его моральным и политическим условиям и последствиям был столь же ярко выражен, к примеру, в отдаленном Неаполитанском королевстве, а политическая экономия равным образом поглощала неаполитанских философов-реформаторов Дженовези и Галиани.

В то же время опыт Шотландии XVIII в. в ряде отношений был специфичным, что особым образом воздействовало на шотландских мыслителей. Прежде всего был действительно достигнут экономический рост; несколько замедленный, но все более ощутимый, он давал шотландским мыслителям необычную возможность прямого знакомства с феноменом развития. Важны были также и поли-

тические перемены. Унию с Англией 1707 г. нельзя назвать непосредственной причиной экономического роста или предпосылкой Просвещения в Шотландии. Но принесение в жертву независимости шотландского парламента взамен на возможность свободной торговли с Англией и Британской империей высветило проблему институциональных условий экономического развития. Наиболее драматичными были изменения в религии и культуре. Неистовое, стесняющее свободу пресвитерианство XVII в. утратило свои позиции, и к власти в шотландской церкви пришла группа «умеренного» духовенства. Четыре университета — в Эдинбурге, Глазго, Абердине и городе Сент-Эндрюс были реформированы так, что профессора получили возможность специализации, а вокруг университетов процветала мощная неформальная культура клубов, самым известным из которых было Избранное общество Эдинбурга. Вместе взятые, эти перемены обеспечили шотландским мыслителям беспрецедентную интеллектуальную свободу и общественную поддержку и дали наглядный урок того, что нравственные и культурные аспекты прогресса так же важны, как и материальные.

Более того, сравнительно удачный опыт развития придал шотландскому Просвещению не слишком радикальный характер. Не то чтобы шотландские мыслители были всем довольны: по конкретным вопросам они стремились повлиять на лидеров шотландского общества. Но если в отсталых провинциях, таких, как Неаполитанское королевство, идеология Просвещения была программной, даже утопической, то идеология шотландского Просвещения характеризовалась относительно беспристрастным, аналитическим интересом к механизмам, лежащим в основе развития общества.

Опираясь на конкретный провинциальный опыт Шотландии, шотландские мыслители стремились изучать экономические феномены в контексте более широкого исследования. У этого исследования было три главных измерения: историческое, моральное и институциональное.

Историческая теория шотландского Просвещения разрабатывала традицию, идущую от естественного права конца XVII в., с которой шотландцы познакомились благодаря ее включению в учебный курс моральной философии в реформированных университетах. Отбрасывая старый, выдвигаемый правоведами тезис о договорных основах общества и государства, шотландцы сосредоточились на новых идеях Пуфендорфа и Локка о происхождении и развитии собственности. Согласно Пуфендорфу, никогда не существовало такого первоначального состояния, когда земля и блага были в общей собственности; с самого начала право собствен-

ности являлось результатом индивидуального присвоения. По мере того как рост населения приводил к дефициту благ, индивидуальная собственность становилась нормой, и, чтобы ее закрепить, были учреждены системы правосудия и государственного правления. Шотландцы добавили к этой аргументации схему особых стадий общественного развития: охотничьей, пастушеской, земледельческой и торговой. На каждой из этих четырех стадий степень распространения частной собственности соответствовала средствам к существованию, которыми располагало данное общество, и оба фактора формировали характер и сложную структуру государственного управления данным обществом. Разные версии этой теории были предложены Адамом Фергюсоном в его *Очерке по истории гражданского общества* (*Essay on the History of Civil Society*, 1767) и Джоном Милларом в его работе *Происхождение системы социальной стратификации* (*Origin of the Distinction of Ranks*, 1770), которые легли в основу исследований лорда Кеймса по истории права и исторических повествований Уильяма Робертсона. Однако классическим произведением этой теории были *Лекции по юриспруденции* (*Lectures on Jurisprudence*) Адама Смита, прочитанные им студентам в Глазго в начале 1760-х годов.

Как становится очевидно из изложения Смита, стадийная теория общественного развития создала исторические предпосылки для политической экономии. Модель «естественного» прогресса общества, открыто построенная на определенных предпосылках, дала общую схему для сравнительно теоретической трактовки экономического развития как «естественного прогресса изобилия». Ставя в основу системную взаимосвязь между экономической деятельностью, собственностью и государственной властью, последствия которой индивиды не могут ни предвидеть, ни контролировать, эта теория также установила сущностную необратимость процесса развития. Она показала, что, если не произойдет природной катастрофы, неизбежен приход коммерческого общества.

Этическая мысль шотландского Просвещения была тесно связана с исторической, разделяя с ней общее происхождение от теории естественного права XVII в. Стимулом здесь была все более усложняющаяся трактовка правоведами потребностей. Было признано, что последние больше нельзя было рассматривать только в связи с добыванием средств к существованию; с прогрессом общества потребности охватывали все более широкий круг редких благ, как необходимых, так и предметов роскоши. Потенциал этой идеи был очевиден каждому шотландскому философу-моралисту, но опять же в полной мере его использовал именно Смит в своей

Теории нравственных чувств (Theory of Moral Sentiments, 1759). Смит признавал, что, кроме самых основных потребностей, потребности человека всегда относительны, так как он все время стремится улучшить свое положение в соревновании с другими людьми. Но именно тщеславные желания богатых и зависть остальных, действуя как «невидимая рука», стимулировали людское усердие и, следовательно, увеличивали сумму накопленных благ, доступных людям всех социальных групп.

Такая аргументация, однако, должна была преодолеть два наиболее глубоко укоренившихся в европейской этической мысли убеждения: взгляд последователей Аристотеля, что распределение благ должно быть справедливым, и классический взгляд светских гуманистов, что роскошь ведет к потере добродетели. Первым шотландцы ответили более уверенно (но, может быть, менее удовлетворительно), чем вторым. Вслед за Гроциусом, Гоббсом и Пуфендорфом они определили справедливость исключительно с точки зрения «исправления», оставляя в стороне вопрос распределения. По вопросу о добродетели взгляды их разделились. Юм высмеивал страхи перед роскошью; Фергюсон отстаивал идеал добродетели. Смит был ближе к Юму, отдавая предпочтение приличиям перед добродетелью, по крайней мере для подавляющего большинства случаев, но он показал, что разделяет и сомнения Фергюсона, когда в конце своей жизни добавил, что предрасположенность к преклонению перед богатыми и великими действительно может вести к потере нравственности. На уровне основ, однако, существовало всеобщее согласие. Как следствие общественного прогресса умножение потребностей было не только необратимым, оно являлось существенной характеристикой «культурного», или «цивилизованного», — в противоположность «варварскому» — обществу. А цивилизация — как бы ни была она с нравственной точки зрения неоднозначна — была предпочтительнее варварства. При консенсусе по этому вопросу нравственные предпосылки политической экономии были обеспечены.

Определение справедливости в простых «исправительных» терминах стало исходным пунктом институционального анализа шотландцев. Приоритетом всякой государственной власти, считали шотландцы, должна быть безопасность жизни и собственности, обеспечение каждому отдельному человеку свободы в условиях действия закона. Это, как определил Смит, и была свобода «в нашем нынешнем смысле этого слова», и, согласно общему убеждению, при существовавших в Европе Нового времени правительствах, включая абсолютные монархии, она довольно сносно обес-

печивалась. В принципе, личная свобода являлась условием полностью коммерциализированного общества (*fully commercial society*): ее предоставление, следовательно, являлось институциональной предпосылкой политической экономии.

Лишь некоторые шотландцы проделали институциональный анализ, выходящий за пределы этого относительно простого, хотя и существенного положения; теория современного коммерциализированного государства не была шотландским достижением. Но Юм и Смит действительно продвинулись дальше остальных, идентифицировав и исследовав двойную проблему управления коммерциализированным обществом. Они настойчиво доказывали, что необходимо ограничить возможности разрастания государственной власти за счет «производительного» общества, сводя функции власти к обеспечению необходимого минимума правосудия, обороны и общественных работ. В более длительной перспективе, по мере того как нижние слои общества обретали бы материальную и моральную независимость, появилась бы также необходимость удовлетворять их требования о распространении гражданских прав и обязанностей и расширении политической свободы. Ответственность за такую постепенную адаптацию институтов, как полагали Юм и Смит, лежит на законодателях. Оба нарисовали примерные модели того, каким образом могли бы действовать законодатели: Юм — путем переработки институциональных концепций классической, светской традиции в своей *Идее совершенного сообщества (Idea of a perfect Commonwealth)*, а Смит — путем разработки принципов парламентского суверенитета в рамках своего представления о Британо-Американском союзе.

Оригинальность концепции политической экономии шотландского Просвещения в значительной мере состоит в исследовании исторических, моральных и институциональных основ экономической деятельности. Но, безусловно, шотландцы также и напрямую занимались экономическим анализом; одна из таких аналитических работ, *Богатство народов (Wealth of Nations, 1776)* Адама Смита, настолько затмила все остальные, что, кажется, именно с нее берет начало политическая экономия как самостоятельная наука.

Внимание шотландцев естественным образом сосредоточилось на экономическом росте. Выражаясь современным языком, вопрос состоял в том, какими средствами бедная страна (такая, как Шотландия) быстрее всего могла бы догнать страну богатую (такую, как Англия). Альтернативы, еще раз детально разобранные Юмом в работе 1752 г. *Политические беседы (Political Discourses)*, были те же,

что звучали во всеуслышание в ходе дебатов в Шотландии перед образованием унии пятьюдесятью годами раньше: свобода торговли, дающая преимущество бедной стране с низкой заработной платой, или протекционизм и кредитование, содействующие отечественным производителям. Как оптимист Юм отдавал предпочтение свободе торговли. Сэр Джеймс Стюарт в своих *Принципах политической экономии* (*Principles of Political Economy*, 1767) возражал, что богатые нации не разрешат свободы торговли в ущерб себе, и, следовательно, необходимы протекционизм и кредитование. К несчастью для Стюарта, его доводы были просто проигнорированы в *Богатстве народов*. Смит не брался судить о перспективах бедных стран, но относительно свободы торговли он не знал сомнений. Ничем не сдерживаемое расширение рынка, как он объяснял, было необходимо для того, чтобы достичь максимального распространения разделения труда и оптимальной аллокации капитала — этих неразрывных движущих сил роста.

Уверенность Смита в возможностях рынка была краеугольным камнем не только его концепции роста. Она повлияла на всю его политическую экономию. При написании *Богатства народов* Смит сознательно поставил перед собой цель достичь образцовой простоты, согласованности и легкости понимания, которые он считал присущими удачным философским системам и, в частности, ньютоновской философии. Тем, чем для астрономии Ньютона была гравитация, для политической экономии Смита был рынок. Рынок был для него не просто матрицей роста. Он полагал, что тот является механизмом, с помощью которого плоды роста распределяются таким образом, что компенсируется беспрецедентное неравенство коммерциализированного общества посредством столь же беспрецедентного роста уровня жизни даже самых низких и беднейших слоев. (Другими словами, как средство улучшения положения бедных рынок был гораздо более эффективен, чем любой другой механизм, устроенный в соответствии с представлением о распределительной справедливости. Это была «невидимая рука», с помощью которой тщеславные желания богатых трансформировались в возросшую сумму накопленных благ для всех.) В дополнение к этому рынок мог бы ограничивать рост непродуктивной системы управления, поскольку, по мнению Смита, большинство институтов в некоторой степени могло бы быть подчинено его дисциплине. Коротче, рынок в *Богатстве народов* представал как основа законченной, фактически самоподдерживающейся экономической системы.

Скорее всего, не просто объяснение роста, а именно этот системный и исчерпывающий анализ, основанный на вере в рынок,

и поставил *Богатство народов* выше любой другой работы в области политической экономии эпохи Просвещения — шотландского или же европейского. Стремление к системности и всеобщему охвату проявлялось и раньше: по крайней мере, в *Экономической таблице* (*Tableau Economique*) (1758–1759) Кенэ, *Лекциях по коммерции* (*Lezioni di Commercio*, 1765) Дженовези и *Принципах* (*Principles*) Стюарта, но *Богатство народов* всех заслонило. Более того, его успех был таков, что политическая экономия обрела свою идентичность. Сам Смит не признавал такого вывода, продолжая настаивать на том, что политическая экономия была лишь «отраслью знаний государственного деятеля или законодателя»; его собственная работа в области юриспруденции и моральной философии препятствовала тому, чтобы отбросить более широкую интеллектуальную схему, в составе которой мыслилась политическая экономия. Но когда единая концепция рынка сделала возможным анализ одновременно настолько обширный и настолько самостоятельный, стало возможным предположить, что содержание *Богатства народов* и было особой, автономной наукой — политической экономией.

Смерть Смита в 1790 г. совпала с концом шотландского Просвещения. В Шотландии, как и повсеместно в Европе, Великая французская революция изменила условия и исходные посылки интеллектуальной жизни, в то время как политическая экономия должна была объяснить применение машин. В самой Шотландии Дугалд Стюарт взялся за адаптацию политэкономической концепции Просвещения к этим новым условиям, но у его расширительного, дидактического подхода было мало подражателей. Еще один шотландец, Томас Чалмерс, возглавил направление, привязывавшее политическую экономию к новым теологическим концепциям, в то же время в Англии Рикардо и его последователи просто сузили взгляд на этот предмет. Но даже при этом было бы ошибкой рассматривать классическую политэкономия XIX в. как новое направление. Философский анализ Гегеля (который многое узнал от Стюарта) и радикальная критика Маркса и ранних социалистов показали, что исторические, моральные и институциональные предпосылки, на которых основывается политическая экономия, остались неизменными со времен шотландской школы. В любом случае именно шотландское Просвещение и конкретно *Богатство народов* впервые показали, как политическая экономия может быть представлена в качестве независимой науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bryson, G. 1945. *Man and Society: the Scottish Enquiry of the Eighteenth Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Campell, R.H. and Skinner, A.S. 1982. *The Origins and Nature of the Scottish Enlightenment*. Edinburgh: John Donald.
- Hont, I. and Ignatieff, M. (eds) 1983. *Wealth and Virtue. The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Medick, H. 1973. *Naturzustand und Naturgeschichte der bürgerfichen Gesellschaft*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Phillipson, N.T. 1981. The Scottish Enlightenment. In *The Enlightenment in National Context*, ed. R. Porter and M. Teich. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Sher, R. B. 1985. *Church and University in the Scottish Enlightenment*. Princeton: Princeton University Press; Edinburgh: Edinburgh University Press.

СОБСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС

Д.Г. Монро

Self-Interest

D.H. Monro

Два основных вопроса, которые заботили философов-моралистов, можно сформулировать так: а) каковы фундаментальные принципы морали и б) почему мы должны им подчиняться? Один из напрашивающихся вариантов ответа на второй вопрос таков: посколькy подчиняться им в ваших собственных интересах. Такой ответ напрашивается потому, что любой иной ответ просто повлечет за собой дальнейшие «почему?» К примеру, почему мы должны заботиться о том, чтобы другие получили то, что они хотят? Но вопрос «Почему мы должны добиваться получения того, чего *нам* хочется?», конечно, может быть *задан*, но едва ли имеет смысл.

Собственный интерес как ответ на второй вопрос между тем подразумевает аналогичный ответ и на первый. Собственный интерес может являться основанием для подчинения моральным принципам, только если эти принципы всегда выгодны нам как индивидам, и, таким образом, фундаментальным принципом становится следующий: делайте все, что позволит вам удовлетворять ваши собственные желания. А это представляется ошибочным, поскольку большинство моралистов говорят нам, что надо сначала учитывать интересы других, а потом уже свои. Самопожертвование, говорят нам, благородно, а своекорыстие низменно.

Томас Гоббс отвечает на это возражение, указывая, что, в то время как человеческие желания разнообразны и общей цели не существует, есть одно средство, общее для всех целей. Достижение всех целей требует сотрудничества со стороны других людей или, по крайней мере, их невмешательства. Каждый заинтересован в том, чтобы поддерживать в обществе мир и гармонию. Моральные принципы — это просто правила, которым каждый должен следовать, чтобы получить такое общество. Нам следует подчиняться этим правилам, поскольку подчинение им содействует миру и без-

опасности, а без мира и безопасности ни у кого не будет шансов удовлетворить *любые* желания. Если мораль требует от нас учитывать интересы других, то в долгосрочном плане это делается ради нашей же собственной пользы.

Предположение о том, что люди поставили себе моральные ограничения именно по этой причине, подразумевает большую дальновидность, чем та, на которую большинство из нас способно. Бернанд Мандевилль высказал мысль, что мотивы людей определяются в первую очередь не этим соображением, а тщеславием. Происхождение морали, по его предположению, связано с удачной выдумкой сравнительно небольшого числа дальновидных людей, которые, чтобы заставить людей быть полезными своим ближним, распространили миф о том, что человек отличается от других животных и превосходит их тем, что способен побеждать свои желания. «Моральные добродетели, — говорит он, — это росток, который породила гордость под действием лесты» (Mandeville, 1724, vol. 1, p. 51). Цель Мандевилля частично состояла в том, чтобы высмеять доктрину, гласившую, что никакое действие не является добродетельным, если не связано с самоотречением. Если это правда, утверждает он, тогда добродетель не существует, поскольку все действия имеют целью некое вознаграждение, даже если это всего лишь возросшее самоуважение. Цивилизация возникла не через самоотречение, а через то, что моралисты рассматривают как моральные слабости: скупость, тщеславие, роскошь, честолюбие и все прочее. Отсюда и его знаменитый парадокс: «Частные Пороки — Общественные Выгоды». Развивая его, он приводит пример, который нередко цитировался: множество материалов, собранных со всего света, а также тяжкий труд и лишения, перенесенные множеством работников, чтобы изготовить пурпурные одежды. Даже тиран, говорит Мандевилль, постыдился бы «требовать от своих Невинных Рабов несения такой ужасной Службы» лишь ради «Удовлетворения, которое Человек получает от владения Одежанием, сделанным из Алой или Пурпурной Ткани». И все же, преследуя свои собственные цели, люди в своих делах показывают примеры выносливости, на которые их не сподвигла бы ни их собственная добродетельность, ни тирания других людей (Mandeville, 1724, vol. 1, p. 357–358). Этот отрывок нередко использовался для того, чтобы проиллюстрировать эффективность и гладкое функционирование рыночной экономики; но если посмотреть под несколько другим углом зрения, он точно так же был бы уместен в первом томе *Капитала* Маркса, который полон жутких рассказов о страданиях рабочих при капитализме.

Мандевилль проводит различие между добродетелью (*virtue*) и благом (*goodness*). Добродетель в смысле полного самоотречения является иллюзией, поскольку все действия возникают из собственного интереса. Страсти подчинить невозможно, можно только противопоставить одну страсть другой. Никакое действие не является полностью добродетельным, но (как, по-видимому, подразумевается) оно может быть хорошим, если полезно для других. Таким образом, Мандевилль соглашается с Гоббсом в том, что личный интерес является конечным мотивом всех действий, но, по всей вероятности, не согласен с другим его тезисом, что личный интерес, в отличие от всеобщего счастья, в конечном счете является единственным благом.

Первый из этих двух тезисов является неоднозначным, поскольку неоднозначно само понятие «собственный интерес». Если этот тезис состоит в том, что каждое действие возникает из того или иного желания, включая бескорыстные желания благополучия для других, тогда он представляет собой трюизм и в любом случае не заслуживает большого интереса. Если он означает, что каждым поступком действующее лицо стремится в долгосрочной перспективе к своему собственному наивысшему счастью («просвещенный собственный интерес» или «холодное себялюбие»), тогда он важен, но ложен. На самом деле Гоббс, как представляется, опять имел в виду нечто иное, а именно, что не существует альтруистических, или бескорыстных, желаний. Очевидный альтруизм оказывается при ближайшем рассмотрении эгоистичным или небескорыстным в обычном смысле этих слов, поскольку целью, возможно, является общественное одобрение или более высокая самооценка.

Против теории Гоббса выдвигались те возражения, что доброжелательность (*benevolence*), т.е. бескорыстное желание благополучия для других, является такой же фундаментальной основой человеческой природы, как и личный интерес. Но если существует два основных человеческих инстинкта вместо одного, то какому мы должны следовать, если они находятся в конфликте? Сильнейшему? Но было бы опрометчиво утверждать, что доброжелательность — более сильная черта человеческой природы, чем эгоизм. Шефтсбери и Хатчесон обнаружили третий инстинкт — внутреннее моральное чувство, которое требует, чтобы мы предпочли доброжелательность собственному интересу, когда они находятся в конфликте. Но почему мы должны отдавать предпочтение этому третьему инстинкту? В ответе на вопрос «Почему надо быть нравственным?» едва ли найдется что-то более уместное, чем сказать (вместе с другими философами), что вечная и непреложная исти-

на, постигаемая интуитивно, состоит в том, что доброжелательности надо позволять брать верх над личным интересом.

Давид Юм и Адам Смит, соглашаясь с Хатчесоном в главном, все же пытаются подкрепить его позицию, углубляясь в психологические истоки доброжелательности. Весьма важным из них, говорят они, является симпатия — стремление проникнуть в радости и печали других людей. МанDEVИЛЛЬ считал жалость слабостью, поскольку это страсть, хотя и привлекательная: желание избавиться от особого рода беспокойства. Адам Смит настаивает на том, что симпатия бескорыстна, и высказывает предположение, что «То учение о человеческой природе, которое выводит все чувства и страсти из себялюбия... возникло в результате искаженного понимания системы симпатии» (Смит. ТНЧ. Ч. VII. Отд. III. Гл. 1. С. 306–307).

Смит привлек внимание и к другой тенденции в человеческой природе: эстетическому восхищению «способностью любой системы или машины давать результат, для которого она предназначалась», зачастую приводя к тому, что средства становятся ценны сами по себе, совершенно отдельно от первоначальной цели. (Смит понял бы секретаря приюта для незамужних матерей, который сказал в годовом отчете: «Было бы весьма жаль, если после такой самоотверженной работы такого множества людей этот дом придется закрыть из-за недостатка девушек, нуждающихся в помощи».) Несмотря на то что он рассматривает эту тенденцию как отличную и от собственного интереса, и от доброжелательности, ее рассмотрение приводит Смита к выводам, которые странно похожи на выводы МанDEVИЛЛЯ. Одним из ее проявлений, говорит он, выступает накопление богатств, намного превосходящих потребности самих богатей:

«Одни богатые избирают из общей массы то, что наиболее драгоценно или редко. В сущности они потребляют не более, чем бедные. Несмотря на свою алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они преследуют только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода» (Смит. ТНЧ. Ч. VII. Отд. III. Гл. 1. С. 185).

Из этого ясно, что Смит, как и МанDEVИЛЛЬ, видит, что фактические последствия действий могут быть совершенно отличными от ожидаемых. Пчелы в басне МанDEVИЛЛЯ намеревались всего лишь вести добродетельную и воздержанную жизнь; они не предвидели, что это приведет к разорению портных, модисток, адвокатов, тюремщиков, ливрейных лакеев, придворных, поваров и многих других, а в конце концов — к экономическому краху всего улья. МанDEVИЛЛЬ делает вывод, что общественное благо вытекает из частных пороков; но очевидно, что те, кто этим порокам предается, думают не об общественной пользе, а только о своем собственном удовлетворении.

Адам Смит в другой своей ссылке на «невидимую руку» говорит, что большинство индивидов в своих экономических транзакциях не имеют намерения способствовать общественному интересу, да и не осознают, что это делают.

«Он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения». Он добавляет, что в целом это хорошо. «Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них» (Смит. БН. Кн. IV. Гл. 2. С. 443).

Но это не все. Дело не только в том, что погоня за богатством или властью приводит к тому, что честолюбцы способствуют общественному интересу, преследуя при этом лишь свои собственные интересы; эстетическая тенденция ценить средства достижения цели сами по себе вызывает у людей ложное представление об их собственных интересах. Удовольствия быть богатым и могущественным, которые на самом деле не делают человека счастливым,

«поражают наше воображение как нечто благородное, великое и прекрасное, оправдывающее все труды и мучения, необходимые для их достижения. И хорошо, что сама природа обманывает нас в этом отношении: производимая ею в нас иллюзия возбуждает творческую деятельность человека и постоянно поддерживает ее» (Смит. ТНЧ. Ч. VII. Отд. IV. Гл. 1. С. 184).

Но, быть может, самая оптимистичная версия теории «невидимой руки» была выдвинута Т. Грином. Действия плохих людей,

говорит он (по крайней мере, когда они обладают властью), «обрастают на благо». В этом, уверяет он нас, нет ничего сверхъестественного; это всего лишь одно из благотворных следствий жизни в обществе и, в частности, в национальном государстве. В качестве примера он приводит Наполеона:

«При всем его эгоизме, он сам настолько следовал национальному духу, проявлявшемуся как в нем самом, так и в виде внешнего влияния, что он мог прославлять себя лишь через величие Франции, и хотя это величие во многих отношениях носило вредный и иллюзорный характер, но в нем было так много от того, что можно назвать духом гуманизма, и поэтому Наполеону доставляла удовлетворение вера в то, что он служит гуманизму. Следовательно, возвышение Франции, в котором находила проявление страсть Наполеона к славе, должно было по крайней мере принимать подобие освобождения угнетенных народов, а, принимая подобие, оно в значительной мере вело к этому и в действительности...» (Green, 1886, p. 134).

Сомнительно, однако, что мировой опыт диктаторов мог бы дать много доказательств такого «обращения во благо».

Для Гоббса моральные принципы («законы природы») являются социологическими законами, описывающими то, как люди могут мирно сотрудничать. Для Юма и Смита они, скорее, являются психологическими истинами относительно того, что люди одобряют исходя из данного сочетания их мотивов (из которых собственный интерес — лишь один из многих), а также общественной потребности в неких зафиксированных стандартах поведения, которую подчеркивал Гоббс.

Психологический подход был принят также и ранними утилитаристами. Они, однако, были более склонны к поиску нравственного в самом собственном интересе, поскольку альтернативы: «интуиция», «нравственное чувство», «естественное право» и пр. — казались им лишь оправданием обожествления своих собственных предрассудков. «Природа поставила человечество под управление двух верховных повелителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определить, что мы можем делать и указать, что мы должны делать» (Бентам. 1998. С. 9). Можно было бы ожидать, что эти повелители приказывают каждому индивиду искать наивысшего счастья лично для себя. Но, по Бентаму, они ставят иную цель — счастье *для всех*. Бентам никак не объясняет этого перехода.

Милль делает попытку объяснить это, приводя краткий и подвергшийся сильной критике довод. Как и Адам Смит, он апеллирует к тому, что средства имеют тенденцию становиться целью.

К добродетели, говорит он, состоящей в желании способствовать всеобщему счастью и первоначально культивировавшейся как средство достижения своего собственного счастья, начинают стремиться ради нее самой. Из средства достижения счастья она стала составной его частью. Дж.Э. Мур с презрением отвергает этот аргумент, видя в нем вопиющую неспособность различить две весьма разные вещи — часть и средство. Однако возможно, что на самом деле довод Милля намного тоньше (Мур. Гл. 1).

Согласно Гоббсу, моральные правила устанавливают, как должны вести себя люди, чтобы общество могло существовать. Нуждаясь в обществе, индивид выбирает в качестве своей цели не просто собственный интерес, а компромисс между своим собственным интересом и интересами других людей. Он соглашается на компромисс потому, что полкаравая лучше, чем остаться без хлеба вообще. Вследствие этого он чувствует себя обязанным подчинять свои собственные интересы этому компромиссу, когда они вступают в конфликт. Но он подчиняется законам морали лишь как средству, с тем чтобы склонить других также им подчиниться. Его награда состоит в том, что им подчиняются другие; ценой, которую он платит, является его собственное подчинение. Но можно возразить, что на самом деле мы не думаем так о морали. Мы хотим делать правильные вещи ради них самих. По всей видимости, из мнения Гоббса надо было бы сделать вывод о том, что разумнее быть удачливым лицемером, чем подлинно хорошим человеком.

Рассмотрим, однако, что получается, если компромисс принят. Поскольку общество зависит от этого согласия, оно возьмет на себя заботу внушать его важность каждому новому поколению. Каждый, кого так воспитывали, будет воспринимать этот компромисс не как компромисс, а просто как правильный образ действий. Более того, он будет испытывать неудобство при мысли о достижении своих личных целей способом, который мог бы противоречить данному компромиссу. По словам Милля, он начинает думать о себе как о существе, которое *естественным образом* считается с другими (Милль. Утилитаризм. Гл. V). Подчинение нормам морали, необходимое для достижения всеобщего счастья, стало частью его личного счастья, а не просто средством его достижения.

Ответ Милля на вопрос «В чем состоит фундаментальный принцип морали?» таков: делай все, что содействует наибольшему счастью окружающих. Его ответ на другой вопрос («Почему ему надо подчиняться?») состоит в следующем: потому, что вы приучены обществом связывать ваше собственное счастье со счастьем других

людей. Если бы не существовало этой социальной обусловленности, не было бы стабильного общества и жизнь ваша была бы достойна жалости. Более того (и Милль узнал это, скорее, от Давида Гартли, чем от Гоббса), исполнение наших социально обусловленных желаний должно вызывать большее удовлетворение, чем первичных или биологических.

Поздние утилитаристы, как правило, не следовали Миллю в данном вопросе. Действительно, Генри Сиджвик, вопреки Бентаму, заявил, что принцип наивысшего счастья основан на рациональной, самоочевидной интуиции. Философы-моралисты, имевшие другие убеждения, либо приняли какую-то из форм интуиционизма, либо доказывали (неубедительно), что вопрос «Почему надо быть нравственным?» не имеет смысла.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bentham, J. 1789. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Ed. J.H. Burns and H.L.A. Hart, London: Athlone Press, 1970. [Русск. пер.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.]
- Green, T.H. 1886. *Lectures on the Principles of Political Obligation*. London: Longman, 1941.
- Hobbes, T. 1651. *Leviathan, or The Matter, Forme & Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civill*. Oxford: Clarendon Press, 1909; New York: E.P. Dutton & Co., 1934. [Русск. пер.: Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.]
- Hume, D. 1739. *A Treatise of Human Nature*. Ed. L.A. Selby-Bigge, Oxford: Clarendon Press, 1896. [Русск. пер.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. В 2 т. М.: Канон, 1995; Юм Д. О человеческой природе. Серия: Азбука — Классика. М.: Азбука, 2001.]
- Hume, D. 1751. *Enquiries Concerning the Human Understanding and Concerning the Principles of Morals*. Ed. L.A. Selby-Bigge, Oxford: Clarendon Press, 1902.
- Hutcheson, F. 1728. *An Essay on the Nature and Conduct of the Passions, with Illustrations upon the Moral Sense*. Facsimile edn prepared by B. Fabian, Hildesheim: G. Olms, 1971.
- Mandeville, B. 1724. *The Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits*. Ed. F.B. Kaye, Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Mill, J.S. 1863. *Utilitarianism. In Essays on Ethics, Religion and Society*, ed. J.M. Robson, Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge & Kegan Paul, 1969. [Русск. пер.: Милль Дж.С. Утилитаризм. О свободе. СПб.: Изд. Перевозникова, 1900.]
- Moore, G.E. 1903. *Principia Ethica*. Cambridge: Cambridge University Press. [Русск. пер.: Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.]
- Shaftesbury [A.A. Cooper], 3rd Earl. 1699. *An Inquiry Concerning Virtue or Merit*. Ed. D. Walford, Manchester: Manchester University Press, 1977.
- Sigwick, H. 1907. *The Methods of Ethics*. 7th edn, ed. E.E.C. Jones, London: Macmillan, 1962.
- Smith, A. 1759. *The Theory of Moral Sentiments*. Ed. A.L. Macfie and D.D. Raphael, Oxford: Clarendon Press, 1974. [Русск. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.]
- Smith, A. 1776. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Ed. R.H. Campbell, A.S. Skinner and W.B. Todd, Oxford: Clarendon Press, 1976. [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Я. де В. Граафф

Social Cost

J. de V. Graaff

Идея, лежащая в основе понятия общественных издержек, крайне проста. Человек, предпринимая некоторое действие, не обязательно несет все связанные с этим действием издержки (или присваивает все связанные с ним выгоды). Издержки, которые несет лично он, называются *частными* издержками, в то время как издержки, которые вынуждены нести другие, называются *внешними* издержками. Сумма этих двух типов издержек и образует *общественные* издержки.

За этим кажущимся очевидным утверждением скрывается целый набор проблем, связанных с определением, оценкой и агрегированием общественных издержек. Данные проблемы рассматриваются в разделе 1. В разделе 2 дается краткий обзор ряда вопросов, для изучения которых — несмотря на ряд разночтений — часто используется концепция общественных издержек.

1. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Частные издержки обычно определяются в терминах альтернативных издержек как наиболее ценный (или наиболее предпочтительный) из альтернативных вариантов выбора, от которых пришлось отказаться. На практике это обычно означает, что частные издержки получения блага равны сумме денег, которая за это благо уплачена. Такое определение является корректным, поскольку предполагается, что индивид (или фирма) придерживается стратегии оптимизации. Каждый акт выбора предполагает принесение в жертву каких-либо альтернатив. Всегда существуют варианты, от которых с необходимостью приходится отказаться.

Другие субъекты, которые несут внешние издержки данного действия, также придерживаются стратегии оптимизации, поэтому приведенное определение справедливо и для данного типа издер-

жек. Однако для общественных издержек оно является некорректным, поскольку нет оснований предполагать, что стратегия оптимизации может описать поведение общества в целом. Общество может, не сокращая досуг своих членов и не жертвуя чем-либо еще, нарастить производство *и* пушек, *и* масла. С технической точки зрения это возможно тогда, когда в исходном состоянии оно не достигает границы общественных производственных возможностей, — такая ситуация может с равной вероятностью быть как нормой, так и исключением из правила. В этих условиях не происходит отказа от каких-либо альтернативных вариантов выбора, а потому отсутствуют и издержки.

Если общество достигло границы производственных возможностей, существуют, по крайней мере, некоторые издержки. Однако их значение может зависеть от того, кто несет их бремя. Имеет ли отказ от потребления масла богатым субъектом *A* столь же важное значение, как отказ от потребления масла бедным субъектом *B*? Можно ли просто суммировать количества масла, от которых отказались эти субъекты, чтобы установить величину общественных издержек?

Определение общественных издержек как суммы частных и внешних издержек дает возможность обойти проблему, связанную с тем, что общество может не придерживаться стратегии оптимизации; однако оно не позволяет преодолеть сложности, обусловленные необходимостью суммирования издержек, бремя которых несут разные люди. Оно не обеспечивает решения и некоторых иных проблем. Мы рассмотрим эти проблемы последовательно, начав с наименее сложных.

(1) «Границы» общества. Если я построил дом, загораживающий вид из окна моего соседа, но не создающий неудобства для кого-либо еще, то внешние издержки, бремя которых я возложил на соседа, являются единственным видом внешних издержек, который следует учитывать при определении общественных издержек моего действия. При этом так или иначе можно получить стоимостную оценку причиненных соседу непосредственных неудобств, а снижение цены на его собственность, если рынок функционирует должным образом, будет достаточно корректно отражать потери для будущих владельцев.

В других случаях дело обстоит не так просто. Загрязнение атмосферы или водного бассейна может затрагивать несколько государств. Какие издержки представляют для нас интерес — издержки, которые несет *наше* общество, или издержки, определяемые с точ-

ки зрения мирового сообщества? А если рассматриваемая деятельность затрагивает интересы будущих поколений? Как измерить издержки, возлагаемые на них? При рассмотрении проблем, связанных, например, с общественными издержками использования ядерной энергии, перечисленные вопросы могут оказаться очень важными.

Прежде чем говорить об общественных издержках, необходимо уточнить пространственно-временные «границы» общества, которое имеется в виду. После того как по этому вопросу достигнута ясность, мы можем перейти к другим проблемам.

(2) *Издержки и выгоды.* Внешние издержки, причиняемые инициатором действия другим субъектам, не обязательно должны быть положительными. Могут существовать и «отрицательные издержки», или выгоды (*benefits*). (Если я выкрашу свой дом в ярко-желтый цвет, я могу шокировать Джонса, но доставить удовольствие Смигу.) При этом не имеет существенного значения, будем ли мы учитывать эти отрицательные издержки отдельно, называя их выгодами, или непосредственно будем вычитать их из положительных издержек, получая величину *чистых* издержек.

Обычная практика анализа издержек и выгод (*Cost Benefit Analysis*) заключается в том, чтобы рассматривать эти категории издержек по отдельности, а затем проводить сопоставление их величин. Однако в других сферах экономической науки принято рассчитывать чистые издержки, т.е. издержки за вычетом выгод. Примером является утверждение, встречающееся во многих учебниках, которое гласит, что *общественные издержки не включают величину ренты*. При этом подразумевается, что прирост ренты от фактора производства, цена которого благодаря увеличению спроса на его услуги повышается, представляет собой всего лишь трансферт богатства и не ведет к возникновению общественных издержек.

Если осуществляемый предпринимателем проект ведет к увеличению спроса на труд и другие факторы производства и посредством этого — к росту заработной платы и цен, то частные издержки данного предпринимателя повышаются. Однако это повышение компенсируется отрицательными внешними издержками в форме прироста вознаграждения факторов производства (т.е. доходов владельцев этих факторов). Издержки двух указанных типов равны по величине, так что суммирование частных и внешних издержек позволяет сделать вывод об отсутствии общественных издержек. Прирост ренты учитывается (с разными знаками) как в величине част-

ных, так и в величине внешних издержек, но — согласно рассматриваемому утверждению — не влияет на величину общественных издержек.

Когда издержки, которые несут индивиды, не являются издержками с точки зрения общества, их во многих случаях целесообразно называть *убытками* (*losses*), а отрицательные издержки — *прибылями* (*gains*). Если я владею магазином по соседству с вашим и переманиваю ваших клиентов посредством снижения цен, вы несете потери, которым противопоставляется прирост благосостояния потребителей и получаемая мною прибыль (если таковая существует) от дополнительных продаж. Потери и убытки, связанные с изменением цен, не являются издержками с точки зрения общества.

Утверждение о том, что изменение цен не влечет за собой возникновение общественных издержек, опирается на неявное предположение о закрытом характере экономики. В открытой экономике изменение международных условий торговли может либо возлагать на резидентов данной страны бремя реальных издержек, либо позволять им получать рентные доходы за счет резидентов иных стран. Кроме того, указанное утверждение подразумевает, что проблемы измерения и агрегирования удалось успешно преодолеть.

(3) *Издержки в краткосрочном и долгосрочном периодах.* При измерении издержек необходимо определить продолжительность рассматриваемого периода. В долгосрочном периоде величина издержек, как правило, меньше, чем в краткосрочном; особенно это относится к внешним издержкам. Для субъектов, на которых возлагается бремя издержек, такое развитие событий вначале оказывается неожиданным, однако затем они предпринимают усилия по снижению величины этих издержек путем адаптации своей деятельности к новым условиям. Если законы данного общества позволяют предъявить претензии субъекту — инициатору действий, обусловивших возникновение внешних издержек, то несущие эти издержки субъекты могут добиться еще большего их сокращения путем принуждения инициатора к изменению своего поведения. Разумеется, уменьшение *суммы* частных и внешних издержек (т.е. величины общественных издержек) может быть при этом менее существенным, однако это совсем другой вопрос.

Проиллюстрировать данное утверждение можно с помощью небольшой модификации хорошо известного примера (Пигу, 1985. Т. I. С. 201). Если искры, вылетающие из локомотива, могут вызвать пожар и нанести ущерб урожаю фермера, земли которого располагаются вдоль железной дороги, то непредвиденное удвоение чис-

ла поездов может означать для него возникновение дополнительных внешних издержек. С течением времени он может сократить величину этих издержек путем выращивания вдоль дороги вечнозеленых культур или оставляя полосу земли вдоль дороги необработанной. Далее, если закон это позволяет, фермер может подать иск против железнодорожной компании за нанесение ущерба или потребовать компенсации за потерю прибыли, связанную с менее производительным использованием земли. Эти меры могут в конце концов побудить железнодорожную компанию установить на локомотивах фильтры, препятствующие образованию искр, или сократить число поездов. Все эти факторы в совокупности позволяют предполагать, что величина внешних издержек с течением времени будет снижаться.

Можно ожидать, что в случаях, подобных рассмотренному, когда имеется только две заинтересованные стороны, реальной альтернативой судебным процедурам окажутся непосредственные переговоры между сторонами. Распределение выгод будет, разумеется, зависеть от соотношения сил при торге (*bargaining strength*), которое отчасти определяется набором их прав, однако результат будет в основном одинаковым: сумма частных и внешних издержек будет сокращаться до тех пор, пока дальнейшее ее сокращение не будет вызывать еще большего сокращения выгод. Поскольку переговоры всегда требуют времени, то опять-таки можно ожидать, что величина общественных издержек в долгосрочном периоде будет ниже, чем в краткосрочном.

(4) *Агрегирование*. Суммирование внешних и частных издержек для определения величины общественных издержек подразумевает агрегирование издержек, которые несут различные люди. В конечном итоге это равносильно утверждению, что, при прочих равных условиях, издержки субъекта *A* в размере 10 долл. значат для общества больше, чем издержки субъекта *B* в размере 9 долл., независимо от того, кем эти субъекты являются. Для такой процедуры существует только два возможных основания.

Первое — *утилитаристское* — основание подразумевает безусловную возможность межличностных сравнений полезности, а также равенство предельной полезности денег для всех субъектов. При этом меньшие общественные издержки представляют собой меньшую потерю «совокупного удовлетворения» (*aggregate satisfaction*).

Второе основание предполагает использование *критериев компенсации* (Graaff, 1957, ch. 5). Если изложить суть дела кратко, в дан-

ном случае критерием социальной желательности изменений является возможность выплаты компенсаций теми, кто оказался в выигрыше благодаря произошедшим изменениям, в пользу тех, кто от этих изменений пострадал; при этом после выплаты компенсаций благосостояние выигравших не должно оказаться ниже, чем в исходных условиях. Разумеется, чем меньше сумма частных и внешних издержек, тем выше вероятность того, что выигравшие окажутся в состоянии компенсировать потери проигравшим.

Ни одно из этих оснований не является полностью удовлетворительным. У утилитаризма до сих пор есть некоторое число приверженцев, однако лишь немногие из них стали бы утверждать, что предельная полезность денег является одинаковой для бедных и богатых. В свою очередь, *возможность* компенсаций немногого стоит до тех пор, пока эти компенсации фактически не будут осуществлены. (Что толку в утверждении, что — хотя некоторые люди голодают — общественные издержки все же невелики, ибо этим людям *может быть* предоставлено достаточное количество пропитания?) Если, с другой стороны, компенсации действительно выплачиваются, изменение цен может привести к случаям *инверсии исходных условий* (*reversals*), подобным тем, которые подверг анализу Т. Сцитовски (Scitovsky, 1941). До компенсации общественные издержки деятельности *A* могут быть ниже, чем общественные издержки деятельности *B*, а после компенсации соотношение издержек может оказаться обратным. Выбор вида деятельности, обеспечивающего более низкий уровень общественных издержек, требует предварительного выбора между двумя вариантами распределения богатства. В противном случае возникает заколдованный круг.

2. ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Основное применение понятие общественных издержек находит в сфере анализа издержек и выгод (*Cost Benefit Analysis*). При этом возникает множество проблем, связанных с оценкой. Как, к примеру, оценивать стоимость человеческой жизни, если существует вероятность дополнительных жертв вследствие экономии на затратах при обеспечении безопасности нового шоссе или разработке специальных требований к его строительству? Как оценить другие блага, которые не являются объектами купли-продажи на рынке? (На практике используются рыночные цены родственных товаров; однако уровень этих цен обусловлен как раз тем, что отсутствуют рынки товаров, ценность которых пытаются определить!) Иссле-

дователи, работающие над проблематикой анализа издержек и выгод, используют различные методы преодоления указанных затруднений, и если бы этим ограничивались существующие в данной области проблемы, усилия этих исследователей заслуживали бы высокой оценки.

Однако теория неизбежно должна столкнуться с упомянутыми в предыдущем разделе проблемами агрегирования. В рамках утилитаристского подхода часто используются «распределительные веса», отражающие приблизительные оценки исследователем предельной полезности денег для различных людей. При этом издержки в размере 1 долл., если их бремя несет бедный человек, с точки зрения общественных издержек могут значить больше, чем издержки богатого человека в размере 2 долл. С учетом этого можно с большой уверенностью утверждать, что величина общественных издержек будет такой, какой ее хотел бы видеть исследователь.

Сторонники подхода, основанного на критериях компенсации, надеются на то, что изменения цен, вызванные гипотетической компенсацией, будут не столь значительными, чтобы вызвать инверсию исходных условий. Однако не все обстоит так просто. Сравнение общественных издержек с общественными выгодами для определения оптимального варианта выбора является задачей, применительно к которой справедливы теоремы невозможности из теории общественного выбора. Исключить возможность инверсии исходных условий, приводящей к ситуации нетранзитивности выбора, можно только путем введения специальных предположений. Утилитаристы признают наличие этой проблемы, когда произвольно определяют распределительные веса. Не прибегая к подобным произвольным процедурам, сторонники критериев компенсации оставляют широкое поле для сомнений в адекватности своих оценок величины общественных издержек.

Теория общественных издержек также используется при анализе *несостоятельности рынка*. Если оставить в стороне тонкости дефиниций, прежняя теория (Пигу, 1985) состояла примерно в следующем: максимизация национального дивиденда требует достижения равенства между предельными общественными издержками и предельными общественными выгодами. Оптимизирующее рыночное поведение обеспечивает равенство предельных частных издержек и предельных частных выгод. В случае если эти два набора издержек и выгод не совпадают, рыночное поведение не может обеспечить максимизацию национального дивиденда. Расхождения между частными и общественными издержками (и выгодами) яв-

ляются причиной несостоятельности рынка. При этом возможны различные пути преодоления данных расхождений.

Более современная трактовка проблемы заключается в том, что несостоятельность рынка связана с установлением на рынке равновесия в условиях, когда не все возможные взаимовыгодные сделки были реально заключены. Выполнение этого условия наиболее вероятно в том случае, если последствия сделок затрагивают интересы других субъектов, непосредственно не участвующих в их заключении. Существование внешних издержек и выгод приводит (по определению) к расхождению между частными и общественными издержками и выгодами.

Центральный вопрос при такой трактовке следующий: *почему* эти «другие субъекты» не участвуют в торге? Даже если они не имеют юридического статуса сторон сделки (которым в случае четкой спецификации прав собственности они вполне могут обладать), возможность снижения их благосостояния вследствие участия в торге полностью исключена. Причина, разумеется, заключается в существовании *транзакционных издержек*. Заключение сделки требует затрат времени и иных ресурсов, особенно если в переговорах участвует большое количество людей. Кроме того, для получения всех выгод от заключенных сделок необходимо принять связанные со значительными издержками меры, направленные на исключение «безбилетников» из пользования плодами этих сделок. (Я могу заключить сделку с соседом, чтобы он не парковал свою машину перед моим домом; однако, если я не смогу воспрепятствовать другим людям использовать для парковки освободившееся место, пользы от такой сделки будет мало.) Любое исследование несостоятельности рынка, не опирающееся на открытое признание роли, которую играют издержки торга, заключает в себе серьезный изъян.

Если бы торг и заключение сделок не требовали издержек и не наталкивались бы на юридические ограничения, то оптимизирующее поведение рыночных субъектов автоматически обеспечивало бы заключение всех взаимовыгодных сделок. При нулевых транзакционных издержках возникновение несостоятельности рынка невозможно. Этот вывод, получение которого часто приписывается Р. Коузу (Коуз, 1993), известен как «закон Сэя для экономической теории благосостояния» (Calabresi, 1968). Однако это почетное наименование было бы корректнее зарезервировать для той формулировки указанного тезиса, которая гласит: если сделка *не* заключена, то это обусловлено исключительно тем, что придерживающиеся стратегии оптимизации субъекты пришли к заклю-

чению, что транзакционные издержки перевешивают потенциальные выгоды от заключения сделки. Было бы очень здорово, если бы мир был действительно устроен подобным образом.

Концепция общественных издержек, которая уделяла бы адекватное внимание издержкам заключения сделок, еще не разработана. Это обстоятельство, а также нерешенные проблемы агрегирования требуют от нас очень осторожного и осмотрительного использования данного понятия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Calabresi, G. 1968. Transaction costs, resource allocation and liability rules: a comment. *Journal of Law and Economics* 11, April, 67–73.
- Coase, R.H. 1960. The problem of social cost. *Journal of Law and Economics* (3)1, October, 1–44. [Русск. пер.: Коуз Р. Проблема социальных издержек // Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД, 1993. С. 87–141.]
- Graaff, J. de V. 1957. *Theoretical Welfare Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1957.
- Pigou, A.C. 1932. *The Economics of Welfare*. 4th edn, London: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1952. [Русск. пер.: Пигу А.С. Экономическая теория благосостояния. Т. I–II. М.: Прогресс, 1985.]
- Scitovsky, T. 1941. *A note on welfare propositions in economics*. *Review of Economic Studies* 9(1), 77–88.

УТИЛИТАРИЗМ¹

К. Уэлч

Utilitarianism

C. Welch

*Определенность, плодотворность, чистота;
а также сила, длительность и скорость наступленья.
Вот перечень, где каждая черта
есть удовольствий и страданий отраженье.
Благ частных ты ищи, как надлежит,
Коль благо общее — пусть всем принадлежит.
Беги беды: но коль прийти должна,
Пусть лишь немногим выпадет она².*

Этим стихотворением-памяткой Иеремия Бентам снабдил исправленное издание *Введения в принципы морали и законодательства*, чтобы сосредоточить внимание читателя на тех моментах «на которых зиждется все здание морали и законодательства» (Бентам. С. 41). В самом деле, несмотря на то, что многие современные утилитаристы отвергли бы то, каким образом Бентам приравнивает пользу к удовольствию, он остается автором основных предпосылок, которые и сегодня характеризуют философию утилитаризма, а именно: 1) целью нравственного поступка должно быть индивидуальное благосостояние; 2) каждый человек должен «считаться за одного, и не более чем за одного»; 3) целью общества должна быть максимизация общей полезности (или, как это выражено во фразе Бентама, наибольшее счастье наибольшего числа людей).

Конечно, Бентам не был первым, кто предложил эту нравственную установку. В той или иной форме ее поддерживали многие

¹ В старых русских изданиях слово «utilitarianism» переводится как утилитарианизм, а в современных — как утилитаризм. — *Прим. науч. ред.*

² В русском переводе работы Бентама (примечание к главе 4) дан перевод в прозе. Нам представляется, что стихотворный вариант более выразителен. — *Прим. науч. ред.*

авторы XVIII в. — английские теологи Браун, Такер и Пэли, французские философы Гельвеций и Гольбах. Однако впервые термин *утилитаризм* был использован в отношении той доктрины, которая ассоциировалась с именами Бентама и Джеймса Милля. Придуманый Бентамом и позднее вновь открытый Джоном Стюартом Миллем в романе Голта, этот термин вошел в обращение в 1820-х годах. Он обозначал идеологическую систему, состоящую из сенсуалистской психологии, этического гедонизма, классической экономической теории и политики, основанной на принципах демократии. Ранний утилитаризм, также известный как философский радикализм, породил влиятельную волну реформ в английском законодательстве и политике в начале XIX в. Но более важно то, что философия пользы (полезности), изложенная Бентамом и переработанная его последователями, сохранила центральное место в теоретических дебатах, преобладавших в экономической науке, социологии, нравственной и политической философии и в XX в.

ТЕОРИЯ ПОЛЕЗНОСТИ БЕНТАМА. Теоретические инновации Бентама не были чем-то поразительным; подобно более ранним утилитаристам он утверждал, что люди фактически являются созданиями, ищущими удовольствий, и что критерием нравственной оценки должно быть общее удовольствие или счастье. Но утилитаризм Бентама претендовал как на систематичность, так и на научность, эти притязания основывались на трех направлениях мысли, особенно ярко выраженных в идейном наследии Бентама. Во-первых, Бентам придерживался редукционистского варианта эмпиризма, в котором порожденные ощущениями идеи формировались благодаря мысленным ассоциациям, которые, в свою очередь, возникали под действием таких стимулов, как удовольствие и страдание. Бентам предполагал существование некоторого правильного восприятия идей, способного породить и соответственно рационализированный язык. Он был убежден, что такая рационализация языка была необходимой предпосылкой для верной оценки собственного интереса; он всегда оставался верен мечте философов Просвещения о превращении языка морали в научный язык путем очищения его от иррациональности и иллюзий. Во-вторых, Бентам недвусмысленно утверждал, что удовольствие однородно и, следовательно, поддается количественной оценке. Он использовал математические «метафоры»: арифметика счастья, аксиомы интеллектуальной патологии, таблица побудительных мотивов — образы, предполагающие конкретность и точность. Наконец, он систематически и детально рассматривал «санкции» — отрицательные стимулы, пре-

дотвращающие действие. В отличие от теологических утилитаристов он пренебрегал божественными санкциями и сосредоточивался на земных наказаниях, которые налагаются общественным мнением и устанавливаются законом и которые могут испытывать влияние или находиться под контролем со стороны законодателя.

Бентам важен не этими усовершенствованиями утилитаризма (разве что они укрепили его притязания на достоверность), но, скорее, в его прямом и ясном применении этой доктрины для критики «заблуждений» английской публики. В ходе этой критики он атаковал как авторитет обычая, так и «анархическую» философию естественного права. Резкие нападки Бентама на французские Декларации прав человека были его реакцией на террор, но он всю жизнь сохранял приверженность тем аргументам, которые он выдвигал против языка этих прав. Он высказывал два важных утверждения: 1) права не предшествуют политическому обществу, но создаются законом; следовательно, такое понятие, как неотчуждаемое, или независимое от закона, право, само по себе является противоречием; 2) в случае конфликта требований, основанных на естественных правах, философия естественного права не позволяет определить, какое из них должно иметь приоритет; моральное право, независимое от закона, является «неопределенным понятием» (Hart, 1982, p. 82). Это различие между законом и моралью в дальнейшем развивалось Остином и легло в основу традиции правового позитивизма, а также современной критики нравственных теорий, основанных на концепции права.

Если естественные права не стали руководством для нравственного или общественного выбора, то полезность, по мнению Бентама, это обеспечивала. В основной массе его труды представляют собой именно попытку заменить то, что он считал логическими фикциями, полезностью, в качестве рациональной основы для законодательства. Например, в обширных работах, посвященных уголовному праву, он попытался произвести «исчисление ущерба», чтобы помочь законодателю установить минимальную санкцию, достаточную для предотвращения определенных нежелательных деяний. Поскольку реформистские амбиции Бентама затрагивали также и гражданское, и конституционное право, его работы непосредственно касались таких спорных вопросов государственной политики, как отмена Хлебных законов или реформа избирательного права. В экономике Бентам был последователем Смита, в политике — радикальным демократом, но логику исходных связей между утилитаризмом, экономическими и политическими реформами проще проследить на примере работ Джеймса Милля.

ДЖЕЙМС МИЛЛЬ И ФИЛОСОФСКИЙ РАДИКАЛИЗМ. Согласно Дж.С. Миллю, «именно благодаря взглядам моего отца бентамовские, или утилитаристские, идеи того времени выделились в самостоятельное течение» (Mill, 1873, p. 72). Пропаганду утилитаризма энергично вела маленькая группа людей, называвших себя философскими радикалами, в которую входили Фрэнсис Плэйс, Джозеф Юм, Джордж Грот, Артур Робак, Чарлз Буллер, сэр Уильям Молсворт и, что важнее всего, Джон Стюарт Милль. В серии статей в *Вестминстерском обозрении* (начатой в 1824 г.) они положили начало политическому движению, призванному радикально перестроить английскую общественную жизнь.

Труды Бентама, посвященные санкциям (а также некоторые его теоретические положения), позволяют предположить, что индивидуальные интересы должны были быть «искусственно» согласованы благодаря предусмотренным законом санкциям. В то же время его вера в общую гармонию между интересами отдельных людей и общества предполагает, что эти интересы гармонизируются «спонтанно» (см. Halévy, 1903). Последователи политического учения Бентама, главным образом благодаря влиянию Джеймса Милля, преодолели противоречие этих двух концепций, решительно выступив в пользу последней. Программа философских радикалов основана на догматической вере в то, что сумма «просвещенных индивидуальных интересов» дает общий интерес как в экономике, так и в политике. И реформатор, опирающийся на науку, призван бороться с систематическими искажениями индивидуальных интересов, вина за которые лежит на «Короле и компании», т.е. монархе, аристократии и церкви.

В области экономики философские радикалы поддерживали «систему естественной свободы» и классическую экономическую программу, состоящую из конкуренции, минимального вмешательства государства, свободной торговли и устранения монополий. При верховенстве закона, необходимого для того, чтобы люди были уверены в личной безопасности, к производительному труду и рациональному преследованию собственных интересов человека будут побуждать естественные санкции в виде голода и стремление получить удовольствие. Мотивированные собственным интересом обмены вели бы в таком случае к созданию постоянно расширяющихся рынков и, в конечном счете, к максимально возможному удовлетворению человеческих желаний. Таким образом, принцип «пользы» оказывался связанным с экономической программой; однако понятие «ценность», центральная проблема экономической теории, не было прямо выражено в утилитаристских терминах.

Можно было бы утверждать, что утилитаристской политике изначально присуще демократическое и критическое измерение — в силу предпосылки о том, что каждый человек способен лучше всех судить о собственных интересах, и понимания того, что личная свобода необходима, чтобы осознать и формулировать «рациональные» интересы. Но демократическая логика философских радикалов, наиболее убедительно представленная в *Эссе о государственном управлении* (1820) Джеймса Милля, была привязана к исторической проблеме реформирования аристократического политического устройства Британии. Джеймс Милль утверждал, что государство есть по определению правление некоторой группы, более узкой, чем «народ». Однако власть искушает этих правителей их собственным величием таким образом, что это вступает в конфликт как с их собственными долгосрочными интересами, так и с долгосрочными интересами народа. Формируются корпоративные, или, в бентамовской терминологии, «дурные», интересы. Сдерживать это аристократическое разложение могут только институты представительной демократии. Философские радикалы настаивали на разрушении власти британской аристократической элиты путем просвещения избирателей, расширения избирательного права, частой смены парламента и тайного голосования. Эта разновидность радикализма отличалась от радикализма других демократов тем, что апеллировала к политической науке, а не к естественным или основанным на обычае правам англичан; а от радикализма либеральных вигов — внеисторическим и доктринерским взглядом на упомянутую «науку». После чрезвычайно напряженных, но безрезультатных дебатов периода Великой французской революции стремление апеллировать к рациональному арбитру в политике было очень сильным, особенно для маленькой, только зарождающейся британской интеллигенции. Приверженность радикалов нейтральному стандарту полезности имела сходство со взглядами определенных радикалов на континенте, которые пытались изгнать страхи Французской революции, отрекаясь от ее языка, но сохраняя сущность умеренного республиканства (Welch, 1984). В обоих случаях, однако, реформаторы переоценили привлекательность своей программы для среднего класса и недооценили возможность роста самосознания рабочего класса. В Англии философским радикалам никогда не удавалось добиться своей цели — фундаментального политического переустройства, хотя их идеологическое влияние явно оказалось значительно сильнее непосредственно политического.

ДЖ. С. МИЛЛЬ. Самым знаменитым приверженцем и одновременно самым выдающимся изменником философскому радикализму был Джон Стюарт Милль. Хотя последним «классическим» утилитаристом часто называли Генри Сиджвика, этого титула больше достоин Милль — в том смысле, что он был последним мыслителем, попытавшимся объединить утилитаристскую моральную и социальную теорию с развитой психологией и политической теорией. В области политики Милль в конечном счете пришел к тому, чтобы оспорить железную логику *Эссе* своего отца, не верить в существование тенденции к единообразию, которую он усматривал в демократии, и искать теорию противовесов и лидерства. В экономике он был одновременно последним значительным мыслителем классической традиции и жестким критиком существующего капитализма. Но, по его словам, в каждой работе он хотел изменить структуру своих убеждений, не отказываясь полностью от их основ.

Серьезное обсуждение моральных основ этих убеждений Милля можно найти в его книге *Утилитаризм* (1861). Эти рассуждения основываются довольно зловещим образом на «натуралистическом заблуждении», лежащем в основе работ Бентама и многих других моралистов XVIII в.; позиция Милля относительно нравственной ценности счастья основана на том «факте», что люди его желают:

«Что такой-то предмет желателен, — мы точно также не можем представить на то никакого другого доказательства, как только то, что его все желают... Что общее счастье желательно — на это может быть только одно доказательство: что каждый человек желает себе счастья, насколько считает его для себя достижимым» (Милль. С. 144).

«Желаемое» очевидно означает для Милля то, что «должно бы быть желаемым», а не просто «может быть желаемым». Следовательно, Милль не был чрезмерно озабочен психологическим гедонизмом Бентама, который он в целом разделял, или тем, как вывести этический гедонизм из его дескриптивной теории. Скорее, его беспокоило предположение, что эта психологическая теория подразумевала: 1) узкую, материалистическую трактовку удовольствия; 2) *эгоистический* гедонизм (т.е. понятие о том, что каждый человек должен максимизировать свое собственное удовольствие). По верной интуитивной догадке Милля, эгоистический гедонизм вовсе не был этической теорией. Чтобы решить первую из вышеупомянутых проблем, Милль предпринял свою печально известную попытку защиты тезиса о том, что удовольствие может быть качественно различным — попытку, которая только укрепила общее мнение об *Утилитаризме* как о собрании логических просчетов.

Ведь если существуют удовольствия высшего и низшего порядков, для их разграничения, как часто подчеркивали, явно должен существовать иной, отличный от удовольствия, критерий. Это противоречие между «пользой» («полезностью») и неким понятием «морального совершенства» присутствует в большинстве зрелых работ Милля и остается неразрешимым, оно появляется вновь при защите свободы и демократии. Чтобы отвести второе возражение, Милль осторожно и более определенно, чем его предшественники, заявляет, что утилитаризм — это система *этического* гедонизма, т.е. что критерием моральной оценки индивидуальных поступков является общее счастье, а не индивидуальный интерес. Трудность, конечно, состоит в том, как объяснить мотивы моральных поступков при психологической предпосылке о том, что люди действуют только ради удовлетворения собственных желаний. Милль, в отличие от Бентама, не склонен связывать решение этой проблемы с созданием таких условий, когда агент станет воспринимать общий интерес как свой собственный, он предлагает более изощренную (напоминающую Юма) теорию симпатии, или бескорыстного альтруизма, и его связи с чувством справедливости.

Сила философского радикализма, оказавшегося на идеологической арене (в то время, когда масштабные политические и индустриальные перемены нарушили существовавшие прежде формы социального взаимодействия), состояла в том, что он объединял психологию, экономику, моральную и политическую теории в убедительное целое. В этом можно убедиться, обратившись к истории интеллектуального развития Дж.С. Милля. Но вскоре этот синтез подвергся разрушению со стороны как его сторонников, так и критиков.

УТИЛИТАРИЗМ: ВЛИЯНИЕ И ПОПЫТКИ РЕКОНСТРУКЦИИ ДОКТРИНЫ

Если бы утилитаризм был лишь доктриной секты неудачных реформаторов XIX в., он едва ли представлял бы сейчас какой-то интерес. Но как пример разновидностей анализа, разновидности, которую часто считают в основе своей неверной, он служил и продолжает служить точкой отсчета в дискуссиях в области экономической, социальной и моральной теорий.

Утилитаризм и экономическая теория. Утилитаризм достиг очевидного успеха лишь в одной области, которая некогда относилась к моральным наукам, — а именно в экономической теории. Дей-

ствительно, идея экономики благосостояния, т.е. определения «функции благосостояния», является утилитаристской в том смысле, что она пытается измерить степень удовлетворения индивидуальных желаний и построить индексы, измеряющие полезность. Принцип убывающей предельной полезности, который потом, будучи применен при определении стоимости, решительно повернул эволюцию современной экономической теории, был четко сформулирован Бентамом применительно к деньгам (*Принципы гражданского законодательства*, 1802). Однако непосредственно указать на формулировки первых утилитаристов как на истоки маржинализма невозможно. Технические инновации Госсена, Джевонса, Менгера и Вальраса, похоже, проистекали, по крайней мере, отчасти, из большего внимания к рыночному положению потребителей. С тех пор постоянно усложняющаяся математическая сторона теории полезности породила многие инновации в данной области, по поводу которых велись бурные дискуссии.

Ранние маржиналисты, однако, продолжали думать о полезности в терминах приятных ощущений, связанных с потреблением блага. Они в целом отстаивали кардиналистский подход к измерению полезности; некоторые даже мечтали о «гедонаторе», который измерял бы ее. Важным теоретическим разрывом с классической традицией было то, что они расстались с представлением об удовольствии как о поддающемся измерению внутреннем свойстве товара в пользу теории выбора, основанной на возможности ранжированных индивидуальных предпочтений. Однако, хотя сейчас основная проблема экономики благосостояния ставится иначе — не как измерить полезность, а как ранжировать предпочтения, с фундаментальной точки зрения анализ все еще напоминает арифметику Бентама. Действительно, в той мере, в какой экономисты обращались к вопросу об интеллектуальном первенстве и родстве идей, они признали основополагающее влияние классических утилитаристов (см. Harsanyi, 1977). Вопрос, который должны задавать себе экономисты, склонные к философствованию, состоит в том, каковы границы подобного анализа. Продолжают существовать глубокие разногласия по поводу того, на какого рода вопросы может пролить свет утилитаристская теория общественного выбора, и насколько приемлемы с моральной точки зрения предлагаемые ею решения. Первый вопрос наиболее остро ставился социологами; второй — философами, занимающимися проблемами этики.

Утилитаризм и социология. Если гипотеза рационального экономического максимизатора была сохранена в экономической тео-

рии благодаря ее эвристическим возможностям при решении ряда эконометрических проблем, первые же «социологи» ее отвергали из-за ее эвристической слабости. С начала XIX в. теоретики общественных наук критиковали методологический «индивидуализм» за неспособность проникнуть в суть общественной жизни, поскольку эта точка зрения не признает важности общественных сил, а исходной точкой социального анализа считает индивидуальные желания, цели и притязания.

Социология была рождена проблемами, которые мыслители усмотрели в социальном порядке тех обществ, которые, по крайней мере, теоретически, сбросили оковы традиции. От Сен-Симона и Конта, затем Дюркгейма к Талкотту Парсонсу социологи выделили утилитаризм как доктрину, подчеркнута не способную пролить свет на подобные проблемы. С точки зрения этих мыслителей, утилитаризм представляет общество как множество конкурирующих эгоистов; такая трактовка, как считается, особенно подходит англоговорящему миру, и часто ее упрощенно и ошибочно приравнивают к либерализму. Согласно этой точке зрения, среди предшественников утилитаризма называют Гоббса, Локка и Смита, а его развитием считается эволюционный утилитаризм Спенсера и Мак-Дугалла. Критику Дюркгеймом Герберта Спенсера (в *Разделении труда*, 1893) можно считать парадигматической для социологической критики в целом.

Спенсера очень привлекали биологические аналогии, но, применяя их в социальном анализе, он разделял представление о том, что сознание существует лишь в индивидуальных «частях» общества. Он выработал строго утилитаристскую этическую теорию, которая описывала моральный идеал как индивидуальную погоню за долгосрочными удовольствиями (при этом индивид должен был сотрудничать с другими через взаимовыгодные обмены). Относительное преобладание такого поведения над поисками сиюминутного наслаждения отличает развитые общества от примитивных. Дюркгейм утверждал, что теория Спенсера, в частности, и социальная теория, основанная на индивидуализме вообще, не только неадекватны, но и концептуально непоследовательны, так как, пытаясь понять закономерности общественной жизни, они опираются на понятие обмена. Формализованный обмен имеет смысл только в контексте культуры, интернализовавшей определенный набор социальных норм. Талкотт Парсонс настойчиво обращается к этой теме в работе *О структуре общественного действия* (1937). Он утверждает, что любая теория, постулирующая «случайность целей», не может объяснить, каким образом в обществе эти цели

в конечном счете оказываются согласованными, — если только не прибегает к неявным предпосылкам, уловкам или *deus ex machina*. Такую функцию, по мнению Парсонса, у Гоббса выполняет Левиафан, у Локка — Бог и естественное право, у Смита — невидимая рука, у Спенсера — требования эволюции. Утилитаристская политика Бентама колеблется между Левиафаном и предпосылкой о естественной гармонии.

По мнению многих социологов, утилитаризм как предельное выражение индивидуалистской социальной теории фундаментально ошибочен, так как индивиды определяются, принимают форму и сталкиваются с ограничениями внутри социальных структур. Тем не менее реконструированный и упрощенный «утилитаризм» остается незаменимой точкой отсчета, от которой они отталкиваются, представляя и обосновывая достижения своей собственной дисциплины.

Утилитаризм и философия. Дебаты между утилитаристами и социологами — это противостояние между интенционалистской и структуралистской теориями действия, между той теорией, которая эвристически рассматривает индивидуальные предпочтения как случайные, и той, которая подчеркивает ограничения, определяющие эти предпочтения. Представитель моральной философии, который обращается к утилитаризму — либо как его защитник, либо как критик, рассматривает все в совершенно иной перспективе и задается другими вопросами, хотя философская критика иногда пересекается с социологической, особенно если речь идет о «коммунитаристской»¹ критике. В целом, однако, дебаты в моральной философии идут в рамках либерального «индивидуализма», в том смысле, что в центре этих дискуссий стоят проблемы индивидуального нравственного начала (*moral agency*)². Философы интересуются не тем, как мы можем понять устройство общества, а скорее, тем, как можно судить о правильности или неправильности поступка. Ответ утилитариста (он состоит в том, что посту-

¹ Коммунитаризм (*communitarism*) — социально-философское и идеологическое течение, сформировавшееся в 1990-е годы, лидером которого является американский ученый А. Этциони. Отличительная черта по сравнению с другими течениями состоит в стремлении соединить принцип индивидуализма (прежде всего как нравственный императив) с признанием целостности сообществ и их важности как рамок реализации и формирования индивидов. — *Прим. науч. ред.*

² *Moral agency* — способность человека выносить моральные суждения и вести себя в соответствии с требованиями морали. — *Прим. науч. ред.*

пок оценивается по его последствиям) можно взять за отправную точку как при анализе моральных суждений, так и при создании системы нормативной этики. Однако для философов утилитаристская традиция выглядит иначе, чем для социологов; вместо Гоббса она идет от Юма и Шефтсбери и приходит, скорее, к Сиджвику, Эджуорту и Муру, чем к Спенсеру. Современные философы опирались на эту традицию, чтобы получить все более тонко различающиеся версии утилитаризма и попытаться дать общий подход к тому, как формируются моральные оценки.

Большая часть литературы в этой области посвящена персональной этике. Однако социальное измерение — столь очевидное для философских радикалов, обращавшихся к понятию полезности при оценке социальных правил, институтов и политики, — всегда неявно присутствовало. Сегодня этот вопрос обсуждается в основном членами перекрывающихся между собой групп практически мыслящих философов и философски мыслящих специалистов по экономике благосостояния. В пользу утилитаристской теории социальной справедливости открыто выступали такие мыслители, как Р.М. Хэр, Дж.К. Смарт, П. Сингер и Дж. Харшаньи. Подобно классикам они обращались к пользе (полезности) как единственному разумному критерию справедливости в светском обществе.

Философский утилитаризм. Существует три отдельные, но взаимосвязанные проблемы, которые стали ключевыми в ходе эволюции утилитаристских этических теорий. Относительно первой, заключающейся в обосновании императивов пользы (полезности), между современными утилитаристами и, по крайней мере, частью их критиков возникло некоторое согласие. Вторая и третья — как определить, что такое хорошее последствие и как найти правильный способ оценки последствий, породили множество тонких различий во взглядах, которые способствовали дальнейшим дискуссиям.

Проблему обоснования в утилитаризме лучше всего рассматривать сквозь призму работы Генри Сиджвика (*Методы этики*, 1874). В отличие от Бентама или Дж. С. Милля, Сиджвик не основывал свой утилитаризм на психологической теории, согласно которой люди всегда действуют ради собственного блага. Действительно, он утверждает, что только желательные или приятные состояния сознания являются благом сами по себе, и что действие объективно хорошо только тогда, когда оно приносит больше блага, чем любая из доступных человеку альтернатив. Но он говорит об этих принципах как о нравственных императивах, неявно присутству-

ющих в морали, основанной на здравом смысле, а не как отражающих реальное поведение. Он полагал, что они порождены нашей нравственной интуицией, самоочевидной и не подлежащей дальнейшему анализу. Сиджвик сузил утилитаризм до теории нравственного выбора, теоретически отделимой от любой конкретной метафизической доктрины, психологической теории или политической и институциональной программы. Он дистанцировался не только от сенсуалистской психологии ранних радикалов, но и от их демократического реформизма. Это суженое поле все еще характерно для значительной части, хотя и не всей, современной утилитаристской теории. Однако аргументы, приводимые для объяснения того, почему мы должны принимать утилитаристские моральные предпосылки, со времени Сиджвика изменились. Хотя Сиджвик выявил проблему обоснования, осознав незаконность перехода от «есть» к «должно быть», его собственная теория нравственной интуиции оказалась чрезвычайно уязвимой.

Аналитическое движение в философии XX в. стремилось дискредитировать само понятие доказательства применительно к нормативной этике и отвергало «интуицию» как нечто туманное и произвольное. Тем не менее стремление аналитического философа выявить истинное значение этических понятий и типов этического мышления привело к тому, что получило распространение убеждение, что даже и при отсутствии эпистемологической определенности все равно возможно отделить доводы, хорошие с нравственной точки зрения от плохих, а ошибочные утверждения — от верных. Именно на этой основе (большая правдоподобность, или обоснованность) обычно строится защита принципа пользы. Исходя из ряда общих доводов, которые разделяют и другие (обычно это доброжелательность в самой общей форме), утилитарист надеется убедить других, что его этическая система ближе к истине, т.е. содержит меньше путаницы в понятиях и более стройная логически, чем нерелевантные моральные представления или какие-либо общие рассуждения о них. Поскольку некоторые критики стремятся работать с нравственными суждениями в соответствии с принятыми канонами рациональности, возникает общая почва для обсуждения утилитаристской точки зрения. *Теория справедливости* (1971) Джона Ролза в большой степени выстроилась в ходе спора с утилитаризмом на этой общей почве.

Вторая проблема, игравшая важную роль в дебатах в рамках утилитаристской этической традиции, заключается в том, как определять последствия тех или иных поступков. В «консеквенциалистской» этической теории объектом рациональной оценки являются

результаты поступка, а не его мотивы. Бентам, например, утверждал, что «нет ни одного рода мотива, который сам по себе дурен» (Бентам. С. 127). Классическое обсуждение этого вопроса мы встречаем в гедонизме; удовольствие — в узком или расширительном смысле — было желанной целью нравственного поступка. Дж.Э. Мур (*Принципы этики*, 1903), учитывая критические замечания, высказанные Дж.С. Миллем, предложил теорию «идеального» утилитаризма, который был бы консеквенциалистским, но не гедонистическим. Мур утверждал, что удовольствие есть лишь одно из многих желательных благ, в перечень которых он включал истину и красоту. Еще один ответ вытекает из попытки использовать суждение морали здравого смысла о том, что лучше облегчать страдание, чем приносить удовольствие. Отсюда возник так называемый «отрицательный» утилитаризм, приписываемый Карлу Попперу, согласно которому нравственный опыт связан исключительно с предотвращением вреда другим.

Многие современные мыслители думают, что проблема определения того, что такое добро, устраняется, если добро рассматривается в терминах максимизации «предпочтений». Главным здесь становится процесс выбора, а не то, что оказывается выбранным; «предмет ускользает». Несмотря на интуитивную привлекательность и очевидные методологические достоинства этого подхода, ограничения, накладываемые процессом «суммирующее ранжирование» и теорией рациональности, а также обычными эмпирическими предположениями о том, что *на самом деле* выбирают люди, все это неизбежно возвращает утилитаризм, основанный на идее выбора, к понятию максимизации «благополучия» или «интереса».

Наиболее важное различие в рамках современного утилитаризма — это различие между утилитаризмом «действия» и утилитаризмом «правила», или «неограниченным» и «ограниченным» утилитаризмом. Это различие связано с проблемой правильного механизма определения последствий. В современной формулировке проблема была впервые поставлена Р.Ф. Харродом (1936), но интуитивно эту разницу ощущали гораздо раньше, безусловно, классики, которых обычно причисляют к утилитаристам действия.

Утилитарист действия оценивает правильность поступка непосредственно по его последствиям, т.е. решает, что поступок А должен быть выбран, поскольку общее счастье, которое предположительно должно стать его следствием, больше, чем от любой доступной агенту альтернативы. Эту позицию критиковали с разных сторон (например, за то, что она приписывает агенту невероятную разборчивость), но самые серьезные возражения были связаны с

возможностью ситуации, когда поведение, которое следовало бы выбрать с точки зрения утилитаризма действия, входило бы в резкое противоречие с суждениями морали здравого смысла. Суть этих возражений показывают два примера, которые разделяют два столетия.

Утилитарист Уильям Годвин (1793) утверждал, что, столкнувшись с выбором между спасением своей матери из горящего здания и спасением великого человека, чьи труды с большей вероятностью принесли бы пользу человечеству, нужно было бы спасти великого человека и оставить мать в огне. Г.Дж. МакКлоски (1963), современный критик утилитаризма, предлагает свою версию известного примера, в котором затронута не личная, а общественная мораль. Шериф небольшого городка мог бы предотвратить серьезные общественные волнения (в которых наверняка погибли бы сотни людей), казнив невинного человека как козла отпущения. (Можно представить дело так, утверждает МакКлоски, что шериф уверен как в том, что его поступок никогда не раскроют, так и в том, что беспорядки произойдут.) Строгому утилитаристу пришлось бы признать, что в соответствии с его принципами нравственно верным выбором было бы убить невинного, или, по крайней мере, что такое решение теоретически возможно. В таком случае утилитаризм может заставить своего последователя совершать поступки, противоречащие с общепринятой точки зрения здравого смысла семейному долгу и справедливости. Чтобы избежать этого, многие предлагали различные версии утилитаризма правил.

Утилитарист правил оценивает правильность поступка, задавая себе вопрос: принес бы он хорошие последствия, если бы стал частью общей практики? Таким образом, непосредственно статус нравственных принципов придается общим правилам — вроде «обещания следует выполнять», косвенно — через их роль в долгосрочном увеличении полезности. Все утилитаристы признают косвенную полезность правил, подобных правилу «обещания надо выполнять», хотя бы в качестве быстрого способа (эвристического правила) оценки последствий. Бентам и Милль, например, отделяли непосредственный ущерб от ущерба второго порядка, который связан с нарушением закона. Однако отстоять позицию утилитаризма правила в общем виде оказалось нелегким делом. В одних случаях (например, когда общие правила противоречат друг другу) утилитаризм правила сводится к утилитаризму действия; в других он отклоняется от утилитаристской точки зрения, утверждая, что некоторые правила столь необходимы, что становятся благом сами по себе. Многие пытались закрепить на скользком склоне меж-

ду двумя этими возможностями, что породило существенный массив литературы.

КРИТИКА. Одно из направлений критики морального утилитаризма всегда было «техническим», т.е. было связано с невозможностью межличностного сравнения полезности. В 1879 г. ныне забытый профессор юриспруденции утверждал:

«Утилитаристская формула обманчиво кажется простой... она предполагает нереальную согласованность между всеми составляющими счастья и нереальную однородность чувствительности людей к различным страданиям и удовольствиям... Также невозможно сравнить телесные и духовные удовольствия и страдания между собой; ни один человек не способен с определенностью указать их относительную интенсивность даже для себя, не говоря уж обо всех своих братьях» (Cliffe Leslie, 1879, p. 45–46).

Идея о количественной измеримости полезности была важной для смелого проекта Бентама и всегда критиковалась на том основании, что удовольствия несоизмеримы. Экономическая теория общественного выбора, далекая от решения этих проблем, просто перевела их в другую плоскость. Многие версии этой теории сильно зависят от «системы кардинализации», почерпнутой из работ фон Неймана и Моргенштерна по принятию решений в условиях неопределенности. Тем не менее эти аргументы всегда воспринимались с большим скептицизмом (Georgescu-Rogen, 1954). Камнем преткновения является представление взаимозаменяемости удовольствий. Многие возразят, что альтруистические, или «общественные», предпочтения не могут быть линейно ранжированы. Еще одной постоянной проблемой является невозможность удовлетворительно решить проблему неравенства в распределении.

Еще одним направлением критики — связанным с предыдущим, но более фундаментальным — является обвинение утилитаристов в том, что они в корне неправильно понимают нравственный опыт. Если социологи озабочены ущербным представлением об обществе, которое несет в себе теория максимизирующих полезность индивидов, моральным философам не давали покоя упрощенная трактовка этих индивидов, упрощение и искажение нравственных суждений индивидов. Когда Фемистокл предложил сжечь корабли союзников, чтобы утвердить верховенство Афин, Аристид якобы ответил: «Этот проект был бы целесообразен, но он несправедлив». Фундаментальная догадка, что опыт и справедливость в некотором отношении качественно различны, лежит в

основе этой критической точки зрения. Критики XIX в. подчеркивали неспособность утилитаристов понять долг перед Богом и страной и, следовательно, подчеркивали добродетели «превосходства», «почтительности», «благородства» и «чести». Критики XX в. особо отмечали отсутствие понимания нравственного агента и обязанностей человека перед самим собой (отсюда упор на «целостность», «приверженность» и «самоуважение»). В обеих этих позициях неявно присутствует то, что психологические предпосылки, которые вынужден допускать утилитаризм, столь узки и неправдоподобны, что вся теория становится либо неадекватной, либо неизбежно разрушительной.

Наконец, существует проблема культурных и институциональных аспектов, возникающих в связи с тем, что утилитаризм принимается в качестве основания для критерия социальной справедливости. Утилитаризм в его практической направленности шел рука об руку со вполне определенной теорией политики. Однако эта связь между утилитаризмом и либеральной демократией была скорее исторической и случайной, нежели логической. Институциональные последствия утилитаристского выбора не обсуждались детально, но они породили множество страхов и сомнений среди его критиков. Один из подходов заключается в том, чтобы вновь обратиться к двусмысленности, содержащейся в бентамовской трактовке понятия интересов. С одной стороны, он рассматривал интересы как то, что есть. С другой стороны, он проводил различие между существующими интересами и «правильно понимаемыми» интересами. Оба подхода вызвали опасения по поводу институциональных последствий утилитаризма.

Многое говорит в пользу идеи дать людям то, чего они желают или «предпочитают»; она представляется и доброжелательной, и неагрессивной. И все же — на это давно указали представители общественных наук — какие у нас есть основания считать желания «заданными»? В дискуссиях об общественном выборе этот вопрос приобретал следующую формулировку: «Почему удовлетворение индивидуальных желаний должно быть критерием справедливости и правильного общественного выбора, когда сами эти желания испытывают воздействие со стороны процесса, который ведет к реализации этого выбора?» (Elster, 1982, p. 219). Когда используются существующие предпочтения — особенно при жестких заданных ограничениях на тип предпочтений, который может рассматриваться, — тем самым, возможно, предопределяются и некоторые результаты, людям навязывается мнение о том, что можно считать возможным в существующих условиях. Так, по крайней мере,

утверждают многие критики утилитаризма, видящие в нем услужливую попытку прямолинейной защиты *status quo*.

И все же концепция «правильно понимаемых интересов» (или аналогичных им «истинных предпочтений») вызывает вопрос об условиях, при которых эти интересы и предпочтения оказываются рациональными или верными. Одним из возникших образов — особенно в литературе по персональной нравственности — является рациональный утилитарист среди традиционных моралистов. Поскольку понятие функции общественной полезности, видимо, предполагает потребность в центральном планирующем органе — предпосылка, которая сама по себе часто оспаривалась с плюралистических позиций, — неявно присутствующий в данном образе «элитизм» часто порождал представление о манипулирующей элите или, в лучшем случае, о просвещенном диктаторе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Утилитаризм возник и продолжает развиваться благодаря тому, что религиозные представления, традиции, идеи естественного закона и естественных прав оказались окончательно дискредитированными в качестве критериев нравственного выбора в чуждом метафизике светском мире. Но этот факт постоянно оспаривался, и сегодня мы сталкиваемся с мощным натиском воскресших самых «дискредитированных» идей. Суть структуры общественной жизни вновь связывается с «контрактами», «правами» или «сообществами» теми (здесь можно назвать таких несхожих теоретиков, как Ролз, Ноузик, Макинтайр и Уолцер), кто утверждает, что иные интеллектуальные традиции способны лучше прояснить дилемму нравственной и общественной жизни. Те же самые теоретики в качестве прелюдии к разработке собственных представлений стремятся дискредитировать претензии утилитаризма. В самом деле, утилитаризму, очевидно, принадлежит особое место в эволюции современных общественных наук — не потому, что современные мыслители одержимы проблемой благосостояния, и не потому, что модель «науки» экономикс привлекательна в век науки, но потому, что утилитаризм пытается сохранять нейтралитет между соперничающими концепциями правильной жизни в плюралистическом и конкурентном мире. Поэтому для многих та или иная версия теории полезности становится объектом пристального внимания. И если в конечном счете она отвергается, это выглядит как «движение от» или «за пределы» утилитаризма (см. Sen and Williams, 1982). Утилитаризм добился парадоксального статуса; он занимает доминирующее положение на современном интеллектуальном небосклоне общественных наук не в силу собственной зна-

чимости, но потому, что потребовалось создать и вновь воссоздать его, чтобы очертить соответствующую предметную область. Его критики заявляют о том, что с нетерпением ждут дня, когда больше не услышат о нем (Smart and Williams, 1973, p. 150), а он продолжает жить как *alter ego* значительной части современных исследований морали и общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bentham, J. 1789. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Ed. J.H. Burns and H.L.A. Hart, London: Athlone Press, 1970. [Русск. пер.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.]
- Bentham, J. 1802. *Principles of the Civil Code*, Vol. 1. In *The Complete Works of Jeremy Bentham*, 11 vols, ed. J. Bowring. New York: Russell & Russell, 1962.
- Cliffe Leslie, T.E. 1879. *Essays in Political and Moral Philosophy*. London: Longmans, Green.
- Durkheim, E. 1893. *The Division of Labour in Society*. New York: Free Press, 1964. [Русск. пер.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.]
- Elster, J. 1982. Sour grapes — utilitarianism and the genesis of wants. In Sen and Williams (1982).
- Georgescu-Roegen, N. 1954. Choice, expectations, and measurability. *Quarterly Journal of Economics* 68, 503–534. Reprinted in N. Georgescu-Roegen, *Analytical Economics: Issues and Problems*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.
- Halévy, E. 1903. *The Growth of Philosophical Radicalism*. Trans. M. Morris, Boston: Beacon, 1960.
- Hamburger, J. 1965. *Intellectuals in Politics: John Stuart Mill and the Philosophical Radicals*. New Haven: Yale University Press.
- Harrod, R.F. 1936. Utilitarianism revised. *Mind* 45, 137–156.
- Harsanyi, J.C. 1977. Morality and the theory of rational behaviour. *Social Research*. Winter. Reprinted in Sen and Williams (1982).
- Hart, H.L.A. 1982. *Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Lyons, D. 1965. *Forms and Limits of Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press.
- McCloskey, H.J. 1963. A note on utilitarian punishment. *Mind* 72, 599.
- Mill, J.S. 1861. *Utilitarianism*. New York: Bobbs-Merrill, 1957. [Русск. пер.: Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Издание И.П. Перевозникова, 1900.]
- Mill, J.S. 1873. *Autobiography*. New York: Columbia University Press, 1944.
- Moore, G.E. 1903. *Principia Ethica*. Cambridge: Cambridge University Press. [Русск. пер.: Мур Д. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.]
- Parsons, T. 1937. *The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. Glencoe, Ill.: Free Press. [Русск. пер.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.]
- Plamenatz, J. 1970. *The English Utilitarians*. Oxford: Blackwell.
- Rawls, J. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. [Русск. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1996.]
- Ryan, A. 1974. *J.S. Mill*. London: Routledge; Boston: Routledge.
- Sen, A.K. 1970. *Collective Choice and Social Welfare*. San Francisco: Holden-Day.
- Sen, A.K. and Williams, B. 1982 (eds). *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sidgwick, H. 1874. *The Methods of Ethics*. 7th edn. London: Macmillan, 1907.
- Smart, J.J.C. and Williams, B. 1973. *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.
- Stephen, L. 1900. *The English Utilitarians*. 3 vols. New York: Peter Smith, 1950.
- Welch, C. 1984. *Liberty and Utility, the French Ideologues and the Transformation of Liberalism*. New York: Columbia University Press.

УТОПИИ

Грегори Клэйс

Utopias

Gregory Claeys

Слово «утопия» происходит от греческого, означающего «нигде». Утопия — это рассказ о воображаемом совершенном или идеальном обществе, которое с экономической точки зрения обычно является стационарным и в котором блага часто находятся в общей собственности. Многие из предлагавшихся социальных реформ включали пункты, вдохновленные утопиями, а большинство утопий явно или неявно призывали к социальным изменениям. Не существует единой традиции в жанре утопий, и потому нельзя четко выделить их место в истории экономической мысли. Однако, поскольку обеспечение выживания человечества было целью всех направлений нормативной экономической мысли, размышления о совершенных или гармоничных обществах, называемые утопическими, обычно претендовали на то, чтобы дать полный ответ на загадки, сформулированные экономистами. В современную эпоху утопические проекты стали широко использовать научные и технологические достижения как инструмент решения экономических проблем. В свою очередь, наиболее амбициозные планы по устранению экономических затруднений сами приобретали черты утопий (т.е. становились фантастическими или недостижимыми). Чтобы пролить свет на эту взаимосвязь, нужно отличать утопическую форму мышления от по крайней мере четырех родственных ей форм. Так, миллениаристы считали, что все социальные проблемы будут устранены божественным вмешательством, часто в форме Второго пришествия Христа, когда будет основано совершенное общество. В средневековой английской легенде о «стране Кокань» и подобных произведениях все формы ограниченности благ исчезают: желания остаются ограниченными, в то время как средства их удовлетворения увеличиваются без труда и потребляются без усилий. В повествованиях об «аркадиях» большой упор делается

на удовлетворение только «естественных» потребностей и важность духовной и эстетической сфер. В историях об «обществах безупречной морали» также предполагалась необходимость предварительных перемен в человеческой природе, особенно в том, что касается потребностей. Больше внимания также уделялось духовному возрождению как основе социальной гармонии.

Во всех видах идеальных обществ центральной является проблема человеческих потребностей и желаний. Авторы, работающие в утопической традиции, признавали существование основного противоречия между ограниченными ресурсами и ненасытными потребностями, но не надеялись на коренные изменения человеческой природы. Фаз (Fuz, 1952) выделил «утопии спасения» (utopias of escape), в которых исходной предпосылкой является изобилие, и «утопии осуществления» (utopias of realization), в которых исходной является редкость ресурсов. Большинство утопий пытаются справиться с основными социальными бедами (преступностью, бедностью, пороками, войнами и т.п.), которые происходят от человеческих слабостей, уделяя главное внимание наилучшей организации общественных институтов, не идеализируя природы (как в «стране Кокань») или человека (как в «обществах безупречной морали») и опираясь на результаты работы человеческого ума, а не на божественное провидение. В экономическом, как и в других аспектах, утопии стремятся скорее построить совершенную, полностью упорядоченную во всех деталях социальную модель, чем добиться временного или частичного решения сегодняшних проблем. В воображаемом всемогуществе и всеведении заключаются как привлекательность и полезность, так и опасность излишнего протекционизма, присущие утопическим схемам. Желая одновременно сохранить лучшее из прошлого и разработать идеальное будущее, авторы утопий сами часто давали образцы, по которым судили об адекватности настоящего и его экстраполяции в будущее (особенно в области научно-технического развития).

С течением времени экономический аспект утопий сместился от ограничения потребностей и обобществления благ, которые должны были разрешить проблемы, связанные с производством и распределением, к большему упору на производительные силы, создаваемые развитием науки, технологии и новых форм экономической организации. Борьба с «неестественными» потребностями потеряла свою важность. В этом смысле история утопической мысли отражает историю экономики и историю экономической мысли в той мере, в какой последняя обосновывала возможность удовлетворения возрастающих потребностей на

основе развития науки и техники. Когда в XVIII в. либеральное течение политической экономии отказалось от идеализации государственного регулирования и связало надежду на преодоление ограниченности ресурсов с развитием рынка, утопизм также переключил акценты с воспитания добродетели на создание изобилия, часто в сочетании с централизованным планированием и централизованной организацией экономики. Технология, как предполагалось, уменьшит количество необходимого обществу труда без сопутствующего сокращения потребностей. Во многих современных утопиях неизбежность глубокого разделения труда была вытеснена идеей о чередующихся формах более интересного и творческого труда. Современный утопизм одновременно опирается на многообещающее развитие технологий и критикует формы общественной организации, не способные использовать этот потенциал или обуздать его вредные проявления. Не удовлетворяясь разработкой образа идеальных возможностей, современный утопизм более занят проблемой осуществления проектов идеальных обществ.

Хотя возраст утопического жанра обычно отсчитывают с даты публикации *Утопии* Томаса Мора (1516), идея об обобществлении благ как средстве борьбы с экономическими неурядицами гораздо старше. Важным предшественником было *Государство* Платона (примерно 360 г. до н.э.), где общей была лишь собственность правящих «хранителей», что преследовало цель предотвратить возможность конфликта между частными и общественными интересами. В конце II в.н.э. Плутарх написал свое жизнеописание мифического спартанского законодателя Ликурга, который покончил с жадностью, роскошью и неравенством, разделив поровну земли, заменив золото и серебро в обороте железом и введя различные законы, регулирующие потребление населением предметов роскоши. Хотя Платоновский коммунизм еще подвергся критике Аристотелем, идея об общественной собственности на блага как идеале сохранилась в раннехристианскую эпоху. Древнейший образ мифического Золотого века, где текут реки из молока и меда, появившийся у Гесиода (750 г. до н.э.), Овидия и в рассказах об «Островах Блаженных», вдохновленных стоиками, в христианскую эпоху превратился в образ рая, Эдемского сада, и было повсеместно признано, что возникновение частной собственности могло быть только результатом грехопадения и изгнания Адама и Евы из рая. В какой-то мере общественная собственность существовала у иудаистской секты ессеев, среди последователей раннего христианства, как и в последующих монашеских движениях, и позднее ве-

лись серьезные споры о том, хотели ли апостолы сохранить ее для себя или распространить на всех людей. Правда, уже ранняя христианская церковь оправдывала частную собственность тем, что она обеспечивала мир, порядок и экономическую эффективность. Однако благотворительность, и особенно помощь бедным в пору нужды, считалась неотъемлемым долгом, сопутствующим частной собственности на Земле, которая была сотворена Богом так, чтобы прокормить всех.

Такова была традиция, которую опрокинул Томас Мор, вдохновляясь, с одной стороны, Платоном, а с другой, возможно, потенциалом Нового Света. Мор воскресил идею светского социального усовершенствования и выразил ее в новом фантастическом образе. В это и более позднее время быстрые экономические перемены в Британии были причиной того, что утопические произведения возникали по преимуществу здесь. Несомненно, разгневанный влиянием «огораживаний» на бедных, Мор даровал утопийцам не только равенство, но и изобилие, шестичасовой рабочий день (и более достойную работу, чем в древних утопиях); каждые десять лет дома переходили из рук в руки, а горожане менялись местами с сельскими жителями еще чаще. На общественных рынках все блага были бесплатными, а в общественных больницах выхаживали больных. Баланс между зажиточными и неимущими внутри страны обеспечивался с помощью перераспределения; кроме того, избыток частично отдавался беднякам других стран, а частично продавался по умеренным ценам. Железо ценилось больше, чем золото или серебро, а драгоценные камни и жемчужины приравнивались к детским игрушкам. Потребности четко фиксировались на уровне минимального комфорта. С победой над боязнью нужды жадность была практически изжита, а пышность и излишества, порожденные тщеславием, запрещались законом.

Середина XVI в. ознаменовалась многими попытками радикальных протестантов возродить предположительно имевший место коммунизм раннего христианства (например, анабаптизм Петра Райдмана), существенным сдвигом в сторону борьбы с роскошью в нескольких протестантских сектах. Предпочтение сельскохозяйственных занятий и враждебность к роскоши характеризуют большинство утопий Ренессанса, например *Вольфартию* Йохана Гюнцберга (1621), *Христианополь* Андре (1619), в котором играла определенную роль цеховая модель, *Город Солнца* Кампанеллы (1623), в котором впервые за всю историю утопий отменен труд рабов, и *Анатомию Меланхолии* Роберта Бёртона, содержащую нападки на жадность, национальный план использования земли, управление

экономическими ресурсами усилиями чиновников, создание общественных житниц и оплату услуг докторов и юристов государством. В *Новой Атлантиде* Фрэнсиса Бэкона (1627) экономической организации уделялось меньше внимания, чем обоснованию диктатуры ученых. Именно здесь впервые появилось новое отношение к технологии, которое не раз повторялось в последующих утопиях. Бэкон также обратил внимание на угрозу общественному порядку со стороны различных вводимых новшеств, в то время как *Нова Солима* (*Nova Solyma*) Самуэля Готта (1648) была более нетерпима к роскоши и расточительности. Среди английских утопий периода гражданской войны особо выделяются две. Работа *Платформа Закона свободы* Джерарда Уинстенли (1652) развила требования диггеров передать общинные земли беднякам, описав механизм общественного землевладения, в котором права на землю имели все занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью в возрасте до 40 лет. Общественные хранилища предоставляли нужные блага нуждающимся в них, а купля благ, их продажа и использование наемного труда внутри страны запрещались. Золото и серебро использовались исключительно для внешней торговли. Более известной была *Океания* (*Oceana*) Джеймса Харрингтона (1656), которая популяризировала идею принятия сельскохозяйственных законов, предотвращающих господство аристократии, и с той же целью вводила ограничения на размер приданого и наследства.

Конец XVII в. ознаменовался избытком утопий благосостояния или полной занятости в Британии (Франция увидит подобный расцвет жанра только в следующем веке). В то время планы практических социальных реформ и утопические проекты были не так уж далеки друг от друга. Тогда же мы наблюдаем переход от идеи ограничения спроса и удовлетворения исключительно естественных потребностей к концепции максимизации производства при полной занятости людских и материальных ресурсов с минимизацией потерь. (Эти же цели до некоторой степени преследовались и основным течением меркантилизма.) Эти цели ставятся, например, в *Описании знаменитого королевства Макарии* (1641), где большая часть законодательства связана с регулированием производства; в *Защитнике Бедняка* Питера Чемберлена (1649), который содержал описание механизма общественных работ для бедных под управлением государственных чиновников; *Способе сделать бедняков в этой и других странах счастливыми* Питера Плокхоя (1659), где предлагалось переселение лучших ремесленников, земледельцев и торговцев в специальные общины, и *Предложениях по организации промышленной коллегии* Джона Беллера

(1695), где богатые должны были помогать основывать общины, в которых в дальнейшем должны были жить бедняки, сами обеспечивая себя. В таких проектах способы решения экономических проблем описывались на уровне отдельных общин и общественных слоев, а не применительно ко всей стране или ко всем беднякам. Дж.С. Дэвис (Davis, 1981) предположил, что это было выражением возрастающего недоверия к способности государства решить проблему бедности, и действительно, Закон о престолонаследии 1662 г. переложил это бремя с центрального правительства на отдельные приходы.

Период с 1700 по 1900 гг. отмечен не только расцветом утопических идей, но и возрастающим переплетением практических экономических мер и утопических предписаний. Тогда же обобществление благ перестало быть неперенным элементом утопических идей в отношении собственности и либеральный взгляд на выгоды частной собственности сам был выражен в утопической форме. Это повлекло за собой соединение утопического мышления и идеи прогресса, хотя они, как правило, считаются противоречащими друг другу. В современном социализме и классической политэкономии потребности считаются практически неограниченными и социальная гармония во многом зависит от их удовлетворения. Превознесение *Номо оeconomicus* началось с *Робинзона Крузо* Даниэля Дефо (1719) и стало наиболее восторженным в декларациях Ричарда Кобдена и Джона Брайта в середине XIX в. о неизбежном воцарении всеобщего мира после распространения свободной торговли на все страны. Одним из первых серьезных вызовов этой идее было признание Джоном Стюартом Миллем после 1850 г. желательности стационарной экономики, в которой отсутствуют перемены. Многие утопии XVIII в. были посвящены идее прогресса (например, *Год 2440* Мерсье (1770) и *Эскиз исторической картины развития человеческого разума* Кондорсэ (1794)). В других утопиях критика коммерческого общества имела различные формы: мягкой сатиры Свифта в *Путешествиях Гулливера* (1726), где гуингнмы отличались презрением к самоцветам и распределяли произведенный продукт в соответствии с потребностями, или более острой критики цивилизации в *Рассуждении о происхождении неравенства* Руссо (1755). Подобного рода критика легла в основу современного коммунизма, которую заложили Рейналь, Мерсье, Мабли, Морелли, Бабеф, а в Британии Спенс и Годвин. Для многих из них имела некоторое значение спартанская модель и в роскоши виделась основная причина притеснения рабочего класса, равно как и общего падения нравов.

Хотя весь жанр утопий был до основания потрясен пессимистическим прогнозом Мальтуса в его *Опыте о законе народонаселения* (1798), первая половина XIX в. ознаменовалась возникновением многочисленных маленьких «утопическо-социалистических» общин, стремящихся воплотить утопические идеи на практике. Эти общины могли быть как коммунистическими (Роберт Оуэн, Этьен Кабе), так и полукапиталистическими (Шарль Фурье). Другие планы сосредоточивались на состоянии всей нации и благотворительном развитии массового производства (Сен-Симон). Утопии такого рода стали доминировать, когда потенциальная роль машин в создании нового рога изобилия стала очевидной. (Некоторое разочарование в этих взглядах произошло позже, например в *Новостях ниоткуда* Вильяма Морриса (1890), где предпочтение отдавалось деревенским и ремесленным добродетелям.) Значительно больше внимания в начале XIX в. стало уделяться (например, Оуэном и Фурье) отрицательным сторонам чрезмерной специализации и преимуществам постоянной перемены занятий. В середине века с работами Маркса и Энгельса связано появление наиболее радикальных взглядов. Их идеи могут рассматриваться как утопические в той мере, в какой они излишне оптимистично оценивали свойства человеческой природы, технологию и социальное устройство будущего общества, в котором частная собственность и отчуждение должны быть преодолены. В последние два десятилетия века, по крайней мере в Британии и Америке, мы наблюдаем почти непрерывный поток утопий плановой экономики, наиболее известными из которых являются *Взгляд назад* Эдварда Беллами (1887), где планировались отмена денег, равная заработная плата и кредит для всех, а также промышленная трудовая армия, *Путешественник из Альтрурии* У.Д. Хауэлса (1894) и *Современная утопия* Г.Дж. Уэллса (1905), в которой была предпринята попытка увязать идеи прогресса с образом идеального будущего, экономика которого была скорее смешанной, чем плановой.

В XX в. утопизм дрогнул перед лицом некоторых последствий эпохи модерна и гораздо большее распространение получили антиутопии. В самой знаменитой из них — *1984* Джорджа Оруэлла (1948) — критиковались как капиталистическая агрессия и неравенство, так и коммунистический деспотизм, а центральной темой работы было предотвращение пользования выгодами массового производства со стороны большинства через намеренное уничтожение предметов потребления в войне. Более сатирическим отношением к гедонистической утопии отличается *Прекрасный новый мир* Олдоса Хаксли (1932), хотя его более поздний *Остров*

(1962) является позитивной утопией, которая критикует духовную нищету материалистической цивилизации. Популярный утопизм конца XX в. включал несколько научно-фантастических работ, либертарианские размышления Мюррея Ротбарда и Роберта Нозика (*Анархия, государство и утопия*, 1974) и стационарный энвайронментализм *Экотопии* Эрнеста Калленбаха (1975). С прогрессом используемой техники и развитием государства благосостояния оптимистически развивавшие эту тему утопии сошли на нет. Пресыщенным товарами людям некоторые привлекательные стороны потребительского рая уже не казались столь неотразимыми. Технологический детерминизм, казалось, делал неактуальным выбор формы экономической организации общества. Две мировые войны и призрак ядерной катастрофы подорвали веру в возможность усовершенствования человека, а полувековой эксперимент с коммунистическим центральным планированием, в свою очередь, серьезно дискредитировал последнее как вернейший путь к моральному и экономическому усовершенствованию общества. «Рост» также не является более безоговорочно принимаемым идеалом, даже среди тех, кто еще не испробовал его на себе. Тем не менее, значение утопий для экономической мысли не уменьшилось, поскольку они освещают важные аспекты истории экономических учений и идей (особенно в области благосостояния и планирования), а также позволяют совершать воображаемые прыжки в возможное будущее, в которое мыслители, более склонные к позитивизму и эмпиризму, заходить боялись. Если «прогресс» может быть осуществлен без «роста», то эта идея, скорее всего, впервые найдет отражение в форме очередной утопии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adams, R.P. 1949. The social responsibilities of science in *Utopia, New Atlantis* and after. *Journal of the History of Ideas* 10, 374–98.
- Armstrong, W.H.G. 1984. Utopias: the technological and educational dimension. In *Utopias*, ed. P. Alexander and R. Gill, London: Duckworth.
- Boguslaw, R. 1965. *The New Utopians: A Study of System Design and Social Change*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bowman, S. 1973. Utopian views of man and the machine. *Studies in the Literary Imagination* 6, 105–20.
- Claeys, G. 1986. Industrialism and hedonism in Orwell's literary and political development. *Albion* 18.

- Claeys, G. 1987. *Machinery, Money and the Millennium. From Moral Economy to Socialism*. Oxford: Polity Press.
- Dautry, J. 1961. Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des Utopies. *Annales Historiques de la Révolution Française* 33, 215–33.
- Davis, J.C. 1981. *Utopia and the Ideal Society. A Study of English Utopian Writing 1516–1700*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Eurich, N. 1967. *Science in Utopia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Farr, J. 1983. Technology in the Digger Utopia. In *Dissent and Affirmation: Essays in Honor of Mulford Sibley*, ed. A.L. Kalleberg, J.D. Moon and D. Sabia, Bowling Green: Bowling Green University Popular Press.
- Flory, C.R. 1967. *Economic Criticism in American Fiction, 1792 to 1900*. New York: Russell & Russell.
- Fogg, W.L. 1975. Technology and dystopia. In *Utopia/Dystopia?*, ed. P.E. Richter, Cambridge, Mass.: Schenkman.
- Fuz, J.K. 1952. *Welfare Economics in English Utopias from Francis Bacon to Adam Smith*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Gelbart, N. 1978. Science in French Enlightenment Utopias. *Proceedings of the Western Society for French History* 6, 120–28.
- Goodwin, B. 1984. Economic and social innovation in Utopia. In *Utopias*, ed. P. Alexander and R. Gill, London: Duckworth.
- Gusfield, J. 1971. Economic development as a modern Utopia. In *Aware of Utopia*, ed. D.W. Plath, Urbana: University of Illinois Press.
- Hall, A.R. 1972. Science, technology and utopia in the seventeenth century. In *Science and Society 1600–1900*, ed. P. Mathias, Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Hont, I. and Ignatieff, M. 1983. Needs and justice in the *Wealth of Nations*: an introductory essay. In *Wealth and Virtue: the Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*, ed. I. Hont and M. Ignatieff, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hudson, W. 1946. Economic and social thought of Gerrard Winstanley: was he a seventeenth-century marxist? *Journal of Modern History* 18, 1–21.
- Hymer, S. 1971. Robinson Crusoe and the secret of primitive accumulation. *Monthly Review* 23, 11–36.
- King, I.E. 1983. Utopian or scientific? A reconsideration of the Ricardian Socialists. *History of Political Economy* 15, 345–73.
- Klassen, P.J. 1964. *The Economics of Anabaptism 1525–60*. The Hague: Mouton.
- Krieger, R. 1980. The economics of Utopia. In *Utopias: the American Experience*, ed. G.B. Moment and O.F. Kraushaar, London: Scarecrow Press.
- Landa, L. 1943. Swift's economic views and Mercantilism. *English Literary History* 10, 310–35.
- Leiss, W. 1970. Utopia and technology: reflections on the conquest of nature. *International Social Science Journal* 22, 576–88.
- Levitas, R. 1984. Need, nature and nowhere. In *Utopias*, ed. P. Alexander and R. Gill, London: Duckworth.
- MacDonald, W. 1946. Communism in Eden? *New Scholasticism* 20, 101–25.
- MacKenzie, D. 1984. Marx and the machine. *Technology and Culture* 25, 473–502.
- Manuel, F.E. and Manuel, P.P. 1979. *Utopian Thought in the Western World*. Oxford: Basil Blackwell; Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Mumford, L. 1967. Utopia, the city and the machine. In *Utopias and Utopian Thought*, ed. F.E. Manuel, Boston: Beacon Press.
- Novak, M. 1976. *Economics and the Fiction of Daniel Defoe*. New York: Russell & Russell.
- Perrot, J.-C. 1982. Despotische Verkunft und ökonomische Utopie. In *Utopieforschung. Interdisziplinäre Studien zur neuzeitlichen Utopie*, ed. W. Vosskamp, Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Pocock, J.G.A. 1980. The mobility of property and the rise of eighteenth-century sociology. In *Theories of Property, Aristotle to the Present*, ed. A. Parel and T. Flanagan, Waterloo: Wilfred Laurier University Press.
- Sargent, L.T. 1981. Capitalist Utopias in America. In *America as Utopia*, ed. K.M. Roemer, New York: Burt Franklin.
- Schlaeger, J. 1982. Die Robinsonade als frühbürgerliche 'Eutopia'. In *Utopieforschung. Interdisziplinäre Studien zur neuzeitlichen Utopie*, ed. W. Vosskamp, Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Schoeck, R.J. 1956. More, Plutarch, and King Agis: Spartan history and the meaning of *Utopia*. *Philological Quarterly* 35, 366–75.
- Segal, H. 1985. *Technological Utopianism in American Culture*. Chicago: Chicago University Press.
- Sibley, M.Q. 1973. Utopian thought and technology. *American Journal of Political Science* 17, 255–81.
- Soper, K. 1981. *On Human Needs: Open and Closed Theories in Marxist Perspectives*. London: Harvester Press.
- Springborg, P. 1981. *The Problem of Human Needs and the Critique of Civilisation*. London: George Allen & Unwin.

- Steintrager, J. 1969. Plato and More's *Utopia*. *Social Research* 36, 357–72.
- Taylor, W.F. 1942. *The Economic Novel in America*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Thompson, N.W. 1985. *The People's Science. The Popular Political Economy of Exploitation and Crisis, 1816–34*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Welles, C.B. 1948. The economic background of Plato's communism. *Journal of Economic History* 8, 101–14.

ОБ АВТОРАХ

(сведения на момент написания статей)

Армен А. Алчиан (1914) — почетный профессор экономики, Университет Калифорнии (Лос-Анжелес).

Патрик С. Атия — в прошлом профессор английского права, Оксфордский университет, член Британской академии.

Джеймс М. Бьюкенен — руководитель Центра по изучению общественного выбора, Университет Джорджа Мейсона (штат Виржиния). Лауреат Нобелевской премии (1896).

Грегори Клэйс — профессор истории политической мысли, ф-т истории, Университет Лондона.

Ральф Дарендорф — директор Колледжа Святого Антония, Оксфорд. Кавалер ордена Британской империи, член Британской академии.

Роберт С. Дауни — профессор моральной философии, университет Глазго. Член Королевского общества Эдинбурга.

Дэвид Д. Фридмен — член ф-та Дж.М. Улина Школы права Чикагского университета.

Роджер У. Гаррисон — адъюнкт-профессор, университет Оберна, Алабама.

Ян де В. Граафф — почетный член Колледжа Святого Джона, Кембридж.

Росс Харрисон — преподаватель философии, член Королевского колледжа, Кембридж.

Роберт Ф. Эбер — профессор в области исследования предпринимательства, Университет Оберна, Алабама.

Альберт О. Хиршман — почетный профессор социальных наук Института современных исследований, почетный член Американской Ассоциации, член Национальной академии наук, член-корреспондент Британской академии.

Израэль М. Кирцнер — профессор экономики Университета Нью-Йорка.

К.Б. Макферсон (1911–1987) — почетный профессор политических наук, Университет Торонто.

Питер Маршалл — преподаватель философии, Университетский колледж Северного Уэллса.

Мюррэй Милгейт — адъюнкт-профессор экономики, Гарвардский университет.

Дэвид Г. Монро — профессор экономики, университет Монаша (Австралия).

Мансур Олсон (1932–1998) — почетный профессор экономики, Университет Мэриленда.

Алан Пикок — исполнительный директор Института Давида Юма, Эдинбург.

Николас Филлипсон — старший преподаватель истории, Эдинбургский университет, член Королевского исторического общества.

Джон К. Робертсон — преподаватель современной истории, Колледж Святого Хьюго, Оксфорд.

Натан Розенберг — профессор публичной политики, Стэнфордский университет, член Национальной академии наук, директор Центра исследований экономической политики (Стэнфорд), член Совета директоров Национального бюро экономических исследований, член Американской академии гуманитарных и естественных наук, Американской академии содействия развитию науки.

Эйген Ротвейн — профессор экономики, Королевский колледж, Городской университет Нью-Йорка.

Алан Райан — профессор политологии, Принстонский университет, член Британской академии наук.

Нигель Э. Симмондс — преподаватель права, руководитель исследований в области права, Колледж Тела Христа, Кембридж.

Эндрю Скиннер — профессор и секретарь совета Университета Глазго, член Королевского общества Эдинбурга.

Карен Вон — профессор экономики университета Джорджа Мейсона.

Черил Б. Уэлч — преподаватель в области социальных исследований, Гарвардский университет.

Джордж Вудкок — почетный профессор английского языка, Университет Британской Колумбии, член Королевского географического общества.

Стефано Замани — профессор экономики, университета Болоньи.